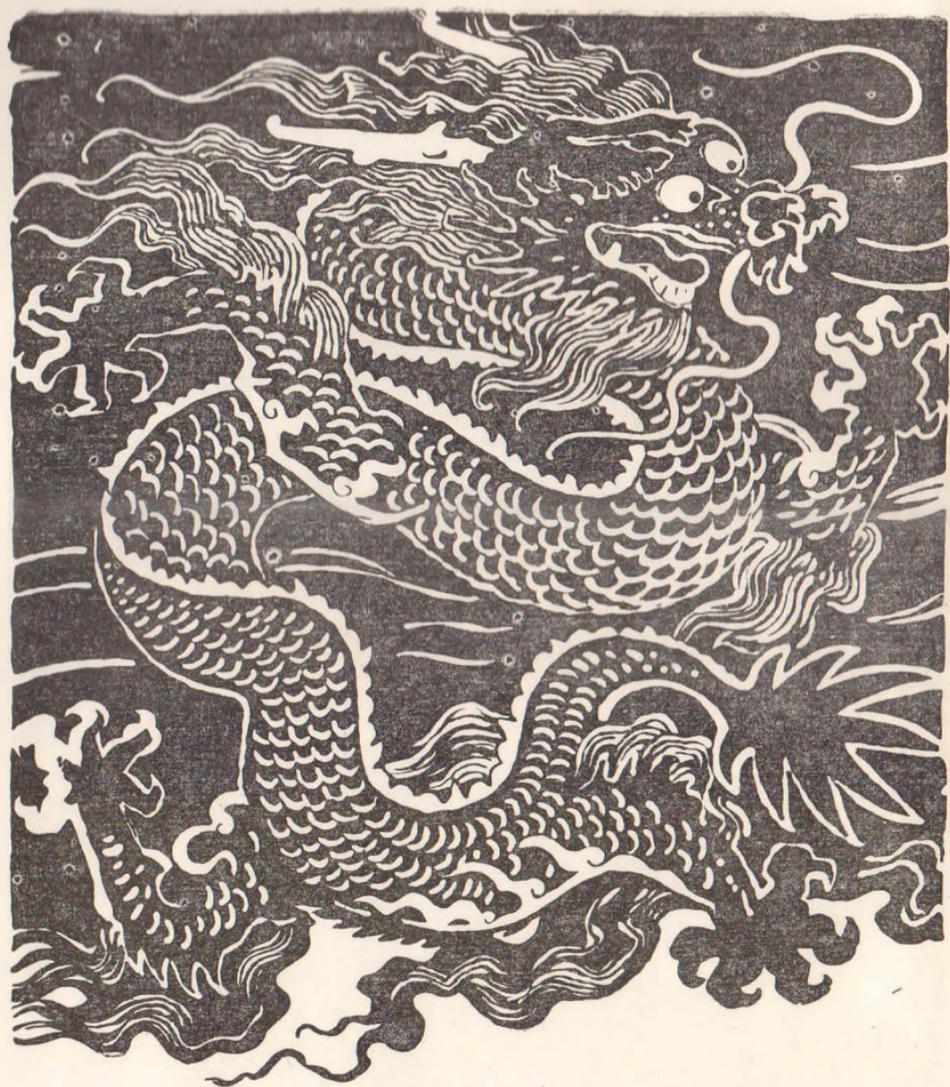

172
Глаза

Пракона

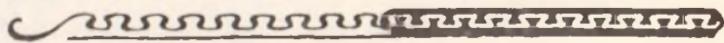

Глаза
дракона

легенды
и
сказки

НАРОДОВ
КИТАЯ

Издательство
иностранный
литература

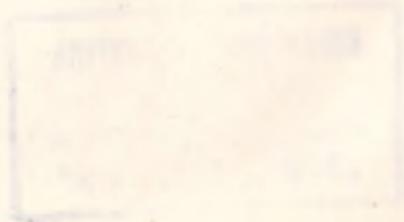
Москва 1959

Перевод с китайского
и примечания
ЛИН ЛИН и П. УСТИНА

Редактор
М. ЛОЖЕЧКО

Оформление художника
В. ВАКИДИНА

1956

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В огромном культурном наследии многонационального Китая одно из первых мест занимает народное творчество.

Неиссякаемым источником народной мудрости являются многочисленные мифы, легенды, предания и сказки более чем пятидесяти народностей, населяющих Китай. Яркие по форме, разнообразные по содержанию, они воплотили в себе многовековую борьбу китайцев, уйгуров, монголов, мяо, ли, тай и других национальностей против злых сил природы, их стремление к свету, добру, счастливой и свободной жизни, ненависть к поработителям и любовь к Родине.

До образования Китайской Народной Республики большинство национальных меньшинств Китая влачило нищенское бесправное существование, испытывало жестокий феодальный гнет и пребывало в состоянии крайней экономической и культурной отсталости, у многих из них не было даже собственной письменности. С победой народной революции национальные меньшинства обрели подлинную свободу и получили возможность экономического, политического и культурного развития. За прошедшее десятилетие они добились замечательных успехов в строительстве новой жизни и уверенно идут по пути, указанному Коммунистической партией Китая.

С помощью Народного правительства ученые Китая провели большую работу по собиранию и упорядочению народного творчества национальных меньшинств, что сделало это творчество достоянием всего многомиллионного китайского народа.

Настоящий сборник ставит своей целью познакомить советского читателя с наиболее значительными и популярными произведениями устного творчества собственно китайцев — ханьцев и более двадцати национальных меньшинств, входящих в великую братскую семью народов Китайской Народной Республики.

Сборник разбит на четыре раздела. В основу деления положено единство жанра и тематики, а не национальный признак. Поэтому после названий легенд и сказок, кроме собственно китайских, указаны национальные меньшинства, к творчеству которых они относятся.

При составлении сборника были использованы главным образом журнал «Миньцзянь вэньсюэ» («Фольклор») и некоторые другие китайские издания последних лет. Сборник иллюстрирован рисунками китайских художников.

КАК НЮЙ-ВА ПОЧИНИЛА НЕБО

Однажды бог воды — жестокий и властный Гун Гун затеял драку с богом огня Чжу Юном, таким же жестоким и таким же властным. Много дней продолжалась их драка, наводя на всех ужас. В конце концов Чжу Юн победил Гун Гуна. И вот Гун Гун с досады от своего поражения ударился головой о гору Бучжоушань. А на горе той был столб, подпиравший северо-западный угол неба. И столб этот сломался. Только потому не рухнуло небо, что оно поддерживалось не одним, а четырьмя столбами, и люди на земле не погибли. Но на небе образовалась большая дыра, и северо-западный угол его наклонился. А на земле появились трещины, и из них стал извергаться огонь. В лесах начались пожары, реки вышли из берегов. Звери в ужасе разбежались. Земля стала адом.

Увидев, что небо и земля рушатся, а людям грозит гибель, богиня Нюй-ва * решила починить небо. Она собрала множество разноцветных камней, растопила их на огне и замазала дыру на небе. Затем она собрала тростник, сожгла его и засыпала пеплом водные пространства. Наводнение прекратилось, и люди остались живы.

Хотя Нюй-ва и починила небо, но оно уже потеряло свою прежнюю форму и накренилось на северо-запад. И туда, на северо-запад, движутся теперь и

солнце, и луна, и звезды. А на земле от сотрясения опустился ее юго-восточный край, поэтому реки теперь текут на юго-восток.

СКАЗАНИЕ О ХОУ И

В те далекие времена, когда Поднебесной * правил Яо *, на небе появилось сразу десять солнц, и на земле наступила засуха.

Десять солнц были сыновьями Си Хэ *. Они жили на востоке в огромном пруду Тангу. Каждый день они купались в этом пруду, и поэтому вода в нем круглый год была горячая. В центре пруда Тангу росло большое дерево «фусан» высотой в несколько тысяч чжанов ¹, толщиной — больше чем в тысячу обхватов. Ночью все десять солнц спали на этом дереве. Днем же девять солнц купались и играли в пруду, а одно солнце работало. По приказу бога неба каждое солнце по очереди раз в десять дней выходило в мир, чтобы дать людям свет и тепло.

А мир был прекрасен! На земле возвышались огромные горные хребты, текли бурливые реки, росли густые леса, свежей травой зеленели луга... И солнцам было приятней летать над землей, чем купаться в пруду Тангу. Но каждое солнце могло побывать на земле лишь раз в десять дней.

И вот однажды приказ бога неба был нарушен: все десять солнц сразу вышли из Тангу в человеческий мир. На землю упали обжигающие лучи. Сгорели посевы, высохли реки, люди попрятались в пещерах...

Правитель земли Яо просил солнца покинуть мир, ведь при такой жаре люди не могут жить. Но солнца не захотели возвращаться в пруд Тангу, и все десять разгуливали по небу. Тогда Яо обратился за помощью к богу неба. Тот, узнав, что солнца нарушили приказ, сильно рассердился. Он позвал богатыря Хоу И и сказал:

¹ Ч ж а н — мера длины, равная 3,3 метра.— Здесь и далее примечания переводчиков.

— Сыновья Си Хэ нарушили мой приказ, и это приносит много зла. Люди гибнут. Вот тебе красный лук и десять стрел, накажи ослушников.

Богатырь спустился на землю, натянул лук и выпустил стрелу. Она со свистом полетела и попала в одно из солнц. Огненный шар упал. Остальные девять солнц поняли, что дело плохо, и попытались спрятаться. Но стрелы Хоу И летели одна за другой, и одно за другим падали солнца. Когда Хоу И вытащил из колчана последнюю стрелу, Яо остановил его:

— Люди не могут жить без солнца. Когда солнц слишком много, это плохо. А теперь осталось только одно, и сбивать его не надо.

Хоу И спрятал стрелу. Девять солнц умерли. А то, которое осталось на небе, страшно напугалось и даже побледнело. На земле сразу же стало прохладней, люди вышли из пещер и со всех концов земли восторженно кричали: «Да здравствует богатырь! Тысячу лет жизни Хоу И!»

Богатырь должен был вернуться на небо, но люди его не отпускали. Ведь он спас людей от гибели, и они просили его повеселиться с ними. Да и после засухи жизнь на земле была еще очень тяжелой и без богатыря нельзя было обойтись. Хоу И согласился остаться на земле.

Засуха прекратилась. Но начал разбойничать бог воды Хэ Бо. В виде белого дракона он разгуливал по земле, и там, куда он приходил, начиналось наводнение: затоплялись поля, размывались дома, тонули люди... Правитель Яо попросил Хоу И снова помочь людям.

Хоу И пришел на берег реки, и как раз в это время Хэ Бо превратился в белого дракона. Поднялся ветер, огромные волны обрушивались на землю. Богатырь натянул лук и пустил стрелу в левый глаз дракона. Раненый Хэ Бо свернул свой хвост и скрылся на дно реки. Вскоре Хэ Бо обратился с жалобой к богу неба:

— О властелин неба, накажите Хоу И, прикажите убить его! Он несправедлив. Я живу в реке и в его дела не вмешиваюсь, а он стрелой выбил мне левый глаз.

Но бог неба только выбрал Хэ Бо:

— Ты же ведь бог и должен приносить людям добро. А ты разгуливаешь белым драконом, губишь людей. Хоу И наказал тебя справедливо.

Пришлось Хэ Бо вернуться ни с чем, и больше он никогда не осмеливался вести себя безрассудно.

Хоу И жилось на земле хорошо. Люди поклонялись ему, чтили его. А он не щадил себя в борьбе со злом. Часто уходил он в леса, в горы и охотился на диких зверей. В те времена звери были очень опасны,

они часто нападали на людей. А большие хищные птицы и огромные змеи наводили на людей ужас. Например, птица «дафын» — когда она летела, то крыльями загораживала половину неба, а взмахи ее крыльев поднимали ураган, вырывавший с корнями деревья и сносивший сотни домов. У озера Дунтинху жила змея — такая огромная, что могла проглотить слона. Нападал на людей и кабан из Тутовой роши. Но Хоу И не боялся: он стрелял из лука без промаха, и стрелы его быстро летели одна за другой. Зверь не успевал и пошевелинуться, как его настигала стрела.

Долго жил на земле Хоу И. Он женился на красавице Чан Э, и они вместе ежедневно охотились в горах. Жили они так счастливо, что вскоре Хоу И даже забыл, что он должен вернуться на небо.

День за днем пролетели три года. Бог неба приказал Хоу И покинуть землю. Горько заплакала Чан Э, да и богатырю тяжело было уходить от нее.

Сильно рассердился бог неба, когда узнал, что Хоу И женился и не хочет возвращаться. Он отнял у Хоу И право жить на небе. Но это не испугало богатыря — на земле он чувствовал себя вполне счастливым. Он полюбил горы, реки, леса, полюбил простых людей, он очень любил свою красавицу жену.

Но жизнь на земле не вечна. Семьдесят-восемьдесят лет — и человек умирает. И вот однажды Хоу И сказал жене:

— Когда я жил на небе, то слышал, что на западе, в горах Куэньлунь живет Сиванму *. У нее есть эликсир бессмертия. Хорошо бы нам достать его!

Чан Э обрадовалась, собрала мужа в дорогу, и на следующее утро богатырь ушел за эликсиром бессмертия, взяв с собой лук и стрелы. Дойти до Сиванму не так-то легко. Нужно перейти не одну высокую гору, пробираться через большие леса. И на пути к Куэньлуню лежат два непреодолимых препятствия: река Жошуй и гора Хояньшань. Даже самое легкое гусиное перышко не могло удержаться на поверхности реки Жошуй, о переправе же на лодке не могло быть и речи. А к горе Хояньшань и подойти было невоз-

можно — вся она объята огнем. Но Хоу И был умен и храбр, он преодолел все препятствия.

Через полгода богатырь вернулся домой с эликсиром бессмертия. Отдавая эликсир Чан Э, он сказал:

— Если проглотить половину этого эликсира — будешь жить вечно. Если съесть все — попадешь на небо. Мы с тобой проглотим по половине, и оба будем жить вечно и всегда вместе. Большого и желать нечего. А пока спрячь эликсир, выберем счастливый день — тогда и съедим.

Чан Э спрятала эликсир под одеждой, поближе к телу.

У Хоу И были ученики, он обучал их стрельбе из лука. Самым способным учеником был Фын Мын. Но это был заносчивый и завистливый человек. Он мечтал, что после смерти учителя станет первым стрелком. И вот Фын Мын узнал, что Хоу И был у Сиванму и привез эликсир бессмертия. В сердце его загорелась зависть.

Однажды, когда Хоу И был на охоте, Фын Мын тайком пробрался в его дом. Увидев Чан Э, он натянул лук, направил на нее стрелу и потребовал:

— Отдай эликсир, который привез твой муж от Сиванму! Не то — спущу стрелу.

Чан Э побледнела и еле вымолвила:

— Разве ты не ученик моего мужа? Ты как...

— Я давно перестал считать его учителем. Я не дожжусь, когда он умрет. Неужели я должен всю жизнь быть только вторым стрелком из лука! — Фын Мын улыбнулся жестоко и холодно, а затем злобно закричал: — Давай быстрее!

Чан Э подумала: «Эликсир достал мой муж, как же отдать его такому бессердечному человеку? Нет!» Незаметно от Фын Мына она достала эликсир, быстро проглотила его и выбежала во двор.

Тут Чан Э почувствовала, что поднимается вверх, будто летит на легком белом облаке. Она очутилась на луне. И когда прекрасная женщина поселилась в холодном лунном дворце, свет луны стал теплее и мягче.

Хоу И вернулся с охоты домой, узнал о случив-

шемся и опечалился. Богатырь поднял свой взор на луну, и слезы полились по его лицу. Никогда уже больше не увидит он свою Чан Э! И тут он вспомнил о Фын Мыне и затрясся от гнева. Он взял свой лук и стрелы и пошел искать Фын Мына.

КОСТЕР НА СОЛНЦЕ

(Миф народности чжуан)

В старину солнечные лучи не доходили до тех мест, где мы живем. Днем у нас было так же темно и холодно, как и ночью. Во мраке бродили хищные звери: тигры, барсы, шакалы и волки. И сколько людей они погубили — не перечесть! Ведь во тьме ночной уничтожить хищников трудно.

Но люди народа чжуан знали, что где-то на небе есть солнце, что приходит оно с востока и что вся жизнь на земле зависит от него. Вот потому-то и собрался однажды народ чжуан, чтобы выбрать ходока и послать его к солнцу за помощью.

Первым вызвался идти старик лет шестидесяти:

— Я все равно уже стар. Здесь я вам плохой помощник, а ходить еще могу. Так вот меня и пошлите.

— Послать надо меня, — возразил высоченный человек. — Я здоровый и сильный. За день прохожу сто шестьдесят ли!¹ До солнца я быстро доберусь.

— Нет! Нет! — закричал звонким голоском десятилетний мальчик. — Нельзя посылать стариков, нельзя посылать старших братьев и старших сестер. Солнце от нас далеко, до него и за пятьдесят лет не дойти. Идти придется, может быть, и девяносто лет. А я маленький, так позвольте лучше мне пойти! Так-то надежнее.

Тут все разом заговорили:

— Дело мальчик говорит!

— Вот какой молодец!

¹ Ли — мера длины, равная примерно 0,5 километра.

— В самом деле, лучше послать маленького!

— Вот так умница!

Но тут послышался голос:

— Погодите, погодите!

Размахивая руками, вперед вышла Малэ — молодая женщина, готовившаяся стать матерью. Все смолкли, слушая Малэ.

— Мальчик правильно говорит. Солнце очень далеко. До него и за девяносто лет не дойти. Так лучше я пойду: я здоровая и сильная. Мне под силу и высокие горы, не боюсь я ни хищных зверей, ни ядовитых змей. А если я не дойду, так мой ребенок продолжит путь.

Все захлопали в ладоши и тут же решили собрать в дорогу ее. И наказали ей люди: как дойдет она до солнца, зажечь на нем костер. Так народ узнает, что их посланец прибыл на солнце.

Малэ отправилась в дальний путь. Шла она прямо на восток. Через восемь месяцев у нее родился сын, но она продолжала идти. Малэ и ее сын шли очень долго — семьдесят лет. Прошли они через тысячи гор и рек, встречали в пути тысячи страшных змей и хищных зверей, перенесли много страданий, не раз их жизнь висела на волоске. И вот у Малэ ноги стали тяжелыми, она их едва передвигала. Как-кая-то семья приютила ее, а сын пошел к солнцу один.

Люди народа чжуан каждое утро смотрели на восток — когда же загорится костер? Но проходили дни и годы, миновали десятки лет, а костра все не было. Все думали, что Малэ умерла в дороге, и уж больше никто не надеялся увидеть солнце.

И вдруг в последний день сотого года в той стороне, куда сто лет назад ушла Малэ, поднялось красное солнце. Оно осветило землю народа чжуан. Хищные звери, которые свирепствовали в стране многие тысячи лет, были уничтожены.

С тех пор каждое утро, когда алеет восток, люди народа чжуан в память Малэ и ее сына отправляются в поле на работу. А домой они возвращаются вечером, когда небо на западе покрывается алым занавесом.

ПОЧЕМУ СОЛНЦЕ ВОСХОДИТ ПОСЛЕ ПЕНИЯ ПЕТУХОВ

(Миф народности хани)

В древности на небе было девять солнц, и земля была горячей, как раскаленный металл. На ней не росли ни трава, ни деревья, гибли посевы. Людям жилось очень трудно. И вот как-то раз собрались они и, нахмутив брови, начали обсуждать, как дать отпор девяти солнцам. Один умный человек сказал:

— Если бы можно было накрыть солнца большими корзинами, они не жгли бы так сильно.

Этот способ был хорош, но где раздобыть такие большие корзины? Если даже удастся такие корзины достать, как их повесить на небо!? Посоветались люди и отвергли этот план.

Другой умный человек предложил:

— Я думаю, все мы должны укрыться в погребках, тогда солнца нам будут не страшны.

Этот способ тоже был неплох, однако если все попрячутся в погреба и никто не будет работать на поле, то нечего будет есть. Посоветались люди, отвергли и этот план.

Так бы люди ничего и не придумали, если бы кто-то не предложил:

— Всем известен Опубула! Он силач и метко стреляет из лука. Давайте попросим его расстрелять девять солнц!

— Правильно, правильно! — закричали люди и сразу же выбрали ходока, который пошел с просьбой к Опубуле.

Опубула жил высоко в горах, в большой пещере. Тело у него было могучее, как ствол столетнего дерева, и он всегда ходил по пояс голым. Волосы на его голове были, как горный тростник, брови — густые и черные, а глаза — огромные.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Опубула, выслушав посланца. — Это серьезное дело, его нелегко выполнить. Но раз уж об этом просят все, я постреляю.

Опубула не спеша достал свой громадный лук, положил на тетиву длинную стрелу и выпустил ее

065961

в небо. Тотчас же одну за другой послал он в небо еще семь стрел. С неба скатились восемь солнц. А девятое, поняв, что дело плохо, быстро укрылось за горы.

Увидев, что солнца расстреляны, люди радовались и веселились. А небо между тем потемнело, и на земле стало холодно. Ведь на небе не осталось ни одного солнца. И посевы без солнца перестали расти.

Опять собрались люди и стали обсуждать, как быть?

— Мы можем счастливо жить лишь после того, как вызовем из-за гор спрятавшееся солнце, — сказал один.

— Кого же пошлешь за ним? — возразили ему.

— Человека посылать нельзя. Лучше всего послать птицу, у которой красивый голос.

Но многие птицы хорошо поют: иволга, жаворонок, соловей... У какой же самый красивый голос?

Люди позвали иволгу. Она считала себя лучшей в мире певичей и сразу согласилась сделать то, о чем ее просили. Повернув голову в сторону гор, иволга гордо запела. Но солнце не захотело выходить.

Тогда люди попросили жаворонка. Он также считал себя лучшим певцом и гордо запел, обратившись к горам. Но солнце опять не захотело выйти.

Тогда люди пригласили соловья. Тот также считал себя лучшим певцом в мире. Он гордо пропел, но солнце все равно не появилось.

И наконец люди вспомнили про цветастого, пестрого большого петуха. Хотя петух и не певец, но это — храбрая птица, да и голос у него неплохой. Тут же было решено просить его.

Петух пришел и скромно согласился. Среди птиц у него было много друзей, и все они предложили ему помочь петь. Он захлопал крыльями, поднял голову, вытянул шею в сторону гор и высоким голосом прокукарекал. Солнце услышало его голос. Петух прокукарекал еще раз. И показалось солнцу, что голос этот хотя и не красив, но в нем чувствуется честность и искренность. Дрогнуло солнце, ему захотелось выйти из-за гор, но страх его еще не прошел. Петух прокукарекал в третий раз. От натуги у него даже

гребешок покраснел. И тут запели мелодичными голосами все его друзья, сидевшие на ветках деревьев.

Поверило солнце петуху. Показалось солнцу, что этот голос не угрожает ему ничем плохим и, если оно выглянет, ничего не случится. Выглянуло солнце из-за гор. Его лучи снова залили мир, снова стало тепло. С этих пор солнце восходит только после того, как трижды пропоет петух.

ТАЙЯН И ЮЭЛЯН

(Миф народа шуйцзя)

Жила некогда бедная крестьянская девушка Тайян. Она была умна и красива. Многие юноши любили ее, но она выбрала Юэляна — юношу из соседней деревни. Юэлян тоже любил Тайян, но, как и она, был беден и не мог заслать к ней сватов.

А родители Тайян пообещали отдать ее в жены всемогущему, коварному и злому чародею Лая. Узнали об этом Тайян и Юэлян и опечалились. Пошли они к пруду, сели на камень и заплакали. А камень вдруг заговорил:

— Что вас тревожит, молодые люди?

— О камень, камень! Если ты добрый, помоги нам, научи, как поступить.

— Приходите сюда в Праздник середины осени * до восхода, помогу, — ответил камень.

А дома у Тайян готовились к свадьбе, злой Лая торопил. Девушка упросила родителей отложить свадьбу до осени. Вот настал и этот праздник. Лая и все его родственники приехали в дом невесты еще до рассвета, уж очень нетерпелось Лая получить красивую Тайян в жены. Много хитростей придумала девушка прежде, чем удалось ей ускользнуть из дома. Побежала она к пруду, к заветному камню, а там уже дожидался ее Юэлян. Но Лая и его родственники, учуяв неладное, волчьей стаей бросились за ней. Подбежали они к пруду и увидели Тайян.

Она стояла на камне рядом с Юэляном. Протянул Лая руку, чтобы схватить Тайян, а она вдруг исчезла, исчез куда-то и Юэлян.

Тогда Лая и его родственники хотели сжечь камень, но он вдруг раскололся, и из него вырвался сноп огня — до самого неба.

Превратились Тайян и Юэлян в лебедей и улетели на небо. Но всесильный чародей Лая своим колдовством вернул их на землю и решил все же заставить девушку выйти за него замуж.

— Умру, а женой твоей не буду, — сказала ему Тайян.

Рассердился чародей, придумал для влюбленных наказание: выбросил их с земли на небо, на разные звезды. Девушка оказалась на холодной звезде, а юноша — на горячей; но потом чародей сжалился над девушкой и, чтоб она не дрожала от холода, перевел ее на горячую звезду, а юношу — на холодную.

Но влюбленным и горя было мало: летали они по небу, разговаривали, смеялись, не сводили глаз друг с друга.

Рассвирепел коварный Лая, взял да и разлучил звезды: одну заставил восходить днем, другую — ночью, чтобы они никогда не встречались и не видели друг друга.

С тех пор Тайян — Солнце гуляет по небу днем, а Юэлян — Луна — ночью.

ЯНДЫ И ЯНСАН

(Предание народности тай)

В далекие времена народом тай правил наместник Небесного владыки. У того наместника родились два сына: старший — рябой Янды и младший — красавец Янсан. Когда их отец умер, правителем стал Янды. Каждый год в Праздник закрытых дверей* он отправлялся на небо в гости к Небесному владыке. Он оставался там не меньше трех месяцев, а иногда и по полугоду не возвращался на землю. Он совсем

не думал о страданиях народа, не заботился о его благополучии, но зато умел выжимать из народа налоги. Если на страну нападали враги, он прятался на небе и ждал, когда народ объединится и прогонит их. Люди не любили Янды.

И вот однажды разразилась война. На этот раз она длилась особенно долго. Правитель Янды укрылся на небе, и пришлось его брату Янсану вести народ на кровопролитную борьбу с чужеземцами. В конце концов враг был разбит, и народ выбрал своим правителем Янсана. Но Янсан отказался:

— Сейчас мне нельзя стать правителем, брат еще вернется на землю.

— Ничего! Ему нравится жить на небе, пусть он там и остается! Нам он уже не нужен.

— Так нельзя, — возразил Янсан, — он приведет небесное войско.

— Мы не боимся! Лишь бы правителем нашим был ты. Никакой враг нам не страшен.

И Янсан стал правителем народа тай. Вскоре Янды вернулся на землю, но народ прогнал его обратно на небо. Тогда разгневанный Янды привел небесное войско, и началась война. И полдня не провоевал Янды, как попал в плен к народу тай, а войско его было разгромлено. Трупы небесных воинов превратились в комаров, мух и пиявок. Народ сжег Янды на костре. Умерев, Янды превратился в солнце. Поэтому каждый год в конце лета появляется много комаров и мух, а солнце печет нещадно. Даже после своей смерти Янды мстит народу. В годы правления Янсана народ снимал с полей богатые урожаи, в реках и озерах не переводились рыбы и креветки. Жизнь людей день ото дня становилась лучше, а враги не осмеливались нападать на народ тай.

Но вскоре Янсан заболел и умер. Глубокая скорбь охватила всех: мужчин и женщин, стариков и детей. В день похорон каждый принес цветок и посадил его на могиле Янсана. После смерти Янсан превратился в луну, а цветы с его могилы — в звезды. Поэтому вечером, когда появляется луна, вместе с ней на небе вспыхивают звезды.

Янсан был хорошим правителем, поэтому лунный свет приносит людям по вечерам освежающую прохладу.

ПОЧЕМУ ХОЛОДНО, КОГДА ВЕТЕР ДУЕТ С СЕВЕРО-ЗАПАДА

Когда Паньгу* создавал небо и землю, стояла теплая, весенняя погода. Но вдруг на северо-западе упал кусок неба. Небесная река потекла вниз, на землю. Равнины залило водой на три чи¹, нельзя было сеять, да и домов не стало. Люди жили на деревьях, а некоторые переселились в горы. Жалкую жизнь влачили люди, но все-таки не умерли с голоду. Они ловили рыбу и ели ее. А рыбы было столько, сколько саранчи в засушливом году, так как саранча превратилась в рыбу.

Но вот спустился на землю бог неба. Он собрал со всего света камни и сложил из них на северо-западе большую гору. Но небо было слишком высоко, и гора не доставала до него. Тогда бог неба напустил холодный ветер, и вода Небесной реки, стекавшая по той горе, мгновенно замерзла. Льда становилось все больше и больше, гора поднималась все выше и выше и, наконец, соединилась с небом и заткнула на нем дыру. Уже потом люди называли ту гору Тяньшанем — Небесной горой. На Тяньшане круглый год лежит снег, и поэтому, как только подует северо-западный ветер, у нас становится холодно.

ЗУБЫ ДРАКОНА

(Миф народности мяо)

Давным-давно жили в ущелье муж и жена. Прожили всю жизнь вместе, а ни сына, ни дочери у них не было. И часто говорили они со вздохом:

— Год за годом ходим работать на склон горы, а

¹ Чи — мера длины, равная 0,33 метра.

радость и горе приходится нам делить только на двоих.

Однажды старики вскапывали кукурузное поле. Старик вспомнил, что у них нет детей, и заплакал. Вытирая слезы на глазах, он прошептал:

— Ой, как грустно без детей!

Старуха услышала эти слова и тоже заплакала. Села на землю, прислонилась головой к мотыге и, закрыв лицо руками, зарыдала. Вдруг с вершины горы с грохотом скатился большой круглый камень, упал на край кукурузного поля и рассыпался. Из камня вывалился белый комок ваты, и послышался детский плач. Старик пошел на край поля, разорвал вату и увидел беленького толстенького мальчика, размахивающего ручонками и дрыгающего ножками.

— Иди сюда! — закричал он старухе. — Здесь ребенок!

Старуха вытерла слезы, подбежала, взяла ребенка на руки и запричитала:

— Небо послало нам ребенка! Небо послало нам ребенка! Есть теперь у нас сынок!

На радость старикам рос мальчик не по дням, а по часам. У него были толстые ручки, крепкие ножки, круглая головка и широкая грудь. Однажды старик предложил:

— Назовем-ка мы его Саном¹. Ведь мальчик-то растет богатырем!

Когда Сан стал крепким и сильным юношей, он начал охотиться в горах и возделывать пашню. И жили они втроем спокойно и весело.

В то время в Южных горах жил большой дракон, а в Северном море жил его брат — тоже дракон. Однажды дракон Северного моря прилетел в гости к своему младшему брату. Около пещеры, где жил младший дракон, росло большое персиковое дерево, и было на нем девять ярко-красных персиков. Братья решили съесть их. Младший дракон сказал:

— Дерево растет у моей пещеры, поэтому я съем пять персиков.

¹ Сан на языке мяо означает «богатырь», «герой».

Но старший дракон возразил:

— Ты моложе меня. Пять персиков должен съесть старший, а младший — четыре.

Заспорили братья, и разгорелась между ними драка. Они бились головами, ударяли друг друга хвостами, гонялись друг за другом от Южных гор до Северного моря, от Северного моря до Южных гор. А море волновалось, и по нему ходили громадные волны. А горы колыхались, и с них летели камни. В пылу драки драконы поднялись вверх, и головы их стукнулись о небо. Кожа на драконьих головах лопнула, брызнула во все стороны алая кровь, полетела чешуя. А на небе появилась трещина. Старший дракон ослабел от раны, опустился на дно Северного моря и заснул. Младший дракон, шатаясь, уполз в свою пещеру, свернулся кольцом и тоже заснул.

А Сан со своими стариками жил как раз в том месте, над которым столкнулись драконы с небом. Трещина на небе доставляла людям много неприятностей. Летом из нее, словно водопад, лился на землю дождь. Зимой — сыпался град, крупный, как булыжник. Он ломал деревья, разрушал дома, убивал скот. Люди прятались в пещерах и боялись оттуда выйти. И в пещерах беспрерывно раздавались плач и причитания:

— Ай-ай! Холодно! Ай-ай! Голодно!

Сану было очень жаль свой народ и своих стариков родителей, и он то и дело спрашивал:

— Ну как, как заделать трещину на небе?

И вот однажды старик отец рассказал ему:

— Давно я слышал, что далеко-далеко отсюда есть высокая-высокая гора Лайлуншань. На отвесном склоне этой горы растет большое камфарное дерево, а на нем — большое птичье гнездо. В гнезде живет волшебник-старец с зеленой бородой. Сходи к нему. Может быть, он и посоветует что-нибудь. Но помни, склон горы такой крутой и скользкий, что вскарабкаться по нему невозможно. Каждое утро старец расчесывает свою зеленую бороду, борода такая длинная, что спускается по склону до самого подножия. Так ты хватайся за бороду и лезь по ней.

— Ради своего народа я пойду куда угодно, —

ответил Сан. — Я найду этого старца с зеленой бородой! Но как же проживете вы, если я уйду?..

Старик перебил его:

— О нас не беспокойся. Ты должен помочь всем. А о нас тут позаботятся.

— Да, да, — подтвердила старуха. — Ради других ты должен пойти.

Сан поднял голову, расправил плечи и твердым шагом отправился в путь. Он шел, несмотря ни на снег, ни на дождь. Шел днем, шел ночью, ел дикие плоды, пил ключевую воду. Он переправился через девяносто девять рек, перевалил девяносто девять хребтов. И наконец достиг горы Лайлуаншань.

На середине гладкого отвесного склона росло тысячелетнее камфарное дерево. На дереве — большое птичье гнездо. Кругом безмолвие, ничто не шелочнется. Сан лег на траву у подножия горы и заснул.

На утро проснулся и слышит — из птичьего гнезда доносится спокойная, радостная песня. В песне этой расхваливается жизнь старца в гнезде и его длинная борода. И вскоре из птичьего гнезда свесилась, точно большая миана, длинная зеленая борода. Сан подбежал, ухватился за нее и полез вверх. Когда Сан уже был на полпути, старец высунул голову из гнезда и сказал:

— Сынок! Не поднимайся выше. Гнездо ведь очень высоко, тебе все равно не добраться сюда. Если тебе что нужно, так говори оттуда!

Сан перестал взбираться и изложил свою просьбу:

— На небе трещина, из трещины непрерывно льет дождь и сыпется снег. Люди в беде! Посоветуй, как залатать трещину на небе.

Старец с зеленой бородой ответил:

— На вершине горы Улюшань живет старый медведь. У него три дочери, все они умеют латать небесные трещины. Вот ты и попроси у старого медведя одну из его дочерей в жены. Возьми-ка вот пару зеленых сандалий. Если он не согласится, надень эти сандалии и топай изо всех сил у подножия той горы. Он тотчас согласится. Ступай, сынок!

Старец бросил вниз соломенные сандалии. Сан спустился по бороде, надел сандалии и пошел прямо

к горе Улюшань. На вершине горы, под самыми облаками, еле видна была желтая фанза¹. Склоны горы были такими крутыми, что даже муравей с трудом взобрался бы на них. Сан подошел к горе и затопал ногами, приговаривая:

— Зеленые соломенные сандалии у меня на ногах. Я топаю у подножия горы Улюшань. Старый медведь, слушай меня! Отдай мне в жены одну из дочерей!

На вершине горы топот Сана отдавался раскатами грома. С горы закричали:

— Не топай! Не топай!

И вот с вершины спустилась длинная-предлинная зеленая лиана. На конце ее медленно распустился перед Саном большой красный цветок. В цветке оказалась девушка в зеленом платье. Голова ее была повязана зеленым платком. Она сидела верхом на зеленом олене, а в руках у нее был олененок. Девушка сердито сказала:

— Не смей топтать ногами. Я пойду за тебя. Я — старшая дочь медведя, и зовут меня Зеленой Девой.

Сан спросил:

— А захочешь ли ты, Зеленая Дева, заделать трещину на небе? Надо людям помочь в беде.

Девушка посмотрела на небо, скривила губы и ответила:

— Ох! Заделать трещину на небе? Это очень хлопотно! Нет, я хочу только есть, пить, играть и петь песни.

Сан покачал головой.

— Мне такая жена не нужна. Возвращайся-ка обратно. Пусть пришлют другую.

Он приподнял цветок и подбросил его вверх. Цветок вместе с девушкой полетел на вершину горы.

Долго ждал Сан, но на вершине горы не было никакого движения. Он снова затопал ногами. Однако старый медведь уже успел привыкнуть к этому шуму и не обращал на него никакого внимания. Долго топал Сан, но на вершине горы Улюшань никто не

¹ Фанза — китайский домик.

подавал голоса. Он решил снова идти к горе Лайлуншань и спросить совета у старца с зеленой бородой.

Опять переночевал он у подножия горы Лайлуншань. А на утро, как и в прошлый раз, в гнезде раздалась песня, и из него спустилась к подножию горы зеленая борода. Сан схватился за бороду и стал подниматься вверх. Когда он был на половине пути к гнезду, старец высунул голову и спросил:

— Что тебе нужно, сынок?

Сан рассказал о том, что произошло. Старец с зеленой бородой бросил вниз пару синих рукавиц и объяснил:

— Надень эти рукавицы и раскачай гору Улюшань. Проси у старого медведя другую дочь в жены.

Сан спустился с бороды, натянул рукавицы и пошел обратно. Подойдя к горе Улюшань, он начал ее раскачивать и кричать:

— На руках у меня синие рукавицы! Я раскачиваю гору Улюшань! Старый медведь, слушай меня! Отдай мне в жены другую дочь!

Гора Улюшань от раскачивания начала скрипеть. Старый медведь на ее вершине громко закричал:

— Не качай! Не качай!

И на этот раз с вершины спустилась длинная-предлинная лиана с красным цветком на конце. Цветок медленно распустился перед Саном, и в нем оказалась девушка в синем платье. Голова у нее была повязана синей косынкой. Сидела она верхом на синем буйволе и держала в руках теленка. Девушка сердито сказала:

— Не смей качать гору. Я пойду за тебя. Я — средняя дочь старого медведя, и зовут меня Синей Девой.

Сан спросил ее:

— А согласна ли ты, Синяя Дева, заделать трещину на небе? Помоги людям.

Девушка посмотрела на небо и, скривив губы, ответила:

— Заделать трещину на небе? Это слишком хлопотно. Мне не хочется этого делать. Я хочу есть, пить, играть и петь.

Покачал головой Сан и сказал:

— Мне такая жена не нужна. Возвращайся обратно. Пусть пришлют младшую дочь.

Он подкинул цветок вверх, и Синяя Дева вернулась на вершину горы.

Долго ждал Сан, но третья дочь не появилась. Тогда он начал раскачивать гору, но старый медведь уже привык к этому. Качал-качал Сан гору и наконец решил еще раз сходить к горе Лайлуншань и посоветоваться со старцем.

К горе Лайлуншань пришел он уже ночью и лег спать у ее подножия. Утром старец запел в своем гнезде песню и спустил вниз зеленую бороду. Сан схватился за бороду и полез вверх. Когда он добрался до середины бороды, старец высунул голову и спросил:

— Зачем ты опять пришел, сынок?

Сан рассказал. Старец бросил вниз белую шапку и объяснил:

— Эта шапка из белой овечьей шерсти. Надень ее и толкай головой гору Улюшань. Проси старого медведя отдать за тебя младшую дочь.

Сан спустился с бороды, надел шапку и пошел обратно. Подойдя к горе Улюшань, он стал толкать ее головой и кричать:

— На моей голове шапка из белой овечьей шерсти! Я толкаю гору Улюшань! Старый медведь, слушай меня! Отдай мне в жены третью дочь!

Гора Улюшань начала уже наклоняться, послышался страшный грохот. А старый медведь на ее вершине жалобно закричал:

— Не толкай! Не толкай!

С вершины спустилась длинная белая лиана с красным цветком на конце. Цветок распустился перед Саном, и в нем оказалась прекрасная девушка в платье из белой овечьей шерсти. Голова ее была повязана платком из белого пуха. Она сидела верхом на овце и держала в руках белого ягненка. Девушка приветливо сказала:

— Милый Сан, прошу тебя, не толкай гору. Я пойду за тебя. Я — младшая дочь старого медведя, и зовут меня Белой Девой.

Сан спросил:

— А захочешь ли ты, Белая Дева, залатать на небе трещину? Окажи помощь людям.

Девушка взглянула на небо и, улыбаясь, ответила:

— Трещину на небе можно заделать. Только для этого нужны гвозди из зубов дракона и молот из драконьего рога.

— А где же достать эти гвозди и этот молот?

— Дракон Южных гор и дракон Северного моря подрались и стукнулись о небо. Их надо наказать за эту драку: у одного взять зубы, а у другого — рог. Сейчас один из них, бессильный, лежит в пещере, а другой, раненый, — на дне морском. Вот тебе сумка из овечьей кожи и золотые щипцы. Возьми их и иди к драконам. А я подожду тебя здесь в пещере у подножия горы.

Сан взял сумку из овечьей кожи и золотые щипцы, на голову надел шапку из белой овечьей шерсти, натянул синие рукавицы на руки и обулся в зеленые соломенные сандалии. Он поднял голову, распрямил плечи и твердым шагом отправился в путь. Шел он сорок девять дней, подошел наконец к пещере дракона в Южных горах и громко закричал:

— Я обут в сандалии и буду топтать у пещеры! Я надел рукавицы и буду стучать в ворота пещеры! На мне шапка из овечьей шерсти, и я буду толкать гору! Старый дракон, быстрее выползай!

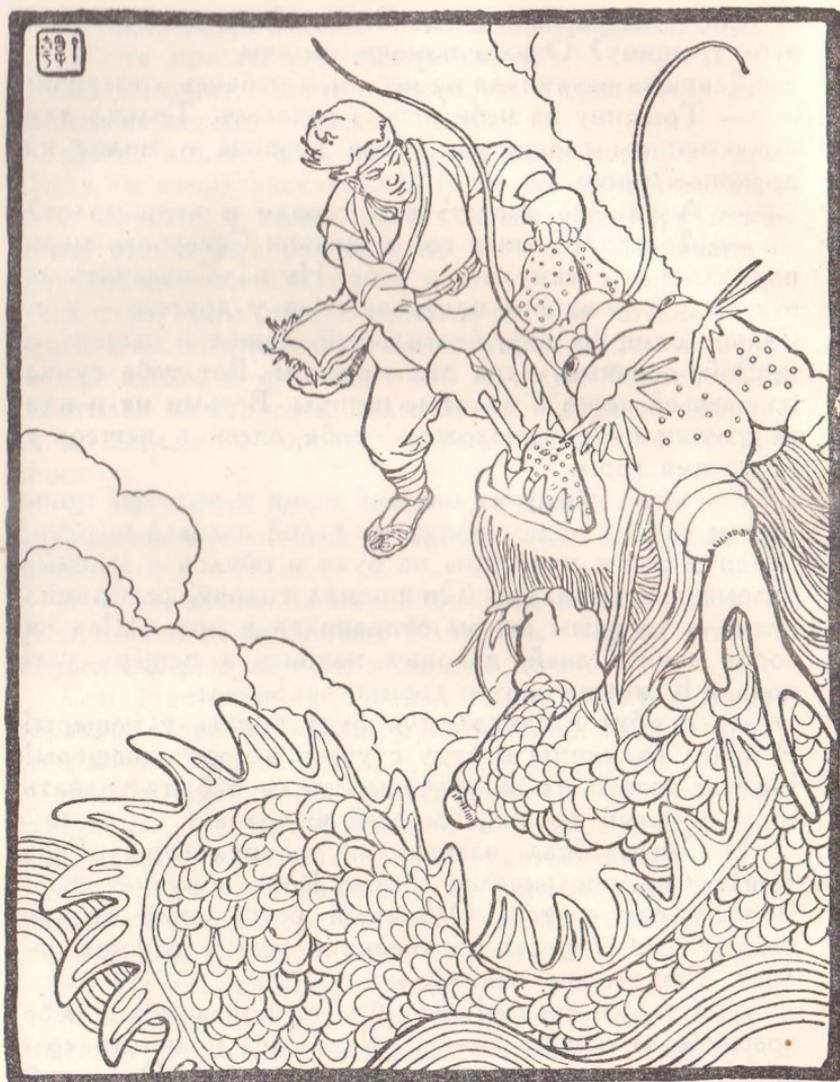
И Сан затопал, застучал и толкнул гору. Гора зашаталась, послышался грохот. Вот-вот рухнет гора! Вот-вот рассыпется! Огромный бессильный дракон высунул из пещеры израненную, всю в шрамах голову. Сан гневно закричал:

— Старый дракон! Вы с братом подрались, и небо треснуло от вашего удара. Я должен починить трещину. Я сделаю гвозди из твоих зубов. Открывай свою пасть!

Дракон молчал. Сан снова крикнул:

— Если не хочешь отдать зубы, я стукну тебя кулаком, и ты рассыпешься в прах! Ведь я могу свернуть и гору, а не только твою драконью голову!

Дракон с трудом открыл глаза, посмотрел на Сана и раскрыл пасть. Блеснули два ряда чистых зубов. Золотыми щипцами выдернул у него Сан все

зубы и положил их в сумку из овечьей кожи. Затем похлопал дракона по голове и сказал:

— Старина дракон, лежи себе в пещере и никогда больше не дерись.

Дракон ничего не ответил. Он закрыл пасть и с трудом втянул голову в пещеру. А Сан поднял сумку из овечьей кожи и отправился к Северному морю.

Шел он сорок девять дней, пришел наконец к морю и тут же закричал:

— Я обут в сандалии и буду мутить море! На мне рукавицы — я буду взбалтывать волны! На мне овечья шапка — я буду колотить ею по волнам! Старый дракон, скорее выплывай!

Сан затопал ногами, море забурлило, запенилось. Сан зашлепал по морской воде руками, по морю заходили волны, подобные горам. Ударил Сан по этим волнам шапкой, море еще больше забурлило, заревело, волны поднялись почти до небес. И вот из воды медленно высунулась голова большого дракона, покрытая бесчисленными ранами. Сан закричал:

— Старый дракон! Вы с братом подрались и ударились о небо. И небо треснуло. Я должен починить его. Мне нужен твой рог, чтобы сделать молот. Клади голову на берег!

Дракон молчал. Сан снова крикнул:

— Если не отдашь свой рог, я разорву тебя на части! Видал, что я сделал с этим морем?!

Утомленная морда дракона вытянулась. Он посмотрел на Сана и положил голову на морской берег. Сан потянул золотыми щипцами драконий рог, выдернул его и положил в сумку из овечьей кожи. Затем он похлопал дракона по голове и посоветовал:

— Старина дракон, вылечись хорошенько на дне морском и больше не дерись.

Дракон ничего не ответил и опустился в море. А Сан взвалил сумку из овечьей кожи на спину и отправился к горе Улюшань.

Пока Сан ходил к драконам, Белая Дева откормила у подножия горы большую овцу и вырастила ягненка. Затем она остригла с овец шерсть и связала два белоснежных плаща. Увидев Сана, она обрадовалась.

— Милый Сан! — сказала она. — Мы наденем эти плащи, сядем на овец и полетим на небо задевать трещину.

Сан погладил овцу:

— Хорошо! Скорее в небо!

— Я возьму сумку, а ты — молот. Когда прилетим к трещине, я буду вставлять гвозди, а ты — за-

бывать их молотом. Драконы повредили небо во многих местах. Нам придется облететь все небо, и там, где трещина, будем чинить. Милый Сан! Давай навечно останемся на небесах. Пусть печет нас солнце, пусть поливает дождь и обдувает ветер, — а мы починим все небо и будем охранять его.

Сан согласился:

— Мы должны почитать за счастье, что трудимся для людей. Полетим же, женушка!

Белая Дева перскинула сумку через плечо, Сан взял молот, и оба сели на овец. Овцы заблеяли, у них вдруг выросли белоснежные крылья, и они взлетели к небесам. Прилетев на небо, Сан и Белая Дева нашли самую большую трещину. Из нее сыпался град величиной с жернова. От этого града на головах у Сана и Белой Девы появились синяки и шишки, а на крыльях овец — раны. Овцы не выдержали и упали на землю. Спустились на землю и Сан и Белая Дева.

Град продолжал бить Сана и Белую Деву по лицу, голове, рукам. Они укутались в плащи из овечьей шерсти. Передохнув, они взяли раненых овец и спрятались в пещере. Увидев на голове и на лице Белой Девы ссадины, Сан опечалился:

— Ты страдаешь, Белая Дева, из-за меня!

Белая Дева достала из своей сумки маленькую тыкву-горлянку, вынула оттуда лекарство, смазала лицо и голову Сану и себе, смазала она и крылья овец. И минуты не прошло, как раны у них у всех зажили. Белая Дева сказала:

— Нам теперь не страшны ни снег, ни град. Мы теперь горячие. Коснувшись нас, снег сразу же растает. Мы снова можем взлететь на небо и заделывать трещины.

Сан и Белая Дева сели на овец и, не обращая внимания на снег, взлетели на небо. Подлетев к самой большой трещине, Белая Дева сняла с головы белый платок и взмахнула им. Платок превратился в огромный кусок белого холста. Этим холстом они закрыли трещину и прибили его к небу зубами дракона с помощью драконьего рога. Из большой трещины перестал идти дождь и не падал град.

А на земле люди выбежали из пещер, стали смеяться и плясать. Пришла к ним беспредельная, неистощимая радость. Старики — родители Сана — тоже вышли из пещеры. Их седые волосы развевались по ветру. Они смотрели на небо и радовались: — Это сделал наш сын! Наш сын — герой!

Сан и Белая Дева летали по небу на белых овцах. До них доносились веселые песни и радостные крики людей. И это делало их счастливыми.

До сих пор видна на небе белая длинная полоса — это платок Белой Девы. Сверкающие точки на нем — это зубы дракона. Люди называли белую полосу Серебряной рекой*, а сверкающие точки — звездами. Сан и Белая Дева залатали не только большую трещину, они облетели все небо и заделали все мелкие трещинки. И вот на небе — всюду звезды, значит, все небо утыкано зубами дракона.

Сан и Белая Дева, подобно облакам, летают по небу на белых овцах.

На плечах у них белые плащи. Кто отличит — где облака, а где Сан и Белая Дева?

Ветер доносит до нас нежные звуки песни. Кто скажет — чьи это песни: Сана и Белой Девы или людей?

ПАСТУХ И ТКАЧИХА

Жил да был некогда мальчик. Родители у него умерли, и жил он у старшего брата. Жена брата была злая и сварливая. Она терпеть не могла мальчика, и при виде его у нее портилось настроение. Она часто набрасывалась на него с кулаками и руганью. К столу мальчика не подпускала, кормила объедками, одевала в дырявые лохмотья. Спал мальчик не в доме, а в хлеву, рядом с буйволом.

Каждое утро он выгонял буйвола на пастбище и только вечером возвращался домой. Буйвол привык к мальчику и часто ласкался к своему маленькому другу.

«Как же за ним не ухаживать? — думал мальчик. — Он ласковый, привык ко мне, пашет землю».

Надо сказать, что никто не знал настоящего имени мальчика, всегда видели его с буйволом и поэтому прозвали Пастушком. Пастушок пас буйвола на лугах с сочными травами, поил прозрачной, ключевой водой. Летом в жару он прятал его в тени деревьев, а зимой уводил на тот склон горы, куда не достигал холодный, пронизывающий ветер. Каждый день Пастушок старательно чистил его, шерсть на буйволе всегда блестела и лоснилась.

Мальчик пел незатейливые песенки, но никто, кроме буйвола, не слышал их, мальчик рассказывал четвероному другу о своих маленьких радостях и печалях, буйвол внимательно смотрел на него большими глазами. Казалось, он слушает и понимает то, о чем говорит Пастушок.

Медленно шагая друг за другом, шли дни, месяцы, годы. Вырос мальчик, и стали называть его Пастухом.

— Ты уже большой, — сказал однажды старший брат. — Пришло время и тебе обзавестись семьей. Даю тебе буйвола и повозку в придачу.

— И сейчас же уходи от нас, — добавила жена брата. — Запомни, тебе брат отдает самое нужное для хозяйства. Ты должен быть доволен.

«Вот и хорошо! — подумал Пастух. — Хорошо, что мне буйвола отдали. Запрягу его в старую повозку и пойду куда глаза глядят. А им я все равно не нужен. Выгнали меня, словно воду выплеснули из кувшина».

Впряг он буйвола в повозку и побрел подальше от деревни. Шел он сначала по горной долине, потом через непроходимый лес и наконец вышел к большой горе. Нарубил Пастух дров, погрузил в тележку, отправился в город продавать. Но вот наступила ночь, до города еще далеко. Выпряг Пастух буйвола и улегся в повозку. На другой день добрался он до города, продал дрова, получил деньги, стал думать о том, как завести свое хозяйство.

...Уж много дней прошло с тех пор, как покинул Пастух дом брата. Построил он себе лачугу и покрыл

ее соломой. Рядом вспахал небольшой участок и засеял его. Так и жил Пастух один, работая в поле, ухаживая за буйволом.

Однажды вернулся он домой усталый, голодный, сел на скамейку и вдруг слышит:

— Пастух!

— Кто это? — удивился он.

С тех пор как он поселился здесь, никто не приходил сюда, и никто не знал, где он живет. Оглянулся Пастух и видит: стоит около него верный друг — буйвол и говорит человеческим голосом:

— Завтра вечером, только спустятся сумерки, иди за ту гору, что справа. Увидишь озеро у лесной опушки. В озере будут купаться феи, а одежду свою они оставят на берегу. Найди среди их одежды красное платье и спрячь его. Та фея, которой принадлежит это красное платье, и будет твоей женой.

На другой день, лишь только начало темнеть, Пастух пошел за правую гору, нашел опушку леса и увидел озеро. Кругом стояла удивительная тишина, лишь листья шелестели, да плескались у берега теплые волны. По вечернему небу плыли облака и отражались в воде.

Но вот послышался девичий смех — то в озере купались феи. Тихо подошел пастух к берегу и увидел одежду красивую, неземную. Нашел он красное платье, взял его, ушел за кусты и стал прислушиваться к веселой болтовне фей.

— Время позднее, пора домой, — сказала одна из них. — Ведь, уходя на землю, мы не спросились у богини неба. Узнает она — накажет!

— Зачем торопиться? — сказала другая. — Ведь когда-то еще нам удастся искупаться в этом озере? Побудем здесь еще немного.

Через некоторое время Пастух услышал тревожный голос той же девушки:

— Моего платья нет! Куда же оно делось?

Пастух вышел из-за кустов:

— Не беспокойся, красавица, у меня твое платье.

Оделась фея и стала расчесывать свои пушистые волосы. Поведал ей Пастух о своей горькой судьбе. Рассказал о своем детстве, о старшем брате, выгнав-

шем его из дома, о верном друге буйволе, о хижине, постромной собственными руками.

Внимательно выслушала фея Пастуха и посочувствовала ему. Когда же он кончил говорить, рассказала ему о себе:

— Я внучка всемогущей богини неба. С утра до вечера я ткаю цветную шелковую ткань, и поэтому зовут меня Ткачихой. Каждое утро и каждый вечер бабушка берет наработанную мною ткань и украшает ею небо. Все видят мою работу: это облака, переливающиеся в солнечных лучах. Они красивы, но богиня неба всегда недовольна. Говорит, что ткани этой мало. Заставляет меня работать без отдыха, не разгибая спины, не выпуская из рук челнока. И даже не позволяет мне полюбоваться, как плавают по небу моя ткань. Лишь изредка, когда удастся наработать столько ткани, что хватает ее на все небо, я могу подойти к окошку и поглядеть через него на созданные мною прекрасные облака. А люди еще говорят, что на небе хорошо! Нет. Там нет свободы, оттуда ничего не видно. Часто в бессонные ночи я думаю: хорошо было бы спуститься на землю и жить среди людей. Земля прекрасна, здесь очень интересно. Так думаю не только я, но и все мои подружки. Много раз они уговаривали меня пойти на землю тайком от богини неба, отдохнуть здесь, поселиться, но я все боялась: вдруг узнает богиня, что тогда будет! Сегодня нам повезло: выпила богиня после обеда древнего ароматного вина да и задремала у себя на троне. Вот мы и спустились на землю, увидели озеро с чистой водой и решили искупаться. Долго мы сидели взаперти и лишь сегодня вздохнули свободно.

— Если тебе не хочется возвращаться на небо, оставайся здесь, — сказал Пастух. — Поженимся, будем работать вместе.

— Ну что ж, я согласна, — ответила Ткачиха, — давай поженимся и будем всегда жить на земле.

Через лес, через гору спустились они в долину, где стояла хижина с соломенной крышей.

Пошла у них с этих пор мирная, трудовая жизнь. Пастух работал в поле, а Ткачиха хлопотала по дому, изредка уходя в поле, чтобы помочь мужу. Жили они

душа в душу. Никогда не ленились и потому жили не то, чтобы богато, но в достатке.

Быстро прошли три года. Народились у Ткачихи мальчик и девочка. Когда дети подросли, мать часто рассказывала им интересные истории о звездах и о жизни на небе.

— Там есть красивые дворцы, — говорила она, — но нет свободы. А раз нет свободы, значит нет и счастья.

Рассказывала она им и о земной жизни: о шепоте листьев, о журчащем ручейке, о ласковом освежающем ветре. А дети сидели на коленях и внимательно слушали. Иногда Ткачиха грустила, и дети спрашивали, в чем дело. Но никому не могла сказать Ткачиха о печали, закрадывавшейся ей в душу. Чувствовала она, что настанет время, узнает богиня неба, где живет Ткачиха, и заберет ее к себе. Как об этом скажешь мужу и детям?

Вшел однажды Пастух в хлев, чтобы задать корм буйволу, и увидел на его глазах слезы.

— В чем дело, друг мой? — спросил Пастух.

— Умираю, — ответил буйвол, — пришел и мой черед. Видно, пришло время расстаться... Умру, сними мою шкуру и сохрани. В трудную минуту она поможет тебе: только набрось ее на плечи — и беда минует.

Сказал так буйвол и умер. Жалко было Пастуху снимать с него шкуру, но послушался буйвола, сделал, как тот велел. Похоронил Пастух буйвола позади дома у подножия горы.

А богиня неба узнала-таки, что феи спускались на землю и купались в озере. Разгневалась она, посадила всех фей в темную комнату и не выпускала, пока они не состарились. Внучку же, посмевшую остаться на земле, богиня возненавидела. Решила она вернуть Ткачиху на небо и наказать ее.

Спустилась однажды богиня неба на землю, разведала, что ее внучка вышла замуж за Пастуха и живет в его доме. Вошла она в дом, когда Пастух работал в поле, схватила Ткачиху и потащила за собой. Но дети Ткачихи вцепились в подол ее платья и не отпускали мать. Не пожалела богиня неба плачущих

детей, оттолкнула их в сторону и унесла Ткачиху на небо. Но мать успела крикнуть детям:

— Бегите к отцу! Расскажите ему!

И погнался бы Пастух за богиней неба, чтобы освободить любимую жену, но как подняться на небо? И вдруг он вспомнил слова, сказанные буйволом перед смертью: «Сними мою шкуру и сохрани, в трудную минуту она поможет тебе».

Накинул Пастух шкуру буйвола на плечи, перекинул через плечо две корзины, в одну посадил сына, в другую — дочь, вышел на двор и сразу взвился вверх. И скоро увидел он богиню неба, которая послала Ткачиху.

— Это я, дорогая! — закричал он.

Все ближе и ближе подлетал Пастух к богине неба, еще немного — и он отнимет у нее любимую жену. Но богиня неба вынула из волос шпильку и бросила перед Пастухом. Образовалась перед ним широкая река. Высокие волны катились по ней, не преодолеть Пастуху этой преграды. Так и остался Пастух на одном берегу реки, а Ткачиха — на другом. Лишь издали любовались они друг другом и никогда не могли быть вместе.

И до сих пор на южном берегу Небесной реки * сверкает звезда «Пастух», а на другом берегу — «Ткачиха».

Так жестоко наказала богиня неба свою внучку заслушание. Лишь когда богиня неба совсем постарела и немного подобрела, разрешила она Ткачихе встречаться с Пастухом раз в году, в седьмой день седьмого месяца. Каждый год в этот день со всего света слетаются к Ткачихе сороки и образуют живой мост, по которому она добирается до Пастуха.

Ходит людская молва: именно в этот день нигде не увидишь сорок, все они улетают на небо. А еще люди говорят, что если сесть в этот день у виноградной лозы, то можно услышать, о чем разговаривают Ткачиха и Пастух.

АПИН И САЛА

(Предание народности кав)

Апин с детства была красивой, но, когда выросла и стала девушкой, на ее долю счастья не выпало. Она была еще совсем маленькой, а отец уже договорился выдать ее замуж за сына помещика. И от этого пошли все несчастья Апин.

Дом, где жила Апин, стоял у самой речки, а на другом берегу каждый день работал бедный юноша Сала. Пришло время, и молодые люди полюбили друг друга. Часто они забирались в лесную чащу, или сидели на берегу речки, или уходили в горы, подальше от людских глаз.

Апин приняла от Салы подарок — серебряный браслет, а это значило, что они обручились. Потом они поженились. Молодые супруги любили друг друга. Сала каждый день ловил рыбу, а Апин ткала.

Однажды Сала, как обычно, ловил рыбу. Много раз забрасывал сеть, но каждый раз вытаскивал пустой. Забросил Сала сеть еще раз, а вытянуть не может. Собрал он все свои силы, вытянул сеть и увидел в ней мертвого ребенка, который чем-то был похож на Апин. Забеспокоился Сала, не случилось ли чего, и побежал домой.

А произошло вот что.

Зашла какая-то старушка в дом и начала спрашивать Апин о жизни и расхваливать ее красоту. Много лестных слов она наговорила, и все для того, чтобы Апин не догадалась, зачем она пришла. А когда Апин разговорилась, старушка вдруг набросилась на нее и начала чем-то колоть. Колола до тех пор, пока Апин не умерла. Умер и ребенок, которого она должна была скоро родить. Сделала старуха свое черное дело и ушла. Эту злодейку подослал помещик.

Так вот. Вернулся Сала домой, жены нет, а на полу кровавые пятна. Начало темнеть, подул ураганный ветер, обрушились потоки дождя. Но ничто не остановило Салу, он бегал от дома к дому, расспрашивая о своей жене. И все отговаривались, что не

знают. Наконец нашелся добрый сосед, который рассказал ему, что произошло.

— Апин похоронили в саду ее отца, — закончил он свой рассказ.

Сала стрелой полетел к дому отца Апин, но ворота оказались запертыми. Как ни кричал, как ни стучал Сала, никто не отозвался. Тогда Сала положил друг на друга камни и перелез через стену. В свете молний, рассекавших небо, увидел он свежую могилу. Сердце его разрывалось от горя на части. Он упал на могилу жены. Хотел он раскопать могилу и умереть рядом с любимой женой, но потерял сознание.

Когда силы вернулись к Сале, он воскликнул:

— Если жить, так вместе с Апин! А умереть — так тоже с ней!

Ударился он головой о каменную плиту и упал бездыханный на могилу Апин.

На следующий день отец Апин и помещик узнали о смерти Салы и решили похоронить его в другом углу сада, чтобы Сала и Апин даже после смерти не были вместе. Салу похоронили в восточной части сада, а Апин — в западной. Однако вскоре обе могилы соединились. Когда молва об этом распространилась по деревне, люди заговорили, что такая уж судьба у Салы и Апин — быть вместе.

Отец Апин и помещик разозлились и приказали раскопать могилы, похоронить Салу на одной стороне горы, а Апин — на другой. Слуги сделали и это, но могилы все равно соединились. Когда об этом узнали отец Апин и помещик, они придумали коварный способ разъединить супругов: положили они между могилами пестик, которым толкут зерно в ступе. Ведь известно, что пестик навсегда разъединяет кого угодно и что угодно.

Апин и Сала не могли соединиться в могиле, поэтому они превратились в звезды и, сверкая, взлетели на небо. До сих пор они видны на небе до восхода и после заката. Они всегда ходят вместе. Часто по вечерам, когда на небе появляются эти звезды, старики рассказывают детям историю об Апин и Сале.

ПОГОНЯ ЗА СОЛНЦЕМ

Говорят, что в древности солнце двигалось быстрее чем теперь. Людям приходилось поздно просыпаться и рано ложиться спать, так как они еще не знали огня. Люди были недовольны солнцем: не успеешь что-то сделать, а уже наступает холодная ночь.

И жил в те же времена силач Куа Фу. Тело у него было могучее, ходил он быстро, будто летал. Когда Куа Фу узнал, что люди страдают от длинных и холодных ночей, он с гневом обратился к солнцу:

— Эй, лентяй, сколько же ты спишь каждый день?! Ты не хочешь работать на людей!

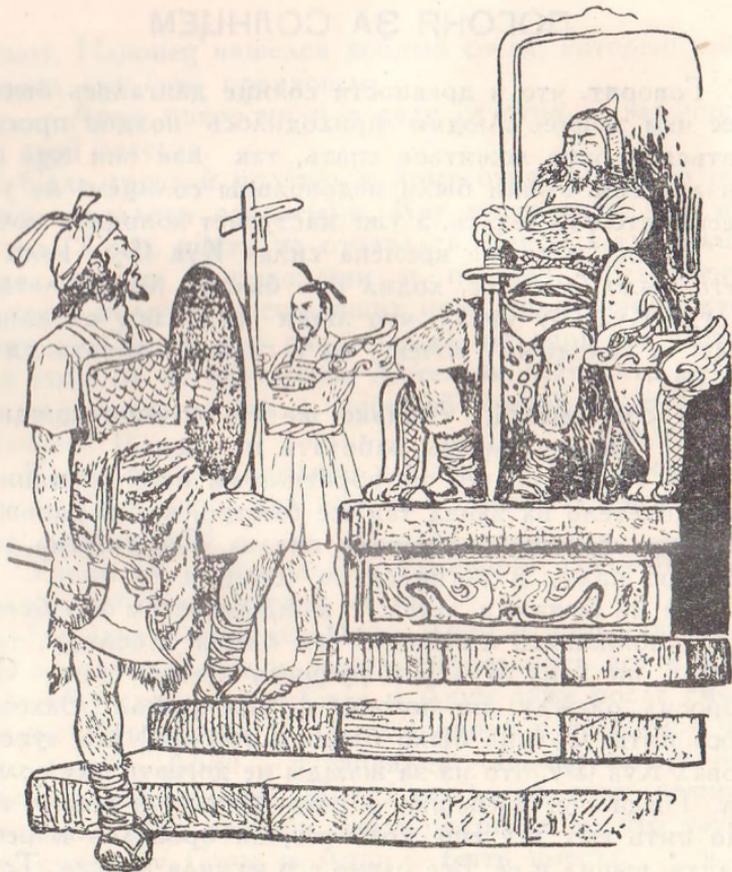
Но гордое солнце не обратило на него внимания, оно полетело на запад так же быстро, как и раньше. Это еще больше разгневало силача. Он схватил огромную палку и погнался за солнцем.

Он не бежал, а летел, с каждым часом все больше приближаясь к солнцу. Чем ближе к солнцу, тем жарче, по лицу Куа Фу ручьями стекал пот. Он сбросил одежду, но погоню не прекращал.захотелось пить. Солнце было близко, вот оно! Но чувствовал Куа Фу, что из-за жажды не догнать ему солнца. Тогда он поспешил к реке Хуанхэ и выпил ее. Но пить ему все еще хотелось, он бросился к реке Вэйхэ, выпил и ее. Все равно его мучила жажда. Тогда Куа Фу устремился на север к большому озеру, из него можно было пить без конца. Но не успел он добраться до озера, как умер от жажды.

Из рук Куа Фу выпала палка. Коснувшись земли, она тотчас же превратилась в густой лес. Плоды деревьев в этом лесу утоляют жажду, а тень деревьев дает прохладу.

СКАЗАНИЕ О СИН ТЯНЕ

Рассказывают, что в древние времена жил храбрец Син Тянь. Он был правдивым, честным и справедливым. Все любили его. Син Тянь ходил по

миру, в правой руке у него был огромный топор, в левой — щит. Он карал жестоких и защищал слабых.

В то время миром правил глупый и злой бог неба. Он заботился только о своем веселье и не думал о людях. По нескольку месяцев он не давал дождя, от засухи гибли леса и посевы. А иной раз несколько месяцев подряд лил непрерывный дождь и затоплял леса, поля и деревни. Когда Син Тянь узнал об этом, он рассердился и спросил злого бога:

— Послушай, глупый! Почему ты так жестоко обращаешься с людьми? Если не хочешь заботиться о них, уходи с неба, — я займу твое место!

Жестокому богу, конечно, не хотелось отказываться от власти, и вот между ними разгорелась

борьба. Злой бог и Син Тянь повсюду гонялись друг за другом: от неба до земли, от гор Куэньлунь до Восточного моря, от Восточного моря до гор Куэньлунь. От их борьбы поднялась на земле пыль. Она заволокла солнце и луну. Звезды задрожали и готовы были упасть.

И вот однажды, когда они награждали друг друга ударами топора и меча, бог громко крикнул. Со всех сторон слетелось на крик множество чудовищ. Это были полулюди, полульвы, полусобаки. Они набросились на Син Тяня. Тот отчаянно защищался, но среди множества врагов силы его иссякли. Тогда злой бог изловчился и отрубил голову Син Тяню, но на груди Син Тяня появились глаза, а на животе — рот. Син Тянь продолжал борьбу. Злой бог испугался и убежал. Син Тянь погнался за ним по горам Куэньлунь, но силы оставили его, он так и не догнал бога.

Бог неба хотя и не отказался от власти, но, испытав кровопролитную продолжительную борьбу, напугался и с тех пор не смеет поступать слишком жестоко и безрассудно.

ВЕЛИКИЙ ЮЙ ПОБЕДИЛ НАВОДНЕНИЕ

Давным-давно, еще в древние времена, произошло в Китае большое наводнение. Сила воды была так велика, а разрушения такие большие, что мы сейчас все это и представить себе не можем. Вся страна превратилась в безбрежное море. Поля были затоплены, дома разрушены. Люди, неся на руках детей и поддерживая стариков, бежали в горы или забирались на большие деревья. Но и там их постигла смерть. Не счесть, сколько людей погибло от голода.

И вот обратились люди к богу неба, умоляя его прекратить наводнение. Бог неба не внял их мольбам, не остановил наводнение. Жалобы и плач людской донесли до бога Гуня, а он был внуком бога неба. Страдания людей растрогали Гуня. Он решил помочь им и обратился к богу неба:

— Дедушка! Прошу тебя — прекрати наводнение. Люди гибнут, и мне их жаль.

— Нет! — ответил с гневом бог неба. — У меня нет времени заниматься их делами. Не все ли равно — живут они или нет?

Бог неба отругал Гуня и запретил ему заниматься тем, что его не касается. Ничего не мог сделать Гунь, но страдания людей, словно огнем, жгли его сердце, и он не переставал думать, как спасти людей от бедствия. И вот он решил обмануть деда: украдкой пробрался к нему в комнату и взял сижан. А сижан — это кусок волшебной глины. Стоит положить его на землю и сказать «Расти!», и он начнет разрастаться.

Гунь отдал сижан людям, кто-то из них сказал: «Расти!», — и сижан начал вытеснять воду с земли. Наводнение прекратилось, земля стала сухой. Люди спустились с гор, начали обрабатывать землю и строить дома. Снова их жизнь стала спокойной и счастливой.

Но вскоре бог неба обнаружил, что сижан украден. Он рассердился на Гуня и позвал его:

— Как ты смел меня слушаться?! Кто тебе разрешил взять сижан?!

Гунь, чувствуя свою правоту, стал спорить с богом неба. Тогда бог неба приказал Чжу Юну — богу огня — убить Гуня на горе Юйшань, а самому найти сижан и принести его на небо. Не успели люди забыть ужасы только что прекратившегося наводнения, как началось новое.

Гунь был убит на горе Юйшань, но сердце его, полное любви к людям, не погибло. И вскоре из сердца Гуня вырос его сын Великий Юй*. Он, как и отец, имел доброе сердце, но был гораздо умнее и храбрее отца. И вот он решил выполнить желание отца — спасти людей от беды.

Великий Юй ненавидел бога неба и не желал подниматься за облака, чтобы навестить прадеда. Он решил обойтись без его помощи и научить людей самим справляться с наводнениями. Великий Юй взобрался на высокую гору, внимательно осмотрел округу и указал людям, где рыть водоемы, где

строить плотины. Затем он попросил о помощи своего друга — дракона Ин Луна. Ин Лун был большим драконом и мог своим хвостом резать землю. Ин Лун согласился помочь людям и вырезал хвостом русла для больших рек.

Самым трудным было для Великого Юя — прорубить в горах Драконовы ворота *. Но он, не щадя сил и пренебрегая опасностями, пять лет работал тут вместе с людьми. Когда Драконовы ворота были прорублены, через них спокойно потекла река Хуанхэ.

ВОЛШЕБНЫЙ МЕЧ ДАДАЯ

(Предание народности тай)

Река Хунхэ течет на юге провинции Юньнань среди непроходимых гор. В верховьях реки лежит город Юаньцзянчэн. Около него громоздятся высоченные горы. Они прячут свои вершины в заоблачной выси. В десяти ли к западу от города находится Драконова пещера, скрытая густой зеленью манговых деревьев. В ней всегда темно и сыро. В одну из стен пещеры, поросших мхом и лишайником, воткнут волшебный меч, покрытый ржавчиной. Никто не знает, кто и когда воткнул этот меч в каменную стену. Но о нем существует легенда.

В давние времена наводнения случались каждый год. Осенью, когда созрел урожай и наступала страдная пора, река выходила из берегов и затопляла крестьянские поля. Простой народ ненавидел за это реку, но ничего поделать не мог.

На берегу реки была землянка, и в ней жил пастушок Дадай. Пастушку было больно смотреть на несчастья народа. От всего сердца желал он прекратить наводнения, но как это сделать — не знал.

И вот однажды, после наводнения, когда река уже вошла в свое русло, а крестьяне вернулись на

поля, Дадай пас на берегу коров. Вдруг он услышал всплеск на реке, подбежал к берегу и увидел большую рыбу. Дадай бросился в воду и поймал эту рыбу.

— Мальчик, мальчик, ты хороший. Отпусти меня! — взмолилась рыба.

Дадай испугался: ведь рыба-то заговорила человеческим голосом. Но тут же подумал: «Рыба живет в реке, и наводнения идут из реки», — и он ответил рыбе:

— Я тебя отпущу! Но за это ты должна рассказать мне, почему каждый год разливается река? И что надо сделать, чтобы не было наводнений?

Вздыхнула рыба:

— Это все царь-дракон. Ежегодно осенью он вылезает из своей пещеры порезвиться и поиграть. Вот потому-то и случаются наводнения.

— А нам как быть? Как уговорить этого царя-дракона?

— Хороший мальчик, царь-дракон очень свирепый. С ним трудно сладить!

— А ты все-таки скажи, как с ним сладить? — настаивал Дадай.

Рыба прищурила глаза:

— Сказать-то я скажу, да ты-то что можешь сделать?

Дадай всегда отличался решимостью.

— Я сделаю все, лишь бы не было наводнений!

Рыба недоверчиво засмеялась:

— Да ведь ты еще мальчишка! Как же ты посмеешь драться с царем-драконом?

Дадай выпятил грудь и гордо ответил:

— Не смотри, что я маленький! Я не боюсь никаких драконов!

— Или тебе жизнь недорога?

— Я хочу, чтобы здесь не было наводнений! Ради этого я готов даже умереть!

— Если так, то слушай. Сперва ты найди острый волшебный меч и только потом иди на бой. Царь-дракон живет в пещере, но проникнуть туда невозможно: стены-то у нее крепкие. Ты подожди до полудня. В полдень откроется ход в пещеру, войди

туда — и увидишь царя-дракона. Убьешь его — не будет наводнений!

— Спасибо тебе! — Дадай поклонился рыбе и пустил ее в воду.

На следующий день Дадай пришел в город, нашел там кузнеца и попросил его выковать волшебный меч. Но кузнец этот не умел ковать таких мечей и посоветовал мальчику обратиться к мастеру, который жил в дальних краях. Дадай не боялся трудностей. Он захватил на дорогу еды и пошел искать мастера. Путь его проходил через горы, где было много хищных зверей, но Дадай шел, пренебрегая опасностями. Он натер ноги до крови, но все шел и шел вперед. Наконец он разыскал того мастера-кузнеца, который умел ковать волшебные мечи.

— Дедушка, выкуй мне волшебный меч, — попросил мальчик кузнеца.

Седой кузнец оглядел маленького Дадаю с головы до ног и усмехнулся:

— А на что тебе меч-то? Хочешь стать разбойником?

От обиды у Дадаю все лицо покраснело, но он сдержался, не расплакался, и подробно рассказал старику о наводнениях и царе-драконе. Выслушал старик Дадаю и согласился:

— Ладно, выкую тебе волшебный меч. А сколько ты мне заплатишь?

Дадай прошел длинный путь, и у него ни монетки не осталось. Заикаясь, он спросил мастера:

— А сколько надо?

— Сто лянов¹ серебра!

Дадай хлопал глазами и готов был расплакаться, но старик засмеялся:

— Ну, уж ладно! Если у тебя хватит храбрости победить царя-дракона, я подарю тебе этот меч. Так как же ты — храбрый?

— Конечно, храбрый! — обрадовался Дадай. — Я убью царя-дракона!

— Но ведь это очень опасно, сынок.

¹ Лян — весовая и в то же время старая денежная единица, равная примерно 31 грамму.

— Я не боюсь.

— Хорошо, выкую я меч и подарю его такому храбрцу.

Вскоре Дадай получил от старика волшебный меч и пошел обратно домой.

И вот однажды утром Дадай взял волшебный меч и отправился на бой с драконом. Только приблизился он к пещере дракона, как встретил огромного краба величиною с жернов. Краб сверкал глазами и поблескивал на солнце панцырем. Он стоял, опираясь на огромные клешни, и загораживал дорогу. Дадай выхватил меч, взмахнул им и отсек одну клешню. Краб начал отступать, но мальчик подбежал и разрубил его пополам. Снова Дадай пошел вперед. Вдруг откуда-то сбоку выползла большая устрица и зажала своими створками его голову. Долго пытался Дадай освободиться от устрицы, пот с него лился градом. Уже начала было устрица жевать его голову, но Дадай изловчился и насквозь проткнул устрицу мечом. Открылись створки, и Дадай освободился.

Так убил Дадай двух стражей царя-дракона и вплотную подошел к пещере. Но вход в нее был закрыт. Вспомнил Дадай слова рыбы и стал ждать полудня. В полдень послышался скрежет, и вход в пещеру открылся. Вбежал в нее Дадай и увидел там женщину.

— Где царь-дракон?!— закричал он.

Женщина (это была жена царя-дракона) причесывала волосы и, увидев мальчика, испуганно ответила:

— Там...спит...

Дадай бросился туда, куда показала женщина. Но царь-дракон уже проснулся, он сполз с кровати и приготовился к бою. Дракон протянул к мальчику свою страшную лапу с громадными когтями. Но Дадай не растерялся — он отступил на шаг, выхватил меч и отсек эту лапу. Брызнула кровь. Царь-дракон дико заревел от боли и ринулся на Дадаю, но мальчик был готов к нападению. Взмахнул он мечом во второй раз — и другая лапа отлетела в сторону. Громче прежнего зарычал дракон, даже скалы

содрогнулись. Но нельзя оставлять царя-дракона в живых! Дадай подскочил к нему и отрубил ему голову.

Повернулся Дадай, хотел покончить и с женой царя-дракона, но, как ни искал ее, нигде найти не мог. «Наверное, убежала из пещеры», — догадался Дадай и побежал к выходу. Но только он приблизился к выходу, как услышал женский голос:

— Моллюск-генерал! Скорей закрывай вход!

И тут же большая каменная глыба закрыла вход. Дадай увидел мелькнувшую тень жены царя-дракона, бросился туда, но меч его натолкнулся на каменную стену и глубоко ушел в нее. Так Дадай и остался в пещере.

С тех пор река перестала выходить из берегов и на окрестных жителей не обрушивались больше наводнения. Но люди не забыли о Дадае, отдавшем жизнь за их счастье. Ежегодно после сбора урожая устраиваются поминки в честь Дадая, и люди выражают ему свою любовь и свое уважение.

БЕЛЫЙ ДРАКОН

(Предание народности бай)

Было это очень давно. Однажды весной на рассвете возвращались домой мастера-плотники, чтобы помочь семьям в работе на полях. Среди них был и мастер Ян, живший в деревне Дунсян. Шел он со своим маленьким единственным сыном Ци-цзинем, нес плотницкий инструмент и котелок из красной меди. Котелок этот был начищен так, что блестел, как солнце. Подошли мастера-плотники к глубокому речному омуту, где жили обычно драконы...

В то время в омуте жил черный, как ворон, дракон, злой и коварный. Раз в три года, когда наступало двадцать четвертое июня, дракон начинал бушевать, нагоняя страх на всех, кто был поблизости. Он вылезал из омута и летал по небу. А это вызы-

вало бурю и ливень, молнии и гром, наводнения и землетрясения, ломались мосты и рушились дома, плодородные земли превращались в песчаные пустыни. Дракон бесновался целые сутки, а потом опять уходил в омут. Раз в три года народ бай переселялся в горы и ждал там спада воды. Уходила вода, и народ возвращался в деревни, снова строил дома, чинил мосты, удобрял и приводил в порядок поля. Только успевал народ бай все наладить, как снова вылезал из омута дракон и снова начинал безобразничать. Сотни поколений прожили так под угрозой погибнуть при очередном наводнении.

У дракона этого было еще одно свойство: он не выносил железа и меди. Если кто-нибудь черпал воду из омута железным или медным сосудом, дракон выпускал на берег свои страшные когти, хватал этого человека и пожирал.

К омуту, где жил дракон, никто и приблизиться не смел. По берегам росли высоченные деревья и так закрыли реку густыми кронами, что над ней никогда не было даже маленького ветерка, и только цикады да сверчки жили в этом лесу. Надо сказать, что цикады и сверчки не боялись дракона: ведь у драконов нет ушей, и они ничего не слышат, хоть гром греми.

Так вот, шел мастер Ян со своим сыном мимо омута, где жил дракон. Захотелось Ци-цзиню пить. А поблизости река. Схватил Ци-цзинь медный котелок и побежал к ней. Не успел отец оглянуться, как сын уже исчез за деревьями. Крикнул отец:

— Вернись, сынок!

— Пить хочу, отец... — послышалось из леса.

Влез Ци-цзинь по колено в реку, зачерпнул воду котелком, и вдруг высунулась из воды черная лапа с черными когтями, схватила котелок, а заодно и Ци-цзиня и потянула в омут. Сверкнула молния, раздался гром, и все затихло. Добежал плотник Ян до реки, начал искать сына, но обнаружил на берегу лишь его соломенную туфельку.

Был у Яна только один сын, было сыну уже тринадцать лет, и вот не стало его. Сколько рек они перешли, сколько гор миновали, ничего не случилось. А тут, совсем уж неподалеку от дома, среди бела дня

Ян потерял сына. Взглянул отец на соломенную туфельку и зарыдал. Вот и солнце село за западные горы, а он все не уходил от реки и плакал.

Шла по дороге старушка, споткнулась о брошенное коромысло, услышала чьи-то рыдания, вошла в лес и увидела мастера Яна.

— Ничего теперь не поделаешь, иди домой, — сказала она, узнав о горе плотника.

Послушался Ян старушки и отправился в горы, в свою деревню. Наводнение только что кончилось, и народ бай еще не переселился с гор и жил в сколоченных на скорую руку хижинах. Плохо жилось людям, но все равно они трогательно заботились о мастере Яне. Особенно ласково отнеслись к нему девочка А-фын и мальчик А-бао. Они носили Яну воду, готовили пищу. Но, когда он смотрел на этих детишек, в сердце его усиливалась боль. Ян не ел и не спал, все держал в руках соломенную туфельку сына и горестно смотрел на нее.

И решил он наконец побороться с драконом, отомстить ему за страдания народа бай, отплатить за сына. Он был искусным мастером, как говорится, мог вырезать дракона, нарисовать феникса и построить дом, самый лучший на земле, он изучил все плотницкие правила и знал много волшебных приемов. Вот он и решил выпилить из дерева дракона, раскрасить волшебными красками, оживить его и напустить на того черного дракона, который живет в омуте, вредит народу бай и отнял сына.

Решив так, Ян перестал печалиться и рассказал о своем плане крестьянам. Те похвалили плотника, одобрили план. Все верили в его мастерство и стали помогать ему: одни построили ему хижину, другие рубили для него хворост и готовили пищу, все старались дать ему возможность спокойно делать деревянного дракона.

Срубил мастер Ян в лесу тысячулетнюю сосну, привез домой, очистил от сучьев и приступил к работе. Ему помогали А-бао и А-фын, и можно было подумать, что оба они его родные дети.

Прошло почти три года.

Мастер Ян торопился, то и дело посматривал на

звезды и луну. Он хотел закончить работу до двадцать четвертого июня. Ведь легче победить дракона, пока он еще не проснулся. До срока оставалось несколько дней, и Ян работал не покладая рук и днем и ночью.

Однажды к навесу, где работал Ян, подошел никому не знакомый человек, небольшого роста и толстый. Он долго стоял, скрестив руки, и молчал. Трижды его спрашивал Ян: «Тебе что-нибудь нужно, брат?» — но толстяк не отвечал. Потом он что-то вытащил из-за пазухи и положил перед Яном.

— Рыба, — удивленно сказал Ян.

И тут наконец чужой человек заговорил:

— Слышал я, что ты, брат, мастер на все руки.

Оживи-ка мне эту рыбу.

Ян посмотрел на рыбу: то была сушеная горбуша.

— А как же ее оживить?

— Не можешь?

— Нет, не смогу.

— Ну, уж если эту горбушу не оживишь, то куда же тебе оживить деревянного дракона!

Чужой человек низко нагнул голову, засунул руки в карманы и, не прощаясь, ушел. Ян не успел разглядеть его лица, но ему показалось, что тот, уходя, ехидно улыбался. Хотел было Ян броситься за ним и вдруг услышал позади себя шорох. Обернулся и видит: сушеная горбуша ожила и бьет хвостом. Схватил Ян топор, хотел оглушить ожившую рыбу, но не тут-то было: горбуша увертывалась от ударов и вдруг исчезла. До полуночи Ян, А-бао и А-фын искали ожившую горбушу, разобрали всю стружку на полу, но ничего не нашли.

Тогда они поняли, чьих рук это дело. Это черный дракон приходил посмеяться над мастером! Чтобы впредь уберечься от непрошенных гостей, Ян насыпал вокруг навеса рис. Ведь известно, что злые духи не проникают в то место, вокруг которого насыпан рис. А кроме того, день и ночь А-бао и А-фын по очереди дежурили, — но больше никто не приходил.

И вот наступило двадцать четвертое июня. Ян закончил работу и выставил дракона на площади.

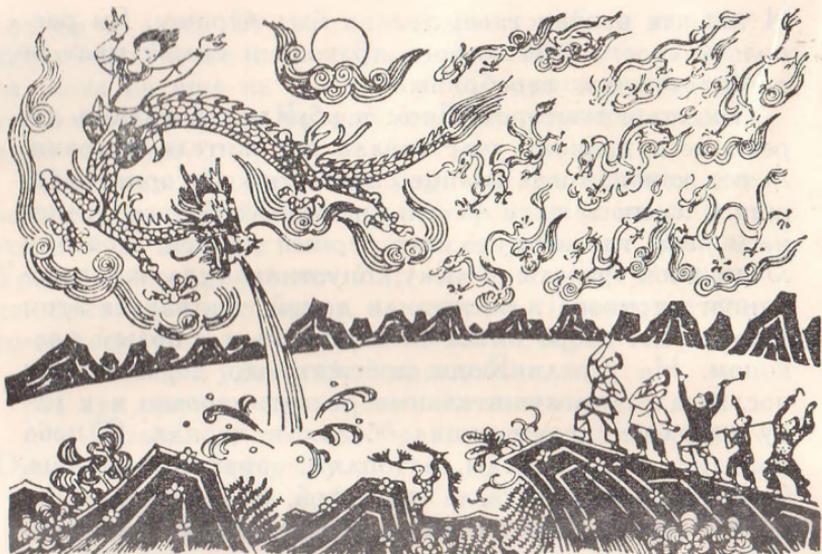
И так как ненавистный дракон был черным, Ян раскрасил своего деревянного дракона в белый цвет, и он блестел, как серебряный.

Вместе с мастером Яном в обряде оживления деревянного дракона участвовали все жители деревни. А под конец, когда солнце спряталось за горные вершины, люди зажгли факелы и отнесли белого дракона к реке, где в омуте жил черный дракон. Бросили люди свои факелы в реку, опустили туда же деревянного дракона и заспешили домой, так как на этом месте будет скоро битва между черным и белым драконом. Не успели люди добежать до деревни, как послышались оглушительные раскаты грома, и к небу взвились две молнии — белая и черная. С неба полились потоки воды, затопляя овраги и долины. Схватка драконов была жестокой, они металась по небу с севера на юг, с запада на восток, камнем бросались сверху на землю и снова взмывали вверх. Мастер Ян и крестьяне наблюдали за борьбой и видели, что белый дракон — храбрый, но уступает черному в силе. Потом они увидели, как черный дракон напустил на белого черную тучу, и тот исчез. Наконец, белый дракон совсем обессилел, и на землю стали падать белые чешуйки; черный дракон разорвал белого на части.

Хотя белый дракон и не победил, люди прониклись еще большим уважением к мастеру Яну. Он решил сделать нового дракона. Люди знали, что от успеха мастера зависит их жизнь, поэтому они пошли вместе с Яном в лес, срубили большое дерево, привезли к Яну под навес и опять, как и прежде, заботились о нем.

Пришел однажды к плотнику Яну кузнец Чжао: — Надо сделать так, чтобы у твоего нового дракона и зубы, и когти, и чешуя были железными, тогда черный дракон не сможет одержать верх. Я тебе в этом помогу.

Стали вместе работать плотник Ян и кузнец Чжао, помогали им А-бао и А-фын. Помогая мастерам, дети и сами учились. И вот, когда подошел срок, в омут опустили не только нового белого дракона с железными зубами, когтями и чешуей, но и

восемь маленьких драконов, сделанных руками А-бао и А-фын.

Снова завязалась жаркая схватка между черным драконом и девятью белыми. Снова полились с неба потоки дождя, загрохотал гром и засверкали молнии. Наблюдали люди за битвой и радовались: теперь плохо приходилось черному дракону. Он метался с запада на восток, с севера на юг, но всюду преследовали его драконы, пущенные людьми, и не было ему пощады. Нырнул черный дракон в воду, но белые драконы бросились за ним. Долго еще кипела вода в реке, а потом все стихло. Дождь перестал, засветило солнце, и вынырнул из пучины белый дракон. На его спине сидел Ци-цзинь — сын мастера Яна. Обрадовались люди, начали плясать и петь песни, славить золотые руки плотника Яна и кузнеца Чжао.

С тех пор черный дракон не осмеливался больше посылать пагубу на народ бай. Через каждые три года, двадцать четвертого июня, крестьяне зажигали факелы и шли к омуту на реке, где жил черный дракон. Они бросали в воду факелы, а черный дракон думал, что опять на него хотят напустить одного

большого дракона и восемь маленьких. Он забивался еще глубже на дно и не показывался. Так народ бай победил черного дракона, победил наводнения.

Прошло с тех пор много лет, а память о плотнике Яне, о кузнеце Чжао, о детях А-бао и А-фын не изгладилась в сердцах людей. В честь этих героев народ бай построил пагоду «Белый дракон», а внутри установил изображения плотника Яна, кузнеца Чжао и детей А-бао и А-фын.

ЧАНБАЙШАНЬСКИЕ ГОРЫ

Когда-то почти вся Поднебесная была залита водой, и суши было очень мало. Это Юй направил воду на восток, и там образовалось большое Восточное море. И теперь крестьяне, орошая поля, знают, что вода легко течет с запада на восток, а не с востока на запад: такое свойство воде дал Юй.

Юй жил там, где солнце заходит. Он был уверен, что там, где оно восходит, очень жарко, и потому людей в тех краях мало. Вот он и направил воду туда, откуда приходит солнце.

Голова у Юя была большая, величиной с корзину для переноски земли, а глаза были словно две пиалы, из которых едят рис. Было у Юя прекрасное зрение, видел он на десять с лишним ли. Он переносил горы, засыпал моря и никогда не уставал от работы. А обут он был в старые сандалии.

Когда Юй был еще совсем маленьким, мать спросила его:

— Каким ты вырастешь?

— Вот с это дерево,— и Юй показал на высоченный тополь, росший около дома.

Услыхало тутовое дерево, что Юй хочет вырасти с тополь, обиделось и не стало больше расти, так с тех пор и осталось маленьким. Но когда Юй стал взрослым, он вырос выше тополя.

Жил Юй у самого моря и умывался морской волной. Видя, как плавают рыбы и утки, он научился

плавать и по-рыбьему и по-утиному. Он заплывал теперь туда, где и дна-то не достанешь. Потом Юй увидел, что чайки садятся на ветки, плавающие по воде, видимо, так им удобнее ловить рыбу — не надо тратить лишних сил. И вот Юй научился делать плоты, чтобы плавать по морю. И тогда Юй решил отплыть на плоту и посмотреть, где кончается вода и где снова начинаются берега.

— Когда ты вернешься? — спросила мать.

— Как узнаешь, что на востоке, за горами, где восходит солнце, стало много землепашцев, так и жди меня.

Долго плыл Юй и наконец приплыл в Восточную страну. Она была затоплена. Ходить было можно, но воды было слишком много.

Ходил Юй по стране с запада на восток, с юга на север и все исправлял течение воды. Кожа у него на ногах стала толстой-претолстой, его обдували свирепые ветры, по лицу хлестали ливни, лицо стало черным, как котел для варки пищи. Но он не уставал, пробивал дорогу воде и радовался, что дело идет успешно. Наконец Юй понял, что нужно построить большую плотину и пробить русла для двух рек, тогда вся вода потечет на восток.

«Много камней у горы Тайшань*, — подумал Юй, — вот из них и надо сделать плотину». Ни днем, ни ночью не отдыхал Юй. За три дня и за три ночи перенес Юй девяносто даней¹ камня с горы Тайшань и запрудил воду на южной стороне. Эти камни потом превратились в Чанбайшаньские горы*. Есть в тех горах острая вершина, именно там Юй свалил десять даней камня.

Устроил Юй плотину, но вода еще не текла на восток. Призвал тогда Юй двух драконов, водяного и земного, и приказал им сделать за два дня русла для двух рек. Полетел водяной дракон на юг, сделал русло широким, но не глубоким и поспешил доложить Юю, что в срок закончил работу. Земной же дракон был честнее, он старался, чтобы воде было удобно стекать, не пожалел сил и сделал хорошее русло, вода по нему привольно катилась на восток. Но дракон не уложился в срок. Все примечал Юй и понял, что земной дракон любит трудиться. И Юй поместил его на небо, приказал ему посылать дождь для крестьян. Водяного же дракона Юй наказал вечной жизнью на дне морском.

За пять дней и за три ночи Юй навел порядок в стране: построил плотину и прорыл русла для двух рек. Посмотрел он на землю у подножия Чанбайшаньских гор, она — желтая и плодородная. Отмерил Юй шестьсот шагов и отдал землю крестьянам. А на севере лежала черная земля, не такая плодородная. Отмерил Юй семьсот двадцать шагов и отдал землю крестьянам. Справедливо поступил Юй: хорошей земли роздал меньше, а плохой больше.

¹ Дань — мера веса, равная примерно 50 килограммам.

Поэтому мы и меряем землю разными му¹. Му плохой земли больше, чем му хорошей.

Все сделал Юй, крестьяне начали пахать поля. Лишь тогда Юй решил отдохнуть. Сел на построенную им плотину, снял сандалии и вытряхнул из них песок. Образовались два холмика. «А ведь помещают крестьянам эти холмы, когда они начнут здесь обрабатывать поля», — подумал Юй и придвинул холмики друг к другу. Вот как заботился Юй о крестьянах! Потом песок из сандалий Юя превратился в два больших холма у подножия Чанбайшаньских гор: один с острой вершиной, другой — с тупой.

ГОРЫ ТАЙШАНЬ, МЫНШАНЬ И ИШАНЬ

В старину у нас в провинции Шаньдун не было горы Мыншань, да и гора Тайшань была не здесь. В то время эти горы находились в Восточном море.

Царь драконов Восточного моря частенько поднимался на небо, чтобы распорядиться облаками и дождем. Горы Тайшань и Мыншань мешали ему выходить из моря. Вот он и вывесил объявление о награде в пятьсот лянов золота тому, кто перенесет эти горы в другое место. Не так-то легко перенести гору, такое, пожалуй, и божеству не под силу. Но нет на свете невыполнимого.

Подошел однажды к объявлению старичок, по виду крестьянин. На плече он держал стебелек джута. Подошел, посмотрел на объявление и сорвал его*.

Дракон, стороживший объявление, рассвирепел:

— Дерзкий старик! Как ты посмел сорвать объявление?! Уж не хочешь ли ты перенести горы?

— Конечно, — усмехнулся старик.

Дракон немного успокоился:

— Как же ты их будешь переносить? И чем ты их возьмешь?

¹ Му — мера площади, различная в разных районах: от 1/13 до 1/16 гектара. Наиболее употребительно му, равное примерно 1/15 гектара.

— А вот этим!

Старик помахал стебельком джута перед носом дракона. А золото дракона он швырнул в море. Ведь настоящему герою золота не нужно. Затем старик закатал шганы и вошел в море. Подошел он к горе Тайшань и воткнул в нее один конец стебелька, а другой — в гору Мыншань. Поднял горы, как два снопа, и пошел не торопясь. Когда он добрался до севера нашей провинции, решил поразмять плечи. Расправил их, а стебелек-то у него на плечах и сломался. Упали горы Тайшань и Мыншань. Присел старик передохнуть, чувствует — у него в сандалии песок набился. Снял он сандалии, вытряхнул песок — и превратился песок в гору Ишань.

ХРАМ УВАЖАЕМЫХ ПРЕДКОВ

Жила-была некогда в деревне Пуцзы девушка Чунь Ин. Целый день она хлопотала по дому не разгибая спины: носила удобрения на поля, мыла посуду, готовила пищу, молола. Одним словом, вся работа по хозяйству лежала на ее слабых плечах. А в доме верховодила бабка, злая, привередливая и несправедливая. Все время она ругала Чунь Ин, а зачастую и била. Так проходили дни за днями, месяцы за месяцами.

Самым трудным для Чунь Ин было носить воду, так как приходилось ходить за ней далеко в горы, к источнику. В студеную зиму, в летнюю жару, под дождем и под снегом, по нескольку раз на дню приходилось ей отправляться в дальний путь за водой. А вернется Чунь Ин домой — злая бабка схватит ее за волосы, ударит по лицу и приговаривает:

— Приноси ведро полней, приноси ведро полней!

Однажды утром шла Чунь Ин от источника с водой и остановилась передохнуть. Навстречу по горной тропинке какой-то старик вел лошадь. Подошел к ней старик и поклонился.

— Дай, девушка, воды жажду утолить и мне и коню.

Посмотрела Чунь Ин на старика, на его лицо, обтянутое иссохшей кожей, и поняла: вот-вот умрет старик от жажды. А лошадь, почуяв воду, захрапела и потянулась к ведру. «Дать им напиться — придется снова возвращаться к источнику, опоздаю — бабка будет ругать. А не дать — умрут от жажды», — подумала Чунь Ин, а вслух сказала:

— Пейте.

Жадно и долго пил старик, и, когда разогнул спину, осталось воды полведра. Лошадь допила остальное. Ни слова не сказал старик, повернулся и ушел.

На другое утро Чунь Ин на обратной дороге от источника снова повстречала вчерашнего старика с лошадью. Опять он поклонился и попросил напиться.

— Пейте, — сказала девушка.

Опорожнили старик и лошадь ведро. Чунь Ин собиралась вернуться к источнику, но старик остановил ее:

— Ты, видимо, девушка добрая, хорошее у тебя сердце. Дважды мы выпили у тебя воду, я даже тебя и не поблагодарил, а ты не обиделась. Так вот тебе в подарок кнут. Поставь этот кнут в ведро, и всегда оно будет с водой. Не придется тебе больше ходить к источнику. Только помни, ни в коем случае нельзя вытаскивать кнут из ведра.

Сказал старик, потянул за собой лошадь, и они исчезли.

Обрадовалась Чунь Ин, вернулась домой и рассказала односельчанам о волшебном кнутах. Теперь никто из деревни Пуцзы не ходил за водой к источнику. Все приходили к Чунь Ин и брали воду у нее. Много времени и сил сберегли на этом жители Пуцзы, много благодарных слов сказали они трудолюбивой и доброй девушке.

Недовольна была лишь злая бабка, надоели ей люди: с утра до вечера приходили они к ней во двор за водой и не давали ей покоя. Злобу затаила старуха на волшебный кнут.

Однажды понадобилось Чунь Ин сходить в соседнюю деревню. Уходя, она сказала старухе:

— Ни в коем случае не вытаскивай кнут из ведра.

Старуха кивнула головой и ничего не ответила. А на другой день, когда все еще спали, старуха потихоньку, на цыпочках вышла из дома, подошла к ведру, в котором находился кнут, и злобно сказала:

— Не дам я вам больше воды!

Вытащила кнут из ведра и бросила на землю. И вдруг случилась беда: неудержимым потоком хлынула вода из ведра и начала заливать двор. Вода быстро поднялась до крыши дома, поглотила старуху. И все прибывала и прибывала — потекла по улицам деревни, затопила овраги и низины. Закричали люди, залаяли собаки, закудахтали куры, начался невообразимый переполох.

А в это время Чунь Ин, только что искупавшись, сидела на берегу речки и причесывала волосы. Увидев потоки воды, она догадалась, что с ее ведром случилась беда. Бросилась она в деревню, подбежала к дому, а из ведра хлещет вода.

«Ведро надо закрыть!» — решила она сразу. Но чем же закрыть его? И вдруг Чунь Ин увидела соломенный тюфяк, быстро набросила его на ведро и села поверх. Вода сразу же начала убывать, а потом спокойно потекла двумя ручейками.

Когда все успокоилось, люди вспомнили о Чунь Ин. Кто-то сказал, что недавно видели ее на берегу речки: она сидела там и расчесывала волосы. Бросились искать, но нигде не нашли.

В память о Чунь Ин люди построили храм и назвали его «Храмом уважаемых предков».

ИЗУМРУДНАЯ КАПЛЯ

(Предание народа нун)

Много-много лет назад как-то вечером после сбора осеннего урожая люди мирно отдыхали. Небо было усеяно звездами, тихо струился прохладный ветерок. В домах уже зажгли лучины, и старики,

сидя у нагретых канов*, строили планы о будущих покупках. Дети играли в прятки близ скирд собранного хлеба, а парни и девушки ушли в лес. Молодым хочется повеселиться, а влюбленным — побыть наедине.

Вот и луна уже склонилась к западу, уставшие от беготни дети уснули около теплых канов, смолкли в лесу смех и песни молодежи... Вдруг с неба стал падать огненный шар. Он несся все быстрее и, наконец, взорвался над долиной. Казалось, треснула земля и разверзлись небеса. Люди в ужасе проснулись от сверкающего блеска, он, как молния, окрасил багрянцем дома, во все стороны полетели снопы искр, и деревянные хижины запылали гудящим огнем. Затем огонь стал пожирать собранный хлеб и окрестный лес. Крики людей смешались с ревом скота, с грохотом падающих балок в горящих домах, с треском и взрывами огня. Море пламени охватило всю деревню. Все погибло в огне.

В живых осталось лишь несколько юношей и девушек. Они в эту ночь ушли далеко и, увлекшись разговорами о любви, забыли вернуться домой. Когда начался пожар, они поднялись на окрестные скалы и ждали до рассвета. Но наступило утро, а огонь все бушевал. Несколько дней долина была объята ярким пламенем и окутана черным дымом. Прошло несколько лет, прежде чем огонь в долине погас совсем. Пламя уничтожило все растения, осталась сплошь выжженная земля. Уцелевшие юноши и девушки перебрались далеко в горы, к Разбросанным Камням. Там они и обосновались, переженились, и появились у них дети. Но жили они бедно.

В деревне у Разбросанных Камней жил юноша Янь-ган, крепкий, сильный, умный и смелый. У него была только старушка мать да невеста Ло-ин — дочка дяди Лина, соседа. Обе семьи жили дружно и постоянно навещались друг к другу.

В один из годов сильная засуха охватила Разбросанные Камни, в прудах высохла вода, а земля по-

крылась большими трещинами. Засохли верхушки деревьев, завяли посевы, погибли даже дикie травы.

И вот однажды утром взял Янь-ган свое бамбуковое коромысло, нацепил на него две бадьи и отправился по воду за семнадцать ли от дома. Коромысло было прочное и гибкое, оно выдерживало груз в несколько сот цзиней¹. С внешней стороны коромысло казалось позолоченным, так оно блестело на солнце, а внутренняя сторона его была расписана чудесным разноцветным узором. Куда бы ни пошел Янь-ган, он всюду брал коромысло с собой.

Возвращаясь с водой, Янь-ган печально смотрел на погибшие посевы по обочинам дороги. Взял он в руку горсть земли, помял — она и рассыпалась, как пыль. «Что же мы будем есть зимой, если засуха не кончится?» — подумал он.

Уже у самой деревни Янь-ган услышал голос Ло-ин. Она стояла на горном склоне и кричала:

— Янь-ган, принес ли воду?

— Принес, Ло-ин! — крикнул Янь-ган.

Когда он увидел невесту, печаль его рассеялась. Домой они вернулись вместе — впереди Янь-ган с бадьями, следом за ним Ло-ин. Мать Янь-гана

¹ Цзинь — мера веса, равная примерно 0,5 килограмма.

и дядя Лин, пришедший к ней в гости, вышли навстречу. Янь-ган поставил бадьи на землю, зачерпнул воду чашками из тыквы-горлянки и подал матери и дяде Лину. Вода была мутная, но старики пили ее с наслаждением, будто мед. «Ох, как пересохло в горле от жажды!» — повторяли они, не в силах оторваться от чашек.

Ло-ин помогла Янь-гану внести бадьи в дом и начала готовить обед из горных кореньев и трав. Янь-ган рассказал дяде Лину о засохших посевах, которые он видел.

— Дядя Лин, уйдем отсюда, поищем место, где не придется голодать!

— Черная Долина — вот место, где мы будем сыты! — со вздохом произнес старик.

— Да не кружится ли у тебя голова от зноя, дядя Лин! Там же настоящее пекло! Разве можно там жить? Там и камни превращаются в золу.

Тогда дядя Лин рассказал, как Черная Долина погибла в огне. Рассказал он и о старике, который пришел однажды откуда-то в деревню у Разбросанных Камней. От этого старика стало известно, что далеко за восточным краем Черной Долины стоит гора Родниковой Воды, а в той горе есть глубокая пучина, на дне которой лежит Изумрудная Капля. Если добыть Изумрудную Каплю, можно вновь оживить Черную Долину. Но пучина оплетена паутиной огромного золотого паука. Чтобы достать Изумрудную Каплю, надо сначала пойти на гору Свежих Цветов, далеко на западе от Черной Долины, и вытащить из брюшка большой пчелы золотое жало. Этим жалом можно умертвить золотого паука. Когда жители деревни у Разбросанных Камней узнали об этом от старика, двое юношей ушли за Изумрудной Каплей. Но оба погибли, так и не достав ее. Один умер на половине пути, другой — уже вернувшись домой.

Едва дядя Лин закончил свой рассказ, как Янь-ган решил:

— Я пойду!

Мать юноши и Ло-ин испугались.

— Куда ты пойдешь! — заливалась слезами

мать. — Разве ты не слышал: кто отваживался на это — все погибали!

— Если я не пойду, мы все равно умрем с голоду. Смотри, что мы теперь едим! Еще несколько дней — и не останется даже травы и древесных корней. Все равно я уйду! Добуду Изумрудную Каплю, и тогда мы заживем хорошо.

Видя, что Янь-ган решил твердо, дядя Лин в душе одобрил его храбрость. Он просил юношу не беспокоиться о матери и несколько раз напомнил ему об осторожности, которая нужна в этом подвиге. Мать и Ло-ин плакали навзрыд, не в силах от горя вымолвить ни слова.

Весть о решении Янь-гана всколыхнула всю деревню. На следующее утро все вышли провожать его. Многие на дорогу принесли ячменных лепешек. Ло-ин положила в карман Янь-гану ароматную пчелиную куколку, сбереженную ею с тех пор, когда они вместе собирали в горах мед.

На восходе Янь-ган вскинул на плечо свое любимое коромысло из золотого бамбука, простился с матерью, дядей Лином, Ло-ин и односельчанами и пошел на запад к далекой-далекой горе Свежих Цветов. Шел он и днем и ночью, переправился через множество рек, перевалил через огромные горы. Питался дикими ягодами, пил из горных потоков. От усталости ломило кости, ноги становились тяжелыми, как свинец, но Янь-ган не унывал: он думал только об Изумрудной Капле. Наконец Янь-ган приблизился к высокой горе. Стайки облаков бродили по склонам горы. Легкий ветерок доносил аромат трав. «Это, конечно, гора Свежих Цветов», — решил Янь-ган и начал взбираться на ее вершину, цепляясь за ползучие травы и корни деревьев. Три дня и три ночи он поднимался вверх, пока, наконец, достиг вершины. Янь-ган огляделся по сторонам и невдалеке увидел еще одну вершину. Она голубела в прозрачном воздухе и вся была покрыта цветами и травами. «Так вот она, эта гора!» — обрадовался юноша и стал пробираться ко второй вершине. Не успел он пройти половины пути, как вдруг почувствовал сильную боль в щеке, будто ее обожгли. Это были пчелы.

Они прилетели с горы и отчаянно жалили. Янь-ган взмахнул коромыслом, прогнал пчел и продолжал идти вперед. Когда он наконец дошел до горы Свежих Цветов, то увидел, что пчелы над ней летают тучами, за ними даже травы не было видно. Янь-ган похолодел от ужаса — как же пробраться на гору и добыть золотое жало большой пчелы? Присел он на камень и стал думать, как быть, что делать. Случайно он сунул руку в карман и наткнулся на прощальный подарок Ло-ин, на пчелиную куколку.

Вспомнил Янь-ган, как в позапрошлом году вместе с Ло-ин собирал в горах мед и как они дымом отгоняли пчел. Теперь Янь-ган знал, что делать! Но как получить дым? На огромной горе нет ни соломинки, ни кустика, растет лишь одно-единственное Драконово дерево *. Разве сможет он один натаскать дров, чтобы отогнать с горы всех пчел? И вдруг он услышал хлопанье крыльев и крик ворона. Поднял голову Янь-ган и увидел: орел взмывает ввысь и держит в когтях вороненка, а за ним неотступно следует ворон. Янь-ган схватил коромысло, прицелился и бросил его в хищника. Он угодил прямо в голову, орел отпустил добычу и рухнул на камни, а вороненок улетел.

— Карр, карр! — прокричал старый ворон, покружился над Янь-ганом и сказал человеческим голосом: — О, благодарю, благодарю, тебя, юноша! Ты спас моего сына!

Янь-ган посмотрел на ворона, ничего не ответил и опустил голову. Он думал о своем: как достать золотое жало?

— О юноша! — снова сказал ворон. — Что печалит тебя? Почему ты молчишь? Говори, может быть, я тебе и помогу!

Янь-ган рассказал ворону о своей беде. Старый ворон громко засмеялся:

— Дело нетрудное! Это в моих силах. Не пройдет и часа, как гора Свежих Цветов будет завалена кучами хвороста.

Ворон сделал над юношей большой круг и прокричал: «Карр! Карр! Карр!» На его зов слетелись

тучи воронов. Еще раз что-то прокричал старый ворон, птицы разлетелись во все стороны и вскоре снова прилетели. Они притащили в клювах хворостинки и быстро завалили гору кучами хвороста.

Янь-ган обрадовался, но тут же подумал: «Дрова есть, где взять огня? Дома-то огонь всегда есть в кане. Дунешь на угли — вот и огонь. А здесь кана нет!» И вспомнил Янь-ган, как однажды он гнался в горах за волком, бросил в него коромыслом, но не попал. Коромысло ударилось о камень, и во все стороны брызнули искры, а от них загорелась сухая трава.

Янь-ган отыскал хороший камень, высек огонь, поджег сухую ветку и запалил хворост. Гора окуталась густым дымом, красные языки пламени окрасили полнеба. Одни пчелы сгорели, другие улетели. Юноша подбежал к Драконову дереву. На нем осталось только одно гнездо. Янь-ган прицелился коромыслом, метнул и сбил гнездо. Большая пчела вылетела из гнезда и скрылась «Теперь все пропало!» — подумал Янь-ган в отчаянии. «Карр! Карр!» — раздался вдруг крик ворона. Янь-ган оглянулся, а ворон-то рядом с ним и держит в клюве большую

пчелу величиной с воробья. Янь-ган схватил пчелу, вспорол ей брюшко и достал золотое жало.

Спрятал Янь-ган за пазуху золотое жало и пошел обратно на восток. Шел он долго, несколько лун *, и наконец добрался до цели. Гора Родниксвой Воды была покрыта дремучим лесом, сырым и темным, полным ядовитых змей и хищных зверей. Деревья леса заросли колючками, зеленым лишайником и мхом.

Размахивая коромыслом, Янь-ган вступил в дремучий лес. Пучина с Изумрудной Каплей была в глубине этого леса, среди болотистой низины. По берегам пучины росли плакучие ивы. Сквозь огромную паутину золотого паука, покрывавшую пучину, было видно, как посреди булькают зеленые пузыри, похожие на драгоценные сапфиры. У самой пучины Янь-ган почувствовал страшный холод. Его даже зазнобило. Янь-ган увидел золотого паука и бросил в него коромысло, но не убил, а коромысло улетело далеко прочь. Янь-ган попробовал оборвать паутину, потянул ее обеими руками, но паук скоутил паутиной его руки, будто надел наручники. Освободиться от тисков не было никакой возможности. А золотой паук уже бежал к нему по паутине, уже раскрыл свою пасть, похожую на клешни. Янь-ган прижался к паутине, двумя пальцами быстро вытащил из-за пазухи золотое жало и с силой воткнул пауку в глаз. Золотое чудовище свалилось замертво. Следом за ним рухнул в пучину и Янь-ган. Паутина в воде ослабла, руки его освободились, и он стал ощупывать дно пучины.

Долго искал он, окоченел от холода и наконец увидел белую пену, а в ней что-то мерцает зеленым светом. Разбросав пену, Янь-ган увидел изумрудный камень, излучавший сияние. Это и была Изумрудная Капля. Он взял камень, но от холода пальцы сразу онемели. Тогда он положил его в рот. Но и рот онемел от холода, и зубы разжать Янь-ган не мог. Глубоко вздохнул он сквозь зубы и нечаянно проглотил Изумрудную Каплю. Сразу в животе у него все смерзлось, кровь остановилась, и юноша потерял сознание.

Когда Янь-ган очнулся, он уже стал великаном. Глубокая пучина теперь едва прикрывала его ноги. Янь-ган раскрыл рот — хлынул огромный поток воды длиной в несколько чжанов.

Вспомнил Янь-ган о своей деревне, о засухе и широким шагом направился к дому. Ничто не могло остановить его — деревья он отбрасывал легким взмахом ноги, за ним оставалась в лесах широкая дорога, горы он легко перешагивал. Очень скоро Янь-ган достиг высокого хребта у восточного края Черной Долины и здесь упал без сил. Его живот разбух, рот раскрылся, и полилась в долину нескончаемым потоком вода! Жители деревни у Разбросанных Камней вдруг слышали шум родившегося потока. Далеко у другого края долины поднялся густой пар, и на окрестные горы обрушился ливень.

Через три дня и три ночи дождь прекратился, рассеялся туман. Долина перестала быть раскаленным пеклом. Осторожно подошли люди к долине и увидели: с востока низвергался поток прозрачной воды. Пошли люди вдоль потока в горы и увидели юношу Янь-гана. Только тело его вытянулось горным хребтом, голова стала горной вершиной, а рот — пещерой, откуда нескончаемо льется прозрачная вода. Тогда люди назвали гору — Яньганшань, а реку — Яньганхэ.

Постепенно вернулся народ нун из Разбросанных Камней на землю своих предков и зажил счастливо. Здесь круглый год пышная зелень, земля стала богаче и природа чудесней, чем прежде. Кругом распускаются цветы, щебечут птицы. Сожженная земля превратилась в благодатный край.

СКАЗАНИЕ О ХОУ ЦЗИ

Жила в древние времена добрая, трудолюбивая Цзян-юань. Дожила уже до тридцати лет, а детей у нее все не было. Как-то весной, когда прилетели ласточки, Цзян-юань собрала в узелок все, что нуж-

но для жертвоприношения, и пошла в храм помолиться богу неба, попросить его дать ей ребенка. На обратном пути заметила она след на дороге — след огромной ноги какого-то великана. Цзян-юань дотронулась ногой до чужого следа и вдруг почувствовала, что прикоснулась к чьим-то большим ногам, и это прикосновение возбудило в ней дрожь. Очень испугалась Цзян-юань. Пришла домой и рассказала обо всем соседям. И начали они наперебой обсуждать происшествие.

— Это недоброе предзнаменование! Как бы не случилось несчастья! — говорили одни.

— Возможно, ты как-нибудь согрешила перед богом неба? Как же иначе объяснить такой странный случай? — болтали другие.

Новость облетела всю деревню. Слушая пересуды, Цзян-юань еще больше напугалась. И пошла она за советом к старцу, который слыл большим мудрецом. Старик объяснил ей:

— Этот след, вероятно, оставил бог неба. У тебя сердце отзывчивое и доброе. Ты трудолюбива. Бог неба тебя не обидит. Придет время, и ты родишь пухленького малыша.

Страх у Цзян-юань прошел, но волноваться она не перестала. Дни шли за днями. Когда улетели ласточки. Цзян-юань родила здорового, крепкого мальчика. И опять по деревне начались пересуды. Одни говорили:

— Этот ребенок появился на свет странным образом! Как она легко его родила! Не к добру это!

Другие вторили:

— Если он останется жить среди нас, обязательно случится несчастье. Надо его выбросить!

Тяжело было расставаться Цзян-юань с сыном, но как идти против всей деревни? Пришлось подчиниться. Соседи бросили ребенка на узкую тропку. Каждый вечер по этой тропинке проходило большое стадо коров и отара овец. Вот люди и рассчитывали, что коровы и овцы растопчут ребенка.

Наступил вечер. Коровы и овцы спустились с горы, Толпясь и обгоняя друг друга, бежали они

к тропинке. Но первая же корова остановилась около ребенка и замычала. Стадо осторожно обошло мальчика. Остался он цел и невредим. Удивились люди, но все равно хотели избавиться от ребенка. Задумали они бросить его на следующее утро в лесную чащу на съедение зверям.

Ночью выпал снег. Стало холодно. Вся деревня вышла в лес рубить дрова. Когда в лесу много народа, хищные звери прячутся в норах. И мальчик остался живым. Тогда решили люди бросить его в речку: в холодной воде ребенок сразу же замерзнет. Но только бросили его в речку, как налетели стаей птицы, покружились над ребенком и опустились. Каждая птица раскрыла крылья, стараясь прикрыть мальчика, согреть его своим теплом. Ребенок ожил и заплакал. Плач его разносился далеко-далеко. Мать услышала, не выдержала, прибежала к речке и унесла его домой. Трижды ребенок спасся вопреки людской воле, и люди больше не осмеливались вредить ему.

Цзян-юань назвала сына Хоу Цзи. Когда он вырос, то стал похожим на мать — такой же умный, справедливый и трудолюбивый.

В те времена люди еще не умели пахать, сеять и собирать урожай. Они охотились на диких зверей, собирали дикие плоды, травы и съедобные корни. В поисках пищи им приходилось часто перекочевывать с места на место. А в пути их подстерегали разные опасности.

Хоу Цзи мечтал облегчить тяжелую жизнь людей. Однажды весной он сделал из палки и воловьей кости мотыгу. Вскопал поле, разровнял его и засеял семенами диких трав, которые собрал еще прошлой осенью. Земля разогрелась, и после нескольких дождей поле покрылось зелеными всходами. Невзирая на ветер и дождь, Хоу Цзи каждый день работал на поле: рыхлил землю, поливал, полол.

Наступила осень, и на поле Хоу Цзи созрело просо. Желтые метелки его были похожи на пушистые хвосты лисиц. Потом созрели гаолян, мохнатые соевые бобы и крупные зеленые тыквы. Люди только удивлялись. Попробовали на вкус тыкву, а она

у Хоу Цзи получилась ароматной и сладкой. Зерна же гаоляна и соевые бобы были лучше и крупней тех, которые удавалось собрать среди диких трав.

— Как же он смог получить такой гаолян, такое просо, сою и тыкву? — удивлялись люди. — Каждый год бог неба разрешает земле выращивать для нас и просо, и фрукты, и тыквы. Но никогда ни тыква, ни просо, ни гаолян, ни соя не бывали такими крупными и вкусными!

— Правильно, — согласился Хоу Цзи, — бог неба дарит нам ежегодно много съедобных плодов и семян. Но каждому человеку он подарил еще голову и две руки. Надо уметь пользоваться головой и руками. Тогда мы сможем создать и то, что не создал бог.

Многие поверили Хоу Цзи, но некоторые сомневались. Они думали, что Хоу Цзи получил от бога неба какие-то особые семена, иначе он не смог бы вырастить такой урожай. По всей округе распространилась весть о плодах и зерне, полученных Хоу Цзи. Стали приходить к нему люди — учиться мастерству. Хоу Цзи был этому только рад. Он учил людей отбирать семена, пахать землю, орошать, пропалывать. Он объяснял, в какое время надо сеять и когда собирать урожай. Так люди и научились выращивать полезные растения, перестали ходить далеко в лес на охоту за дикими зверями, перестали питаться дикими травами и ягодами. Не надо было им больше и перекочевывать с места на место, они научились строить дома и амбары, чтобы сохранять урожай. Жизнь людей стала спокойной.

Весть о Хоу Цзи дошла и до правителя тех мест Яо. Яо очень уважал и ценил Хоу Цзи. Он назначил его «крестьянским учителем». Как долго жил Хоу Цзи — сто или двести лет, — неизвестно. Но он многому успел научить людей и изобрел много орудий, которые облегчали крестьянам работу. И до сих пор все знают имя Хоу Цзи. Все уважают и почитают его.

ХРАБРЫЙ ЧЖАН И МАЛЕНЬКАЯ ХУА

Это случилось так давно, что даже древние деды родились после этого.

Ходила молва, что на Ястребиной горе живет чудище. Говорили об этом, судачили, но никто не осмеливался подняться на ту гору и посмотреть на чудище.

И вот однажды спустились с Ястребиной горы старик и девушка, а перед ними летела птичка-белоголовка. Пришли они в село и стали показывать фокусы. Достал старик веревку, схватила один ее конец птичка-белоголовка, взлетела в небо и подвесила его там. А девушка ухватилась за веревку и начала взбираться вверх. Все выше и выше лезла по веревке девушка, вот уж и не видно ее. Вдруг откуда-то сверху стали падать персики, большие и сочные. Собрал старик персики, роздал зрителям и сказал при этом:

— Персики эти с берегов небесного озера, их достала моя дочь — Маленькая Хуа. Дочь моя хочет выйти замуж, а отдам ее в жены я тому храбрецу, который поднимется на вершину Ястребиной горы, там мы живем.

Маленькая Хуа спустилась на землю. Собрал старик свои вещи, взвалил на спину, и пошли они к себе в горы. Перед ними опять летела птичка-белоголовка.

Много дней после этого в деревне шел разговор о фокусе, показанном стариком, и о дочери его, Маленькой Хуа. Многие юноши хотели жениться на Хуа, уж очень она была красива, да и фокусы диковинные умела показывать. Но кто осмелится подняться на вершину Ястребиной горы? И все-таки выискался среди юношей смельчак, по имени Храбрый Чжан. Он решился пойти за Маленькой Хуа.

Положил Храбрый Чжан еды в котомку, взял копье с железным наконечником и пошел. Восемь дней он шел по горам, через лесную чащу, слышал рычание львов и тигров, но ничто не остановило его. На девятый день дорогу преградила широкая и глубокая река. Моста через нее не было, а у берега

Храбрый Чжан не нашел ни одной лодки. Бросил он котомку с пищей, снял с копья железный наконечник, вошел в реку и поплыл. Выбрался он на другой берег, вершина горы была уже близко. Начал он взбираться по отвесным кручам. Захотелось ему есть — нашел съедобные коренья, ягоды и опять зашагал вперед. Захотелось пить — отыскал родничок, подошел к нему, а возле родничка стоит Маленькая Хуа, она уже зачерпнула ведро воды и собиралась уходить. Обрадовался Храбрый Чжан. А Маленькая Хуа посмотрела на него печальным взглядом и пошла прочь, ничего не сказав.

— Маленькая Хуа! Маленькая Хуа! — закричал вслед Чжан.

Но Маленькая Хуа даже не обернулась и вошла в небольшую хижину. Хотел было Храбрый Чжан броситься за нею в дом, но тут дверь открылась и на пороге появился старик. Чжан низко поклонился отцу Маленькой Хуа.

— Вот сегодня вечером вы и поженитесь, — сказал старик и ввел Храброго Чжана в комнату к Маленькой Хуа.

Сердце Храброго Чжана ликовало. А по щекам Маленькой Хуа скатились две слезинки.

— Отчего ты плачешь? — удивился Храбрый Чжан. — Сегодня радостный день. Что тебя беспокоит? Скажи! Может быть, я помогу.

Долго смотрела девушка печальными глазами на Храброго Чжана, а потом заговорила:

— Обманули тебя, Храбрый Чжан! Этот старик не человек, а злой удав-оборотень. Не отец он мне. Украл он меня, когда я была совсем маленькой, и утащил в горы, с тех пор он каждую неделю заманивает сюда юношей и пожирает их. И тебе не миновать такой судьбы.

Вознегодовал Храбрый Чжан, схватил меч, висевший на стене, и бросился было искать старика-удава. Но Маленькая Хуа остановила его:

— Не осилишь ты его даже этим волшебным мечом. Ведь он — не один. Есть у него четыре ученика. Давай вот что сделаем: пока ученики в горах, убежим отсюда!

Выбрались они потихоньку из дома, позвали птичку-белоголовку, попросили ее показать дорогу до деревни, где жил Храбрый Чжан. Согласилась птичка. Маленькую Хуа и Храброго Чжана вышла встречать вся деревня. Им построили домик на склоне горы. Зажили счастливо молодые супруги.

Узнал удав, что Маленькая Хуа сбежала от него, кликнул он своего первого ученика—горного буйвола и послал его за беглянкой.

— Куда ты, братец, направляешься? — спросила птичка-белоголовка горного буйвола.

— Повелел мне учитель найти Маленькую Хуа и привести обратно,— ответил буйвол.

Узнала птичка об этом, тут же быстро полетела в деревню и нашла Маленькую Хуа.

— Маленькая Хуа! Маленькая Хуа! Горный буйвол идет за тобой, спасайся!

— Что делать? — спросил Храбрый Чжан.

Но Маленькая Хуа уже придумала:

— Не робей! Слушай меня: мы привяжем плуг железной цепью к большому дереву и притворимся, что пашем. Пусть тогда приходит буйвол.

Сделал Храбрый Чжан, как учила Маленькая Хуа, а тут и горный буйвол прибежал.

— Маленькая Хуа,— сказал буйвол,— учитель послал меня за тобой, велел тебе немедленно вернуться к нему.

— Ладно, вот допашем поле и пойдем.

Тянули, тянули плуг Маленькая Хуа и Храбрый Чжан, а он ни с места. Попросили буйвола помочь, тот отказался.

— Ну, уж если мы с тобой не можем сдвинуть плуг с места, то чем поможет буйвол? — сказал Храбрый Чжан.

Злость взяла буйвола.

— Ты сомневаешься в моей силе? Смотри же! — И буйвол начал тянуть плуг.

Тянул буйвол, тянул, выбился из сил, а в это время Храбрый Чжан изловчился и быстро вддел железный крюк в его ноздри. Заревел от боли буйвол, хотел броситься в сторону, но Маленькая Хуа выхватила свой волшебный меч и занесла его над головой

буйвола. Буйвол испугался, упал на колени и взмолился о пощаде.

— Хорошо, я дарю тебе жизнь, но тогда ты должен всегда таскать плуг и пахать поле.

Согласился буйвол. Говорят, с тех пор буйволы и стали домашними животными.

Ждал старик-удав много дней, не вернулся буйвол. Кликнул он своего второго ученика — дикую лошадь, послал ее за Маленькой Хуа и Храбрым Чжаном. Но опять их предупредила птичка-белоголовка.

Прискакала дикая лошадь к дому Маленькой Хуа и Храброго Чжана, а Маленькая Хуа говорит ей:

— Как кстати ты пришла, лошадь! Мы как раз собираемся в горы навестить учителя. Довези-ка нас!

Лошадь согласилась.

— Ты скачешь очень быстро. Мы так можем и упасть. Давай-ка мы привяжем себя к твоей голове,— предложила Маленькая Хуа.

Лошадь и на это согласилась. Храбрый Чжан тут же надел на морду лошади узда, а Маленькая Хуа выхватила свой волшебный меч и занесла над ее головой. Испугалась лошадь, взмолилась о пощаде.

— Хочешь жить — тогда мы всегда будем ездить верхом на тебе.

Рассказывают, что с этих пор лошади и стали домашними животными.

Долго ждал старик-удав возвращения лошади, да так и не дождался. Кликнул он третьего своего ученика — горного кабана и послал его за Маленькой Хуа и Храбрым Чжаном. Но и на этот раз их предупредила птичка-белоголовка.

— Братец! — сказала Маленькая Хуа, когда кабан добежал до ее дома.— Мы уже собрались в горы к нашему учителю, а ты устал с дороги, да и проголодался. Поешь-ка сначала, отдохни, а потом пойдем.

Увидел кабан вкусно приготовленные отруби, начал есть да похрюкивать от удовольствия. Наелся и улегся спать. Взяли Маленькая Хуа и Храбрый Чжан толстую веревку и связали ноги кабану. Проснулся тот и увидел Маленькую Хуа с мечом, а Храброго Чжана с вилами. Взмолился кабан, стал просить помиловать его.

— Ничего-то ты делать не умеешь! Зарежем мы тебя и засолим твое мясо, — сказала Маленькая Хуа и отрубила кабану голову.

Ходит молва, что Маленькая Хуа и Храбрый Чжан научили людей есть мясо кабана и выделывать его шкуру.

Засолили молодые люди мясо кабана, а кабаньих пузырей надули и сделали из него мяч. Прошло еще несколько дней, и старик-удав послал своего четвертого ученика, комара, чтобы погубить Маленькую Хуа и Храброго Чжана. И снова предупредила их птичка-белоголовка.

Трудно спастись от комара! Маленькая Хуа предложила замазать все щели в стенах и в крыше дома, оставить одну маленькую дырочку и прикрепить к этой дырочке пузырь кабана. Так они и сделали. Прилетел комар, стал звать Маленькую Хуа, но та говорит:

— Влетай в дом, братец комар! Посиди здесь.

Искал, искал комар щель и нашел ту дырочку, которую оставили для него, влетел и попал в пузырь. А Храбрый Чжан завязал пузырь и начал плясать от радости, а пузырь бросил на землю. Но тут случилось несчастье — упал пузырь на острую щепочку и лопнул. Вылетел из него комар и укусил Храброго Чжана в оба глаза. Слеп Храбрый Чжан и упал на землю. Заплакала Маленькая Хуа. Прибежали люди, окружили Храброго Чжана и стали совещаться, как помочь беде.

— Есть только один способ, — сказала Маленькая Хуа, — нужно заменить ослепшие глаза Храброго Чжана глазами удава, что живет на Ястребиной горе.

Собрались со всей деревни охотники и порешили раздобыть глаза удава.

— Все пойдем! Чем больше народу, тем лучше. Только нужно подождать, когда удав заснет.

На следующий день охотники вооружились топорами, вилами, мечами и пошли на гору. Встретила их птичка-белоголовка и сообщила, что удав спит. Подкрались охотники к спящему удаву и все разом прижали его вилами к земле. Вынула Маленькая Хуа

глаза у удава и вставила Храброму Чжану. Прозрел Храбрый Чжан.

Прилетела к молодоженам птичка-белоголовка, и стали они все вместе счастливо жить. С тех пор уж никто не говорил, что на Ястребиной горе живет чудище.

СОВЕТЫ ПТИЧКИ-НЕВЕЛИЧКИ

Жила некогда старушка, муж у нее давно умер, и пришлось ей приютиться в доме невестки. А невестка та была злой и ехидной. Сама ела белые пампушки, вкусные блюда, а старухе давала лепешки из серой муки и больше ничего. Частенько старухе приходилось голодать.

Чем дальше, тем хуже обращалась невестка со старухой. Стало старухе жить совсем невмоготу. Однажды вышла она на улицу, прислонила голову к иве, росшей у ворот, и заплакала.

— Если бы знал мой старик, как трудно мне живется! Даже не знаю, как мне жить дальше?

Только промолвила старушка эти слова, как с дерева слетела птичка-невеличка, села ей на плечо и заговорила человеческим голосом:

— Не печалься, бабушка! Хорошие дни для тебя впереди! Посмотри-ка, под этим деревом красная глина, из нее можно сделать чашу. Ты возьми эту глину, вылепи чашу, и тогда не нужно будет тебе думать о еде. Но, смотри, чашу эту не показывай невестке.

Сделала старуха так, как велела птичка-невеличка: накопала глины, размешала с водой, вылепила чашу, похожую на половинку арбуза, и просушила на огне.

Теперь старухе и горя было мало. Только подумает о том, что бы такое поесть, глядь, а чаша уже полна. Что хотела старуха, то и ела.

Но старухино счастье не могло продолжаться долго, пока рядом с нею жила злая невестка.

Однажды, когда старуха обедала из своей чаши,

откуда ни возьмись появилась невестка. Схватила она чашу, увидела в ней рыбу и мясо и злорадно усмехнулась:

— Так, так! Значит, обедаешь! Где украла? Говори!

— Это волшебная чаша... что захочешь, то и даст,— еле слышно проговорила старуха.

— Вот те на! Занмела волшебную чашу и скрываешь от меня?

Невестка вытряхнула все, что было в чаше, на землю и громко сказала:

— Дай-ка и я понаслаждаюсь! Хочу печенку дракона и мозги феникса!

Не успела она это сказать, как чаша наполнилась бесчисленным множеством маленьких змей. Они извивались, шипели и высовывали свои раздвоенные язычки. Невестка вскрикнула, разжала пальцы. Упала чаша на пол и разбилась на маленькие кусочки.

После этого невестка стала еще хуже обращаться со старухой. В холодные зимние дни, когда за окном завывала вьюга, невестка одевала теплую меховую одежду и садилась около печки, а старухе давала одну лишь куртку из тонкой ткани и не подпускала к огню. Дрожала старуха от холода, зуб на зуб у нее не попадал. Совсем трудно стало старухе. И вот однажды она опять прислонила голову к стволу ивы и прошептала:

— Если бы ты знал, старик, как мне тяжело! Не могу я больше так жить!

Только прошептала это старуха, как с дерева слетела птичка-невеличка, села ей на плечо и заговорила человеческим голосом:

— Не горюй, бабушка! Хорошие дни для тебя впереди. Ты видишь вокруг ивы белые цветочки? Собери их, положи в куртку, и тебе никогда не будет холодно. Но смотри, чтобы об этом не узнала невестка.

Сделала старуха так, как учила ее птичка-невеличка, набила куртку цветами. Оделась — ей тепло, будто солнышко обогревает. Ничего теперь не страшно старухе: ни пронизывающий ветер, ни снег.

Но не могло продолжаться долго старухино счастье, пока рядом жила завистливая невестка.

Однажды невестка лежала в постели и, боясь холода, не хотела вставать. Она приказала старухе приготовить завтрак и подать ей в постель. Когда старуха подошла к невестке, та почувствовала, как от куртки старухи исходит тепло. И показалось невестке, что под курткой что-то есть.

— Воровка! Что у тебя под курткой? — набросилась невестка.

— Это волшебная одежда... в ней всегда тепло,— еле слышно проговорила старуха.

— Ах, так?! Заимела волшебную вещь и скрываешь от меня! Одна пользуешься? Снимай!— крикнула невестка.

Невестка соскочила с кровати и начала стаскивать со старухи куртку.

— Тебе нельзя, тебе нельзя,— шептала старуха,— может случиться то же, что с чашей...

— Снимай, тебе говорят!— не унималась невестка.

Отдала старуха куртку, а невестка тут же напялила ее на себя. Только успела она сказать «Ох, и тепло», как закричала от боли. Одежда стала сжимать ее тело, невестка упала на пол и, крича, каталась по нему. Но что это? Вдруг невестка превратилась в мохнатую и злую собаку и набросилась на старуху, норовя схватить ее за горло. Но старуха не испугалась, она схватила железные щипцы, которыми кладут уголь в печь, да и давай бить собаку. Завыла собака, выскочила из комнаты и пустилась наутек. Так и превратилась невестка в злую, бездомную собаку, вечно голодную и мерзнущую на улице.

А старуха снова пошла к иве, накопала красной глины и вылепила новую чашу. Потом собрала белые цветы и сделала себе новую теплую одежду. Зажила она в тепле и достатке. Правду сказала птичка-невеличка: хорошие дни для старухи были впереди.

Ходит молва, что так люди научились делать фарфоровые чашки и разводить хлопчатник,

ЦЕЛЕБНЫЕ ЛИСТОЧКИ

(*Легенда народности лису*)

Жили когда-то молодые супруги. Имя мужа не дошло до нас, а жену его звали Асы. Жили они душа в душу: своими руками построили на пустыре домик, возделали поле и работали на нем. Спокойно, радостно протекала их жизнь. И лишь чиновники не давали им покоя. Сборщики налогов требовали денег и зерна, то и дело отправляли их на отработки.

Но вот однажды случилось несчастье: болезнь разбила мужа Асы, и он уж не мог работать. Все тяготы легли на слабые плечи Асы. Ей с трудом удавалось сводить концы с концами, а дела шли все хуже и хуже. Прохудилась крыша, Асы не могла ее починить — в сезон дождей вода заливала дом. Не хватало дров, чтобы обогреться и приготовить пищу.

Так супруги прожили три года. А на четвертый чиновники совсем обнаглели, потребовали еще больше денег и зерна. Асы вынуждена была пойти работать к чужим людям, но заработка ее все равно не хватало, чтобы уплатить налоги.

В те времена существовало правило: если семья не уплатила налог, то старшего в ней сажали в тюрьму, надевали на него колодки. И вот однажды в село пришли солдаты. Залаяли собаки, закудахтали куры. Асы решила спрятать мужа в горной пещере и уйти из села, найти работу в другом месте. Отнесла Асы своего мужа в пещеру, дала ему маленький котел, принесла воды, запасла дров, оставила немного еды и со слезами на глазах ушла. И только Асы отошла от пещеры, как услышала песню: то пел ее муж, просил хоть разок оглянуться. Но не могла оглядываться Асы, ей нельзя было даже остановиться, она должна была идти на поиски работы, чтобы прокормить себя и мужа. Не оглянувшись Асы, и ее силуэт растаял в вечернем тумане, поднимавшемся в горах.

Прошло несколько дней. Муж Асы съел все продукты, оставленные женой, и решил поискать съедобные коренья. Только он вылез из пещеры, как увидел

большую змею. Схватил он камень и убил ее. Но вот из расщелины показалась другая, такая же большая. Увидев свою мертвую сестру, она быстро забралась на дерево, сорвала листок и, спустившись на землю, приложила его к голове мертвой змеи, и мертвая тут же ожила. Обе змеи быстро уползли. Удивился муж Асы, поднял листочек, оставленный змеей, приложил к своей ноге и почувствовал себя лучше. Тогда он натер этим листочком все тело.

На другой день муж Асы уже мог свободно двигаться — болезни как не бывало. Влез он на дерево, нарвал листьев и плодов: плоды съел, а листьями натер руки, ноги, спину, живот, грудь. Делал он это и в следующие дни. Вскоре он не только излечился от недуга, но и стал сильнее, чем прежде. И вот муж Асы собрался покинуть пещеру: теперь он и работать может и жену увидит. Но, уходя домой, он подумал: «Если листья вылечили меня, ими можно лечить и других». Он нарвал много плодов и листьев.

Домой он шел осторожно, боялся, что его обнаружат чиновники. Еще издали он увидел свой домик. Но что это? Почему дом совсем развалился, стены наклонились, крыша сорвана, деревья вокруг вырублены и бурьян закрыл тропинку к воротам? Куда же делась Асы, может быть, она уже не живет здесь? А может быть, и умерла? Но нет, из трубы тоненькой струйкой шел дымок — значит, Асы дома. Но почему она ни разу не навестила его в пещере?

Вошел муж Асы в дом, огляделся. На кровати лежит Асы, и лицо у нее черное, как земля. И на вопросы не отвечает. Быстро достал он листья и положил на голову Асы. Сознание вернулось к ней, и она заговорила тихим голосом:

— Работала я у чужих людей, простудилась и заболела. Вот и лежу так уже несколько дней.

Дал он больной жене плод чудесного дерева, и как только съела его Асы, так и почувствовала себя хорошо. Встала с постели.

— Видишь, и я здоров, вылечили меня эти самые листочки и плоды. Теперь снова заживем счастливо.

— Нельзя,—возразила Асы,— каждый день сюда

приходят солдаты, чтобы схватить тебя. Уходи скорее обратно в пещеру. А я пойду в дальнее село, опять наймусь работать.

— Не вернусь я в пещеру,— засмеялся муж Асы.— Теперь я буду бродить по свету и лечить людей. Надо ведь и людям помочь. Когда у них исчезнут болезни, тогда я и вернусь к тебе. Возьми вот несколько листочков, заболеешь — будешь лечиться.

Так супруги расстались. Муж Асы переходил из села в село, лечил людей и животных. Однажды он увидел на дороге издыхающую собаку. Потер он ей голову чудесным листком, дал ей плод, — она и встала на ноги, завиляла перед ним хвостом. С тех пор стали они бродить вдвоем — муж Асы и пестрая собачонка. Потом муж Асы вылечил коня, который также привязался к нему и признал его своим хозяином. И стал муж Асы ездить верхом. Долго бродил муж Асы по свету, а когда вылечил всех больных, вернулся домой. Но люди снова заболели и часто муж Асы вынужден был покидать дом, чтобы помочь больным.

Листочки и плоды чудесного дерева он хранил в ларчике. Однажды, уезжая, он приказал Асы:

— Не открывай ларец утром, когда восходит солнце, и вечером, когда на небе появляется луна.

Удивилась Асы: «Странно, почему это нельзя открывать ларец утром, когда восходит солнце, и вечером, когда появляется луна?» На следующее утро, когда солнце начало подниматься из-за гор, она открыла ларец с лекарствами. Как только она подняла крышку, солнце и слизнуло из ларчика половину всех листочков и плодов. Поэтому-то солнце теперь никогда не стареет и не умирает.

Поняла Асы, почему нельзя было открывать ларец утром. А почему нельзя открывать его вечером? И она открыла ларец, когда на небе появилась луна. Луна слизнула остальное лекарство. Вернулся муж, узнал, что нет у него больше лекарств, горько стало ему. Тяжело было и Асы.

— Ничего,— сказал муж Асы,— я поднимусь на луну и заберу лекарство.

— Луна высоко, как же ты доберешься до нее?

— Не беспокойся, сумею.

Он сделал лестницу из джута, закинул ее на луну и начал взбираться. С ним увязалась собачонка. Он сказал жене:

— В полдень поливай конец лестницы холодной водой, а вечером — теплой.

— Доберись до луны, а уж это я сделаю, — ответила Асы.

Лез муж Асы все выше и выше, семь дней и семь ночей добирался до луны. И вот, когда луна была уже совсем рядом и на нее прыгнула собака, лестница сорвалась с луны. В тот вечер Асы полила конец лестницы не теплой водой, а холодной. Как только она это сделала, лестница упала с луны на землю, а с ней и муж Асы. Он умер, а лекарство и собака остались на луне.

Собаке там скучно, и, когда тяжелая тоска нападает на нее, она кусает и заглатывает луну, и видно, как полная луна на небе начинает исчезать. Вот почему бывают лунные затмения. В такие ночи люди народа лису бьют в барабаны и гонги и говорят: «Опять собака скушает по людям!»

ЛЯГУШОНОК-НАЕЗДНИК

(Тибетское предание)

Давным-давно в далеких, высоких горах жили старик со старухой. На тощей, каменистой земле они сеяли ячмень и сажали картофель. Так и жили они в нищете и невзгодах. Все больше они старели, сил становилось все меньше и меньше.

— Как хорошо было бы, — говорили они друг другу, — если бы у нас был сын! Он бы сейчас работал на поле, отбывал повинности у старосты, ходил в горы за дровами. А мы отдыхали бы, грелись у теплой печурки.

Пошли они молиться Духу гор и рек. Внял Дух их мольбам. Стала старуха ждать ребенка. А через

семь месяцев родила, но не мальчика и не девочку, а лягушонка с выпученными глазами.

— Жена,— сказал старик,— вот удивила-то! Ведь это ж не человек, а лупоглазый лягушонок. Давай-ка его выбросим!

Старуха сокрушенно покачала головой:

— Видно, Дух гор и рек не желает нам счастья, коли даровал нам лягушонка. Но все равно, раз мы его родили, так выбрасывать не следует. Выпустим его лучше в озеро, что за домом, пусть себе там и живет.

Послушался старик жены, взял лягушонка и пошел было к озеру, но лягушонок вдруг заговорил:

— Отец и мать! Не бросайте меня в озеро, дайте мне вырасти среди людей! А вырасту,— принесу беднякам пользу— изменю их жизнь. Вас же благодарить будут.

Старик изумился:

— Послушай-ка, старуха! Удивительно — лягушонок-то заговорил!

— Он хорошо сказал,— ответила старуха.— У нас, бедняков, жизнь должна измениться. Если не изменится, как же дальше будем жить? И уж раз он умеет говорить, наверно, это не простой лягушонок. Пусть живет с нами!

Добрыми были старики, оставили лягушонка в доме и заботились о нем, как о родном сыне.

Прошло незаметно три года. Все труднее было управляться старикам с хозяйством. Как-то вечером лягушонок сказал матери:

— Мама, испеки мне к завтрашнему утру булочку и положи ее в мешочек. Я пойду свататься к дочке старосты, что живет у долины в каменном доме за каменной стеной. Ведь у него три дочери, вот я и думаю попросить у него одну. Выберу работающую да с добрым сердцем. Станет она твоей невесткой, будет помогать по хозяйству.

— Дитя мое,— отвечала старуха,— не надо шутить! Кто захочет отдать девушку такому, как ты,— маленькому, невзрачному лягушонку? Не ходи ты туда — на тебя же каждый может невзначай наступить и раздавить.

— А ты сделай, как я прошу, мама! Увидишь, все будет хорошо.

— Булку-то я испеку, но боюсь, увидят тебя люди, скажут, что ты нечистая сила, и высыпят тебе на голову золу*.

— Не беспокойся, мама, они так не сделают.

Старушка послушалась, испекла на другое утро булку из серой муки, положила в мешочек и отдала лягушонку. Взял лягушонок мешочек, забросил его за спину и запрыгал к старосте. Прискакал он к его каменному дому и закричал:

— Староста, староста. Открой ворота!

Услыхал староста, послал слугу посмотреть. Вернулся слуга и докладывает:

— Удивительное дело! Ведь кричал-то лягушонок, такой маленький лягушонок!

— Это привидение,— решил управляющий,— надо быстрее насыпать ему на голову золу!

— Не торопись ты с золой,— возразил староста,— такой лягушонок зря не придет. Ведь простые лягушки живут в воде и говорить не умеют. Наверное, его прислали за чем-нибудь из дворца Дракона. Сотворите молитву и окропите лягушонка молоком, надоенным у яка. А потом я к нему сам выйду и поговорю.

Домочадцы помолились, и окропили лягушонка молоком. Староста вышел к нему и спросил:

— Почтенный лягушонок, откуда ты пришел? Из дворца Дракона? Что же тебе надобно?

— Я пришел сам по себе. У тебя, староста, три дочери, все они на выданье. Я хочу попросить одну из них себе в жены. Значит, пришел к тебе породниться. Прошу тебя, согласишься, отдай мне одну из твоих дочерей!

Все домочадцы старосты удивились. А староста ответил:

— Не надо так шутить, лягушонок. Ты посмотри на себя, какой ты маленький да невзрачный. Разве ты пара моим дочерям! Много старост хотело породниться со мной, но я всем отказал, как же я могу отдать дочь тебе, лягушонку?! Подумай-ка как следует и выбрось это из головы.

— Староста, — снова заговорил лягушонок, — ты, кажется, отказываешь? Но если ты не согласишься, я буду смеяться.

— Не болтай вздора! — закричал староста. — Смейся, сколько хочешь!

И вот лягушонок засмеялся. А смех его был в тысячу раз сильнее кваканья тысячи озерных лягушек. От такого смеха задрожала земля, мгла закрыла солнце, в каменном доме и каменной ограде появились трещины, камни стали выпадать, поднялся невообразимый переполох. Домочадцы старосты, толкая друг друга, метались в ужасе по комнатам. Староста высунулся из окошка и взмолился:

— Лягушонок! Пожалуйста, не смейся! Своим смехом ты погубишь нас. Сейчас я кликну старшую, пусть она будет твоей женой.

Лягушонок кончил смеяться, земля постепенно перестала содрогаться, дом старосты остался целым.

Староста теперь боялся лягушонка и волей-неволей пришлось ему приказать старшей дочери пойти к лягушонку. И велел староста привести двух коней: одного — для приданого, другого — для дочери.

Огорчилась старшая, когда узнала, что отец выдает ее замуж за лягушонка. Выйдя во двор, она задела под навесом каменные жернова от ручной мельницы. Взяла она один из жерновов и спрятала под платьем. Так и села на лошадь.

Лягушонок прыгал впереди и указывал дорогу, а невеста ехала за ним. То и дело она хлестала кнутом коня и надеялась, что тот затопчет лягушонка. Но лягушонок отскакивал то вправо, то влево, увертываясь от копыт. Тогда невеста подвела коня поближе к лягушонку, достала украдкой из-под платья жернов и бросила им в жениха. Потом повернула коня и поскакала домой. Не успела она отскочить и нескольких шагов, как услышала голос:

— Остановись! Я хочу тебе что-то сказать!

«Вот досада — не удалось убить лягушонка», — подумала старшая дочь и остановила коня.

— Вот что, барышня, — сказал лягушонок. — Ведь мы еще не поженились. Если не хочешь выходить за меня замуж, можешь вернуться к отцу.

Снова поскакал лягушонок к дому старосты. А когда староста вышел к нему, лягушонок сказал: — Староста! Мы не поженились, и я возвращаю тебе дочь. Давай мне в жены другую.

Староста рассердился:

— Да ты совсем обнаглел, лягушонок! Ты же вернул мне старшую? Больше выбирать не дам. Какой же я буду староста, если позволю тебе, паршивому лягушонку, перебирать моих дочерей!

— Кажется, ты отказываешь мне, староста? — сказал спокойно лягушонок. — Но если ты не согласишься, я буду плакать.

Староста подумал: «Наверное, его плач не так страшен, как смех» — и ответил:

— Хочешь плакать, лягушонок, — плачь. Никто тебя не испугается!

И вот лягушонок заплакал. Рыдания его напомнили грозу: небо потемнело, загремел гром, с гор понеслись стремительные, бурные потоки, и долина превратилась в море. Лягушонок плакал, вода прибывала, вот-вот она затопит дом старосты. Все его домочадцы влезли на крышу. Наконец староста не выдержал и, перегнувшись через карниз, взмолился:

— Не надо плакать, лягушонок! Ты погубишь нас! Я велю средней дочери стать твоей женой!

Лягушонок перестал плакать, вода постепенно отступила. И старосте пришлось приказать, чтобы привели двух коней: одного — для приданого, другого — для дочери. Средней дочери не хотелось идти в жены к лягушонку, она поступила так же, как и старшая, но убить лягушонка ей тоже не удалось. Вернул лягушонок старосте и вторую дочь и попросил младшую. Еще пуще рассердился староста и решил больше не уступать лягушонку. Он злобно закричал:

— Уступил тебе старшую дочь — ты вернул, послал среднюю — не понравилась. А теперь подавай тебе младшую? Твоему сумасбродству нет предела!

— Зачем сердиться? — сказал лягушонок. — Ни старшая, ни средняя не захотели стать моей женой, вот я и вернул их тебе. Если твоя младшая дочь захочет стать моей женой, все будет хорошо,

— Нет, не захочет! — закричал староста. — Какая же девушка пожелает жить с лягушонком? Я не позволю тебе своевольничать!

— Староста, ты, кажется, опять, не соглашаешься? — сказал лягушонок. — Тогда я буду плясать.

Староста вспомнил, как туго пришлось ему в первые два раза, но злоба затуманила его рассудок, и он в сердцах выпалил:

— Пляши сколько влезет! Какой же я староста, если испугаюсь тебя.

Лягушонок начал прыгать — так он плясал. Земля содрогнулась уже после первого прыжка, потом она стала подниматься и опускаться, как морские волны. Содрогались и сталкивались горы, с гор сыпались камни, а небо закрылось тучами пыли и песка. Каменная ограда и каменный дом старосты дрожали и трещали так, что вот-вот рухнут. И снова

староста был вынужден просить лягушонка смилостивиться и обещал ему третью дочь. Перестал плясать лягушонок, перестала и земля дрожать, и горы успокоились. Пришлось старосте нагрузить одного коня приданым, а другого коня отдать младшей дочери под седло.

Младшая дочь была доброй. Она не пыталась, как ее сестры, избавиться от лягушонка. К тому же она поняла, что этот лягушонок не простой. Когда лягушонок привел невесту домой, у старика со старухой от радости даже языки огнялись. «Вот так штука! — подумали они. — Наш неказистый лягушонок сумел-таки получить красавицу!»

Невестка оказалась очень прилежной. Каждый день она помогала свекрови по хозяйству, старуха и нарадоваться на нее не могла. Каждый новый день приносил старикам радость и успокоение.

Пришла осень. Как издавна повелось в далеких горах, осенью устраивался Праздник скачек. Все население окрестных деревень — богатые и бедные, захватив еду, приезжали на праздник. Открывался он поклонением богам, для чего зажигали костер, потом исполняли праздничный танец, пили вино, состязались в скачках. Праздник продолжался три дня. Ежедневно после скачек выходили к наездникам девушки. Они окружали победителей, танцевали, а затем приглашали юношей в свои шатры — к родителям и братьям и там угощали вином.

Этой осенью старики решили взять с собой на праздник и лягушонка. Но он отказался:

— Я не пойду. На пути много гор, я не осилю их.

Оставив лягушонка дома, старик, старуха и невестка отправились на скачки.

На третий день праздника неожиданно появился на скачках юноша в темном платье на вороном коне. Это был статный, красивый парень. Сбруя на его коне сверкала золотом, серебром, переливалась драгоценными камнями. За плечом у юноши висело ружье, отделанное серебром и кораллами. Он подскакал к наездникам и попросил их разрешить ему участвовать в последних, решающих скачках. Все согласились.

Наездники уже, как вихрь, мчались вперед, а этот юноша еще только поправлял седло. Но вот пустил коня и он. На скаку он зарядил ружье и трижды выстрелил вверх, и три орла, сраженные меткими пулями, камнем упали на землю. Потом юноша соскочил с коня, сорвал цветы и бросил их зрителям. Наконец он кинулся догонять наездников. Конь его мчался, как ветер, он легко нагнал тех, кто был впереди, и первым прискакал на указанное место.

Старики, ламы *, женщины и девушки, следившие за скачками, — все были удивлены.

— Откуда этот юноша? Кто он?

— Какая же девушка подойдет ему в жены?

Окружили девушки победителя, начали танцевать, славить его в своих песнях, водить по шатрам, угощать вином. Но вот солнце опустилось за вершины гор, и юноша заторопился, попрощался с наездниками, вскочил в седло и ускакал.

Когда старики и невестка вернулись домой, у ворот их встретил лягушонок. Собрались было они рассказать ему про скачки, но, к их удивлению, он обо всем уже знал.

Прошел год, и снова наступила осень. И снова появился на празднике молодой наездник и занял в скачках первое место. Так же, как и в прошлый раз, вокруг него танцевали девушки и угощали его вином. Но, когда солнце стало опускаться за вершины гор, он торопливо попрощался со всеми и ускакал.

Вернулись домой старики с невесткой и опять удивились: лягушонок все знал. «Как же это объяснить? — подумала его жена. — Откуда он знает?»

Быстро пролетел еще год, наступил Праздник скачек. Невестка отправилась со стариками посмотреть, кто на этот раз выйдет победителем. На третий день праздника, перед началом решающих скачек, невестка сказала:

— Мама, я что-то плохо себя чувствую. Тело ломит, голова, как свинцовая. Пожалуй, мне лучше вернуться домой.

Пожалели старики невестку и отпустили домой.

Вернулась она домой, стала лягушонка искать. Искала, искала, нигде не нашла. Пропал лягушонок. Вдруг она увидела около печурки лягушечью кожицу, точно такую, как у ее мужа-лягушонка. Догадалась она, что тот красивый, молодой наездник и есть ее муж и что он одевается в кожу лягушонка. «Ну зачем он носит такую некрасивую одежду? — подумала она. — Неужели я недостойна его? Вот вернется, и опять станет маленьким, невзрачным лягушонком. Надо сжечь эту противную кожицу, чтобы он больше не надевал ее».

Развела она костер и бросила в него кожу лягушонка. Наступил вечер. Неожиданно, откуда-то сверху опустился перед ней на вороном коне тот самый юноша, который побеждал на скачках.

Увидел юноша, что его кожа горит, выхватил ее из огня, но несгоревшим остался лишь маленький лоскуток. Побледнел юноша, вздохнул глубоко и свалился без чувств на камень перед домом. Испугалась жена, перенесла его в комнату.

— Муж мой! — укоризненно сказала жена, когда он очнулся. — Ты прекрасен, ты искусный наездник! Зачем тебе эта кожа? У всех моих подруг мужья — люди, только у меня — лягушонок!

— Слушай, жена, — ответил он. — Ты поторопилась, слишком рано сожгла кожу. Нужно было подождать, когда я наберусь сил. Я должен завоевать народу счастье, а потому должен стать сильным и крепким. Лягушечья кожа нужна была мне, чтобы переносить ночные холода.

— Что я наделала! — горько заплакала жена.

— Ничего! Не убивайся! Ты не виновата. Это я поступил опрометчиво, мне хотелось испытать свои силы, вот я и участвовал в скачках. Но теперь уж не сумею я добиться счастья беднякам. Знай, жена: я — сын матери-земли. Мне было предназначено изменить жизнь людей на земле: прогнать богатеев, чиновников, сделать так, чтобы всегда было тепло и не было зимы. Но сейчас я еще слаб и без лягушечьей кожи не переживу холодных ночей. Завтра, как только наступит рассвет, я вернусь к моей матушке земле.

По щекам жены текли горькие слезы. Она обняла слабеющего мужа:

— Нет, нет, ты не умрешь! Неужели никак нельзя спасти тебя?

— Не печалься, жена. Есть еще возможность остаться с тобой. Давай попробуем. — Он поднял слабеющую руку и указал на восток. — Все зависит от воли святого ламы, от его согласия. Бери моего вороного коня, он быстр, может быть, успеешь. Скачи на восток, там среди облаков стоит храм. Войди в него, попроси святого ламу сделать так, чтобы не было у нас ни бедняков, ни злых богатеев, чтобы чиновники не угнетали народ. Если он согласится исполнить это, сразу же здесь потеплеет, и я проживу ночь без лягушечьей кожи.

Села она на коня и взлетела в небо. Вот и храм, со всех сторон освещенный лучами солнца. Попросила она святого ламу, и он согласился исполнить просьбу.

— Я сделаю все, о чем ты просишь. Но до рассвета ты должна обойти все дворы и сообщить людям, что не будет больше ни бедняков, ни злых богатеев, что чиновники не будут угнетать народ. Если сделаешь это до рассвета, будет у вас там тепло, и муж твой останется живым.

Радостно забилося у нее сердце, вскочила она на коня и помчалась, чтобы донести радостную весть до каждого человека. Доскакав до долины, она встретила отца.

— Дочь моя! — окликнул ее староста. — Куда ты мчишься темной ночью?

— Тороплюсь, отец. Надо сообщить людям о великой радости!

— Скажи же мне, какая это радость?

— Вернусь и расскажу, а сейчас некогда.

— Нет, ты сначала мне скажи, ведь я староста, — настаивал отец.

Он схватил узду и не отпускал коня. Ничего не могла поделать девушка и сказала:

— У нас теперь не будет ни бедняков, ни злых богатеев.

Староста нахмурил брови и закричал:

— Не может такого быть! Если не будет богатых, откуда же у таких, как ты, возьмется приданое?

— И еще, — продолжала она, — у нас не будет чиновников, угнетающих народ.

Староста еще больше рассердился:

— И этого не может быть! Если не будет чиновников, кто же заставит бедняков отбывать повинности? Кто будет пасти наш скот, пахать землю? Все это брехня! Не слушай никого! Не верь! Не бывать этому! Я не пушу тебя рассказывать народу такие небывлицы.

Пропели петухи. Младшая дочь хлестнула лошадь, но староста крепко держал узду. Задыхаясь, он продолжал кричать:

— Ты сошла с ума! Ты хочешь, чтобы у твоих сестер не было приданого! Ты хочешь, чтобы у меня, у твоего отца, не было батраков! А кто же будет отбывать повинности, пасти скот, пахать землю? Ты с ума сошла...

Второй раз пропели петухи. Младшая дочь изо всех сил хлестнула коня, конь взвился ввысь, староста упал на землю. Но когда девушка подъехала к первому дому в долине, петухи пропели в третий раз. Наступил рассвет. Девушка поняла, что опоздала, и повернула коня домой.

...В доме стоял гроб, а в нем лежало тело ее мужа. Наклонилась она над гробом, зарыдала, губы ее шептали проклятия отцу, который отнял у нее любимого человека.

Похоронили лягушонка-наездника на висячей скале. Каждый день, когда наступали сумерки, бежала вдова на могилу мужа и проливала там горючие слезы. Однажды она не вернулась домой. Пошли люди узнать, в чем дело, и увидели на могиле каменную глыбу. Глыба эта до сих пор там, на висячей скале. Она похожа на женщину с распущенными волосами, и женщина эта словно о чем-то молит.

КАК ВОЖДЬ ПЛЕМЕНИ ЛИ ПРЕВРАТИЛСЯ В ЛЯГУШКУ

(Легенда народности ли)

Прежде под нашей горой Учжишань жили дед да бабка. И деду и бабке было по восемьдесят лет, но детей у них не было, и жилось им очень скучно. Бабка думала: «Как бы было хорошо, если бы родился у нас мальчик!» Дед думал то же самое. Вот они и попросили бога лесов даровать им сына.

Как ни странно, через несколько месяцев бабка почувствовала, что ждет ребенка. Но вот прошло девять месяцев, а ребенок на свет не появился. Минуло еще девять месяцев, и бабка наконец родила. Но родился у нее не человек, а большой лягушонок.

Сначала дед и бабка расстроились, но к вечеру лягушонок сбросил кожу и превратился в белолицего, пухленького мальчика. Дед и бабка обрадовались.

Так и повелось: днем — лягушонок, а ночью — сбросит с себя лягушечью кожу и обернется мальчиком. Дед так и назвал его — Большой Лягушонок.

Началась вскоре война с чужеземным войском. Вождь племени ли собрал стрелков-лучников, чтобы отразить нападение. Но в бою вождь племени потерпел поражение и с позором вернулся во дворец. Начал он собирать новое войско и обложил народ налогами. Повсюду были вывешены объявления: «Кто сможет разбить вражеское войско, тот получит в жены дочь вождя». Но кто же сумеет разбить врага, у которого много воинов, луков и стрел? Никто не отваживался даже смотреть на объявления.

Узнал об этом Большой Лягушонок и сказал, что он отразит нападение врага. Но вождь племени не поверил и предупредил лягушонка:

— Если не разобьешь вражеское войско, отрублю голову!

Большой Лягушонок сел на огромного буйвола и бросился на вражеское войско. Удивились солдаты и полководцы, увидев большую лягушку на спине буйвола, окружили его и начали хохотать. Вдруг Большой Лягушонок дунул ядовитым духом, вражеское

войско — а было в нем несколько тысяч человек — тут же и повалилось замертво. Большой Лягушонок вернулся к вождю победителем. Теперь вождь должен был отдать ему в жены свою дочь. Но он решил схитрить:

— Если моя дочь согласится выйти замуж за лягушонка, отдам, а если — нет, ничего не поделаешь — не получишь ты её.

Вождь был уверен, что дочь не захочет стать женой лягушонка. Но дочь вождя племени была девушка скромная, она больше сидела дома и редко выходила на улицу. Узнав, что отец обещал ее руку герою, который победит врага, она обрадовалась и уже заранее была согласна на это.

Вождь племени позвал к себе дочь и спросил:

— Дочь моя любимая! Большой Лягушонок победил врага, но хочешь ли ты выйти замуж за него?

Девушка опустила голову. «Раз Большой Лягушонок победил врага,—подумала она,— значит, он — герой. Зачем же мне отказываться? А «Большой Лягушонок» — это всего лишь имя человека». И девушка радостно ответила:

— Повинуюсь вашей воле, отец. Я согласна выйти замуж за Большого Лягушонка.

Вождь племени страшно рассердился и отругал ее. Когда дочь вождя поняла, что Большой Лягушонок — это настоящая лягушка, а не человек, она опечалилась. Но ничего не поделаешь: ведь она уже дала согласие.

И вот ночью Большой Лягушонок пришел к ней в спальню, он сбросил лягушечью кожу и превратился в красавца, каких мало на свете. Молодая жена была безумно рада этому:

— Отчего же ты такой красивый?

— А потому, что днем я ношу лягушечью кожу,— объяснил ей муж.

На другой день она рассказала обо всем отцу. А вождь племени не был красавцем и был недоволен этим. Он хотел быть красивым и храбрым. Вот и попросил вождь через дочь у Большого Лягушонка лягушечью кожу. Откуда же было ему знать, что, надев на себя кожу, он уже никогда не сможет ее

снять. Только надел он кожу, она и приросла к его телу. Так вождь племени ли превратился в настоящую лягушку.

Народ ли избрал Большого Лягушонка своим вождем. Он вышел из бедной семьи, поэтому заболел о жизни бедняков. С тех пор народ ли стал жить счастливо и радостно.

ПЕРВЫЙ ДОМ

(Легенда народа шуйцзя)

Это случилось давным-давно, когда на земле повсюду были горы. Они стояли вплотную друг к другу. Люди в ту пору жили в пещерах и дружили с птицами и зверями.

Однажды люди, птицы и звери отправились на поиски пищи. Пришли они в широкую долину. Вдруг налетели тучи. Начался ливень, поднялся ураган, ударил град, а градины-то были величиной с кулак. Люди, птицы, звери не находили места, чтобы укрыться, и почти все погибли. Остались только юноша, дракон и тигр, — они спаслись, спрятавшись под большой камень.

Жить им было негде: пещеры затопило водой. Тогда юноша, дракон и тигр посоветовались и решили построить убежище от ветра и дождя.

Тигр принес на спине тростник, дракон — деревья. А юноша срезал ножом крепкие лианы, чтобы связать тростник и деревья. Работали они дружно, выстроили прочный домик. И весело зажили в нем троим.

Но дракон и тигр задумали недоброе, каждый из них захотел присвоить домик себе. Вот они и стали ссориться из-за пустяков. От этих ссор жить в домике стало трудно. Кто-то из них предложил разыграть жилище: кто, не применяя силы, выгонит других из домика, тому домик и будет принадлежать.

Тигр первым взялся за дело. Он выбежал наружу, начал хвастаться:

— Вот я закричу, замашу хвостом, подниму бешеный ветер! Тогда-то вы и убежите!

И тут же раздался протяжный рев. Громкое эхо покатилося по горам и ущельям. Затем тигр замал хвостом — поднялся вихрь: закружился песок, запрыгали камни. Вершины гор — и те закачались. Человек и дракон не на шутку струсили, они тесно прижались друг к другу в углу домика и не смели даже выглянуть наружу. Тигру самому пришлось прятаться в доме от вихря, который он же и сотворил.

Вторым взялся пробовать свою силу дракон. Он также выбежал из домика, начал громко похваляться:

— Я зажгу молнии, вызову ливень, буду громом греметь! Вот тогда-то вы и убежите из дома!

Он тут же собрал со всего неба черные тучи — полился проливной дождь, вода затопила луга и поля. Непрерывно сверкали молнии, гремел гром, и содрогалась земля. Человек и тигр от страха забились в угол домика, боялись и выглянуть из него. Дракону самому пришлось спасаться в домике от ливня и молний.

Но тигр и дракон пуще прежнего хвастались своим могуществом. Тогда вышел из дома юноша. Он сказал:

— Мне не нужны ни буря, ни град, ни гром, ни молнии. Мне нужна лишь искорка.

И он поджег искоркой тростниковый домик. Дра-

конец и тигр стремглав выбежали оттуда. Тигр убежал в лесистые горы, а дракон спрятался в море. Юноша тут же потушил огонь и заново перекрыл домик.

С тех пор люди и стали жить в домах.

ПРЕДКИ ЛЮДЕЙ

(Миф народа сани)

В древние времена жили одной семьей три брата и маленькая сестричка. Однажды весной пахали они никем еще не тронутый луг и приключилось с ними что-то непонятное. Та часть поля, которую они накануне вспахали, на другой день превратилась снова в луг, будто его никто и не трогал. Братья решили, что кто-то строит им козни, и, взяв с собой дубинки, пришли ночью на поле подстеречь злого человека.

А ночью-то и в самом деле пришел на поле какой-то угрюмый старик с клюкой в руке. Поведет клюкой по вспаханной борозде, а ее как и не было — снова непаханный луг. Бросились к старику старший и средний братья, хотели было его отколотить, но младший брат остановил их:

— Нельзя бить стариков. Давайте сначала его расспросим, зачем он так делает.

Похвалил его старик:

— Ты умный и добрый мальчик. Всю жизнь будешь счастлив. Вы хотите знать, кто я? Я Дух грома, Апиша. Послушайтесь меня, не распахивайте больше этот луг. На землю скоро придет большая вода, будет наводнение, потоп.

Услышав о потопе, старшие братья перетрусили и принялись просить Апишу спасти их. Апиша улыбнулся и ответил:

— Я, конечно, постараюсь спасти вас, но спасетесь ли вы, — это только от вас самих будет зависеть. Дам я вам три сундука: золотой, серебряный и деревянный. Вас четверо с сестренкой, а у меня

всего три сундука. Кто же из вас возьмет ее с собой?

Старший брат, нагнув голову, сказал:

— Я не хочу ее брать.

Второй брат, нагнув голову, сказал:

— Я не хочу ее брать.

А третий брат, не задумываясь, согласился:

— Я возьму ее.

Апиша постучал три раза палкой по земле, и тут же появились три больших сундука: золотой, серебряный и деревянный.

Старший брат был жадный, он попросил себе золотой сундук. Второй брат попросил серебряный, а младший брат с сестренкой попросили себе деревянный сундук. Потом Апиша дал каждому брату по яйцу, велел держать их под мышкой и наказывал:

— Как услышите писк цыпленка, тогда и откройте крышку сундука.

Апиша закрыл сундуки. И тут же начался погон. Прошло семь дней и семь ночей. Лопнуло яйцо под мышкой у старшего брата, запищал цыпленок. Тогда он открыл крышку золотого сундука. Вода устремилась в сундук, и он утонул вместе с сундуком.

Прошло еще семь дней и семь ночей. Лопнуло яйцо под мышкой у среднего брата, запищал цыпленок. Тогда он открыл крышку серебряного сундука. Вода устремилась в сундук. Утонул вместе с сундуком и средний брат.

Прошло еще семь дней и семь ночей. У младшего брата под мышкой также лопнуло яйцо, запищал цыпленок. Тогда он открыл крышку деревянного сундука. Вода устремилась в сундук. Но брат и сестренка вычерпали воду, и сундук всплыл.

Долго плыли они в сундуке, и наконец прибило их к вершине каменистой горы, на которой росли бамбук и платан. Цепляясь за бамбук и платан, они выбрались на вершину каменной горы, прихватив с собой цыпленка. А тут и вода начала постепенно спадать.

Брат и сестра обратились с благодарностью к бамбуку и платану:

— Спасибо вам за то, что спасли нас. Мы будем чтить вас и завещаем нашим потомкам никогда не

забывать о вас. Поминальные таблички предков * мы будем делать из бамбука и платана.

Потоп погубил всех людей на свете, не стало ни зерна, ни овощей, ни скота. Как же было жить им дальше? Сидели на вершине горы брат с сестрой и плакали. Вдруг перед ними предстал Апиша. Он дал им семена овощей и зерна. Дал он им еще по горсточке фасоли и гороха:

— Бросите на землю фасоль — и будут у вас коровы и быки, бросите горох — появятся буйволы.

Так они и сделали: брат бросил на землю фасоль, и она превратилась в стадо коров и быков. Сестренка бросила на землю горошины — выросло перед ними стадо буйволов. Постепенно у брата и сестры появилось все: и куры, и зерно, и семена, и быки, и буйволы. Тогда брат сказал сестре:

— Давай поженимся!

Но сестра не согласилась и предложила ему:

— Давай спросим небо.

Она взяла иголку, а брат — нитку. И вот обратились они к небу:

— Если на земле остались другие мужчины и женщины, пусть нитка проскочит мимо ушка иголки. А если нитка вденется в иголку, то мы поженимся.

Они подбросили нитку и иголку вверх, и нитка вделась в иглу. Но сестра снова предложила:

— Давай еще раз спросим небо.

Она взобралась на гору и нашла там жернов, брат взобрался на другую гору и тоже нашел жернов. Потом они обратились к небесам:

— Если на земле остались другие мужчины и женщины, пусть эти два жернова скатятся в разные стороны, а если соединятся, то мы, брат и сестра, поженимся.

Они пустили жернова, и жернова соединились.

Брат и сестра поженились. Прошло три года, и родила сестренка диковинный плод. Решили они, что небо все же разгневалось на них за их женитьбу. И вот разрубили они то, что родила сестра, на куски и повесили их на дерево. Через несколько дней подошли они к дереву и удивились: все куски превратились в людей, мужчины и женщины стояли парами,

разговаривали, смеялись, ели фрукты. С тех пор людей на земле день ото дня становилось все больше и больше.

КАК ПОЯВИЛИСЬ ЛЮДИ

(Миф народности ли)

Выросла однажды на земле тыква-горлянка. Днем и ночью она, набиралась соков и стала большая-пребольшая, больше горы. Потом она стала еще

больше — ее уже подпирали пять гор. А тут пошел дождь, и всю землю залило водой. Увидел бог тыкву-горлянку и сказал:

— А ведь туда можно много чего положить! Но как же сделать в тыкве отверстие?

И вот он велел броненосцу прогрызть дыру. Броненосец залез на тыкву и начал грызть. Грыз он, грыз, все зубы стер, пока выгрыз отверстие. Бог был доволен и похвалил броненосца. Но тот грустно спросил:

— Как же я теперь буду есть? Я себе все зубы стер.

— Не грусти, — сказал ему бог, — я научу тебя: ты раскопай лапой землю и высунь язык. Когда муравьи заползут тебе на язык, ты их и проглоти. Разве плохо?

Теперь в тыкве-горлянке была дыра, а внутри нее оказалось очень просторно. Бог поместил туда брата с сестрой, потом — буйвола с буйволицей, быка с коровой, кабана со свиньей, собак, кошек, ящериц, богомол, других животных и насекомых — и все парами. Когда бог хотел поместить в тыкву-горлянку змею, брат и сестра сказали:

— Змея кусается, не надо ее.

— Примите меня, я не буду кусать людей, если они не наступят на меня, — попросила змея.

Положил бог в тыкву и змею.

Но вот ящерица проголодалась и подумала, чем бы ей закусить? И вдруг видит: рядом с ней сидит богомол. Разинула ящерица рот и проглотила богомола. А бог заметил это, рассердился и начал ящерицу ругать:

— Почему ты, такая-сякая, жадная и жестокая? Ты хочешь жить? Богомол — тоже хочет! Зачем же ты проглотила его?

Хлопнул бог в сердцах ящерицу по голове, та от боли разинула рот, богомол и выскочил. С тех пор у всех ящериц голова приплюснутая.

Когда все животные переселились в тыкву-горлянку, дождь пошел еще сильнее. Сначала дождевые капли были с кулак, потом стали больше таза. Шел дождь пять дней и пять ночей. Вода затопила горы и поднялась почти до неба. Но вот прекратился дождь, и на небе появилось пять солнц и пять лун. Они быстро высушили воду. Люди и животные

вышли из тыквы-горлянки. Всем было жарко. Пять солнц обжигали всех, как огонь. А ночью на небе висели пять лун и так светили, что больно было открыть глаза. Тогда бог спросил:

— Кто сможет уничтожить лишние солнца и луны?

Откликнулся дикий кабан:

— Я их клыками с неба спихну! У меня клыки длинные!

Брат и сестра начали умолять кабана сделать это поскорее, но кабан поставил условие:

— Я уничтожу лишние солнца и луны, но вы за это должны кормить меня рисом.

Брат и сестра согласились.

Пошел кабан выполнять задание. Он скovyрнул четыре солнца, а четыре луны раскусил на мелкие кусочки, и превратились эти кусочки в звезды. Когда кабан вернулся, у брата и сестры не оказалось риса, чтобы накормить его. Тогда они сказали:

— Вот что, впредь, где увидишь рис, там и ешь!

Вот теперь кабаны и поедают рисовые посеы.

Брат и сестра посмотрели кругом: всюду безлюдная земля. Прошли они гору за горой и реку за рекой, но нигде не встретили ни души, всюду было пустынно. На всем белом свете только они и остались. Стали брат и сестра грустить, печалиться и плакать. А в это время прогуливался по небу бог грома Лэй-гун. Услышал плач, спустился на землю и спросил:

— Почему плачете? Какое горе у вас?

Вот они и ответили ему:

— Нет у нас родителей, нет братьев и сестер. И нет людей на свете, кроме нас. Везде пустынно, земля заросла бурьяном и кустарником. Как же нам жить?

— Не бойтесь, — сказал Лэй-гун, — не печальтесь! Я помогу. Давайте сделаем так: поженитесь — будете мужем и женой! Когда родится ребенок, я приду и скажу, что делать дальше.

Брат и сестра возразили:

— Нельзя! Ведь мы брат и сестра, как же нам пожениться? За такое нас накажет бог грома, убьет нас.

— Не бойтесь, — сказал Лэй-гун. — Бог грома — это я. Я не накажу.

Но брат и сестра лишь головой покачали, не поверили. Тогда Лэй-гун показал им свою силу: на небе загрохотал гром, земля задрожала, река вышла из берегов и начала ломать деревья.

— Ну, как? Понятно? Теперь верите? — спросил Лэй-гун.

Они послушались бога грома и стали мужем и женой. Родился у них мальчик, беленький и пухленький. Радости их не было конца.

Пришел Лэй-гун и спросил:

— Как живете? Родился ребенок?

Увидали они Лэй-гуна, испугались:

— Нет, нет! У нас еще нет ребенка.

А Лэй-гун усмехнулся:

— Есть! Я знаю. А ну, дайте-ка его мне! Я из него сделаю много людей. Тогда не будете одинокими.

Не хотелось им отдавать ребенка, и Лэй-гуну пришлось отнять его силой. Бог грома разрубил ребенка на куски и просеял их через сито. И сразу же просеянные куски превратились в четырех мужчин и четырех женщин. Лэй-гун дал им одежду. Первому мужчине достались рубашка и штаны, и стал он ханьцем. Второму достались два куска полотна. Он завязал их на бедрах и стал циским ли *. Третьему он дал небольшой кусок ткани, тот сделал себе трусики и стал сяоским ли *. Последнему достался совсем крохотный кусочек полотна, он сшил себе тесные-претесные трусики и стал островным ли *. Четверо мужчин женились на четырех женщинах, те родили детей, а дети их родили своих детей, и так продолжается из поколения в поколение.

ПРЕДОК УВУ

(Предание народности и)

Издавна Эдигуда * был богатым, сильным и жил на небе. Дворец его был построен из пятицветных камней, с крышей, выложенной семицветной черепицей. С утра до вечера он думал только о том, как

бы не покрылось плесенью его серебро, не заржавело золото.

Во дворце Эдигуды был управляющий Аби, свой человек. Эдигуда посылал Аби на землю пасти скот и диких зверей. Скот Эдигуды и дикие звери поедали посевы людей, топтали поля и нередко кусали детей.

Люди тогда жили еще вместе с буйволами, овцами, свиньями, собаками, курами и лошадьми. Днем все они сообща работали, а вечером все вместе грелись у очагов; только собаки, наострив уши, сидели поодаль и охраняли всех их от диких зверей.

Жили в то время под горой Ношань три крестьянина: Уву, Мынга и Але. Уву был трудолюбив. Каждый год ранней весной, лишь прокукует кукушка, он сеял кукурузу. Наступала передышка в работе на поле, и шел он на охоту, захватив собаку и беркута. Уву был искусным стрелком. Его отравленные стрелы долетали даже до самого дворца Эдигуды, и цепные псы Эдигуды, пожиравшие людей, боялись Уву.

Однажды Уву обработал поле на склоне горы: поджег траву и кустарники, вспахал и засеял. Трудился он, не жалея сил. А на следующий день пришел и не узнал своего поля: все-то оно перерыто и затоптано, а ровные борозды завалены. Разгневался Уву. За несколько дней он снова перепахал поле, снова по нему пролегли ровные борозды.

Но беспокойно было на сердце Уву. Пошел он к Мынге и Але, попросил их помочь караулить пашню. Укрылись они на опушке леса. Уву захватил с собой лук и отравленные стрелы. В полночь из горной долины выползло что-то черное, начало бегать по полю и мордой рыть борозды. Друзья окружили чудовище, подошли поближе и увидели дикого кабана.

— Убью его, — сказал Уву.

— Не стреляй! — остановили его Мынга и Але. — Поймаем и спросим, для чего он портит поле.

Схватили они кабана, привели в сарай и заперли. А на следующий день допросили его.

— Зачем портишь поле? Кто тебя послал? — спросил Уву.

— Аби, управляющий Эдигуды, заставил меня, — ответил кабан. — Он говорит, что ты не имеешь права жечь траву на склонах его гор, не имеешь права рубить его деревья, стрелять в его диких зверей.

— Ничего подобного, — сказали Уву, Мынга и Але. — Это все ему не принадлежит.

Достал Уву острый нож, хотел снять шкуру с кабана, но кабан взмолился:

— Помилуйте меня! Я буду вместе с вами бороться против Аби. Я буду вас предупреждать об опасности и этим искуплю свою вину. Аби сказал, что скоро он пошлет свирепых тигров, чтобы сожрать и вас и всех людей на земле.

Мынга и Але стали просить помиловать кабана, и Уву отпустил его. И вот все люди на земле тайно сговорились расправиться с Аби. Однажды ночью они поймали его и убили. А тигры нашли труп Аби, набросились и разорвали его на куски.

Дошла весть о смерти Аби до Эдигуды, расвирепел Эдигуда: девять дней посылал на землю бушующий ветер, девять дней сыпал на землю град, поджигал молниями леса и людские дома. По небу носились черные тучи, и гремел гром. Земля окуталась непроглядной тьмой, только при свете молний можно было что-нибудь разглядеть.

Как и все другие, Уву, Мынга и Але сидели у очага и раздумывали, что делать, что предпринять. Мынга роптал: люди, мол, сами накликали беду на свою голову. Але уговаривал Уву собрать с каждой семьи буйволов, овец, серебро и отправить на небо, чтобы испросить прощение за смерть Аби. Но Уву возразил:

— Я вижу, что все другие люди не боятся ничего. Они уверены, что поступили правильно, убив Аби. Они настаивают, чтобы я послал во дворец Эдигуды сто двадцать отравленных стрел!

И вдруг к ним прибежал дикий кабан. Обрадовались они кабану, попросили его совета.

— Стрелять во дворец Эдигуды нельзя, ни в коем случае нельзя! — сказал кабан. — Слышал я, что Эдигуда намерен отомстить за смерть Аби. Он хочет открыть выход девяти морям, и тогда на земле будет великий потоп. Никто нигде не спрячется, все погибнут!

Задрожали от страха Мынга и Але и взмолились:

— Брат кабан! У тебя почтенный возраст. Ты, наверное, знаешь, как спастись. Скажи нам.

Кабан отошел к задней стене так, чтобы его не видел Уву, и, кивнув в его сторону, сказал:

— Спасись-то можно, только едва ли вы вместе.

Мынга и Але потащили кабана на улицу, привели его в харчевню и стали угощать вином.

— В прошлый раз, когда этот негодяй Уву хотел пустить в меня отравленную стрелу, вы спасли меня. Потом вы еще раз спасли меня, когда Уву вынул нож, чтобы снять с меня шкуру. Поэтому я и скажу вам, как спастись. Ты, Мынга, сделай лодку из павлиньих перьев и садись в нее — не утонешь! А ты, Але, приготовь для себя лодку из чешуек дракона. Вот вы и спасетесь! Бояться вам нечего!

Сказал так кабан, вернулся к Уву и посоветовал ему:

— Потоп будет великий. Чтобы спастись, нужно построить прочный плавучий дом, он устоит против течения воды. Ты, Уву, сам знаешь, что прочнее всего на свете. Лучше всего убивать диких зверей стрелами с железным или медным наконечником. Значит, железо и медь — самое прочное.

На другой день Мынга повсюду начал искать павлиньи перья, а Але везде искал чешуйки дракона. Но поиски их были неудачными: ни павлиньих перьев, ни чешуек дракона они не нашли. И поняли они, что кабан зло обманул их.

Уву сделал железный ковчег, чтобы спастись во время потопы, но его украл Мынга. Тогда Уву сделал ковчег медный, но и этот ковчег утащил Але. Наконец Уву сделал ковчег из дерева, собрал в него всякую пищу, запасся мясом.

Однажды утром громко закудахтали куры — начался потоп. Уву быстро залез в свой ковчег и поплыл по бушующим волнам. Через много, много дней приплыл ковчег к горе. Вылез Уву из ковчега, посмотрел кругом, узнал вершину горы Муэри. Расправил свои плечи Уву и вдохнул полной грудью свежий воздух. И тут он вспомнил утонувших Мынгу, Але и других.

Сидел Уву на вершине горы и глядел на бескрайние водные просторы. У ног его плескались волны. Достал он еду, подкрепился, собрал хворост, развел большой костер. На воде у горы показалась змея. Уву спас ее, сделал своим другом, пустил к огню греться. Вылезла из воды лягушка, появились пчела, птицы, мышь — всех спас Уву, сделал своими друзьями, пустил к костру греться.

А Эдигуда был на небе. Он решил проверить, что творится на земле, и послал своих гонцов. Спустились с небес гонцы, заметили на горе Муэри черные клубы дыма и доложили об этом Эдигуде.

— Идите и узнайте, кто там, — приказал Эдигуда.

Увидел Уву слуг Эдигуды, приготовился к бою. Но лягушка остановила его. Лягушка, пчела, мышь — все начали говорить посланцам Эдигуды о доброте Уву, спасшего их. Отдали посланцам свиней и овец, накормили их. Вернулись слуги на небо и доложили Эдигуде:

— Все люди на земле погибли, остался только Уву. Он хороший человек. Вы можете разрешить ему продолжить род человеческий на земле.

Неохотно согласился на это Эдигуда. Вода постепенно начала спадать, и вскоре Уву с друзьями вернулись в родные края.

Прошло после потопа много дней. Лягушка, ворона и змея искали на земле невесту для Уву и не нашли. Тогда они послали на небо сороку посватать вторую дочь Эдигуды. Сначала Эдигуда отказал, но потом запросил калым: буйволов, овец и серебра. Через полгода Уву отправил на небо сороку с дарами. Серебра было столько, что оно образовало мост от земли до неба. Буйволов и овец было так

много, что они заняли весь этот мост. Эдигуда принял калым, но отказался от своего слова, не захотел отдать свою вторую дочь в жены Уву. Тогда сорока разозлилась. Вернувшись на землю, она сказала змее, вороне, лягушке, мыши и всем друзьям:

— Наши богатые дары обманом забрал Эдигуда! Он отказался выдать дочь за Уву! Что вы думаете об этом?

Змея и мышь ответили:

— У нас есть план, только вот не добраться нам до неба.

— Это можно сделать: я доставлю вас туда, — обещала ворона.

Змея обвила голову вороны, мышь прицепилась под ее крылом, и они взлетели.

— У меня тоже есть план! — крикнула пчела и сама полетела на небо.

Опустилась ворона в небесном дворце, увидели друзья, что спит Эдигуда в ящике из камфарного дерева. Мышь прогрызла в ящике дырочку. Змея вползла в эту дырочку и укусила ногу Эдигуды, пчела тоже влетела и ужалила Эдигуду в лицо. Распухла нога и стала, как чурбан, вздулось лицо и стало, как лукошко.

Едва успели вернуться на землю ворона, змея, мышь и пчела, как тут же появились гонцы Эдигуды и сообщили:

— Нагнали вы на небесное царство страху, все там перемешалось! Если вы вылечите Эдигуду, он отдаст дочь замуж за Уву. Не вылечите — снова начнется потоп.

Посоветовался Уву со своими друзьями. Лягушка сказала:

— Я вылечу. Везите меня на небо.

Вылечила лягушка Эдигуду и вернулась на землю. Но снова Эдигуда отказался выдать дочь за Уву. Созвал Уву друзей на совет.

— Ничего! — сказала лягушка. — Я ведь его не до конца вылечила, немного болезни оставила в нем.

Вскоре Эдигуда опять заболел сильнее прежнего. Снова прибыли гонцы Эдигуды, но не с пустыми руками, а с ценными подарками. Поклялись они,

что Эдигуда выполнит свое обещание, и заключили с Уву договор. Вылечила лягушка раны, отдал Эдигуда свою дочь. Среди ее приданого была большая мотыга, которой можно вырыть проход для морской воды на землю.

Родила жена Уву трех сыновей, но они были немыми, не умели говорить. Уву направил на небо посланца, но Эдигуда не захотел сказать, как вылечить детей от недуга. На помощь пришла сорока:

— Я знаю, что делать!

Полетела она в небесный дворец, притаилась под карнизом крыши и подслушала, о чем говорит Эдигуда:

— Я знаю, почему сыновья Уву немые. Нет у меня сыновей, пусть не будет и внуков! Я ненавижу их, потому и не сказал, как вылечить их. А стоит Уву разрубить бамбук, растущий за его домом, на три части, как сыновья его заговорят.

— Вот теперь и я все знаю! — крикнула сорока.

Хотела было она улететь, но жена Эдигуды схватила ее. Бросили сороку в котел, чтобы она сварилась — хотели отдать цепным псам. Но сорока вырвалась, вернулась на землю и рассказала Уву, как вылечить детей.

Нашел Уву бамбук, росший за домом. Отрубил треть бамбука — заговорил старший сын и сразу побежал сажать гречиху. Отрубил вторую треть — заговорил средний сын и побежал сажать рис. Отрубил последнюю треть — заговорил младший сын и побежал пасти скот.

Когда сыновья выросли, отец сказал им:

— Выбирайте, какое кому поле нравится.

Старший сын свил из травы веревку и отметил ею облюбванное поле. Средний сын отметил свое поле камнями, а младший — колышками.

— А теперь давайте подпалим траву на полях и начнем обрабатывать их, пахать, — предложил младший брат.

Сгорела трава, а с ней и веревка старшего брата, поэтому не досталось ему земли на равнине. У среднего брата камни остались, поэтому большая часть равнины досталась ему. У младшего брата

кольшки сгорели над землей, а в земле уцелели. Поэтому досталась ему лишь часть равнины.

— Ну, как поделили землю? — спросил отец.

Младший сын ответил:

— На равнине и без отдельного поля хорошо пасти лошадей, а на склонах гор — овец. Я буду делать творожные лепешки и давать их старшему брату.

Средний брат ответил:

— Я доволен своим полем: рис хорошо пахнет, сорго красиво растет. Я буду помогать старшему брату сеять гречиху. Я буду помогать и младшему — отгонять шакалов от его лошадей и овец.

Последним ответил старший брат:

— Из сладкой гречихи можно делать лепешки, из обычной — пампушки. Мы все счастливо проживем!

ЦИНЦИН И ХУНХУН

(Предание народности ли)

Давным-давно жил император. У него была дочь — принцесса Цинцин. Она была и красива и умна. Придворные вельможи старались понравиться ей, каждому хотелось получить принцессу в жены. Одни дарили ей драгоценные украшения, золотые сосуды, а другие хвастались своею храбростью. Но принцесса Цинцин бросала драгоценности на землю и топтала их, а рассказы о военных подвигах и слушать не хотела. А все потому, что она полюбила дворцового слугу Хунхуна. Но об этом никто не знал. Да и как же принцессе объявить о такой своей любви?! Поистине она была похожа на него, который съел горький корень хуанянь и не может никому пожаловаться. Так бы из этого ничего и не вышло, если бы принцессе не пришла в голову одна хитрая мысль, и она рассказала о ней Хунхуну.

Неожиданно принцесса Цинцин заболела. Она не ела и не пила. Каких только врачей император

не призывал, все напрасно: принцесса Цинцин не вставала с постели. Тогда императору пришлось обнародовать указ: «Кто вылечит принцессу Цинцин, тому быть ее мужем».

Дворцовый уборщик Хунхун сразу же заявил, что он может поднять принцессу на ноги. Услышав об этом, император разгневался так, что все лицо его перекосилось и стало синим. Он крикнул Хунхуну:

— Не вылечишь — голова с плеч!

— Ладно, — согласился Хунхун.

Хунхун подал принцессе чашку чистой воды. Она выпила всю воду, поднялась с постели и сказала:

— Какое чудесное лекарство!

Выздоровела принцесса, и по указу императора ее мужем должен был стать Хунхун. Но император и слышать не хотел об этом, потому что Хунхун был всего лишь дворцовым слугой. Да и вельможи все настраивали его против Хунхуна. Вот император и объявил:

— Я не могу решить. Надо спросить принцессу.

Очень разгневался император, когда принцесса ответила:

— Пусть будет так, как написано в указе.

Император потерял и сон и покой. Он угрожал дочери:

— Если ты выйдешь замуж за Хунхуна, выгоню тебя из дому.

Но принцесса заладила одно:

— Так, видно, суждено. Пусть я умру, но выйду замуж только за Хунхуна.

Император вспылал, он начал ругать принцессу, упрекая ее в том, что она не знает Трех покорностей и Четырех добродетелей*. В конце концов император решил изгнать принцессу Цинцин и Хунхуна из своего государства, да еще приказал за слушание нанести на красивое лицо девушки татуировку.

Принцессу Цинцин и Хунхуна посадили в утлую лодку, дали им немного еды. Принцесса захватила с собой лук и стрелы. Плыла лодка по бескрай-

нему морю сорок девять дней и наконец пристала к берегу, как раз к тому месту, где у самого моря высится скала. Теперь на этом месте расположен наш уезд Даоя.

Принцесса Цинцин и Хунхун стали здесь жить, детей растить. Вот они-то и были предками нашего племени ли.

Хунхун подстрелил из лука горного кабана. С тех пор и мы охотимся на кабанов.

На равнине кабанов было мало, поэтому Хунхун и Цинцин переселились в горы Учжишань. Однажды принцесса поскользнулась и задела ногой камень. Камень покатился вниз по склону горы, ударился о другой камень и высек из него искры. Вернувшись домой, принцесса Цинцин попробовала ударить камень о камень и добыла огонь. Поэтому-то и мы теперь умеем высекать огонь.

В горной долине Цинцин нашла семена риса. Она сделала деревянную соху, научилась пахать землю. От нее женщины народа ли научились пользоваться деревянной сохой и сеять рис.

У Цинцин и Хунхуна были теперь и рис и огонь, но у них еще не было котла. Умная принцесса Цинцин срубила на горе толстый бамбук, начинила его рисом, налила воды и положила его в огонь. Рис сварился, получилась вкусная каша. От нее научились и мы варить кашу в бамбуке.

У принцессы Цинцин были очень красивые серьги, поэтому все наши женщины носят серьги. Принцесса Цинцин украшала свои ноги браслетами, поэтому наши женщины до сих пор носят браслеты на ногах. На лицо принцессы Цинцин по приказу императора была нанесена татуировка, но для Хунхуна не было лица прекраснее. Поэтому и наши женщины тоже наносят татуировку на свои лица.

Где же могилы Цинцин и Хунхуна? У них нет могил, потому что они не умерли. Однажды Хунхун пошел на охоту и пропал. Говорят, что Хунхун живет теперь на вершине горы Учжишань. Не верите? Попробуйте крикнуть: «Хунхун». Горная вершина обязательно отзовется. Но искать Хунхуна не надо — все равно не найдете.

Принцесса Цинцин тоже не умерла. Говорят, она превратилась в зеленый лес, покрывающий гору Учжишань. Поклоняясь богу лесов, мы поклоняемся принцессе Цинцин.

СЫН ФЕНИКСА И ДОЧЬ ДРАКОНА

(Предание народности шэ)

На горе Фынхуаншань * была когда-то яма, полная золота и серебра. В яме той жил золотой феникс. Носился он по всему свету, добывал себе всякие драгоценности и складывал их в гнездо. Чего только в этой яме не было!

Однажды золотой феникс проглотил белый агат. Три дня и три ночи не мог он летать и сидел в гнезде. На четвертый день утром снес феникс яйцо — белое, как снег, величиной с корзину! Яйцо это светилось — лучи исходили от него, как от утреннего солнца. Они слепили глаза не только людям, даже звери не смели приблизиться к яйцу.

Пролежало яйцо в гнезде тридцать дней и тридцать ночей. Ночью его умывала роса, днем грело солнце. А на тридцать первый день завертелось яйцо, закружилось. Вдруг раздался треск, и скорлупа разлетелась на куски. Выкатился из яйца толстенький младенец неопикуемой красоты. Глаза у него были светлые, как прозрачная вода в осенней реке, а волосы — черные, как смола. Ручонки у него были как молодые побеги бамбука, а губы — как лепестки пиона.

Ребенок, только что вылупившись из яйца, уже умел ходить. Правда, ходил он не очень хорошо. Все птицы с округи слетались и любовались им. Каждая хотела усыновить его. В конце концов они решили воспитывать его сообща. Они лелеяли его, кормили соком плодов, отдавали свои перья, чтобы сделать ему одежду. Дали ему птицы и имя — Алан.

Алан рос. Когда в гнезде феникса стало ему тесно, птицы построили другое, просторное гнездо.

Собрали пушинки с цветов тростника, постелили в гнездо, чтобы мальчику было мягко и тепло.

Рос Алан день ото дня. Пришла пора ему набраться ума и ловкости. Птицы заспорили, кому же поручить обучать его? Белый журавль сказал:

— Алан, Алан! Я лучше всех хожу по земле. Давай я научу тебя ходить!

Алан кивнул головой. Прошел день, прошел другой. Алан научился ходить. Он ходил уверенно, бегал так быстро, словно летал. Тогда обратился к нему попугай:

— Алан, Алан! Никто не умеет так петь, как я. Давай научу тебя петь!

Алан кивнул головой. Прошел день, прошел другой. Алан научился петь. Голос его стал необыкновенно звучным. Песни его заставляли даже тигра забывать о жестокости. Тогда прилетел к нему фазан:

— Алан! Алан! Давай научу тебя лазать по горам. Я лучше всех умею это делать!

Алан кивнул головой. Прошел день, прошел другой. Алан научился лазать по горам. Он лазал по ним, как горный козел, и не задыхался. Тогда прилетел к нему баклан:

— Алан, Алан! Давай научу тебя грести. В гребле никто не может тягаться со мной.

Алан кивнул головой. Прошел день, прошел другой. Алан научился и гребле. Его лодка сновала по воде, как рыба.

Вырос Алан, стал высоким, научился всякому искусству. И отправился Алан искать счастье.

Шел да шел Алан. Прошел девяносто девять ущелий, перевалил через девяносто девять холмов, пересек девяносто девять рек. Ноги натер до крови, но все шел и шел.

Однажды Алан пришел к горному хребту Тяньлунлинь. С Тяньлунлиня можно увидеть, как солнце выходит из Восточного моря; с Тяньлунлиня можно увидеть, как солнце скрывается в Западном море. Алан поднялся на самую высокую вершину хребта. Куда ни смотрел он, всюду видел воду. Вода сливалась с горизонтом!

Вдруг Алан почувал запах крови. «Откуда этот запах на таком высоком месте?» — подумал Алан и стал искать. Долго он искал, пока не нашел глубокий колодец. Запах шел оттуда. Сел Алан на корточки и заглянул в колодец. В нем было очень темно. Дна не видно. А в глубине Алан заметил три светящиеся точки. «Звезды светятся на небе, как они попали под землю?» — подумал он. Алан был любопытным. Он связал из лиан канат длиной в тридцать шесть чжанов и спустился по нему в колодец. Там он увидел огромного удава, спящего у входа в пещеру. Шаги Алана разбудили удава, и он разинул пасть. Глаза удава горели, словно факелы, каждый зуб у него был как топор мясника, а тело его было покрыто чешуей, твердой, как железо. Удав с яростью бросился на Алана. Но Алан был ловким, он поднял камень величиной с корзину, прицелился и бросил в удава. Удав продолжал нападать. Тогда Алан начал бить кулаком по его голове. Триста шестьдесят ударов обрушилось на голову удава и еще столько же. Из его носа и пасти брызнула кровь. Умер удав.

Алан обошел дно колодца и наконец нашел то, что казалось ему сверху светящимися точками. На каменной стене висели волшебный меч, волшебный стальной топорик и волшебная мотыга. Забрал все это Алан и уже хотел выбраться из колодца, как вдруг услышал конское ржание.

«Откуда же здесь конь?» — подумал Алан. Искал он долго и наконец увидел в пещере рыжегривого коня, закованного в цепи. Конь рвался из цепей и ржал.

«Где же тот, кто спустился на коне в колодец?» Алан стал звать, но никто не отвечал.

— Бедный конь, жесток твой хозяин, коли оставил тебя здесь одного, — сказал Алан.

Конь опустил на колени. Слезы покатались из его глаз. И заговорил он человеческим голосом:

— Мой хозяин был хорошим. Он не покинул бы меня. Привез я его в горы, а удав напал на него, загубил, отнял волшебный меч, топор и мотыгу!

Выхватил Алан волшебный меч и разрубил цепи.

— Я отомстил за твоего хозяина. Идем со мной.

— Да, ты отомстил за него, — подтвердил конь, — и я буду весь век тебе служить. Я могу летать над облаками, переплывать реки и моря.

Алан вскочил на коня и тут же вылетел из колотца. Проехал Алан девяносто девять ущелий, перевалил через девяносто девять холмов, пересек девяносто девять рек и достиг горы Хубэйшань. Никто из людей на этой горе не жил. Вся она заросла камышом, в котором прыгали зайцы. И раздавался с горы несмолкаемый звериный рев.

Алан натянул тетиву и одной стрелой убил двух зайцев. Затем он взмахнул мечом, одним ударом срубил девять больших тополей. Сел Алан отдохнуть. Вдруг поднялся ураганный ветер и откуда-то кинулся на Алана тигр. Но Алан был ловким. Один миг — и он уже сидел на тигре. Волшебным топориком ударил он изо всех сил по затылку зверя. Тигр свалился.

Захотелось Алану пить. Долго искал он воду и наконец нашел на горе озеро с чистой, прозрачной водой. Вокруг озера цвели яркие цветы, легкая зыбь играла на его поверхности. Нагнулся Алан, выпил глоток воды и вдруг сквозь колышущиеся волны заметил на дне девичье лицо. Он выпил еще глоток воды — волны на озере заиграли сильнее, на дне озера стала видна девичья фигура. Выпил Алан третий глоток воды — озерная вода забурлила, расступилась, и вышла из пучины девушка.

Никогда Алан не видывал такой красавицы! Ее длинные, изогнутые брови — словно нарождающийся месяц, черные глаза весело поблескивали, узкое личико с румяными, как свежее яблоко, щеками светилось. Шла она легкими шагами, словно нес ее свежий ветер.

Подошла девушка к Алану и улыбнулась.

— Бывал я и на краю света за далекими морями, — сказал Алан, — но никогда не встречал такой красоты! Где живешь, девушка? Как тебя зовут?

— Живу я в хрустальном дворце в Восточном море. Я — старшая дочь царя драконов. А зовут меня Айлянь.

— Как же ты из хрустального дворца попала сюда, на гору Хубэйшань?

— Из этого озера есть под горой проход в Восточное море.

— Почему же с тобой нет провожатых?

— Я пришла искать жениха. Неловко же брать провожатых.

— Кого ты здесь найдешь? Ведь на этой горе, кроме меня, никого нет.

— А другого я и не ищу. Мне нужен храбрый, добрый Алан.

Алан покраснел, а на сердце его стало радостно.

— Айлянь! Я одинокий бедняк. Целыми днями на охоте. Нет у меня ни родителей, ни братьев. Некому обо мне позаботиться. Не трудно ли будет тебе со мной?

— Тот, кто вырос в трудах и борьбе, — хороший человек. Я люблю тебя, Алан, за то, что ты трудолюбив и не боишься опасности.

— Но я — сын феникса, а ты — дочь дракона. Феникс живет в горах, дракон — на дне моря. Подходящая ли мы пара?

— Дочь дракона выходит замуж за сына феникса, — может ли быть на свете пара лучше такой?!

Уже солнце село на западе, уже украсила небо вечерняя заря. Алан освежевал тигра, накинул его шкуру на коня. Потом он собрал цветы и украсил ими одежды Айлянь. Сели они на коня, и едва Алан тронул его, как они очутились на горе Фынхуаншань.

И сразу же слетелись к ним птицы. Они принесли персики, финики, райские яблочки. Разные цветы и фрукты заполнили жилище Алана. Пчелы готовили мед, бабочки — сладости. Прилетели светлячки и расселись вокруг. Стало светло. Попугай играл на флейте, а соловей без конца шутил. Было весело и шумно.

Алан и Айлянь поженились. Они любили друг друга и жили душа в душу. Когда Алан уходил за водой, Айлянь сидела дома: шила и штопала. Когда уходил Алан на охоту, Айлянь готовила пищу и ждала его. Жизнь их была слаще меда. И вскоре Айлянь пришла пора родить ребенка.

В тот день Алан ушел на охоту. Вдруг тучи заволокли небо, подул ветер, полил дождь. При первом раскате грома появился на свет толстенький беленький младенец. Когда Алан вернулся с добычей, его встретила радостная Айлянь с ребенком на руках:

— Отец, дай нашему сыночку имя. Посмотри, какой он!

Алан спросил:

— А случилось ли что-нибудь во время родов?

— Гром гремел.

— Хорошо, пусть его зовут Лэй¹. Это имя дало ему само небо!

Алан и Айлянь зажили еще счастливее. Прошел год, и опять у Айлянь родился ребенок. Вернулся Алан домой с охоты, а в колыбели сладко спит новорожденный. Айлянь радостно встретила Алана:

— Отец, дай сыночку имя. Смотри, какой он хо-роший! Большие глаза, высокий лоб — вылитый ты!

Алан подумал и сказал:

— Он очень красив, когда спит в колыбели. Пусть же его имя будет Лань², и пусть он будет в будущем еще счастливее, чем сейчас.

Прошел еще год, Айлянь родила третьего сына. На этот раз Алан был дома. И только родился мальчик, как зазвонили в округе колокола. Алан взял на руки младенца, а Айлянь попросила:

— Отец, дай ему имя.

— Когда он появился на свет, звонили колокола. Пусть же его имя будет Чжун³.

Время шло. Листья на деревьях зеленели, потом желтели и опадали. Проходил год за годом. Дети росли. Настало время женить их, и Алан забеспокоился: ведь на горе Фынхуаншань жила лишь одна его семья, откуда же взять невест? Но Айлянь успокоила его:

— Не волнуйся. У меня в отчем доме живут три племянницы. Завтра схожу домой, попробую их по-сватать.

¹ Лэй — гром (кит.).

² Лань — колыбель (кит.).

³ Чжун — колокол (кит.).

На следующий день Айлянь спозаранку отправилась в путь. Пришла к озеру, шагнула в него, вода расступилась и дала ей широкую дорогу. По бокам дороги стояли солдаты — рыбы и креветки, генералы — крабы. Они приветствовали ее.

Пришла Айлянь в хрустальный дворец и обратилась к своей матери:

— Мама, внуки твои подросли, а невест у них нет. Хочу женить их на племянницах.

— А сколько лет внукам?

— Старшему минуло двадцать, среднему — девятнадцать, младшему — восемнадцать.

— Хорошо. Помогу внукам.

Договорилась Айлянь с матерью. Выбрали они день свадьбы и поженили юношей. Старший женился на старшей племяннице, средний — на второй, а третий — на младшей.

Время шло. Год уходил за годом. Минуло несколько десятков лет. На горе Фынхуаншань все изменилось. Стало там много людей. Дети и внуки Алана распахали тысячу девятьсот девяносто девять му земли, вырастили тысячу девятьсот девяносто девять быков и развели тысячу девятьсот девяносто девять овец и баранов. Стала гора Фынхуаншань местом счастья.

Далеко распространился слух о горе Фынхуаншань. Один расскажет десяти, а десять передадут сотне. Дошла молва до уездного города. Прослышал об этом начальник уезда, позавидовал. Написал он указ и велел повсюду расклеить его: «Население горы Фынхуаншань обязано платить подушный налог».

Дошел указ и до горы Фынхуаншань. Семья Алана послала уездному начальнику сто баранов. Но тому показалось этого слишком мало. Тогда семья Алана послала еще сто быков. Начальник уезда лишь покачал головой — ему хотелось больше.

Землю вспахала семья Алана, хлеба вырастили тоже они, стада вскормили они же. Все богатство на горе Фынхуаншань создано семьей Алана, за что же они должны платить налог?

Жадность начальника уезда не знала предела. Ночью послал он на гору Фынхуаншань солдат, что-

бы силой завладеть богатством. Прибыли солдаты к подножию горы, а на ней уже зажгли факелы, приготовились к бою. Когда войско приблизилось к вершине, Алан на своем волшебном коне устремился вперед. Дети и внуки его шли следом с оружием в руках. Конь Алана взвился в небо и оттуда бросился на солдат. А Айлянь вошла в Драконовый омут, постучала по воде, вода вскипела, поднялась и затопила большую часть войска. Трижды переходило войско в наступление, но неизменно терпело поражение. Пришлось уездному начальнику дать слово сократить налог.

Но уездный начальник нарушил слово. Однажды темной ночью послал он людей на гору Фынхуаншань. Они пробрались в конюшню, перебили ноги волшебному коню, пробрались к Драконовому омуту и засыпали его. Да еще устроили засаду у омота, чтобы убить Айлянь.

В то время Алан спал. Приснилось ему, что белый дракон обвил своим телом дом, а изо рта у него вырывается пламя. Проснулся Алан: кругом — языки пламени, слышно бряцание оружия, крики. Алан бросился в конюшню — волшебный конь не может стоять, из глаз его капают слезы. Схватил Алан медный гонг и забил тревогу. Дети и внуки его — весь народ шэ услышал гонг и понял: пришел враг. Вооружились они и ринулись в бой.

Звуки гонга напугали врагов. Они окружили Алана, бившего тревогу. Алан приготовил лук и стрелы. Он стрелял в тех, кто к нему приближался. Тринадцать стрел поразили тринадцать врагов. Но стрелы кончились, и Алан погиб.

Услышав тревогу, Айлянь побежала к Драконовому омуту. Но омут оказался засыпанным. Она хотела вернуться за мечом, но тучи вражеских стрел настигли ее, и она погибла. Кровавая битва длилась до утра, лишь на рассвете враги отступили, оставив горы трупов.

В этом жестоком бою погиб родоначальник племени шэ. В этом страшном бою отдала жизнь родоначальница племени шэ. Оба они боролись за счастье потомков.

На рассвете следующего дня люди племени шэ отнесли останки родоначальников на хребет Тяньлунлинь и похоронили их под высокими кипарисами у прозрачного, как зеркало, источника. На могиле поставили памятник. Когда опускали тела родоначальников в могилу, небо оделось в черные тучи. К могиле подходили звери, подлетали птицы и орошали ее слезами.

И в наше время люди народа шэ еще помнят своих родоначальников. В праздник Нового года и в другие праздники они приносят им жертвы. Родоначальник Алан гонгом поднял свою семью на бой, и это спасло народ шэ. Поэтому при жертвоприношении люди народа шэ быют в маленькие гонги. Родоначальница Айлянь, спасая племя, водой преградила путь врагам. Поэтому теперь при жертвоприношении люди окропляют друг друга чистой водой.

ТРОСТНИК, КОТОРОГО ЧЕРТИ БОЯТСЯ

(Предание народности тай)

Земля в обширной долине Мэнчжаньба плодородна. Там рис созревает три раза в году. Там на горах пасутся стада, а равнины покрыты цветами. Там на базар люди ездят на слонах.

Под горой Мэйлошань мимо дома, где жил некогда охотник Биаша, протекает река Муананьхэ с голубой водой. По всей округе Биаша был известен, как самый искусный стрелок из лука. Убитых им орлов и золотистых оленей не счесть. А жена охотника — Юйнэ славилась красотой и храбростью.

Юйнэ ежедневно накашивала на берегах реки Муананьхэ целую корзину сочной травы и относила ее старосте долины Мэнчжаньба для уплаты налога. А Биаша каждый день после завтрака брал лук и стрелы, уходил в лес и возвращался с богатой добычей: с медведем, оленем или разной дичью. Шкурки зверей громоздились горой в его доме.

Время шло. Кобылица старосты долины Мэнчжаньба принесла жеребят, а эти жеребята в свою очередь наплодили еще жеребят. Коса Юйнэ стерлась, стала тонкой, как нитка.

Однажды, забрав лук, стрелы да кинжал, отправился Биаша на охоту. Подошел он к реке Мунаньхэ и увидел утолявшего жажду золотистого оленя. Биаша натянул тетиву, пустил стрелу, и попала она в ногу оленя. Припадая на раненую ногу, олень бросился в воду и переплыл на другой берег. Биаша разделся, обмотал одеждой голову и тоже переплыл на другой берег. Истекавший кровью олень был близко, Биаша уже изловчился, чтобы схватить его, но тут в лесной чаще раздался пронзительный вопль. То кричал покрытый шерстью черт Пия. Не успел Биаша выхватить кинжал, как черт Пия набросился на него и накрыл, словно черным ковром. По земле потекла кровь. Ворсоны, пролетавшие мимо леса, завернули попировать тем, что им оставил черт Пия.

Солнце тихо скользнуло за деревья. Растягивая рты, заквакали на реке лягушки. Наступил вечер. Юйнэ стояла у порога дома и глядела на горную тропинку, по которой сбычно возвращался муж. Но, кроме птиц, слетавшихся на ночь в свои гнезда, она ничего не замечала. С беспокойством спустилась Юйнэ к реке Мунаньхэ. Долго бродила она по берегу и вернулась домой, лишь когда густой туман коснулся ее щек и почувствовала она холод. Дома Юйнэ сняла с треножника глиняный горшок, в котором варилось оленье мясо. Предчувствие беды наполнило ее сердце страхом. Юйнэ заплакала.

На утро ее разбудил птичий хор. Она взяла косу, перешла вброд речку и вошла в лес. Шла она и громко звала: «Биаша!..» Но лес безмолвствовал. Вдруг она споткнулась о что-то, взглянула — под ногой кинжал мужа. Прижала она кинжал к груди, словно обняла мужа, и зарыдала. Вокруг лежали стрелы. Подобрала Юйнэ стрелы, вытерла слезы и, сдерживая рыдание, пошла дальше. Ей хотелось найти хотя бы одну косточку мужа.

На склоне горы стояло огромное, в десять обхватов дерево. Его раскидистые ветви закрывали ясное

небо. Под этим деревом Юйнэ увидела чудовище, похожее на черную тень. Оскалив белые клыки, оно пожирало что-то. Юйнэ заметила: недалеко от чудовища лежит белый платок мужа. Поняла она, что это чудовище — черт Пия. Выхватила она кинжал и бросилась на Пию. Завязалась борьба не на жизнь, а на смерть, от которой полегла вся трава вокруг. В конце концов Пия убил Юйнэ и съел ее, оставил только кости.

А потом из этих костей вырос душистый тростник. Когда Пия проходит мимо него, тростник шипами до крови колет ему кожу. Потому-то Пия и не ходит в те места, где растет душистый тростник. А женщины народности тай, отправляясь в лес на сбор чайных листьев, непременно срывают листочки душистого тростника, чтобы отогнать от себя Пию.

УНЭН — МОЛОДОЙ ОХОТНИК

(Монгольская легенда)

Жил в давние времена молодой охотник Унэн. Однажды он забросил за спину тугой лук и колчан со стрелами, сел на резвого скакуна и помчался в горы. Выехав на широкую поляну, стал он высматривать, нет ли где дичи. И вдруг видит: свирепый волк по пятам преследует красного зайца. Во всю прыть быстрых ног пытался заяц спастись. Пожалел Унэн зайца, взял лук, прицелился в волка, и засвистела в воздухе стрела. Но — о, горе! — охотник промахнулся, и стрела угодила в зайца. Унэна охватили стыд и жалость. Он быстро выпустил другую стрелу и ранил волка, затем еще раз выстрелил, и волк повалился замертво. Заяц же со стрелою в боку убежал на северо-запад и скоро скрылся из виду. Это удивило охотника. Долго он скакал за зайцем и добрался наконец до озера. Здесь, на берегу, следы зайца пропали.

Из родника вблизи берега падал в озеро бурный поток, а над ним клубился пар. Вспомнил Унэн: говорили старики, что есть такой родник в горах, из которого круглый год течет в озеро горячая вода. Говорили они и об опасности: если кто осмелится искупаться в этом озере, пусть заранее распрощается с жизнью! «Наверное, бедняга заяц упал в озеро и погиб», — подумал Унэн и вздохнул. Присел он на берегу отдохнуть, прислонился спиной к раскидистому вязу и не заметил, как заснул. И приснился ему удивительный сон: будто подошла к нему красивая девушка в красном платье — румяная, чернобровая. Она держала в руках его стрелу и сурово сказала:

— О охотник! Я фея. Сегодня я спустилась с неба, чтобы набрать хворосту, и вдруг попала в беду. А ты мне не только не помог, но даже ранил своей стрелой! За что же? Уж не сообщник ли ты злого волка?

Хотел было все объяснить Унэн, но она подняла

руку, как бы запрещая ему говорить... и охотник проснулся.

На другой день все тело Унэна покрылось нарывами, не мог он двинуть ни рукой, ни ногой. Жена даже испугалась, что он умрет. Она день и ночь молилась, просила Духа луны спасти мужа.

Лежал как-то Унэн дома один, и в комнату вошла девушка, та самая, что являлась ему во сне.

— О охотник! — сказала она. — Дух луны мне все рассказал. Я напрасно причинила тебе такие страдания. Иди скорее к горячему источнику и искупайся в нем. Болезнь твою как рукой снимет. Но об этом ты не должен никому говорить. Если скажешь хоть слово — нарушишь небесный закон. Тогда простишься со своей головой!

Что-то сверкнуло многоцветной радугой, и девушка исчезла. Унэн послушался фею, пошел к озеру и искупался. Через две недели нарывов как и не бывало. Молодой охотник опять стал пропадать в лесах, гоняясь за дичью.

Но теперь Унэна мучили мрачные мысли. Он хмурил брови, почти не ел, а ночью никак не мог заснуть. Он думал о своем народе. И в горах и в низинах ютятся хижины бедных охотников. Их семьи часто голодают, переносят зной и стужу, многие болеют, и зараза покрывает их тела ужасными нарывами. Он, Унэн, знает, как их излечить, но разве он посмеет рассказать людям о горячем озере?

У соседа Унэна заболел сын. Он громко кричал от боли. Крики малыша, точно стрелы, вбивались в сердце Унэна. И подумал Унэн: «Велика ли беда, если один человек преступит небесный закон и избавит тем самым людей от слез и страданий?» Рассказал он мальчугану о целебном озере и послал искупаться. Мальчик выздоровел. Весть об этом разнеслась далеко. Много больных стало приходить к озеру и купаться. И все они избавлялись от болезней и благодарили Унэна.

Однажды Унэн отправился на охоту. Долго ходил он, устал, присел отдохнуть, прислонившись спиною к вязу, и задремал. Перед ним появилась фея. Нахмутив брови, она с гневом крикнула:

— Охотник! Ты нарушил небесный закон!
Я пришла за твоей головой!

Унэн уже давно приготовился к смерти. «Мне не страшно, — думал он. — Ведь мои братья охотники больше не страдают от болезней!» Он смело взглянул фее в глаза:

— Хорошо! Я согласен принять твою кару!

Фея превратила его в высокую белую березу. Стоит это стройное дерево на горном склоне, его овевают ветры, омывают дожди, обжигает полуденное солнце.

БОГ ОЧАГА — ЦЗАО-ВАН

В далекие-предалекие времена жила в некоей деревушке семья: старик со старухой да сын с женой. Сына звали Чжан Ланом, а жену его — Дин-сян. Старики любили и сына и невестку. Дин-сян читала и слушалась стариков. Жила вся семья в ладу и счастье. И вдруг Чжан Лану надоело быть крестьянином и решил он заняться торговлей. И родители и Дин-сян не отпускали его, уговаривали, но Чжан Лан настоял на своем и уехал.

Когда Чжан Лан ушел, все заботы по дому легли на плечи Дин-сян. Свекор и свекровь постарели и уже не могли работать. Чтобы не умереть с голоду, невестка трудилась и в зной и в стужу, не покладая рук.

Прошло пять лет, а Чжан Лан не прислал ни единой весточки. Старики родители от тоски по сыну слегли и вскоре умерли. Дин-сян продала и заложила все, что имела, чтобы похоронить свекра и свекровь.

Прошло еще пять лет. И все эти годы был неурожай. Жизнь Дин-сян стала еще тяжелее. Остались у нее только старый бык и сломанная повозка. А мужа Дин-сян ни на минуту не забывала, даже во сне думала о нем.

Как-то раз Дин-сян затемно вернулась с поля и так устала, что не захотела ужинать. Легла на кан

и уснула. И вдруг видит Дин-сян высокого мужчину, одетого в лохмотья. Присмотрелась она и узнала Чжан Лана. Она бросилась к мужу, заплакала. Чжан Лан тоже плакал.

— Я виноват перед родителями и тобой, — сказал он. — Столько лет я был на чужбине, но не работал ни гроша. Ты страдала, родители из-за меня преждевременно умерли.

— О Чжан Лан, не надо вспоминать о прошлом. Хорошо, что ты вернулся.

Дин-сян слушала рассказ мужа о его злключениях, и вдруг пение петуха разбудило ее. Поднялась она, поглядела кругом — а Чжана-то в доме нет! Все это ей только приснилось.

Но через несколько месяцев Чжан Лан и на самом деле вернулся. Дин-сян принялась хлопотать, греть воду, готовить угощение. Но Чжан Лан, войдя в дом, даже не взглянул на жену. Он осмотрел и дом и двор. Затем положил на стол бумагу о разводе.

— Уходи из этого дома, — сказал он. — Даю тебе быка и повозку!

— Чжан Лан, правда ли это?

— Неужели я шучу с тобой?! — злобно крикнул Чжан Лан.

— Чем же я виновата перед тобой? Почему прогоняешь?

— Хочу прогнать, вот и прогоняю!

— Неужели ты забыл нашу прежнюю любовь?

— Какая там еще любовь? Не болтай! Убирайся!

Собрала Дин-сян свои пожитки, вывела старого быка, запрягла в поломанную повозку и выехала со двора.

Куда же она поедет? Родители ее давно умерли. Примет ли ее, разведенную жену, семья брата?! К родственникам поехать? Тоже не годится. Нелзя же всю жизнь сидеть у них на шее! Долго размышляла она, но придумать ничего не могла. Вот она и решила: «Пусть бык везет. Куда привезет, там и останусь!»

Старый бык тащил повозку все дальше и дальше.

Шел он с утра до ночи и с ночи до утра. И сказала ему Дин-сян:

— Бык старый! Куда везешь меня? Привези меня в какой-нибудь дом! Но помни: привезешь к богатым — наточу нож, зарежу тебя; привезешь к бедным — буду косить свежую траву и кормить тебя досыта.

Старый бык мотнул головой и потащил повозку дальше. Подъехали они к высоким горам. Долго кружили меж них и в сумерки добрались до одинокого домика.

— Бык старый! Доехали?

Бык мотнул головой.

— Как мне войти в чужой дом? Ведь неудобно!

Бык поднял голову и замычал. Дверь отворилась, вышла из дома пожилая женщина и спросила Дин-сян:

— Откуда ты, дорогая гостья?

— Я заблудилась, тетушка.

— Ай-ай-ай! Как же ты одна отправилась в путь! Скорее слезай. Отдохнешь здесь, завтра велю сыну проводить тебя!

Дин-сян вошла в дом. Женщина жила с сыном, еще не женатым. Повела Дин-сян о своей судьбе, пожалели ее мать с сыном, оставили у себя. А потом Дин-сян вышла замуж за сына хозяйки.

А Чжан Лан, прогнав Дин-сян, женился на развратной женщине Хай-тан, которую привез из города. Но не прошло и года, как случился пожар. Все имущество Чжан Лана сгорело, сгорела в доме и Хай-тан. Чжан Лан спасся, но почти ослеп. Не на что ему стало жить, и пошел он побираться.

Как-то раз, когда Дин-сян кормила во дворе быка, пришел нищий. Дин-сян привела его на кухню, наложила полную чашку лапши, оставшейся от обеда. Нищий двумя глотками справился с лапшой и попросил:

— Госпожа, дай еще!

Дин-сян дала ему еще. Нищий снова быстро все съел и снова попросил:

— Госпожа, будь добра, дай еще лапши! Три дня, как плутаю в этих горах. Ничего не ел.

Голос нищего показался Дин-сян знакомым. Она подошла поближе и взгляделась в него. Да это Чжан Лан! «Ох, Чжан Лан, Чжан Лан, дожил ты до позора! Но у меня сердце не такое, как у тебя! — подумала Дин-сян. — Надо помочь ему. Ведь когда-то мы были мужем и женой!» Вынула она из волос золотую шпильку, отцепила с платья золотую брошь в виде лotosового листочка и положила их в чашку: «Когда будет есть, обязательно найдет».

Чжан Лан взял третью чашку лапши. Не успел он проглотить первые лашпинки, как попалась ему брошь. Вынул он золотой листочек и бросил на пол: — Соевый листок!

Потом попалась ему шпилька. Он и ее бросил на пол:

— Соевая веточка!

Все это видела Дин-сян. Было ей и смешно и грустно. А нищий опять просит:

— Госпожа, сделай милость, дай мне еще чашечку лапши!

Вздыхнула Дин-сян и сказала:

— Эх, Чжан Лан! Называешь ты свою прежнюю жену госпожой.

Не ожидал Чжан Лан встретить тут, в горах, выгнанную им Дин-сян. От смущения он еле выговорил:

— Ты... ты... ты и есть... Дин-сян?!

— Да, я та самая Дин-сян, которую ты прогнал!

Чжан Лан не знал куда деваться. Он юркнул в печь под котел и спрятался. Оттуда он уже не вышел: так и умер там.

Говорят, Чжан Лан после смерти стал Цзао-ваном — богом очага. Присвоил ему это звание сам Яшмовый император — Юйди *. Ведь всем известно, что второе имя у Юйди тоже Чжан. Вот он по глупости и дал своему однофамильцу звание бога очага.

Люди не уважали Чжан Лана, но они боялись, как бы он не наговорил Юйди чего-нибудь плохого про них. Поэтому они старались не обидеть его.

Чжан Лан умер двадцать третьего декабря по лунному календарю, и этот день стал праздником Цзао-вана. Чжан Лан умер после того, как поел

лапши, которую дала ему Дин-сян. И люди раз в год в праздник Цзао-вана угощают его чашкой разваренной лапши.

Цзао-ван, конечно, недоволен таким жертвоприношением, но он понимает, что в свое время сам поступил весьма некрасиво. Остается ему каждый год, как ни обидно, есть разваренную лапшу. И то лишь одну чашку.

ДУХ РИСОВАНИЯ ДОЛАНГА

(Миф народности тай)

У бурной реки Саонры раскинулась в пальмовой роще небольшая деревня Мынбанаси. А на самом берегу Саонры стоял маленький бамбуковый дом, содрогавшийся при сильном ветре.

Доланга каждый день смотрел из окна на пролетавших мимо птиц и изменчивые облака. Иногда он приходил в храм, когда там шла служба, но приходил не для молитвы. Он пристально разглядывал лица людей, пока не прекращалась служба, пока не расходились верующие, пока не гасли жертвенные свечи. А потом он набрасывал на себя теплую клетчатую накидку и с радостной улыбкой возвращался в содрогавшийся от ветра бамбуковый дом. Иногда он приносил домой лепестки цветов и бамбуковые листья: ими он рисовал лица, которые видел в храме. Рисовал он их на бумаге, на самотканом полотне, на цветном атласе и продавал посетителям храма. На вырученные деньги он покупал продукты и домашнюю утварь. Доланга рисовал целыми днями. Однажды, не вставая с места, просидел Доланга за работой семь суток. Каждые сутки он рисовал по семь отличных друг от друга лиц. Так прошло десять лет, и нарисованные им картины загромодили весь дом.

В одну из ветреных ночей в дверь к Доланге постучал человек в черной чалме и черной накидке.

Доланга опустил кисть, поправил фитиль в лампе и спросил:

— Кто там? Кого принесло в такую темную ночь, когда даже совы отдыхают в лесу?

И черная фигура ответила за дверью:

— Я дух смерти — посланец Баина, владыки всех душ в Мынбанаси.

У Доланги волосы встали дыбом. Он укутался поплотнее в накидку, поправил распустившуюся чалму, подошел к двери и открыл ее. Черный дух смерти вошел. Доланга взял себя в руки и продолжал рисовать лицо девушки. Дух смерти торопил его:

— Пойдем, пойдем, хороший человек! Баин ждет тебя!

— Передайте, пожалуйста, небесному владыке Баину, — ответил Доланга, — что мне нужно закончить это лицо. Это самое прекрасное лицо в мире!

— Нельзя! Таков приказ Баина!

Дух смерти подошел к плетеному столику Доланги, взглянул на незаконченную картину и поразился. Из уст его вырвался возглас восхищения. А Доланга дрожащей кистью накладывал на рисунок все новые и новые линии. Духу смерти захотелось увидеть портрет красавицы, когда тот будет закончен. Он тихо вышел из дома Доланги и вернулся на небо.

— Привел? — спросил его Баин.

— Небесный владыка! Доланга сейчас рисует лицо самой прекрасной на свете девушки. Мне жаль было отрывать его от дела!

Владыка неба покраснел от гнева и закричал:

— Чтоб до захода звезд он был здесь!

Дух смерти снова спустился на землю. Он вошел в дом и передал Доланге приказание небесного владыки. А сам, не отрываясь, смотрел на картину. Доланга наложил последнюю черточку, собрал все рисунки, захватил свечу и покорно пошел вслед за духом смерти.

Встал Доланга на колени перед владыкой неба. В левой руке держал он зажженную свечу, в правой — свои рисунки. Владыка неба улыбнулся и сказал:

— Знаю, ты знаменитый рисовальщик, ты умеешь рисовать лица всех людей на свете. Теперь ты будешь здесь, на небе, духом рисования.

Слезы потекли по лицу Доланги, но он удержал печаль, не дал рыданиям вырваться из уст. Он поблагодарил владыку неба, потушил свечу и пошел за духом смерти. Дух смерти привел Долангу к духу жизни.

С тех пор Доланга сидит рядом с духом жизни. И когда тот отправляет новую жизнь в человеческий мир, Доланга вручает ей один из своих рисунков.

Но Доланге жаль расставаться с самыми красивыми лицами, нарисованными на цветном атласе. Поэтому женщины народности тай в дни, когда они готовятся стать матерями, приносят в дар Доланге свежие цветы, чтобы он не пожалел красивого лица, нарисованного на цветном атласе, для их будущего ребенка.

ПЛАЧ У ВЕЛИКОЙ СТЕНЫ

Две с лишним тысячи лет назад Китаем правил жестокий император Цинь Ши-хуанди*. И вот задумал он построить на севере страны крепостную стену, чтобы оградить свои владения от набегов кочевников. Согнал император на стройку миллионы крестьян со всех концов страны. Они и днем и ночью носили камни и землю, день и ночь строили Великую стену. Холод и голод каждый день уносили в могилу сотни истощенных и измученных непосильным трудом людей. Среди насильно согнанных людей был и Фань Си-лян, оставивший дома молодую красавицу жену Мын Цзян-ньюй. Долго ждала Мын Цзян-ньюй мужа, день проходил за днем, месяц за месяцем, а муж не возвращался.

Когда наступила холодная осень, по деревне, где жила Мын Цзян-ньюй, пошли слухи, что Великая стена строится далеко на севере, где дуют лютые ветры. Подумала Мын Цзян-ньюй о своем муже, который мерзнет на холодном ветру, решила сшить теплую одежду и отнести ему.

Впервые покинула молодая женщина родную деревню. Много дней и ночей брела она одиноко по диким, пустынным местам, ночуя иногда в заброшенных храмах или просто у дороги. Проснувшись однажды Мын Цзян-ньюй, а вокруг нее снег; покрыл он ночью землю белым одеялом, спрятал под собою все дороги и тропинки. «Куда же теперь пойду я? — подумала она. — Кто укажет мне путь?»

И вдруг подлетел к ней ворон, закаркал, поднялся в воздух и опустился в нескольких шагах. Подняла Мын Цзян-ньюй, что ворон хочет показать ей дорогу к Великой стене, и пошла за ним. Еще много дней пришлось ей идти, пересекать реки, переходить горы, пока она дошла до Великой стены.

Стена уже тянулась по горам, сбегала в долины, а люди, как и прежде, все строили и строили ее. Медленно шла Мын Цзян-ньюй вдоль стены, вглядывалась в изможденные лица, старалась найти среди них мужа. Многих она спрашивала, и никто не слышал о Фань Си-ляне. Но вот кто-то вспомнил,

что действительно работал здесь человек с таким именем, но тяжкий труд давно свел его в могилу.

Много дней рыдала молодая вдова у Великой стены. Столько пролила горьких слез, что не выдержала стена и рухнула на протяжении восьмидесяти ли.

Весть об этом дошла до императора, и он пожелал увидеть женщину, так горько оплакивавшую смерть мужа. Мын Цзян-нуй доставили во дворец. Красота вдовы не поблекла от горя и слез, и император решил взять ее себе в наложницы. Ненависть кипела в ее груди, но ничего не могла она поделать, согласилась стать наложницей императора при условии, что он выполнит три ее желания.

— Что же ты хочешь? — спросил император.

— Первое, — ответила Мын Цзян-нуй, — ты должен похоронить моего мужа в золотом гробу с серебряной крышкой. Второе — все твои генералы и министры должны сопровождать гроб и присутствовать на похоронах. Третье — ты сам должен прийти на похороны.

На все согласился император и тотчас же отдал подчиненным приказ. Наступил день похорон Фань Си-яна. За гробом шел император, шли все его приближенные и сановники. Радовался император: недалек тот час, когда красавица Мын Цзян-нуй станет его наложницей. Но этому не суждено было сбыться. Простившись с мужем, Мын Цзян-нуй бросилась с высокого берега в реку. Повелел император выловить из воды Мын Цзян-нуй, не дать ей утонуть, но слуги не смогли исполнить приказ: превратилась Мын Цзян-нуй в золотую рыбку и нырнула глубоко под воду.

ПЯТЬ ЗАДАЧ ИМПЕРАТОРА

(Тибетское предание)

У одного из императоров Танской династии* была дочь Вэнь-чэн. Она отличалась красотой, изяществом и умом. Многие принцы, князья и даже императоры добивались ее руки. Отец ее, конечно,

радовался послам, которые приезжали как сваты из разных государств. Он приказал построить в своей столице Чанъань * специальный дом для таких послов. И каждый посол из всех сил старался получить у императора согласие выдать принцессу замуж за своего государя.

В то время разрозненные племена Тибета объединились в царство Туфань. Правитель Туфаня Сронцзангамбо *, прослышав о прекрасной танской принцессе, послал в Чанъань свата — своего мудрого министра Гэара. С Гэаром поехала свита из ста человек и караван в сто лошадей, нагруженных подарками. Тибетское посольство встретили в столице гостеприимно и поместили в доме для послов. На следующий день император принял Гэара, и тот сообщил ему о цели своего приезда.

Но слишком многие хотели получить принцессу в жены. Император решил обсудить со своими министрами, как быть? Министры рассудили так:

— Принцесса может выйти замуж лишь за самого умного государя самой богатой и сильной страны! Но как узнать, кто самый умный? Надо придумать какую-нибудь трудную задачу для послов. Уж если посол сможет решить такую задачу, то его господин, конечно, мудр, так как сумел выбрать умного посла.

Согласился император с министрами, пригласил на следующий день всех послов и сказал им:

— Вы прибыли сватать мою дочь. К вашим повелителям и к вашим государствам я отношусь совершенно одинаково. Кому же отдать мою дочь в жены? Я предложу вам задачу — кто выполнит ее, тот и получит для своего господина принцессу. — Император достал из ларца шар. — Вот шар из белой яшмы, его пронизывает отверстие, и делает оно внутри шара девять зигзагов. Так вот, я отдам свою дочь государю, чей посол сумеет продеть через это отверстие шелковый платок.

Император положил на стол шар и шелковый платок — тонкий, как крылья цикады. Подошли послы к столу и увидели: в отверстие на шаре едва пройдет кунжутное семя. Как же продеть платок через

такое узкое отверстие? Да и как преодолеть зигзаги? Качали послы головами и один за другим откачивались выполнить задачу. А посол Туфания — Гэар стоял в толпе и наблюдал за ними. Вдруг он заметил муравья, ползущего по столу.

— Ваше величество! — сказал он. — Я знаю, как продеть платок через шар. Разрешите попробовать?

Вырвал Гэар волосок со своей головы, привязал к муравью, а другой конец соединил с шелковой ниткой. Шелковую нитку привязал к платку и растянул его узкой полоской. Потом Гэар подтолкнул к отверстию муравья и подул на него. Муравей полез в отверстие, Гэар продолжал дуть. Муравей бежал все дальше и дальше и тянул за собой волосок. Когда муравей выполз из другого конца отверстия, Гэар осторожно отвязал его, потянул за волосок, потом — за нитку, и вот показался уголок шелкового платка. Задача была выполнена. Но тут заговорили другие послы:

— Какой пустяк! Нет, мы не можем признать его победителем! Ваше величество, дайте другую задачу. Мы еще посмотрим, кто сообразительней!

Император согласился. Через день он снова пригласил послов во дворец и предложил им задачу:

— Вот сто одинаковых палок из сандалового дерева. Кто определит у всех ста палок, какой конец был обращен к корню дерева и какой — к его вершине, тот и получит для своего господина мою дочь!

Император указал на стол, где лежали сто сандаловых палок одинаковой длины и толщины. Послы вертели в руках палки, внимательно разглядывали их. Как же узнать, с какой стороны была на дереве вершина и с какой — корень? Никто не знал, как это сделать. И тут мудрый Гэар вышел вперед и обратился к императору:

— Ваше величество, разрешите мне попытаться!

Он взял палки и бросил их в чан с водой, палки встали в воде торчком. Гэар объяснил императору:

— Тот конец, который был ближе к корню, тяжелее, а другой — легче. Тяжелый конец тонет, а легкий — всплывает.

Все послы признали Гэара победителем и начали его хвалить. Но император захотел еще раз испытать Гэара и сказал ему:

— Завтра я дам тебе еще одну задачу. Если решишь — отдам принцессу в жены твоему государю.

На следующий день послы опять собрались во дворец. У них уже не было надежды сосватать принцессу, но они пришли посмотреть, как император будет на этот раз испытывать Гэара. Император предложил такую задачу:

— Смотри! Вон там сто гусей. Из них пятьдесят гусынь и пятьдесят гусаков. Сможешь ли ты их различить?

Гэар подошел к стаду. Гусыни и гусаки были совершенно одинаковы и величиной и цветом. Как же их различить? После некоторого раздумья он сказал:

— Разрешите, ваше величество, попробовать?

Гэар попросил принести гусиный корм и рассыпал его перед стадом.

— Ваше величество, — сказал он. — Смотрите: некоторые гуси, изогнув шеи, стараются отнять корм у других — это гусаки. Другие же спокойно уступают им корм — это гусыни.

— Хорошо! — согласился император. — Ты прав. Но мне хочется еще раз испытать тебя. Завтра утром я дам тебе пятьдесят овец. Сделай так, чтобы до полудня все они были зарезаны, съедены и шкуры с них были бы выделаны. Сделаешь — хорошо, а нет — пеняй на себя!

На следующее утро Гэар пришел во дворец со всей своей свитой. А там уже собралась большая толпа любопытных.

— Давайте овец! — приказал император своим слугам.

А Гэар обратился к своей свите:

— Братья! Император пригласил нас, тибетцев, на баранину. Так не уроним же честь Тибета! Нас — сто человек. Мы сами возьмемся за дело: будем и есть, и петь, и шкуры выделывать!

Тибетцы любят баранину. Спутники Гэара уже много дней не ели ее вдоволь, как они привыкли

у себя на родине. «Приглашение» императора они встретили ликованием. И тут же принялись за дело. Одни резали овец, другие свеживали их, третьи варили мясо. И работали они дружно и ели быстро. А выделявая шкуры, пели веселые песни. К полудню они покончили с овцами и по знаку Гэара преподнесли императору шкуры пятидесяти овец.

— Ваше величество! — сказал Гэар. — По вашему приказу мы зарезали всех овец, мясо съели, а шкуры выделали. Благодарим за угощение!

Жалко было императору отдавать дочь, и задал он Гэару пятую задачу:

— Завтра сюда придут пятьсот девушек, живущих в моем дворце. Среди них будет и принцесса. Если узнаешь ее, отдам принцессу в жены твоему государю.

Хмурым вернулся Гэар в дом для послов: ведь никогда не видел он принцессу, как же узнать ее?! А если не узнает, то и свадьбе не бывать — позор падет на его голову. Сидел Гэар и думал. В комнату вошла старушка — служанка дома. Заметила печальный вид посла и участливо спросила:

— Дорогой гость всегда возвращался домой веселым, почему же сегодня грустный?

— Беда случилась! — ответил Гэар. — Получил я сегодня такую задачу, что и мне не под силу решить.

— Какая же задача?

— Завтра должен я узнать принцессу среди пятисот девушек. А я ее никогда и не видел! Как же мне ее узнать?

— Эта задача не так уж трудна. Я прислуживала принцессе и все ее приметы знаю.

Гэар обрадовался и начал уговаривать старушку:

— На свете нет героя храбрее нашего государя и нет страны богаче нашей. Ваша принцесса и наш государь — пара! Они предназначены друг другу небом! Если они поженятся, то будут бесконечно счастливы. Расскажи же мне хоть об одной ее примете!

Старушка согласилась:

— Так уж и быть — расскажу. Наш народ

хочет жить с тибетцами в дружбе. Мы ждем не дождемся свадьбы нашей принцессы и вашего государя. Породнимся — будет у нас кровная связь на вечные времена и не будет больше между нами войн... Так вот, слушай. Между бровями у принцессы есть родинка. Гадатели называют ее жемчужиной, из-за которой ссорятся два дракона.

— Спасибо тебе! — сказал Гэар. — Никогда не забуду твоей доброты.

На другой день во дворце император приказал пятистам девушкам пройти мимо Гэара. Все они были одеты в одинаковые платья и украшения на них были одинаковые. Но Гэар смотрел не на платья и не на украшения — он искал родинку. Наконец он увидел девушку, у которой между длинными бровями красовалась родинка. Гэар воскликнул:

— Ваше величество! Эта девушка — уважаемая принцесса Вэнь-чэн.

Император был удивлен: «Как же он мог догадаться?! Видимо, дочери моей суждено стать женой государя страны Туфань».

Император объявил, что выдает принцессу Вэньчэнь замуж в Тибет. Вся столица приветствовала это известие. И вскоре принцесса уехала с богатыми подарками в Лхассу*.

Принцесса Вэньчэнь привезла в Тибет статую Шакья-Муни*, которой до сих пор поклоняются тибетцы в храме Дашаосы*. Она привезла в Тибет семена пшеницы, голосемянного ячменя и гороха. С тех пор тибетцы стали не только скотоводами, но и земледельцами. С тех пор между ханьцами и тибетцами установилась близкая дружба.

КТО ПОСТРОИЛ ГОРОД КУНЬМИН

(Предание народа сани)

В древности у одного из китайских императоров было две дочери. Старшую воспитала покойная императрица, а младшую — вторая и любимая жена императора, на редкость злая и ехидная. Каждый день она нашептывала императору, что принцесса плохая, подлая и надо выдать ее замуж за какого-нибудь простолюдина. Император послушался жены, дал дочери коня и изгнал из дворца, сказав при этом:

— Куда приведет тебя конь, там и выйдешь замуж.

С печальным сердцем покинула принцесса столицу и поехала в горы, куда глаза глядят. Ехала она долго и к вечеру набрела на небольшой шалаш, у которого было сложено сено. Конь подошел к сему и начал есть. Как ни понукала принцесса коня, тот не сдвинулся с места.

И вдруг из шалаша появился юноша:

— Чей конь поедает мое сено?!

И принцесса рассказала ему о себе. Юноша обрадовался, узнав о решении императора.

— Ну, вот и хорошо! Выходи замуж за меня.

— Как же тебя зовут? И на что ты живешь? — спросила принцесса.

— Зовут меня Касгала. Я делаю из бамбука коромысла и продаю их.

— А хорошо покупают твои коромысла?

— Не успеваю прийти на базар, как сразу же налетают покупатели.

— Почему же так нравятся твои коромысла?

— Не знаю.

И вот начали молодые люди обсуждать, как они будут жить.

— Завтра утром, — сказала принцесса, — пойду на базар, куплю немного зерна. У меня есть золото, — и достала из кармана мешочек с золотым песком.

Касгала высыпал песок на ладонь и долго смотрел на него.

— Разве на это можно купить что-нибудь?

— Это — золото, на него можно купить все.

Тогда Касгала принес готовое коромысло и спросил девушку:

— Посмотри, есть на этом коромысле золото или нет?

Принцесса увидела, что к концам коромысла пристали золотые крупинки, и быстро спросила:

— Где ты делаешь эти коромысла?

Касгала привел принцессу в пещеру и указал на камень:

— Я всегда их делаю на этом камне.

— О небо! — воскликнула принцесса, внимательно посмотрев на камень. — Это же не простой камень, а золотой. Поэтому-то люди наперебой и покупают твои коромысла. Не коромысла им нужны, а золотой песок, прилипший к бамбуку!

И вот молодые супруги закупили бревен, кирпичей, черепицы, созвали строителей и плотников и построили новый город. Этот город был во сто раз величественней и красивее столицы, где жил император.

Дошла весть о новом городе до императора, решил он пригласить дочь и зятя, чтобы хоть этим

искупить свою вину перед принцессой. Сели гости за столы, а император и спрашивает:

— Моя дорогая дочь, мой дорогой зять, как же называется город, который вы построили?

Супруги ответили так:

— Решили мы назвать его Гаджа.

На нашем языке, на языке сани, «га» означает «народ и», а «джа» — «потомки». Так и получается, что Гаджа — это «Город потомков народа и». Теперь «Город потомков народа и» ханьцы называют Куньмином.

ХОЛМЫ ДАНЬШАНЬ

Говорят, много лет назад около деревни Даньшань простиралась обширная равнина с тучными полями. Поля принадлежали помещику господину Саню. Господин Сань жил припеваючи. Землю он отдал в аренду, а деньги пустил в оборот, ссужая их в долг беднякам. Но ему было мало его богатства, он выискивал тысячи способов, чтобы присвоить чужую землю. Во всей округе он был самым богатым, и никто не смел ему перечить.

Крестьянин А-чэн обработал два участка каменной земли и сделал их плодородными. Но участки эти граничили с владениями господина Саня, и помещик сумел их присвоить. Самого же А-чэна по наветам помещика посадили в тюрьму.

Пришла осень, настала пора уборки урожая. А-чэна выпустили из тюрьмы. Вышел он на волю отощавший и больной. Теперь у него уже не было земли, и пришлось ему жить продажей нарубленного в горах хвороста.

Однажды он бродил в горах в поисках хвороста и забрался очень далеко, в дремучий лес, где никогда еще не бывал. Высокие деревья росли так густо, что неба не было видно. На ветвях одного из самых высоких деревьев заметил он вдруг коромысло. В оба конца коромысла были вделаны какие-то камушки. Они мерцали, как звезды на небе. А-чэн

удивился. Залез он на дерево и снял коромысло. Потом нарубил хворосту, сделал две вязанки, подцепил их коромыслом и положил на плечо. Хворост оказался ему на этот раз удивительно легким.

С тех пор жить А-чэну стало немного легче. Каждый день он нарубал в горах много хвороста, но на этом коромысле приносил его на базар почти не уставая. Слух о чудесном коромысле с камнями на концах прошел по всей округе и дошел до господина Саня. Помещику захотелось присвоить это коромысло.

Однажды утром А-чэн отправился за хворостом, но едва вышел за околицу, как ему загородил дорогу господин Сань. А-чэн хотел обойти помещика, но тот не пускал его дальше и закричал:

— Ты вор! Ты украл у меня драгоценные камни!

На этот раз у А-чэна лопнуло терпение. Он поднял коромысло и хотел было им ударить господина Саня, но тот увернулся и выхватил у него коромысло. Помещик перекинул коромысло через плечо и побежал от А-чэна, громко крича:

— Спасите, спасите! А-чэн убивает меня!

Но тут коромысло стало вдруг необычайно тяжелым. Оно придавило господина Саня так, что он не мог подняться с земли. К тому же коромысло начало расти... Один конец его достиг крыши помещичьего дома, а другой — уперся в поле господина Саня. Камушки на концах коромысла тоже начали расти. Они делались все больше и больше... Поля и дом помещика — все было придавлено ими. Камушки превратились в холмы, а коромысло — в мост через реку. А самого господина Саня придавили опоры моста, и он умер.

С этого времени и появились холмы Даньшань*.

Сказки
о животных
и растениях

ПТИЧКА ЦЗИНВЭЙ

Была у бога солнца дочь Юй-ва, живая и красивая девушка. Она любила гулять по берегу моря. Ей нравилось смотреть на морские волны и собирать красивые раковины.

Как-то раз Юй-ва собралась пойти к морю. Мать отговаривала ее от прогулки, так как день был знойный и надвигалась гроза, но девушка не послушалась и ушла.

Набрав разноцветных раковин, Юй-ва смотрела с небольшой скалы, как волны, ударяясь об утес, превращаются в белую пену. «Как прекрасно море! — восхищалась она. — Не удивительно, что отец каждый день купается в нем!» Увлечшись красотой моря, Юй-ва не заметила, как разразилась гроза: ветер заревел, словно дикий зверь, огромные, как горы, волны обрушились на берег. И не успела Юй-ва отбежать, как большая волна с головой накрыла ее и унесла в море.

Бедная, бедная девушка! Она никогда не думала, что ее любимое прекрасное море может быть таким жестоким и беспощадным.

После смерти Юй-ва превратилась в птицу цзинвэй с большим шрамом на голове, с белым клювом и красными ножками. Поселилась она на западном склоне горы Фацзюшань. Юй-ва возненавидела море, отнявшее у нее первую жизнь. Она поклялась, что обязательно завалит это жестокое море камнями.

Поэтому каждый день она собирает камушки на скале и бросает их в ненавистное море.

До сих пор маленькая птичка цзинвэй не прекратила свою работу. Ее упорство восхищает людей, и потому дали ей люди новое имя — чжиняо: птица «твердая воля».

„МИЮЙЯН“ — РЫБНОЕ МОРЕ

Огромное водное пространство близ острова Таохуадао* называется Рыбным морем. Говорят, что раньше, когда оно так не называлось, здесь води-

лась только мелкая рыбешка. Но и той становилось все меньше и меньше, потому что много рыбаков вылавливали ее. И вот как-то раз один старый рыбак провел в море целый день и всю ночь, но

напрасно: не поймал даже маленькой рыбешки. Потеряв надежду хоть что-нибудь поймать, он уже собирался повернуть домой, как вдруг увидел недалеко на островке девушку. Она махала рукой, видимо чем-то взволнованная. Старик подплыл к ней на лодке. Девушка умоляюще сложила руки и попросила поскорее увезти ее с островка, потому что за ней гонится враг.

Старик пожалел девушку, помог ей перейти в лодку и быстро стал грести к острову Таохуадао.

На половине пути до острова девушка спросила: — Чем мне тебя отблагодарить, дедушка? Может быть, тебе что-нибудь нужно?

— Кто живет в горах, питается тем, что дают горы. А мы — рыбаки, нам нужна рыба.

Тогда девушка попросила старика закинуть сеть в море.

— Уж много раз я сегодня закидывал — все зря. Целый день и всю ночь я в море и не поймал ни одной рыбешки! — со вздохом ответил старый рыбак.

— Так попробуй еще раз. На счастье. Может быть, и поймаешь.

Не веря в удачу, старик забросил невод и продолжал грести к острову. Когда он поднял сеть, в ней оказалось много мелких рыбешек. Старик удивленно посмотрел на девушку. Она сидела там же — близ навеса лодки, а со лба ее падали крупные капли.

Девушка засмеялась и сказала:

— Я только что была в море, пригоняла тебе рыбу!

Еще больше удивился старик — ведь она же все время сидела в лодке? Принялся он расспрашивать и допытался, что перед ним не простая девушка, а дочь морского дракона.

Лодка пристала к острову Таохуадао. Девушка сошла на берег и сказала рыбаку:

— Благодарю тебя, дедушка, что выручил. Ты спас меня. А этих рыбешек ты не ешь. Положи в садок и вези продавать.

И девушка исчезла, как будто ее и не было. Старик послушался совета, бросил рыбешек в садок. А когда снял крышку садка, то увидел — плещутся в нем большие и жирные рыбы. Принялся старик взвешивать улов. Один дань, другой, третий, никак весь улов не подсчитать!

С тех пор близ острова Таохuadao крупной рыбы много, и она не переводится. Люди зовут это место «Миюйян» — Рыбное море.

ПОЧЕМУ СОБАКА НЕНАВИДИТ КОШКУ

Жил-был в маленькой захолустной деревушке бедный старик крестьянин. Жена у него была слепая. Детей у стариков не было, и лишь собака да кошка скрашивали их одиночество. Собака и кошка были неразлучными друзьями — всегда и всюду вместе. Они очень любили своих хозяев. Когда старик отлучался, они помогали старухе сторожить дом, никого из чужих и близко не подпускали. Старики души в них не чаяли, никогда не ругали и не били.

Однажды старик крестьянин возвращался с хворостом домой и увидел на траве у дороги маленькую зеленую змейку. От голода она не могла уж шевельнуться и ждала смерти. Старик пожалел ее, поднял и спрятал за пазуху.

Жила змейка некоторое время в их доме, а потом старику нечем стало кормить ее. Вот он и сказал ей:

— Змейка, змейка, кормил я тебя, пока мог. Теперь у меня ни одного зернышка не осталось. Мне нечем кормить тебя. Уходи!

Зеленая змейка кивнула головкой и человеческим голосом ответила:

— Добрый дедушка! Если бы не ты, была бы я сейчас уже мертва. Нечем мне отплатить за доброту. Оставляю-ка я тебе мой хвост. Спрячь его в коробочку, чтобы никто из чужих не видел. Как понадобятся деньги, вынь хвост и потряси его — они из него и посыпятся.

Змейка повернулась к старику хвостом. Старик отрезал хвост, и змейка тотчас исчезла. Спрятал он хвост в коробочку, закопал ее за домом, позади кухни. Там редко кто бывает, никто ее не найдет.

Всякий раз, когда старики нуждались в деньгах, они выкапывали деревянную коробочку, вытаскивали змеиный хвост и трясли его. Из хвоста сыпались деньги. Было на что купить на базаре масла, соли, риса и дров. Приходил старик домой с базара, готовил вкусный обед и делил его на четыре порции: одну — жене, другую — собаке, третью — кошке, четвертую — оставлял себе. Так и текла их жизнь — спокойно и счастливо.

Однажды под вечер пришел к старикам лоточник. Он побоялся идти дальше на ночь глядя и попросился переночевать. Старики оставили его у себя.

На утро старик вытащил хвост змейки, потряс его, и на землю со звоном посыпались монеты. А лоточник был в кухне и все из окна видел. Ушел старик на базар, лоточник выкрал коробочку с хвостом, спрятал ее в свой сундучок и ушел восвояси.

Вернулся старик домой и видит: старуха плачет — О чем плачешь?

— Нашу коробочку лоточник украл!

— Не может быть. Мы так ее прятали. Как же он узнал? Наверное, ты не там ее искала.

Но и старик ничего не нашел. Сидели они друг перед другом и тяжело вздыхали. Подошли к ним собака и кошка, попросили поесть. Но, узнав о постигшем их горе, и собака и кошка замолчали.

Старик вздохнул:

— Украл лоточник наш чудо-хвост. Хоть бы вы помогли найти его!

— Смотри, как опечалился наш хозяин, — сказал пес кошке. — Скорее пойдем на поиски.

И отправились они в путь. Везде искали лоточника и наконец узнали, что попасть к нему можно, только переплыв большую реку.

Пришли они к большой реке. Вода в ней пенилась и бурлила. Бурный поток напугал кошку, сжалась она в комок. Пес ее подбадривал:

— Не бойся, я умею плавать. Я тебя перевезу. Мы обязательно должны найти чудо-хвост. Без него нам лучше и не возвращаться.

Села кошка на его спину, и пес переправил ее через реку. Пошли дальше. Добрались до небольшой деревушки, где жил лоточник. Заглянули в каждый дом и наконец увидели в одном дворе много нарядных людей. Это лоточник готовился к своей свадьбе.

Пес шепнул кошке:

— Войди-ка в дом и погляди, куда лоточник спрятал чудо-хвост. Мне-то туда не войти. Я подожду тебя под большой ивой, что у околицы деревни.

Кошка согласилась. Прыгнула она на крышу, оттуда во двор, потом пробралась в спальню. Поискала и ничего не нашла. Села под кроватью и раздумывает. Вдруг из-под сундука выскочил мышонок. Кошка, конечно, тут же поймала его. Мышонок жалобно просил кошку помиловать его.

— Если ты сделаешь кое-что — помилую.

Дрожащим голосом мышонок пообещал:

— Я все сделаю для вас, владычица, все, что в моих силах. Приказывайте!

— Влезь в сундук и поищи, нет ли там деревянной коробочки. Если найдешь, вынеси мне ее.

Мышонок шмыгнул в сундук, пошуршал там, вытащил оттуда коробочку и почтительно преподнес ее кошке. Кошка схватила коробочку в зубы — и шмыг за двери. Но лоточник заметил ее и громко закричал:

— Кошка украла коробочку! Кошка украла коробочку!

Целая толпа погналась за кошкой. Но где там! Она перепрыгнула через стену, перебежала через крышу и всех оставила позади.

Нашла она пса под ивой у околицы, и побежали они к реке. На берегу пес сказал кошке:

— Будем переплывать реку — не раскрывай рта! Увидишь рыбок или креветок — и не пытайся заговорить, береги коробочку, а то еще уронишь ее в воду.

Теперь кошка уже не боялась, как в первый раз.

Она гордо сидела на спине пса и мечтала о том, как хозяйева будут ее хвалить. На середине реки она на самом деле увидела множество рыбешек и креветок. У кошки прямо слюнки потекли! И она воскликнула:

— Брат пес! Смотри, сколько рыбок и креветок!

Едва она открыла рот, коробочка упала в воду и пошла ко дну. Рассердился пес:

— Тебе говорили: молчи! А ты болтаешь! Что теперь будем делать?

Перевез он кошку на другой берег, а сам вернулся на середину реки. Пес долго нырял и искал коробочку. В конце концов нашел.

Устал пес. Сел на берегу, закрыл глаза и уснул. А кошка воспользовалась этим, схватила коробочку и побежала домой. Обрадовались старики и стали хвалить кошку за ум и за ловкость. Старик открыл коробочку, вынул хвост, потряс им, монеты опять посыпались. Старик приготовил вкусный обед для кошки. Кошка, довольная, принялась за еду. А тут как раз и пес вернулся. Хозяин сердито прикрикнул на него:

— Дармоед! Небось, есть пришел просить?

Кошка молча ела одна. Пес был голоден, ему и пить хотелось, но старик ничего не дал. Пришлось довольствоваться объедками.

С этого дня пес возненавидел кошку. Как увидит ее, сразу хватает за шею. Так собака и кошка стали врагами.

КАК ПТИЦЫ НАУЧИЛИСЬ ВИТЬ ГНЕЗДА

Ласточка, воробей, ворона, орел, сова и курица услышали, что феникс очень хорошо строит гнезда, и пошли к нему учиться.

— Выучиться мастерству — нелегкое дело, нужно иметь терпение; без терпения ничему не научишься... — начал говорить феникс.

А курочка уже уснула. Сова подумала: «Феникс, конечно, красив, но вряд ли он хороший мастер.

Зачем только я пришла!» И, посмеиваясь, сова улетела.

Феникс продолжал:

— Чтобы построить хорошее гнездо, прежде всего нужно заложить крепкий фундамент. Для этого можно, например, выбрать на большом дереве развилку трех ветвей...

Орел обрадовался:

— Вот как! Оказывается, все так просто. Я уже умею строить гнездо.

Взмахнув крыльями, орел тоже улетел. Феникс рассказывал дальше:

— ...Принести в клюве ветки и сложить слой за слоем...

Вороне надоело слушать:

— Карр! Хватит, я уже научилась!

И с криком она улетела.

Феникс продолжал:

— ...Но такое гнездо нельзя считать совершенным. Если хочешь жить в безопасности, лучше всего построить гнездо под навесом крыши дома; тогда не будет страшен ни дождь, ни ветер...

Воробей подумал: «Теперь, наверное, все. Оказывается, хорошее гнездо не так уж трудно построить». Вслух он сказал:

— Я научился, — чирикнул и тут же полетел прочь.

А феникс говорил дальше:

— Сначала нужно принести глину, сложить ее аккуратно, затем собрать немного перышков и травы и постелить их поверх глины. Вот и будет прекрасное гнездо.

Курочка, пока говорил феникс, спала, ничего не слышала и не научилась строить гнезда. Ей теперь приходится спать в гнезде, которое устроил для нее человек. Сова не захотела учиться, поэтому тоже не умеет строить гнезда. Она сидит всю ночь на дереве и тоскливо кричит. Орел нашел дерево, где три ветки образовали развилку, и сидит на ней. Гнездо, построенное вороной, нельзя назвать крепким: подует ветер — оно вот-вот и развалится. Воробей построил себе гнездо под навесом крыши, но в нем неудобно.

Только одна ласточка внимательно и терпеливо до-слушала феникса. Она все запомнила и построила себе уютное гнездо. Живет в нем ласточка и не боится ни ветра, ни дождя.

КАК ПЕТУХ ЛИШИЛСЯ РОГОВ

Давным-давно петух, сороконожка и олень были не такими, как теперь. У петуха был не только ярко-красный гребешок, не только золотисто-желтые сапожки, но и два прекрасных рога. А вот у оленя не было на голове рогов, не было у него и пятнистых узоров на теле. Сороконожка сильно отличалась от теперешних сороконожек: тело у нее было закругленное, ноги — крепкие, сильные. Она умела быстро бегать и высоко прыгать.

Однажды олень получил приглашение на день рождения царя зверей — льва. Он спозаранку начал принаряживаться. Но времени он потратил много, а толку не добился. Тоска его взяла, и вышел он из дома. Поднялся на гору и увидел петуха с прекрасными рогами. Позавидовал олень петуху. «Хорошо бы получить на время эти рога», — подумал он. Но, к сожалению, олень не был знаком с петухом, как же попросишь? В это время сороконожка-непоседа влезла на ту же гору, где были олень и петух. Олень очень обрадовался ей:

— Сестрица сороконожка! Иди сюда, мне нужно посоветоваться с тобой!

Увидела сороконожка старого знакомого и поспешила к нему.

— Что случилось, брат олень?

— Сегодня день рождения царя зверей — льва. Мне нужно идти к нему с поздравлениями. Вот и хотелось бы мне попросить у петуха рога, чтобы принарядиться. Но я с ним не знаком. Говорят, ты дружишь с ним, попроси у него для меня. Завтра утром я верну.

— Мы с тобой давние друзья. Конечно, помогу. Вот сейчас пойду и попрошу.

Сороконожка вприпрыжку отправилась к петуху.

— Твой друг — мой друг. На, возьми рога! — ответил петух.

Олень надел петушиные рога и отправился ко льву. У льва было много гостей. Все они окружили оленя и наперебой восхищались его красотой. Оленю понравилось быть красивым. Похвала испортила его, и он решил не отдавать рога петуху, оставить их у себя.

На утро сороконожка поднялась на гору, пошла к оленю за рогами. Олень притворился очень удивленным:

— Какие еще рога?

Сороконожка не ожидала такой подлости. Она так рассердилась, что и сказать ничего не смогла. Вскочила она на оленя и давай его кусать. От боли олень кричал и катался по земле. Несколько раз сороконожка попадала под него. И так олень помял сороконожку, что тело у нее стало плоским, кожа посинела, на голове появились кровоподтеки и все сорок ее ножек поломались. Такой она и осталась до наших дней: плоской, сероватой, с яркокрасной точкой на голове. Несмотря на сорок ножек, прыгать она не может. Остается ей только ползать по земле. А оленя сороконожка так искусила, что до сих пор на его коже остались пятна.

Не смогла сороконожка вернуть рога петуху, поэтому она как завидит его — прячется по темным углам. А петух все требует от нее рога и каждое утро кричит:

— Ку-ка-ре-ку! Верни мне рога!

БУЙВОЛ И БЫК

Однажды буйвол встретил быка. Показалось ему, что кожаная одежда быка просторнее, чем у него самого. «Мне так трудно дышать, косточки не могу расправить. А все из-за того, что моя

одежда мала. Поменяюсь-ка с ним», — подумал буйвол.

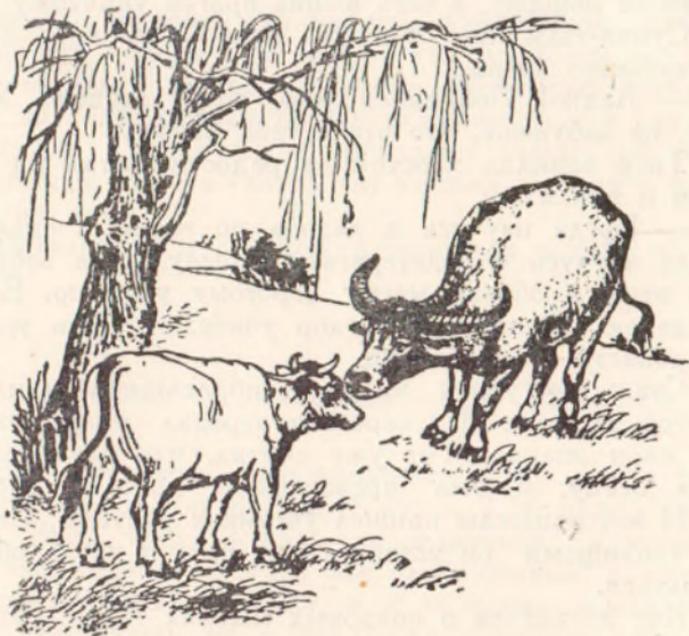
— Братец бык, давай поменяемся одеждой! У меня одежда просторная, тебе будет удобно в ней.

Договорились они, поменялись одеждой, и каждый отправился к себе домой. Но одежда быка оказалась буйволу даже теснее, чем прежняя. В ней буйвол еще больше страдал, и поспешил он к быку:

— Не годится так! Твоя одежда даже меньше моей. Давай снова поменяемся!

— Ты же говорил, что в твоей одежде мне будет удобно. Мне в ней действительно удобно, не хочу больше менять! — возразил бык.

Буйвол настаивал, а бык наотрез отказался вернуть буйволу одежду. Потому-то буйвол при виде быка всегда говорит: «У-у! Обменяемся?», а бык всегда отвечает: «Му-у! Нет!»

УЧИТЕЛЬ ТИГРА

Говорят, в старину на высокой горе жил тигр. Он был очень силен, но неуклюж, и потому трудно было ему добывать пищу. Однажды увидел тигр небольшого кота и позавидовал: как ловко тот бегаёт и прыгает! «Как было бы хорошо,—подумал тигр,—если бы я так же умел лазить по горам!»

— Уважаемый кот! — обратился к нему тигр. — Не согласитесь ли вы научить меня вашему искусству лазить по горам?

Коту давно было известно о том, что тигр коварен. Вот он и подумал про себя: «Если тигр научится лазить по горам, мне придется плохо». Покачал кот головой и ответил:

— Я-то согласен, но боюсь, когда ты научишься всему,— мне же будет плохо!

Тигр клялся, упрасивал:

— Учитель-кот! Лишь бы вы согласились, а я не забуду вашу доброту. Я никогда не причиню вам вреда! Я стану вашим верным защитником. Жизни своей не пощажу, а всех ваших врагов уничтожу!

Сумел-таки тигр обмануть кота. Стало коту жаль неуклюжего зверя.

— Ладно! Покаялись, что, когда станешь ловким, не забудешь, что это я тебя научил.

Тигр завилал хвостом от радости, встал на колени и поклялся:

— Когда научусь я лазить по горам и скалам, когда научусь я подстерегать добычу, я не забуду, что этим я обязан моему дорогому учителю. Если я сделаю что-либо наперекор учителю, пусть упаду в пропасть и разобьюсь!

Стал кот учить тигра. Добросовестно учил — с утра до ночи. И вскоре кот передал тигру почти все свои знания. Тот уже считал, что научился у кота всему, и был чрезвычайно доволен собой.

И вот однажды пришел ученик к учителю. Своими глазами он уставился на кота и начал обливаться.

Кот догадался о коварных мыслях тигра. Решил проверить, правильна ли его догадка, и сказал:

— Ну, больше можешь не приходить — я передал тебе все свои знания!

Тигр обрадовался и подумал: «Ну, кот! Теперь тебе не избежать моих зубов». Но все же тигр переспросил:

— Уважаемый учитель, вы действительно научили меня всему, что сами знаете?

— Да! Всему тебя научил.

— Уважаемый учитель! А посмотрите-ка, что это там ползет на дереве?!

Только кот повернул голову, как тигр разинул пасть, распустил когти и кинулся на него. Но тут произошло то, чего тигр совсем не ожидал: раздался еле слышный шорох, и кот очутился на дереве.

И уже оттуда, с дерева, кот отчитывал тигра:

— Вот как? Неблагодарный! Твоя клятва — ложь! К счастью, я давно это предвидел. Я не научил тебя лазить по деревьям. Иначе сейчас я уже был бы твоей закуской!

Тигр ужасно рассердился. Он много раз кидался на дерево, пытался свалить его, зубами грыз ствол, но ничего поделаться не мог. А тем временем кот перепрыгивал с дерева на дерево. Попрыгает, попрыгает да сядет отдохнуть. Поглаживает усы и глядит на тигра. Тигр чуть не лопнул от злости, но кота не поймал. На его глазах кот убежал за гору и пропал из виду.

Остался тигр с носом и вернулся к себе в пещеру.

ПОЧЕМУ У ЛОШАДИ РОГОВ НЕТ

Это случилось давным-давно, когда люди еще не умели приручать животных, а у лошади были рога. Была тогда лошадь вспылчивой, а нрав у нее был горячий. Рога у нее были больше, толще и крепче коровьих. Правда, и в то время лошадь не была хищником, но у нее были огромные рога, и она не боялась никого ни на земле, ни на небе: что

издумается, то и делала. А тех, кто ей перечил, бодала: боднет тихонько — тот потеряет сознание, боднет сильнее — испустит дух. Все животные боялись лошади.

Однажды лошадь щипала траву у подножия горы. Вдруг она заметила, что поблизости боязливо пресбираются корова и коза. Вознегодовала лошадь. Подозвала она корову и козу и начала отчитывать:

— Вы видели меня или нет?

— Ви...видели,— отвечали корова и коза.

— Если видели, так чего вы тут бродите!

Поняли корова и коза, что попали в беду, а оправдываться нельзя — будет хуже. Стояли они, опустив головы, и молчали. Увидела лошадь, что ее боятся, и возгордилась пуше прежнего:

— Видно, следует показать вам, как сердить меня! Ступайте зовите сюда всех коров и коз! Я всем вам сломаю рога! Я проучу вас! Отведу душу, да и посмеюсь вдоволь!

Ничего не могли поделаться корова и коза. Побрели они собирать своих. Узнали коровы и козы о беде, опечалились, возненавидели лошадь. Вырастили они такие прекрасные рога, а теперь ни за что ни про что их обломают! Почему же только лошадь может носить рога? Почему коровам и козам нельзя их иметь? Пусть бы росли себе, ведь они нужны. Кто же добровольно согласится стать безрогим!

Возмущались коровы и козы, а выхода найти не могли. И вдруг заговорил маленький козлик:

— Пошли со мной! Я придумал!

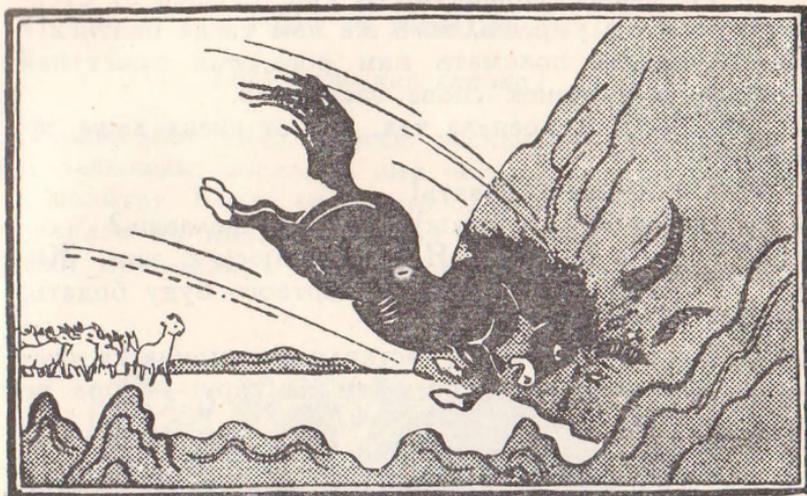
Что мог придумать этот козленок, когда даже взрослые коровы и козы боятся лошади. Но думай, не думай, а идти все равно надо.

Пришли коровы и козы к лошади, а козлик выскочил вперед и говорит:

— Лошадь, а лошадь! Ты хочешь поломать наши рога?

— Ты не ошибся,— высокомерно ответила лошадь.— Хочу! А вы не согласны?

— Согласны-то мы согласны... Только вот интересно узнать, могу ли я сломать твои рога?

— Нет, тебе это сделать нельзя.

— Нельзя? А зачем же ты собираешься поломать наши?

— Просто хочу — и все тут!

— Скажи, а почему же ты так хочешь?

— Потому что я — самый сильный зверь, потому что рога мои — самые крепкие! Я смогу поломать ваши рога, а вы мои — нет!

— Что правда, то правда! Но ты все-таки не самый сильный зверь, а рога твои — не самые крепкие.

Лошадь свирепо затопала копытами и закричала:

— Ты, паршивый козленок, еще смеешь унижать меня?! Оскорблять?! Кто сильнее меня? У кого рога крепче?

— Из нас никто не станет меряться с тобой силой и крепостью рогов. Но ведь, наверно, кто-нибудь тебя не боится. Значит, ты не самый сильный зверь. Вот если бы ты доказала, что все на свете боятся тебя, тогда — другое дело, можно было бы считать тебя самым сильным зверем. Но если хоть кто-нибудь не боится тебя, значит, ты жалкая хвастунья! — и козленок залиvisto засмеялся.

— Кто не боится меня?! Говори скорей! — вскипела лошадь.

— Не скажу. Пожалуй, ты еще умрешь от страха. А если ты умрешь, кого же нам тогда бояться!? Ты же хотела поломать нам рога, так приступай скорее, — и козленок снова засмеялся.

Лошадь расвирипела так, что от гнева даже задрожала.

— Ты должен сказать!

— Ну, а если я скажу, что ты сделаешь?

— Говори быстрее! Я расправлюсь с ним. Живого я забодаяю до смерти, а мертвого буду бодать, пока он не оживет!

— Ну, раз ты меня заставляешь, придется сказать, — козлик указал копытцем на гору: — Гора не боится тебя!

— И-го-го! — заржала лошадь и сразу же напрягла все свои мышцы. — То-то я думаю, она не уступает мне дорогу! Оказывается, она не боится меня? Если я не свалю ее, пусть рога мои больше не растут!

Заржала лошадь, ударила передними копытами, встала на дыбы, оттолкнулась задними ногами, тряхнула головой и поскакала к горе. Трах! — рога у лошади сломались, и упала она без памяти на землю. А гора даже не дрогнула.

Когда лошадь очнулась, вокруг нее стояли коровы, козы и, покачивая рогами, смеялись. Козлик тоже смеялся.

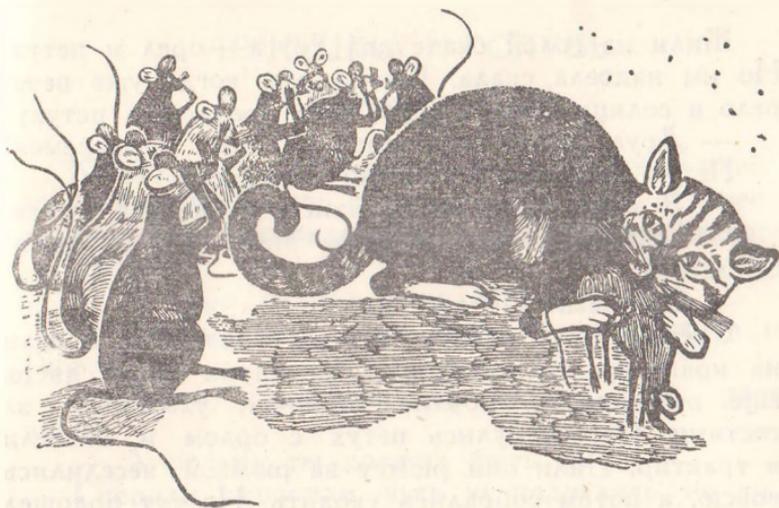
— Лошадь, а лошадь, — сказал козлик, — я не хотел тебе говорить, а ты заставила. Вот и нет у тебя рогов. Чем же ты теперь будешь обижать нас? Да, ты уже не сумеешь поломать наши рога, остается тебе только смотреть на них.

Ничего не могла возразить лошадь, поднялась она и, низко опустив голову, убежала прочь. С того времени не стало у лошади рогов, и никого уже она больше не обижает. А у коров и коз рога и сейчас растут.

КОТ И МЫШИ

(Монгольская сказка)

Ходил кот тихо, совсем неслышно. С виду он был ласковым, носил на шее четки и всегда бормотал молитву. Когда мыши пробегали мимо, он даже не глядел на них, продолжал молиться. Шли дни. Мыши привыкли к коту и перестали его бояться.

Однажды кот предложил мышам:

— Хотите я научу вас молитвам? Если вы внимательно будете слушать мои молитвы, то избавите себя от всех бед.

Мыши поверили коту, и стал кот учителем мышей. Каждый вечер он разъяснял мышам какую-либо из молитв. Но кот поставил условие: во время урока мыши должны были сидеть не шелохнувшись и с закрытыми глазами.

Сначала мыши не замечали ничего. Но потом самому маленькому мышонку показалось, что мышей с каждым днем становится меньше. И вот однажды вечером, когда мыши слушали молитву, мышенок этот приоткрыл глаза и увидел, что у кота-учителя в зубах мышь. Мышонок изо всех сил закричал:

— Караул! Учитель ест нас!
Мыши открыли глаза и, поняв все, разбежались
в разные стороны.

ОРЕЛ И ПЕТУХ

(Тибетская сказка)

Жили на голой скале два друга — орел и петух. Но им надоела скала. Как-то раз, когда уже вечерело и солнце село за гору, орел предложил петуху:

— Друг, давай спустимся с горы. Разомнемся!

Петух захлопал крыльями и ответил:

— Я тоже не прочь пройтись, да не знаю куда.

— Пойдем в село, выпьем вина. Повеселимся!
Согласен?

— Согласен! Пойдем, друг!

Слетели орел и петух с горы в деревню и сели на краю крыши трактира. Заглянули вниз: дверь еще не заперли, хозяин хлопчет, ухаживает за гостями. Переглянулись петух с орлом и влетели в трактир. Пили они рюмку за рюмкой, веселились вовсю, а потом собрались уходить. Но тут подошел хозяин, загородил дорогу и сказал:

— Эй! Вы же еще не заплатили!

Орел и петух торопливо стали обшаривать карманы, испуганно таращили друг на друга глаза. Ни у того, ни у другого денег не было. Тогда орел предложил петуху:

— Может быть, ты останешься, а я летаю за деньгами? Иначе нам обоим придется здесь сидеть.

Петух поразмыслил и согласился:

— Ладно, только скорее возвращайся.

Собрался орел уходить, а петух еще раз напомнил:

— Скорее приходи. Замешкаешься — рассержусь! Если услышишь, что я трижды прокукарекал, — значит, я сердиться начал.

— Успокойся, друг! Я с тобой дружу не первый день. Обязательно прилечу.

Оставив петуха в залог, орел расправил крылья и улетел.

Долго ждал петух в трактире. Вот и полночь наступила, а орла нет как нет. Начало светать. Петух громко трижды прокукарекал. На востоке поднялось красное солнце, а орла все нет. С того дня петух остался у людей и каждое утро перед рассветом трижды кукарекает — зовет орла.

КУКУШКА И ГОЛУБЬ

(Тибетская сказка)

Как-то раз неизвестно почему между кукушкой и голубем возник спор. Разгорался он все сильнее и сильнее. Они перебивали друг друга, никто не хотел уступить.

— Я царь птиц! — кричала кукушка.

— Нет, царем должен быть я! — утверждал голубь.

— Почему это именно ты должен быть царем птиц?

— А почему ты должна быть им?

Спорили, спорили, чуть не подрались, но ни к чему не пришли. В самый разгар спора подлетели к ним орел, ворона, сорока, горlinka, канарейка, воробей и иволга. Они хотели помирить кукушку с голубем, но, как ни упрашивали их прекратить спор, ничего не могли добиться. В конце концов птицы придумали, как окончить спор: кто первый из них увидит восход солнца, тот и будет царем. Кукушка и голубь согласились, а птицы обещали быть свидетелями.

Задолго до рассвета прилетели кукушка и голубь на место соревнования — в горную долину. Там было еще темно, и лишь за вершиной восточной горы чуть брезжил рассвет. Птицы-свидетели прилетели вслед за спорщиками. Осталось ждать восхода солнца. Кукушка и голубь волновались. Кукушка повернулась к вершине восточной горы и ждала восхода. А умный голубь повернулся к вершине западной

горы, потому что солнечные лучи на эту вершину упадут раньше. Кукушка понимала, что ей трудно тягаться с умным голубем. Поэтому она принесла под крылышком красный молотый перец, решив, что бросит его в голубя, как только он откроет рот.

На востоке посветлело. Вот-вот осветят лучи солнца вершину западной горы. А кукушка так волновалась, что ей было не до солнца. Она смотрела на голубя и придвигалась к нему. Голубь увидел солнечные лучи, и в этот же миг кукушка бросила ему в глаза перец. Голубь прикрыл их крыльями, но поздно. Перец попал в глаза, голубь застонал и закружился от боли. А кукушка облегченно вздохнула и гордо закричала:

— Солнце взошло! Солнце поднялось! Я раньше увидела его!

Все услышали ее крик и подлетели с поздравлениями. Так птицы признали кукушку своим царем. С тех пор кукушка никогда не летает низко и всегда садится на верхушки деревьев. Всюду, куда она прилетает, птицы уступают ей место как своему царю.

А глаза у голубя с тех пор всегда красные и ночью ничего не видят. Не веришь — проверь.

БАРАБАНЧИК ЗМЕИ

(Сказка народности мяо)

В древние времена у змеи был красивый барабанчик. Когда ударяли по нему, он издавал очень приятные звуки: дун-дун-дун. Узнала об этом лягушка, и захотелось ей заполучить себе этот барабанчик.

Лягушка прискакала к змее и попросила:

— Уважаемая сестрица, говорят, у тебя есть красивенький барабанчик. Он издает такие прекрасные звуки. Мне надо совершить жертвоприношение предкам. Может быть, ты дашь на время барабанчик? Я верну его.

Змея одолжила барабанчик. Лягушка взяла его и долго-долго держала у себя. Змее надоело ждать, сама пошла к лягушке за барабанчиком. А лягушка решила обмануть змею:

— Сестрица уважаемая! Виновата я перед тобой. В тот день долго я стучала по барабанчику: уж очень сладкие звуки он издавал. Но я была слишком неосторожна, вот он и лопнул!

Змея, конечно, очень рассердилась. Еще бы, потерять такой красивый барабанчик! Но что поделаешь? Змея уползла домой.

И вот однажды услышала змея, что с поля доносится барабанный бой. Поползла змея в поле посмотреть. Оказывается, это лягушка стучит по ее барабанчику, да еще поет и подпрыгивает! Только теперь змея поняла, что лягушка ее обманула. Ох, и разгневалась змея!

— Ты почему обманула меня?! Почему не отдаешь барабан?! — закричала она, бросилась на лягушку и задушила ее.

Говорят люди, что барабанчик, который висит теперь на шее у лягушки, когда-то принадлежал змее. Потому-то змеи и душат лягушек.

МЕСТЬ ВЫДРЫ

(Сказка народности мяо)

Рыскала однажды под водой стайка рыб в поисках пищи. А хитрая выдра увидела это, да и говорит рыбам:

— По какому праву вы рушите могилы моих предков? Кто вам позволил кощунствовать над их телами?

— Мы не разрушали могилы твоих предков и не кощунствовали над их телами,— робко возразили рыбы.— Мы ищем пищу в иле. Зря ты обвиняешь нас.

Но хитрую выдру так просто не заставишь отступить от добычи.

— Мои предки похоронены в иле! Раз вы копались в нем, значит разрушили их могилы, значит ели их мясо. А теперь я вам буду мстить, я вас буду за это есть!

С тех пор выдры и творят беззакония над рыбами.

ТИГР И ЛЯГУШОНОК

(Сказка народности буи)

Однажды тигр спустился с гор, чтобы напиться воды на заливном поле. Вдруг он услышал громкое кваканье. «У кого же такой голос?» — удивился тигр и стал искать нарушителя тишины. Искал, искал и наконец нашел крикуна — это был лягушонок.

— Малыш! С чего бы у тебя такой громкий голос? — спросил его тигр.

— Ты поосторожнее обращай со мной,— ответил лягушонок.— Я хоть и маленький, но сильный. Я питаюсь вот такими крупными зверями, как ты!

— Замолчи, ты! Стоит мне шевельнуть лапой — и от тебя ничего не останется!

— Брат тигр,— возразил лягушонок.— Ты оби-

жаешь зверей, но меня не тронешь. Брось-ка хвастаться да сердиться, давай померимся силами!

— Согласен! Сейчас же начнем! Кто потерпит поражение, того победитель съест!

Лягушонок струсил, но слова назад не вернешь. Что же делать?

— Брат тигр,— сказал лягушонок.— Я все утро пел, очень уж устал, давай завтра будем меряться силами.

— Ладно!— согласился тигр.— Но если завтра не явишься сюда, не попадайся мне на глаза!

Тигр вернулся в горы, а лягушонок загрузил. Уж что только ему в голову не приходило, но придумать он ничего не мог. Вдруг лягушонок заметил старика, бредущего по дороге. Он выпрыгнул на обочину и попросил помощи. Старик выслушал его и сказал:

— Не бойся! Завтра постарайся прыгнуть на хвост тигру. Что бы ни делал тигр, хвост он всегда кверху держит. Так ты и победишь.

Началось на следующий день состязание. Сперва решили потягаться—кто выше прыгнет. Едва раздалась команда «раз», как лягушонок вскочил тигру на хвост. После команды «три» тигр прыгнул и подбросил хвостом лягушонка вверх. Оказалось, что лягушонок подскочил выше тигра и победил его. Но тигр не признал его победителем:

— Это не считается. Давай состязаться, кто прыгнет дальше.

По команде «раз» лягушонок снова вскочил на тигринный хвост. Тигр прыгнул и подбросил лягушонка хвостом далеко вперед. Лягушонок очутился дальше тигра. Тигр опять потерпел поражение. И теперь лягушонок должен был съесть тигра. Тигр испугался и убежал в горы. Бежал, бежал тигр, а навстречу ему волк.

— Брат тигр, от кого ты так бежишь?

— Лягушонок хочет съесть меня!

— Не может быть! Пойдем, я справлюсь с ним!

— Нет, нет! Если мы встретим лягушонка, ты бросишь меня и убежишь.

— Ну, так давай свяжемся веревкой, тогда ты будешь уверен, что я не брошу тебя.

Обвязались тигр и волк веревкой, отправились к лягушонку. Увидев тигра, лягушонок издали закричал:

— Эй, тигр! Ты же проиграл! Иди сюда, я тебя съем! Я как раз точу нож, чтобы снять с тебя шкуру!

Испугался тигр, бросился в горы. А волк-то за ним поспеть не может — упал. Но тигр не остановился, поволок его за собой на веревке. Остановился тигр, чтобы перевести дух, повернул голову назад, а волк-то уже сдох.

Лягушонок был благодарен старику за мудрый совет, но не знал, где найти его. Чтобы отблагодарить старика, начал лягушонок скакать по полям, ловить кузнечиков и поедать их. Так он выражал благодарность всем людям, похожим на старика.

ОБЕЗЬЯНА И КУЗНЕЧИК

(Сказка народности буи)

Было время, когда все животные, птицы и насекомые умели говорить. Кузнечик и тогда жил в поле. А обезьяна задумала его выселить.

— Ты маленький и должен жить в горах, — сказала она кузнечику, — а я большая, мне полагается жить в поле.

— Моя мать родила меня в поле, — возразил кузнечик, — поэтому я здесь и живу, а в горы я не пойду!

— Не хочешь добром уходить, так поборемся. Кто окажется сильнее, тот и будет жить в поле.

Кузнечику ничего не оставалось, как согласиться:

— Ну что ж, поборемся. Приходи завтра после полудня.

Но обезьяне не терпелось, и она еще на рассвете

спустилась с гор со своими подругами. Все они были с палками.

— Где ты там?! Выходи на бой! — закричала обезьяна.

Но кузнечик ответил:

— Сейчас роса, я не буду бороться. Вот поднимется солнце да высушит траву, тогда приду.

Взошло солнце, росы как и не бывало.

— Теперь будешь бороться? — спросила обезьяна.

— Давай, — ответил кузнечик и тут же вскочил на кончик носа одной из обезьян.

Другая обезьяна увидела это и крикнула подруге:

— Не двигайся, у тебя на носу кузнечик, я его сейчас убью.

Взмахнула она палкой и изо всех сил ударила ее по носу. Та свалилась замертво. А кузнечик давно уже перепрыгнул на другую обезьяну. Так кузнечик и прыгал с одной обезьяны на другую, а те, отбиваясь от него, убивали друг друга. В конце концов осталась в живых лишь одна обезьяна — та самая, которая начала спор. А кузнечик был цел и невредим.

— Ну, как? Кто оказался сильнее? — спросил кузнечик. — Останешься ты теперь в горах или все еще хочешь сюда перейти?

— Останусь в горах, — хмуро ответила обезьяна.

— Может, ты все-таки хочешь жить в поле?

— Ты победил. Не жить мне в поле.

Вот почему и теперь обезьяны живут в горах, а кузнечики — в поле.

ПОЧЕМУ ТИГРЫ ПОЛОСАТЫЕ

(Сказка народности кавы)

Однажды тигр гнался за зайцем. Заяц бежал, бежал, увидел кучу коровьего помета и остановился около нее. Добежал тигр до зайца и спрашивает:

— Ты тот самый заяц, за которым я гнался?

- Откуда ты взял! Тот был белый, а я серый.
- Что здесь делаешь?
- Караулю свое кресло.
- Дай, я посижу на нем.
- Нельзя, родители заругают меня.

Но тигр устал, ему захотелось посидеть, оттолкнул он зайца и плюхнулся в коровий помет. Заяц тем временем бросился наутек, а тигр — за ним.

Бежал, бежал заяц, увидел гнездо земляных ос и остановился около него. Добежал тигр до зайца, спрашивает:

- Ты тот самый заяц, за которым я гнался?
- Откуда ты взял! Тот был белый, а я серый.
- Что здесь делаешь?
- Воду караулю.
- Дай мне напиток.
- Нельзя, родители заругают меня.

Но тигр устал, ему очень хотелось пить, и ткнулся он мордой в гнездо. Вылетели оттуда осы и начали жалить тигра. Заяц же тем временем бросился в сторону и побежал что есть мочи, а тигр — за ним.

Бежал, бежал заяц, увидел копну соломы, остановился около нее. Тигр добежал до зайца и спрашивает:

- Ты тот самый заяц, за которым я гнался?
- Откуда ты взял! Тот был белый, а я серый.
- Что здесь делаешь?
- Караулю свою одежду.
- Дай-ка я накину на себя.
- Нельзя, родители меня заругают.

Но тигр во что бы то ни стало хотел получить одежду зайца, и заяц уступил. Набросал он солому на тигра и поджег ее. Вспыхнула солома, и запахло паленой шерстью. Тигр катался по земле, но сбить огонь не мог. И побежал он куда глаза глядят. Повстречалась ему корова.

— Где вода?! — рявкнул тигр.

— Беги на гору, там есть вода, — ответила корова.

Тигр побежал, а огонь еще более жег его спину. Повстречался тигру буйвол.

— Где вода?! — спросил тигр.

— Беги в долину, там есть вода, — ответил буйвол.

Спустился тигр в долину, увидел озеро и бросился в воду. Перестала гореть шерсть на тигре, но она теперь покрылась полосами. Это огонь ее подпалил. А прежде шерсть у тигра была одноцветной.

Разозлился тигр на корову за то, что обманула его.

— Всем коровам отомщу, — пригрозил он. — Где ни увижу корову, убью и съем!

Корова понимала, что виновата, но месть тигра показалась ей чересчур жестокой.

— Нельзя каждую корову убивать, пусть он убивает одну корову в десять лет!

Пошла она к судьбе. Неизвестно, кто тогда был судьей, но он разрешил тигру задираť лишь одну корову в год. А глашатаем у зверей был в то время перепел, и именно он должен был уведомить тигра о решении судьбы. Но перепел, пока летел, забыл, что нужно сказать тигру, и объявил ему:

— Твое дело решено!

Тигр понял, что судья разрешил ему убивать каждую корову. Потому он до сих пор так и делает. Корова же обиделась на перепела и с тех пор разоряет перепелиные гнезда.

А вот буйвол, спасший тигра, получил в награду два толстых ожерелья. До сих пор они висят у него на шее.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

(Сказка народности цзинпо)

Когда появилась Поднебесная, на небе было девять солнц, и все, что жило на земле — люди, животные, травы, деревья, — все погибало от палящих лучей. Одна за другой высыхали реки. Все проклинали эти злые солнца. Надоело солнцам слушать упреки, и ушли они с неба.

Воцарилась на земле тьма, наступили жестокие морозы. Из-за тьмы и холода животные не могли сделать и шага и были обречены на смерть от голода. Да и растениям было не лучше: они вымерзали. Поняли люди, животные и птицы, что им грозит гибель. Вот они и решили собрать деньги и отдать солнцам — пусть по очереди выходят на небо.

Когда начался сбор денег среди птиц, летучая мышь отказалась платить.

— Я не птица.— Она открыла рот и показала зубы.— Смотрите, я мышь. Когда мыши будут собирать деньги, я дам.

Но вот начался сбор денег среди мышей. Летучая мышь, хлопая крыльями, говорила:

— Я же не мышь, а птица. Я отдам деньги, когда будут собирать с птиц!

Потом, когда сбор денег был закончен, обнаружилось, что летучая мышь обманула, не дала ни гроша. Животные решили: впредь не позволять летучей мыши пользоваться светом и теплом солнца.

Вот почему до сих пор летучая мышь выходит на поиски пищи не днем, а ночью.

СЛОН И ВОРОБЕЙ

(Сказка народности узинпо)

Было время, когда слоны сильно отличались от теперешних. Были у слона большущие глаза и стоячие уши, а на голове росли два рога. Когда на земле стало много людей, тигр сказал слону:

— Друг, слишком много стало людей, и они наверняка захотят приручить нас. Давай-ка удерем отсюда подальше.

Но слон высокомерно ответил:

— Зачем уходить? Я большой, никто не посмеет тронуть меня!

Однажды воробушек играл в траве со своими птенцами и, увидев идущего слона, закричал ему:

— Стой, стой! Здесь мои детки!

Но слон, конечно, не стал слушаться воробья. Ведь он не боялся этой маленькой птички:

— Плевал я на твоих детей, мне надо пройти!

Раздавил слон своими огромными ногами птенцов. Воробей разозлился. Но ведь он был маленький, где ему сладить со слоном, и он только заплакал. Уже потом воробей попросил помощи у вороны. Выслушала его ворона и разгневалась. Полетела, нашла слона и поранила ему когтями глаза. Рассказал воробей о своем горе и большой мухе, она тут же положила свои личинки в израненные глаза слона. Личинки росли, а слон видел все хуже и хуже и наконец ослеп. Он бродил по горам в поисках воды и никак не мог найти ее. А лягушка, которой воробей тоже все рассказал, увидела слона, поскакала к горной круче и начала квакать.

«Оттуда слышится кваканье, значит, там вода», — подумал слон и побежал к лягушке.

Не удержался слон у края обрыва и свалился вниз. Сломал он свои красивые рога, помял торчащие уши, но не умер. Узнал обо всем этом бог неба, явился к слону и сказал:

— Все животные на земле равноправны. Никто не должен презирать других, и ты перестань кичиться своей силой.

Бог неба дал слону два маленьких глаза. С тех пор слоны всегда передвигаются осторожно. Они боятся повторить ошибку, совершенную их предком.

ХУРМА И СОСНА

(Сказка народности мяо)

В далекие-предалекие времена у хурмы было много смолы, а у сосны смолы не было. И попросила однажды сосна хурму:

— Сестрица! Я пришла к тебе, чтобы попросить смолу: мне надо совершить жертвоприношение пред-

кам, а твоя смола годится для освещения. Придет срок, верну тебе смолу.

Кончился срок, а сосна и не думает возвращать смолу. Пришла хурма к сосне за долгом, а сосна и говорит:

— Всю твою смолу я истратила на жертвоприношение. Нечего мне тебе вернуть.

Ушла хурма домой и лишь потом узнала, что сосна освещает свой дом смолой. Снова пошла хурма к сосне и прокляла ее:

— Как тебе не стыдно! Брала смолу и не возвращаешь. Пусть срубят тебя топоры и резак. Чтоб ты, срубленная, упала на землю и сгнила! Пусть из пня, который останется торчать над землей после тебя, никогда не вырастают побеги!

— Очень хорошо! Пусть не вырастают побеги из моего пня,— отвечала хурме сосна.— Зато куда бы ни развеял мои семена ветер, везде будет мое потомство. Мои семена дадут семь тысяч всходов, а ты — всего семь побегов.

С тех пор сосновые пни не дают побегов. Но ветер разносит семена сосны повсюду, и везде вырастают сосенки. А хурма дает очень мало потомства.

ЦВЕТЫ ГУНЯНХУА

При минских императорах * служил в Нанкине большим чиновником некий Чжан Янь-дэн. Выйдя в отставку, он вернулся в свое поместье, отнял у крестьян лучшие земли, посадил руками батраков три сада и построил большой дом. Промеж себя крестьяне называли его Чжаном-Мироедом. На пять ли вокруг своего дома он не позволял людям строить крупорушки, мельницы и рыть колодцы. А своей мельницей, своей крупорушкой, своим колодцем он разрешал пользоваться только молодым женщинам. Крестьяне роптали, но открыто протестовать не решались: ведь начальник уезда был хорошим приятелем помещика.

Однажды в неурожайный год Чжан-Мирсед решил соорудить в своем саду искусственную горку и

объявил, что платит за каждую тачку камня один цзинь зерна. А камни были очень далеко, взрослый мужчина мог привезти за день лишь одну тачку. Но голод многих заставил работать у помещика за такую плату. Среди них был юноша Сяо-чэнь. Его большая семья голодала. Он вставал затемно и поздно ложился, лишь бы побольше заработать. Ему удавалось привозить за день по две тачки. Чжан-Мироед узнал об этом и после сооружения искусственной горки оставил Сяо-чэня присматривать за садом.

К колодцу Чжана-Мироёда часто приходила девушка из семьи Шао. Семья жила бедно, и девушка носила старенькую одежду, да еще мазала лицо золой. Ее родители думали, что так можно избежать приставаний Чжана-Мироёда. Но ветхая одежда не могла скрыть красивой фигуры девушки. Помещичий слуга обратил внимание на девушку из семьи Шао, и ее силком привели к Чжану-Мироёду.

Дали ей красивую одежду, но она отказалась переодеваться, отказалась она и от изысканных кушаний, отказалась слушать обольщающие речи. Помещик разозлился и бросил ее в холодный подвал.

Сторожить темницу приказали Сяо-чэню. Днем и ночью пленница горько плакала. Сяо-чэнь слышал ее рыдания и пел, что она не покорится помещику, что она его ненавидит. Юноша решил на свой страх и риск освободить девушку. Глубокой ночью он тихонько постучал в дверь темницы:

— Не плачь! Я выпущу тебя из подвала! Потерпи лишь еще один день.

Но девушка затаилась в углу темницы и не отвечала — боялась ловушки.

— Я сторожу тебя,— продолжал говорить Сяо-чэнь через дверь,— но я такой же, как ты, бедняк. Страх перед голодной смертью держит меня у Чжана...

Девушка узнала голос Сяо-чэня, а днем, когда он принес ей еду, присмотрелась, почувствовала, что это добрый, хороший человек, и доверилась ему.

Двор и сад помещика были обнесены очень высокой стеной. Сяо-чэнь еще заранее натаскал к стене

кучу камней. Ночью он привел пленницу к этому месту, встал на камни и помог девушке взобраться на стену. Но она задержалась на стене и сказала Сяо-чэню:

— Если я убегу — тебе здесь не жить! Мы должны убежать вместе. Мы должны вместе жить или вместе умереть. Взбирайся на стену!

Сяо-чэнь, держась за ее руку, поднялся на стену, прыгнул на другую сторону и на руках опустил девушку на землю. Куда бежать? Чжан-Мирсед обещает каждый дом, если найдет их — убьет, убьет и тех, кто попытается спрятать их. Юноша вспомнил с Южных гор, где часто пас овец, о горной вершине Юйхуандин¹. Там Чжан-Мирсед ни за что их не найдет.

Посмотрел Сяо-чэнь на девушку, а она маленькая да хрупкая — до Южных гор сама никак не дойдет. Поднял он ее на руки и побежал к горам — где медленнее бежал, где быстрее, дорога ему была хорошо знакома. Трудно бежать ночью по горным тропам, но Сяо-чэнь уже полюбил девушку, и потому дорога казалась ему ровной и легкой.

К утру достигли они отвесных скал горы Юйхуандин. Дальше дороги не было, дальше и Сяо-чэнь никогда не ходил. Стояли они около скалы и не знали, что делать. Вдруг раздался грохот — скала треснула, и Сяо-чэнь рассмотрел в ней узкую тропинку. Обрадовались они и быстро добрались до вершины. Там они нашли пещеру и около нее родник с прозрачной холодной водой. Вокруг было много съедобных трав и кореньев.

Так и жили они здесь год за годом. Умерли в один день и после смерти превратились в два цветка. Один из них люди называли «гунянхуа»², другой — «юйхуанцзя»³.

На горную вершину Юйхуандин иногда забиваются отважные смельчаки и находят там эти два растения — они всегда растут рядом: гунянхуа

¹ Юйхуандин — вершина королевской яшмы (кит.).

² Гунянхуа — цветок-девушка (кит.).

³ Юйхуанцзя — опора королевской яшмы (кит.).

с ярко-красными цветами и юйхуанцзя с пышными листьями, но не дающее плодов. Девушкам, пасущим в ущелье овец, смельчаки приносят с вершины цветы гунянхуа, и девушки говорят: «Как красивы эти цветы! Но внизу они не растут: боятся людей».

ВОЛК И ЯГНЕНОК

(Монгольская сказка)

Однажды ягненок щипал травку и незаметно отбился от отары. Подошел он к горному ручейку, а вода в ручье чистая, прозрачная. Ягненок уже нагнулся — хотел напиться, но откуда ни возьмись появился волк.

Захотелось волку есть, вот он и решил вызвать ягненка на ссору, чтобы был предлог растерзать его. Выпучив глаза, волк сердито прорычал:

— Эй, ты! Как ты смеешь мутить воду, когда я пью! Да еще делаешь вид, что не виноват.

— Я не мутил воду,— возразил ягненок,— ведь вода течет с верховьев вниз, ты стоишь выше по течению, а я ниже! Разве можно винить меня?

Не удалось волку запугать ягненка. Решил он подойти с другой стороны:

— Допустим, в этом ты не виноват! Но слышал я, что ты плохой малый, смеешь за глаза поносить меня. В прошлом году ты ругал меня! Помнишь? Когда я узнал об этом, хотел найти тебя и выяснить, в чем дело. Вот сегодня ты мне и попался!

Ягненок поспешил объяснить:

— Волк! Как же я мог тебя ругать в прошлом году? Ведь я тогда еще и на свет не родился!

У волка давно текли слюнки, ему нетерпелось съесть ягненка.

— Какое мне дело, родился ты тогда или нет! Не трать попусту слов! Сейчас я тебя съем! Пусть ты ничего плохого не совершил, зато отец твой совершал. Так что все равно и ты виноват.

Волк разинул пасть, набросился на ягненка и свалил его на землю. Ягненок пытался освободиться и жалобно просил:

— Я совсем не знаю, какой проступок совершил мой отец! Помилуй меня!

На это волк ответил:

— О дурных поступках и твоих и твоего отца я тоже ничего не знаю. Но я знаю, что мясо твое нежное, вкусное. Пусть это и будет твоей виной! Поэтому я должен тебя съесть!

И жестокий волк проглотил ягненка.

Так и у людей: хороший человек никогда не найдет справедливости у дурного.

МУРАВЕЙ И СОРОКА

(Сказка народности мяо)

Муравей копал с утра землю, к полудню его начала мучить жажда. Пошел он к пруду напиться, но поскользнулся и упал в воду.

— Спасите! Спасите! — закричал муравей.

А рядом на макушке дерева сидела сорока. Она услышала крик, сорвала листок, полетела к муравью и бросила листок в воду. Муравей взобрался на лист. Ветер пригнал лист к берегу, и муравей вышел на землю.

Однажды хотел охотник застрелить сороку. Муравей увидел это и заполз к нему на шею. Охотник прицелился, стал нажимать на курок, а тут муравей укусил его. Охотник вздрогнул и промахнулся.

Сорока прилетела поблагодарить муравья, но муравей ответил:

— Незачем благодарить! В прошлый раз ты спасла меня, а теперь я оказал услугу тебе.

МЕСТЬ ЦЫПЛЕНКА

(Сказка народности тун)

Жила-была курица. Вывела она трех цыплят. Но пришла беда: двух цыплят съел хорек, остался только самый маленький. Он боялся хорька и по целым дням не вылезал из курятника. «Неужели всю жизнь я должен прятаться? — думал цыпленок. — Нет, боязнь тут не поможет. Надо бороться! Но как? Как мне, маленькому, устоять против хорька?»

Думал цыпленок день, думал другой и наконец придумал: пошел за помощью к дяде селезню.

— Помоги, дядя селезень, хорек хочет съесть меня.

Дядя селезень покачал головой:

— Ладно, помогу. Только я неповоротлив. Как мне одному помочь тебе?

Подумал, подумал цыпленок и обратился за помощью к меху у печи:

— Помоги мне, братец мех, хорек хочет съесть меня!

Мех глубоко вздохнул:

— Ладно, помогу. Только от одного меня толку мало: ног у меня нет, стою и стою на одном месте!

«Что же делать?» — забеспокоился цыпленок и закружился по кухне. Наступил он нечаянно на спавший в углу каштан. А каштан-то весь зарос острыми шипами.

— Эй, цыпленок! — закричал каштан. — Что же ты не смотришь под ноги? Зачем на меня наступил?

— Я задумался, вот и не заметил. Извини меня.

— О чем же ты задумался?

— Хорек хочет съесть меня, вот я и думаю, как мне бороться с ним!

— Ну и что же? Придумал?

— Нет еще. Я обратился к дяде селезню, к меху. Они согласны помочь, только не знают как.

— Пес Пестрик мудр, ты обратись к нему.

Отправился цыпленок на задний двор искать Пестрика. А пес высунул язык и грелся на солнышке.

— Помоги мне, Пестрик. Хорек хочет съесть меня.

— Ладно, помогу. Только хорек хитер. Нужно собрать побольше друзей.

— Селезень, мех, каштан — все согласны помочь. Только они не знают как.

Пестрик думал, думал и придумал. Начало смеркаться. Цыпленок разгуливал по лужайке. А хорек, как вор, притаился у плетня, он уже несколько дней караулил здесь цыпленка. Ждал хорек удобного момента, и, когда цыпленок подошел близко, хорек поджал передние лапы, оттолкнулся задними и выскочил из засады. А цыпленок-то следил за разбойником, к каждому шороху прислушивался. И вот, когда хорек выскочил, цыпленок с писком, махая крохотными крылышками, бросился на кухню. Хорек погнался за ним.

А в кухне за дверью спрятался Пестрик, селезень ждал у очага, мех раздувал огонь, в очаге лежал каштан, готовый лопнуть.

Цыпленок прыгнул на печь, а хорек за ним. Вдруг раздался взрыв, и горящий каштан впился в глаз хорька.

А селезень выбежал из засады и вцепился ему в хвост.

Пестрик выскочил из-за двери, наступил лапой на голову непрошеного гостя и укусил его. Тут хорьку и конец пришел.

ГЛУПЫЙ ЛЕВ

(Сказка народности цзинпо)

Как-то раз лев рассматривал свое огромное тело и самодовольно хвастался:

— Я самый уважаемый и самый сильный зверь на земле. Все животные боятся и уважают меня. Меня по праву величают царем зверей!

Пока лев бахвалился, голодный овод укусил его. Лев возмутился. Он сердито уставился на овода:

— погоди же! Ты, этакая козявка, посмел меня беспокоить! Хорошо же, я из тебя тесто сделаю.

Подпрыгивая и кружась, пытался лев поймать овода. Но, как он ни старался, ему не удавалось дотянуться до врага. Тем временем овод досыта насытился львиной кровью.

За борьбой льва с оводом наблюдал паук. Он пожалел льва:

— Владыка, ты силен, но у тебя не хватает мудрости. Поэтому ты не можешь убить овода. А я намного слабее тебя, зато мой ум превосходит твой. Честно говоря, если бы я захотел, в любое время съел бы овода.

Паук был такой же маленький, как и овод. Для льва он, конечно, ничего не значил. И лев с насмешкой ответил ему:

— Я большой, могучий — и то не смог убить его. А ты такой маленький, как же ты сможешь поймать овода? Ты шутишь? У тебя, как и у меня, нет крыльев. Тебе за ним не угнаться.

— Да, — ответил паук, — я, как и ты, без крыль-
св. Но я умею плести сети. Этим я сильнее тебя!

— Тогда скорее расставь их. Мне больно от уку-
сов овода! Никогда не забуду твоей помощи!

Паук велел льву прилечь и сплел вокруг него
паутину. Вскоре овод запутался в ней и стал пленни-
ком паука. Лев со смущением поблагодарил паука:

— Я только сегодня понял: мало одной силы.
Нужно еще и умение!

ТИГР И БРОНЕНОСЕЦ

(Сказка народности яо)

Навязался тигр броненосцу в друзья. На самом-
то деле он просто захотел его съесть. Вот тигр и го-
ворит броненосцу:

— Давай поборемся. Посмотрим, кто сильнее и
искуснее.

Броненосец понял, что тигр задумал что-то дур-
ное, но согласился:

— Что ж, давай поборемся. Ты первый будешь
кусать или я?

— Лучше я первый.

— Ладно. Ты жди под горой. Закрой глаза и от-
крой пасть. А я покачусь с горы прямо к тебе в рот,
ты тогда и кусай.

«Вот это здорово, — подумал тигр. — Мне не нуж-
но и шевелиться, он сам вкатится в рот!» Тигр за-
жмурил глаза, разинул широко пасть и стал ждать
под горой.

Броненосец залез на вершину, свернулся клубоч-
ком и... покатился вниз по склону. Клубок стреми-
тельно влетел в рот тигра, прошел через все его тело
и вылетел с другой стороны. Тигр умер, так и не от-
ведав мяса броненосца.

КУМИРНЯ РЫБАКА

Жил на островах старый рыбак. Всю жизнь с детства до старости он провел на море и перенес множество штормов и бурь. Однажды вместе с товарищами он вышел в море на лов. Но поднялась сильная буря, лодка разбилась о рифы, а волна выбросила старого рыбака на скалистый берег.

Море уже утихло, когда рыбак очнулся. Он увидел, что лежит на берегу, а поблизости ни лодки, ни товарищей, только кучи причудливых камней кругом да густые заросли травы. Старик поднялся, обошел по берегу островок, разыскивая товарищей. Но никто не откликнулся ни единым звуком. Рыбак дважды обошел остров и наконец нашел в прибрежных камнях свою разбитую лодку.

Затих ветер, успокоились волны. Рыбак одиноко сидел около остатков своего утлого суденышка. Потом он перетащил с лодки на берег уцелевшие продукты и котел, построил в защищенном от ветра месте шалаш и стал жить.

Но других рыбаков могла постигнуть та же злая участь. Поэтому старик разводил костер на вершине скалы — предупреждал всех об опасности, о коварных рифах. Днем он собирал хворост и траву, вечером сжигал их. Когда кончился хворост, он сжег и шалаш. Потом кончилась еда, и от голода рыбак перестал двигаться, не мог сделать и шагу.

И вот однажды потемнело небо, поднялся страшный ветер, разразился шторм. Рыбак хотел зажечь огонь, но шалаш уже был сожжен. Идти на поиски хвороста не было мочи. Тогда старик собрал последние силы, затащил на вершину скалы доски, оставшиеся от лодки, и, борясь с ветром, зажег огонь. Он ярко светил, предупреждая рыбаков об опасности.

Когда стих шторм, несколько рыбацких лодок, избежавших столкновения с рифами, подплыли к острову. На скале люди нашли старого рыбака. Он уже умер, но его руки продолжали сжимать недогоревшую доску.

Рыбаки построили на этом островке кумирню. В ней нет статуй дракона Восточного моря и бодисатвы *. В ней стоит лишь одно изваяние — старый рыбак в простой одежде.

УЧЕНИЕ

Жили когда-то три брата. Однажды они все трое охотились, захотели пить и нашли дерево со спелыми сочными плодами. Но дерево было высокое, с толстым-претолстым стволом.

— Если бы я мог вырвать дерево с корнем,— сказал старший брат,— мы бы послали владыку.

— Если бы я мог подпрыгнуть до ветвей,— сказал средний брат,— мы бы не мучились сейчас от жажды.

— Если бы я мог сбегать домой и принести лестницу,— сказал младший брат,— то залез бы на дерево и обобрал бы с него все плоды.

Мечтали, мечтали они, но ни одного плода сорвать не могли.

— Ничего-то мы не умеем,— сказал старший брат.

— Надо приобретать мастерство,— подтвердил средний брат.

— Так пойдем к кому-нибудь и поучимся,— предложил младший брат.

Отправились они к мудрому старику и поведали ему о своем желании.

— Ну, а чему же вы хотите научиться? — спросил их старик.

— Я хочу вырывать деревья с корнем, — ответил старший брат.

— Я хочу научиться подпрыгивать на несколько чжанов, — сказал средний брат.

— Мне бы хотелось бегать так быстро, как птицы летают, — сказал младший брат.

Выслушал их старик, подумал и сказал:

— Хорошо. Я вас научу. Но каждый из вас должен делать то, что я скажу. Приходите ко мне завтра утром.

Пришли наутро братья к старику, а около него стоит теленок, сидит щенок и лежит чем-то наполненный мешок.

— Отнеси на руках теленка на луг, — сказал он старшему брату, — а вечером принеси обратно. И так носи его каждый день, пока не вырастет из него бык.

Среднему брату он приказал:

— В этом мешке древесные семена. Посей их вокруг моего дома и каждый день приходи ко мне. Но смотри не растопчи деревца, когда они вырастут из семян. Прыгай через них.

Дал старик задание и младшему брату:

— Вырасти моего щенка. Ухаживай за ним, корми его. И каждый день бегай за ним до тех пор, пока он с ног не свалится.

День шел за днем.

Теленок, которого носил старший брат, рос и рос. Но старший брат носил его каждый день и не чувствовал, что он становился тяжелее. Теленок превратился в быка, но старший брат все так же носил его на руках.

Семена, посаженные средним братом, дали всходы. Всходы превратились в стройные деревца. Средний брат каждый день перепрыгивал через них и не замечал, что они подрастают. Потом деревца стали деревьями, но средний брат без труда перепрыгивал через них.

Щенок, за которым ухаживал младший брат, подрос. Он с каждым днем бежал все быстрее и дальше, но младший брат не замечал этого, так как гонялся

за ним каждый день. Щенок превратился в гончую собаку. Она бегала так быстро, что могла обогнать летящую стрелу. Но младший брат не только не отставал от нее, но иногда даже обгонял.

И вот однажды старик сказал братьям:

— Каждый из вас выполнил то, что я поручал. Каждый из вас изучил то, что хотел. Теперь идите домой.

На обратном пути братья снова прошли мимо того дерева.

На нем висело множество спелых плодов. Средний брат подпрыгнул и уселся на ветке, в это время старший брат с корнем вырвал дерево. А младший успел сбегать за лестницей и уже ел сочный плод. Мимо шел охотник и удивился способностям братьев. Он спросил их, как они научились всему этому. Старший брат ответил:

— Если ты каждый день будешь упражняться...

— ...то достигнешь успеха,— закончил средний брат.

А младший брат добавил:

— Упорством можно добиться всего.

ЗЕМЛЯ — ЗОЛОТО

Жил некогда крестьянин, по имени Ван Сюэ-цин. Круглый год он усердно трудился, вставал затемно, а ложился в полночь. Соседи его лишь раз пропалывали поле, а он — два, а то и три. И хоть мало было у него земли, концы с концами он сводил.

Двух сыновей вырастил Ван Сюэ-цин, и были они лодырями: целыми днями гуляли, палец о палец не ударяли. Много раз уговаривал их отец пойти поработать, но слова его были для них как ветер, пролетевший мимо ушей, и продолжали они бездельничать. «Мои сыновья,— думал Ван,— не умеют жить. И растратят они все мое имущество».

И вот свалила однажды Вана хворь. Как он ни крепился, болезнь не уходила. Понял он, что не

встать ему уже на ноги. Позвал тогда Ван сыновей.

— Дети мои, пришел, видно, мой черед. Никакого богатства у меня нет, и в наследство я вам ничего не оставляю, кроме поля. Но знайте, что на нашем поле закопано немало золота. Вскопайте его хорошенько, перепашите несколько раз, поищите и найдете.

Сказал он так и умер. Услышав от отца о богатстве, братья обрадовались. «Найдем золото, — думали они, — весело заживем!»

Уж чего только они ни делали, чтобы найти золото! Все дни проводили на поле: копали его и перепашивали, но ничего не нашли.

— Наверно, мы копаем слишком мелко, — сказал старший брат. — Давай-ка возьмем поглубже.

Пропахали они поле еще раз и опять ничего не нашли.

— Может быть, мы слишком торопимся и пашем небрежно? — сказал младший брат.

Прошли они с плугом по полю еще раз, пролегли за ними ровные борозды, но опять братья ничего не нашли.

— Наверно, отец обманул нас, — сказал младший брат. — Что же нам делать?

— Давай-ка засеем поле, — предложил старший брат, — ведь все равно оно уже вспахано.

Засеяли братья поле пшеницей, уродился невиданный урожай, ни у кого в округе такого никогда и не бывало. Поняли братья, что земля и усердный труд и есть то золото, о котором говорил отец. Одумались они, перестали бездельничать и с раннего утра до позднего вечера работали на поле.

ВАЛУН

Много-много лет назад случилась в одной горной долине беда: полноводная река, дававшая жизнь полям, пересохла. Завяли и засохли травы и деревья, и на крестьянских полях ничего не выросло. Только ветер перегонял с места на место тучи пыли и

цеска. Лишь в редкие годы выпадали дожди, и крестьянам долины удавалось собирать небольшой урожай. Крестьяне еле сводили концы с концами. Многие семьи собрали свой скарб и покинули долину. Только старый Хань не мог расстаться с родимым краем, не мог покинуть землю своих предков, свою родину. Он остался в долине и от зари до зари работал на поле.

И вот однажды наступила особенно жестокая засуха. Проходили недели, а дождя все не было. Пошел как-то старый Хань на гору за хворостом. Тропинка была крутой, а солнце палило нещадно. Притомился старик и решил передохнуть. Сел на большой гладкий валун и вдруг заметил, что из-под валуна тянется рисовый стебелек — крепкий, с зелеными листочками, а на стебельке уже колосок с созревшими зернышками. Залюбовался старик!

— Почему он так хорошо растет? — раздумывал он.

Не один десяток лет прожил старик на свете, а такого большого стебелька риса никогда не видел.

Передохнул старый Хань, нарубил хвороста, связал вязанки, повесил на коромысло и вернулся домой. Никому ни слова не сказал о своей находке. А наутро взял он молоток, зубило, поднялся снова на гору и начал скалывать с валуна кусок за куском. Искры вылетали из-под зубила, но дело двигалось медленно, руки ныли, зубило затупилось.

Вернулся старик домой, собрал старый ненужный железный хлам, переплавил его, наделал много зубил и молотков. Но не пришлось ему подняться на гору, свалила его хворь. Позвал Хань трех своих сыновей и показал слабеющей рукой на зубила и молотки:

— Вы должны пойти на гору. Найдете там большой гладкий валун. Скалывайте его до тех пор, пока можно будет сдвинуть с места.

Пообещали сыновья исполнить завещание отца. Когда старый Хань умер, взяли сыновья зубила, молотки и пошли на гору. Шел-шел старший брат, пот выступил на лбу:

— Устал я. Дальше не пойду! Если хотите, идите вдвоем!

Долго взбирались два брата по горной тропинке. Нашли валун и принялись за работу. Но скоро поняли: много дней и сил нужно потратить, чтобы раздробить весь камень.

— Нам это не под силу. Хочешь — скалывай, а я не буду, — сказал средний брат и ушел домой.

Много лет скалывал младший брат валун. Уже седина посеребрила голову, уже силы покидали его, а сколол он лишь половину валуна.

Позвал он тогда трех сыновей и сказал им:

— Всю жизнь трудился я, чтобы разбить валун. Ваш дед сказал, что под ним лежит клад. Половину камня я сколол, остальное должны доделать вы.

Вскоре он умер. Взяли сыновья зубила и молотки и пошли на гору. Но так же, как братья отца, старший и средний сыновья ушли. Они не хотели тратить на эту работу всю свою жизнь. Остался младший сын. Как и отец, он ежедневно поднимался на гору и скалывал валун. Не мешали ему ни ветер, ни холод, ни дождь.

Прошли годы. Валун уменьшился настолько, что его мог сдвинуть один человек. И вот поднатужился младший брат и сдвинул валун с места.

Вдруг из-под камня вылетели два феникса неопикуемой красоты. Где они пролетали, возникали каналы и арыки, вырастали леса и сады.

Заглянул младший сын в яму и увидел там каменную плиту. Поднял ее — хлынула вода, побежала по каналам, напоила истомленную жаждой землю. Зацвело все кругом, отступила засуха. Благодарили люди младшего сына за открытый им клад.

ГЛАЗА ДРАКОНА

У подножия большой горы жил бобыль Цуй Хэйцзы. Даже клочка земли у него не было. Он жил тем, что чинил людям котлы и пиалы.

Однажды подобрал он на дороге маленького дракона, положил его в ящик, в котором носил инстру-

менты. Каждый день Цуй кормил дракона. Дракон подрос, стало ему тесно в ящике. Цуй больше не носил его с собой и оставлял дома.

Через несколько лет дракону стало тесно и в доме. Тогда Цуй сказал ему:

— Знаешь, зарабатываю я мало, а ты теперь большой и мне уже трудно тебя прокормить! Провожу-ка я тебя в пещеру, что на Северной горе.

Дракон кивнул головой, согласился с этим.

Прошел год. У пещеры дракона вырос жэньшэнь. Все об этом знали, но никто не осмеливался выкопать корень, около которого жил дракон. Узнал о чудесном жэньшэне и император. Захотелось ему во что бы то ни стало получить корень. Губернатор провинции дознался, что дракона вскормил Цуй. Вызвал он к себе Цуя и приказал выкопать жэньшэнь:

— Не то голова с плеч!

Ничего не оставалось Цую, как набраться смелости и пойти за жэньшэнем. Еще издали узнал он дракона, лежавшего у входа в пещеру. Подошел Цуй к нему и взмолился:

— Уважаемый дракон! Я тебя вырастил. Спаси меня — разреши выкопать корень жэньшэнь.

Дракон кивнул головой. Цуй выкопал корень и отдал его губернатору, а тот отвез жэньшэнь императору.

Прошел год, и случилось так, что у императрицы заболели глаза. Каких только врачей ни приглашали, но императрица видела все хуже и хуже и в конце концов ослепла. Кто-то сказал императору:

— Болезнь императрицы можно вылечить только глазом дракона. Стоит потереть больные глаза глазом дракона, и они сразу же станут зрячими.

Но дракон ведь страшный, большой и сильный. Пожалуй, и армия в тысячу всадников ничего с ним не поделает. Вот и приказал император доставить к нему Цуя.

— Достанешь глаз дракона — будешь министром, — сказал император, — не достанешь — казню тебя и всех твоих родных.

Цую умирать было страшно да и министром стать хотелось. А дело-то ведь нешуточное, надо вырвать

глаз у самого дракона — это не то, что выкопать около него корень. Наконец Цуй решился. Пришел он к пещере и сказал дракону:

— Император велел мне принести твой глаз. Спаси меня, дай мне глаз! Ведь все-таки я выкормил тебя.

Выслушал дракон и кивнул головой. Разрешил он Цую вырвать у себя правый глаз. От боли у дракона катились из левого глаза слезы.

Получив глаз дракона, император потерял им левый глаз императрицы, тот и прозрел, потерял правый, и тот стал видеть. Стали глаза такими же, как и прежде. Обрадовался император и тут же назначил Цуя министром. Цуй теперь жил беззаботно, наслаждался богатством, и было у него все, что только доступно человеку. Постепенно Цуй стал злым и коварным. Он думал лишь о себе, и чужие горести его не трогали. Если он замечал у других что-нибудь дорогое, тотчас же забирал это себе. И не мог забыть ненасытный Цуй, каким ценным оказался глаз дракона. Решил он выпросить у дракона и другой глаз.

В паланкине слуги принесли Цуя к пещере.

— Дракон, а дракон, — сказал Цуй, — я тебя выкормил, отдай мне и левый глаз.

Дракон кивнул головой. Спустился жадный Цуй с паланкина, подошел к дракону и хотел было уже вытащить второй глаз, но тут дракон разинул пасть и проглотил Цуя-министра.

ПОЧЕМУ МОРЕ СОЛЕНОЕ

Жили когда-то два брата. Младший был крестьянином и жил с матерью в деревне, а старший — был в городе чиновником. Старший жил хорошо: вкусно ел, сладко пил, красиво одевался. Ни разу он не приехал домой, не навестил мать и брата.

Однажды в один из голодных годов мать велела младшему сыну сходить в ямынь*, поздравить старшего брата с днем рождения и попросить его навестить мать. Младшему сыну не хотелось идти:

— Брат стал мандарином, он давно забыл про нас! Он не узнает меня, даже если я пойду к нему.

— Нет, ты все-таки сходи. Скажи: мать послала. Не может быть, чтобы он мать забыл. Заодно привезешь немного продуктов, а то урожай нынче совсем плохой.

Младший сын послушался матери, пошел в город искать брата. А тот уже стал уездным начальником. У подъезда уездного ямыня было очень людно. Много разряженных гостей приехало поздравить господина уездного начальника с днем рождения.

Младший брат вошел в ямынь. Никто не остановил его, все приняли его за нового слугу. Во внутреннем зале он увидел старшего брата. Тот был одет в парадную форму и разговаривал с поздравлявшими его чиновниками. Младший брат подошел и потихоньку позвал его. Однако уездный начальник не узнал брата. Тогда младший передал ему слова матери. Старший брат притворился растроганным:

— Ты вовремя пришел. Я давно скучаю по тебе и по матери. Но я очень занят, никак не мог найти время, чтобы навестить мать.

Он тут же позвал слугу и велел ему незаметно отвести брата на кухню. Со всего города были созваны сюда в этот день повара. Они толпились в просторной кухне, хлопотали, готовя пир для господ. Когда пир начался, мимо младшего брата пронесли сочные плоды, редкую рыбу, дичь и много других яств, которых он никогда не видывал.

Поел младший брат вместе с поварами. Один из них потихоньку сунул ему завернутую в листок лотоса большую кость, на которой еще осталось немного мяса:

— Возьми на дорогу, еще можно погрызть.

Младший брат спрятал сверток за пазуху и, не попрощавшись с братом, пошел домой. Выйдя из города, младший брат заторопился: время было уже позднее. Вдруг он услышал, что кто-то окликает его:

— Как хорошо пахнет! Сынок, ты что-то вкусное несешь?

Младший брат оглянулся и увидел у обочины дороги старуху, собиравшую съедобные коренья. Он остановился:

— Да, бабушка. Кое-что несу.

— Что же у тебя, сынок?

— Да так, пустяки. Кость с господской кухни.

— Дай мне поесть! Я очень голодна.

— Бабушка, я хотел это отнести своей матери.

— Дай немножечко, уж очень я голодна! — жалобно просила старушка.

Младший брат не мог отказать, вытащил из-за пазухи кость, оторвал кусочек мяса и дал его старушке. Она съела мясо и поблагодарила:

— Спасибо тебе, сынок. Очень вкусно! Только, знаешь что? Недалеко отсюда живут в пещере семь девушек. Они тоже голодают. Отдал бы ты им мясо!

— Нельзя! Нужно оставить маме.

— Сынок, отдашь им — не пожалеешь! А то ведь они так и помрут с голоду.

Младший брат был добрым, он пошел, куда указала старушка, и на самом деле нашел в пещере

семь девушек. Младший брат молча вытащил кость, положил на столик и повернулся, чтобы уйти. Но самая старшая девушка окликнула его:

— Подожди-ка, милый человек! У тебя доброе сердце. И мы хотим тебя отблагодарить. Может быть, тебе что-нибудь нужно? Здесь много всякого добра — выбирай.

Младший брат оглянулся — кругом лежали драгоценные камни и жемчуг. «Ну, какая крестьянину польза от этих камушков? — подумал он. — Ими голод не утолишь, от них проку даже меньше, чем от этой кости». Он отказался, покачав головой, но девушки настаивали, чтобы он что-нибудь выбрал. Он долго смотрел на сокровища и наконец взял простой, недорогой продолговатый камень. «Возьму вот это, — подумал он, — дома как раз нет пестика, чтоб соль толочь». Он спрятал камень в карман и покинул пещеру.

Но вскоре он снова повстречал ту же старушку.

Она сидела у дороги. Заметив, что карман у юноши топорщится, она сказала:

— Вот и хорошо, сынок! Теперь ты не будешь голодать.

— Спасибо, бабушка, за доброе слово. Только, ведь это же не кость, а камень.

— Не огорчайся, сынок. Ты получил волшебный пестик!

И она рассказала, какое чудесное свойство у этого пестика и как им пользоваться.

Младший брат скорее побежал домой и сразу же начал с матерью пробовать волшебную силу пестика. Он семь раз потер им о стол, приговаривая при этом: «Дай соль, дай соль!»

И тотчас же на камне выступила белоснежная соль. Ее набиралось все больше и больше. Потом юноша стукнул семь раз по камню и сказал: «Довольно, довольно!» — и соль перестала сыпаться.

Весть о чудесном пестике облетела всю округу.

Однажды младший брат пошел в горы за дровами, а к его дому в то время прискакал верхом на коне старший брат.

— Вот я и приехал навестить вас, — сказал он

матери. — А заодно я хотел бы взглянуть на ваш пестик. Говорят, он дает соль. Может быть, и вправду он волшебный?

Мать достала пестик и с радостью сказала старшему сыну:

— Да, да, сынок. Это настоящий волшебный пестик! Стоит только потереть его семь раз и сказать: «Дай соль!» — соль сразу так и посыпется.

— А сейчас у меня в ямыне как раз и не хватает соли: нигде не можем купить! Дай-ка мне пестик! Я завтра же верну, заодно принесу и деньги за соль, — сказал жадный начальник уезда. Не дожидаясь ответа матери, он схватил пестик, вскочил на коня и умчался.

На следующий же день начальник уезда купил большой корабль и отправился в море. Он надеялся найти такое место, где совсем нет соли, и наладить торговлю ею с помощью пестика.

Когда корабль вышел в море, начальник уезда достал пестик, сел на корточки, потер семь раз пестиком о палубу и сказал:

— Дай соль, дай соль!

Белоснежная соль тотчас посыпалась. Начальник уезда обрадовался. Он смотрел, точно замороженный, на то, как прибывает соль, и забыл обо всем на свете. Соли становилось все больше и больше, она наполнила трюм, она завалила и палубу. Горы соли росли, а начальник уезда радовался этому. Очнулся он, лишь когда почувствовал, что не может шевельнуть ногами: они по колено увязли в соли. Только теперь он заволновался.

Начальник уезда понял, что сейчас самое главное — приказать пестикку остановиться. Но он не узнал у матери, как остановить этот поток соли. Он засунул руки в соль и начал искать пестик.

— Хватит, хватит! Оставь на следующий раз! — истошно кричал начальник уезда.

Но пестик давно уже был покрыт солью, а горы соли росли и росли. Людям уже не было места на палубе. Матросы бросились за борт. На корабле остался только уездный начальник: соль засыпала его, и он не мог сдвинуться с места.

А соль все прибывала и прибывала. Она заживо похоронила начальника уезда. Корабль пошел ко дну. Пестик, утонув, продолжал давать соль. Продолжает и до сих пор. Говорят, поэтому-то морская вода и соленая.

ИСКАТЕЛЬ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ

Некогда в Китае было немало людей, которые только и делали, что искали в горах драгоценные камни. Всю жизнь они бродили по стране, отыскивая и продавая сверкающие камушки и золото. Как найти драгоценный камень, как разыскать золото — об этом знали только они.

И вот однажды пришли такие люди в глухую горную деревушку. Они заметили, что в домах этой деревни многие вещи сделаны из нефрита и желтого металла. А это для них было верным признаком того, что в горах, окружающих деревню, несметные богатства.

А в деревне у подножия горы жил одинокий старик. Всю свою жизнь он пас буйволов и пахал землю. Но часто смотрел он на горы и думал:

«Какие они огромные! В них наверняка много диковинного и ценного!»

И вот, узнав, что в деревню пришли искатели драгоценных камней, старик пошел к ним и стал расспрашивать, как отыскать драгоценности, скрытые в горах. Один из искателей рассказал ему:

— Сокровища даются в руки только честному, трудолюбивому и нежадному. Открыть гору можно только ключом, а на свете такой ключ лишь один. Ключ этот сейчас превратился в бамбук, растущий на берегу озера. Найти его трудно, но можно: на нем растут всего девять листочков — ни больше, ни меньше. Даже когда никакого ветра нет, эти листочки шевелятся. Бамбук этот нельзя ни рукой сломать, ни ножом срезать; его надо вырыть с корнями, не повредив ни корешка, ни листочка. В полночь нужно подойти с этим бамбуком к облюбованной горе,

она и откроется. Но взять из горы можно только одну вещь и выйти из горы нужно до третьих петухов. Не успеешь — так навеки и останешься там.

Запало в душу старику желание — найти бамбук с девятью листочками. Перестал он работать в поле, забросил все хозяйство, с утра до позднего вечера бродил по берегам озер и искал заветный бамбук. И счастье далось ему в руки: нашел он бамбук, на зеленом стволе которого тихонько шевелились девять листочков. Обрадовался старик, выкопал бамбук с корнем и, чтобы никто его не увидел, тайком, кружным путем, вернулся домой.

Наступила ночь, и старик, захватив бамбук, подошел к горе. В полночь открылся проход в нее. Вошел старик в гору, и глаза у него разбежались от

несметных сокровищ: тут были плуги, серпы, столы, стулья, шкафы, коровы, свиньи, птицы — и все золотые! Потрогал старик: обмана нет — настоящее золото! Не знал он, что и взять, все ходил и ходил, удивлялся богатству, скрытому в горе. Но вот пропел петух в первый раз. Надо торопиться! И решил старик взять золотого буйвола. Только подошел к нему, а он задвигал ногами и сгм пошел за стариком. Идет старик к выходу и все любуется на драгоценные вещи. Жаль ему оставлять их в горе. «Захвачу-ка я, — подумал он, — еще что-нибудь». И только успела мелькнуть эта мысль у него в голове, как буйвол пошел медленнее. Пропел петух второй раз. Почти у самого выхода увидел старик — висит на стене золотой серп, весь усыпанный алмазами, схватил его и бросился к выходу. Но не тут-то было! Буйвол остановился и встал как вкопанный. «Скоро петух пропоет в третий раз, — забеспокоился старик. — Что же взять: буйвола или серп?» Петух пропел третий раз, загремели скалы — и проход в горе начал закрываться. Понял старик, что не успеть ему вывести буйвола, не успеть и с тяжелым золотым серпом добежать до выхода. Бросил он все и помчался к быстро сужающейся щели. Едва он выскочил, как гора за его спиной сомкнулась.

Целый день просидел старик у горы и все горевал, что не сумел разбогатеть.

Потом разыскал он того самого искателя драгоценных камней, рассказал о случившемся и просил научить, как еще раз проникнуть в гору.

— Ключ, открывающий горы, дается человеку лишь раз в жизни, — ответил искатель драгоценных камней. — А теперь ты работай на поле. У тебя осталось сокровище: твои руки и твой труд.

ВОЛШЕБНЫЙ ФИТИЛЬ

Крестьянин Ван Да-лан был трудолюбивым, но ему очень хотелось разбогатеть, и постепенно он потерял охоту к работе. Целыми днями раскидывал он

умом, как бы поскорее добиться богатства. Услышал Ван Да-лан, что самый большой доход приносит в крестьянском хозяйстве откормка свиней. Несколько месяцев выкармливал Ван Да-лан свинью, а она не росла и не жирела, хотя ела очень много. Наскучило Ван Да-лану возиться с ней, и потащил он ее на базар, чтобы обменять на другую. Но за свинью ему давали так мало, что и поросенка купить не хватало бы. И понес Ван Да-лан свою свинью с базара обратно домой. Встретился ему на пути седобородый старец. Взглянул он мимоходом на свинью и воскликнул:

— Твоя свинья — настоящий клад!

— Не смейся, дедушка, надо мной, — ответил Ван Да-лан. — Какой же это клад?!

— Слушай меня внимательно, — сказал старик, — ты и не подозреваешь, какая замечательная у тебя свинья! В ее брюхе есть мешочек с салом, а в сале — белый масляный стержень. Если этот стержень вставить в лампу вместо фитиля и зажечь его, то лампа ярко загорится и начнет извергать из огня золото и серебро.

— Неужели это правда?

— Ну, не веришь — как знаешь...

Старик подобрал свои длинные рукава и пошел прочь. Но, сделав несколько шагов, повернулся и сказал:

— Запомни, сынок. Стержень не должен сгорать полностью. Пока он горит, у тебя ни в чем не будет недостатка.

Ван Да-лан повеселел. Вечером он заколол свинью. Действительно, в ее брюхе нашел он мешочек с салом и в нем маленький стержень. Ван Да-лан вставил его в лампу, высек огонь и поджег. Из огня фонтаном посыпались искры и со звоном падали на стол золотыми и серебряными слитками. Ван Да-лан едва успевал подбирать их и подсчитывать. И чем больше он считал, тем сильнее разгоралась в нем жадность. Ван Да-лан обезумел от радости.

— У меня много денег! — бормотал он. — Но надо еще! Еще! Еще! Чем больше, тем лучше! Я стану богачом! Куплю уголья и поля! Построю усадьбу!

Найму батраков!.. Я буду только сидеть да кушать. Ха! Ха! Вот это славно!

Но от радости Ван Да-лан позабыл о словах старика. Масляный стержень сгорел и перестал выбрасывать искры. Золото и серебро исчезло со стола, и лежал на нем лишь один кусочек серебра, как раз такой, что окупал прокорм свиньи.

Ван Да-лан перестал бормотать и смеяться. Он даже рот раскрыл от изумления. И вдруг перед ним явился седобородый старец.

— Сын мой, — сказал он, — не печалься! Все, что добыто без труда, мелькнет перед глазами и исчезнет. А то, что добыто честным упорным трудом, остается и дает радость. — И старик исчез.

С тех пор Ван Да-лан перестал мечтать о богатстве и снова стал трудолюбивым крестьянином.

ИСТОЧНИК БРАГИ

Жила-была старуха. Не было у нее ни сына, ни дочери. И уюталась она в полуразвалившейся камышовой хижине, стоявшей на склоне горы у самой дороги. На пашне она не работала, да и земли у нее не было. Она продавала прохожим сладкую брагу, тем и зарабатывала на пропитание.

Над ее хижинкой нависала скала, а на скале рос бук, и хижина всегда была в тени. Поэтому прохожие часто останавливались здесь передохнуть и выпить браги. Торговля шла неплохо, но старуха могла приготовить за день всего лишь десять цзиней браги, и на всех желающих не хватало. Да и выручка была небольшая — старуха едва сводила концы с концами.

Тяжелее всего ей было от того, что за водой приходилось ходить далеко — за восемь ли, к подножию горы. Больше одного раза в день старуха ходить к роднику не могла — сил не хватало. Принесет двадцать цзиней, приготовит себе поесть, а из оставшейся воды наварит десять цзиней браги. И потому берегла старуха воду, как жизнь. Частенько она меч-

тала: «Как было бы хорошо, если бы около хижины был родник. Я бы так не уставала и браги могла бы приготовить больше. Жизнь у меня была бы куда лучше!»

Однажды в полдень, в самую жару, проходил мимо хижины, опираясь на палку, худой, изможденный старик. Сошел он с дороги и сел, застонав и заохав, в тени бука.

— Ты что, старик, болен? — участливо спросила старуха.

— Нет... пить хочу. Я уже полдня не пил. Жажда замучила.

Старуха быстро принесла из хижины большую чашу воды. Старик, захлебываясь, выпил ее, вздохнул и попросил:

— Если бы ты мне дала еще чашу, я бы совсем оправился. Какая вкусная вода!

Старуха принесла еще чашу воды. Старик выпил и ожил. Кровь прилила к бледным щекам, и спина стала не такой сутулой. Но он продолжал сидеть в тени. Старуха вдруг вспомнила про брагу и забеспокоилась: «Вот беда! Старик-то выпил почти половину воды. Не хватит у меня на брагу. А не будет браги, не будет и выручки, останусь я голодной. Придется, видно, снова идти за водой».

— Что это ты, старуха, загрустила? — спросил старик.

— Да так. С водой у меня плохо. Ты выпил, а мне снова придется идти к роднику.

— А это далеко?

— Туда и обратно шестнадцать ли.

— Почему же в такую даль? Неужели поближе нет?

— Поближе? Да вокруг и росинки не найдешь.

— Ну что ж. Придется, видно, тебе идти. Ты иди, а я твою хижину покараулю.

Пошла старуха за водой. Уже солнце садилось за гору, когда она, задыхаясь и кряхтя, вернулась домой. Старика у хижины не было. Ей это не понравилось: «Вот человек! Из-за него столько лишних хлопот, а ему и дела мало — бросил хижину открытой и ушел».

На следующее утро услышала старуха в пред-
рассветной тишине какое-то журчание. Вышла она
из хижины, а сзади в скале — выемка, и из выемки
родник бежит. Протерла старуха глаза — может,
спитесь? Нет, струйка воды не исчезла. Сунула в нее
руку — действительно вода, холодная да свежая!

— Кто же мог сделать таксе?!

Осмотрела старуха все вокруг хижины — ника-
ких следов. Только палка лежит около родника.
И вдруг она вспомнила: ведь у старика была точно
такая палка. Всплеснула она руками:

— О небо! Вот, оказывается, кто даровал мне
воду!

С тех пор не нужно было старухе спускаться к
подножию горы за водой. Браги она могла готовить
больше, и жизнь ее стала намного лучше. Быть бы
ей довольной, но случилось наоборот. Загрустила
старуха. Для браги нужно еще зерно, а идти за ним
приходилось в деревню. И принести она могла с ба-
зара никак не больше тридцати цзиней. «Если бы
из ключа текла не вода, — мечтала она, — а брага!
Вот было бы хорошо! Мне тогда не надо было бы
через каждые три дня ходить на базар за зерном».

Прошел год. Как-то в полдень, в самую жару,
появился на дороге старик. Старуха взглянула на
него и сразу же узнала. Обрадовалась она и пригласила
его зайти в хижину, предложила сесть, принесла
большую чашу браги.

— Ну, как живешь? — спросил старик.

— Да, ничего. Только вот устаю очень, — вздох-
нула старуха.

— Почему же ты устаешь? Вода теперь рядом с
хижиной.

— Эх! Вода-то есть. И браги можно продавать
больше. Только для нее нужно и зерно. Купить-то
его можно лишь на базаре, а деревня далеко,
двадцать ли отсюда. Ох, как трудно мне, старой,
ходить туда!.. Вот если бы из ключа текла не вода,
а брага, тогда бы было чудесно!

Долго старуха жаловалась на свою тяжкую жизнь,
а старик молчал, будто и не слушал.

— Появилась у меня вода, больше и браги ва-

рить приходится, — продолжала причитать старуха. — Люди-то просят, а на всех не хватает. А чем больше браги, тем чаще на базар хожу. Все ноги отмотала. Знала бы, что буду так мучиться, и не мечтала бы о роднике близ хижины.

— Постой, старуха, — прервал ее старик и не торопясь вытащил из кармана пакетик. — Вот возьми. Тут порошок. Стоит высыпать его в родник, и начнет из скалы течь не вода, а брага.

Взяла старуха пакетик и скорей побежала к роднику. Высыпала порошок в воду, и сразу же запахло брагой. Попробовала — и на вкус брага. Вернулась старуха в хижину, а старик уже исчез.

С той поры брага старухи прославилась на всю округу. Все прохожие останавливались под тенью бука. Жизнь старухи с каждым днем становилась все лучше и лучше. Вместо камышовой хижины она построила каменный дом, наняла слуг и уже не ходила по-прежнему на базар за двадцать ли — слуги закупали для нее все необходимое.

Быть бы ей довольной, но случилось наоборот. Загрустила старуха. И брага хорошая, и выручка большая, и трудов на приготовление браги никаких, но по-прежнему браги не хватает. Слишком много желающих. «Хорошо было бы, — мечтала старуха, — если бы около моего дома было два таких родника. У меня стало бы больше денег, я построила бы не такой маленький, а большой дом, купила бы землю, наняла бы управляющего. Вот тогда бы была у меня жизнь счастливая, зажила бы я без забот».

Прошел год. Как-то раз в полдень, в самую жару, спустился с горы старик. Старуха сразу же признала в нем своего благодетеля. Она пригласила его в дом, предложила сесть, велела слуге принести большую чашу родниковой браги и подать большую пиалу мяса.

— Ну, как у тебя дела? — спросил старик. — Теперь, должно быть, хорошо?

— Какое там хорошо? Одни хлопоты да суета! Браги на всех не хватает. Раньше разве было столько беспокойства? Уж лучше бы вода в роднике не превращалась в брагу!

Старик ничего не ответил, а старуха продолжала причитать:

— Я спасла тебе жизнь. Если ты действительно помнишь это, то должен сделать мне еще один родник с брагой.

Старик встал, взял чашу с недопитой брагой и вышел из дома. Старуха последовала за ним. Старик подошел к скале и выплеснул в родник оставшуюся в чаше брагу. Потом повернулся и молча ушел. Старуха хотела было остановить его и спросить, зачем он это сделал, но его уже не было. Подошла она к роднику, посмотрела, а из родника-то бежит не брага, а простая вода.

И сейчас у дороги на границе провинций Сычуань и Юньнань течет из скалы холодная, свежая, родниковая вода. Путники пьют ее с удовольствием. А местные жители по-прежнему называют родник «Источником браги».

ЗЕРНЫШКО ГАОЛЯНА

На широкой равнине далеко от гор раскинулась деревня. А в той деревне жили муж и жена. Однажды на равнине случился неурожай. Того, что уродилось, не хватило даже на семена. На следующий год, когда нужно было сеять, сказала мужу жена:

— Что поделаешь! Иди к помещику, попроси у него в долг на семена половину доу¹ гаоляна.

Не хотелось мужу залезать в долги к помещику, но вздохнул он и пошел за зерном. Помещик спросил, для чего ему нужно зерно, и пообещал:

— Ладно, дам! Завтра приходи за зерном!

Вечером помещик приказал жене:

— Отмерь полдоу гаоляна. В долг попросили.

Жена была недовольна:

— Не позволю транжирить зерно!

Помещик шепнул ей на ухо:

¹ Доу — мера объема, равная примерно 10 литрам.

— Дура! Что ты понимаешь? Сейчас я одолжу ему полдоу гаоляна, а осенью отберу у него пять му земли.

— Как бы не так! — возразила жена. — Осенью он соберет урожай и вернет тебе гаолян. Так он и отдаст тебе землю!

— А мы поджарим семена — они всходов и не дадут. Осенью платить ему будет нечем. Вот земля-то и наша!

Жена обрадовалась, поспешила на кухню поджаривать гаолян. Ссыпая его в котел, она нечаянно уронила одно зернышко на край печки. Кончив жарить, помещица смахнула и это зернышко в мешок.

На другой день помещик вручил крестьянину зерно и предупредил его:

— Давай условимся. Зерно ты получаешь до осени. Если осенью не сможешь вернуть гаолян, твой пять му земли станут моими.

Крестьянин согласился. «К осени, — подумал он, — уж как-нибудь постараюсь вернуть полдоу гаоляна».

Не щадя сил работал он на поле вместе с женой и засеял участок. Но на поле вырос лишь один стебелек гаоляна. Они усердно удобряли и поливали его, и стебелек стал высоким и крепким, с большой-пребольшой метелкой. Крестьянин говорил жене:

— А с такой метелки можно будет намолотить полдоу. Как раз хватит, чтобы вернуть долг.

День и ночь стерег крестьянин стебелек гаоляна. И вот, когда уже пришло время собирать урожай, опустился утром на поле беркут, сорвал метелку и улетел. Крестьянин вне себя от горя побежал за беркутом. Куда бежал — и не заметил: все смотрел на беркута. Когда уже стало темнеть, беркут, не выпуская из клюва метелку, юркнул в пещеру на высокой горе.

Хотел было крестьянин вернуться домой, но уже стемнело, а место, куда он попал, было ему совсем незнакомо. Как же ночью найти дорогу домой? Да и как вернуться с пустыми руками? Чем заплатить помещику? И решил крестьянин подождать до утра.

А там набраться смелости, проникнуть в пещеру и отобрать у беркута метелку.

Неподалеку от пещеры росла раскидистая сосна с огромной кроной в виде зонта. Залез он на эту сосну, приготовился было спать, но тут к дереву прибежал волк, потом один за другим пришли тигр, лев, медведь и обезьяна. Крестьянин слышал рычание и боялся шелохнуться. Волк потянул носом и сказал человеческим голосом:

— Чую, пахнет не нашим духом. Найдем чужака, сдерем с него шкуру живьем!

Обезьяна подтвердила:

— И я чую — пахнет человеческим духом. Найдем чужака, живьем с него шкуру сдерем.

Но медведь возразил:

— Откуда же здесь человеку быть? Это мы с собой принесли такой запах.

В разговор вмешался тигр:

— Кто сегодня на охоте не наелся досыта?

— Я не наелся, — ответил лев.

— А мне удалось схватить свинью, — сказал волк. — Я сыт.

— Я сыт лишь наполовину, — прохрипел медведь.

— И мне бы хотелось закусить, — присоединилась к нему обезьяна.

Тигр лапами выкопал у подножия сосны блестящий сосуд с затейливой ручкой. Он постучал по нему когтем, приговаривая:

— Золотой кувшин, золотая ручка, дай-ка нам поесть!

Вмиг появилась около сосуда красная коробка. Раскрыл ее тигр, а в ней — все, что душе угодно. Съели звери что было в коробке, и тигр закопал волшебный сосуд.

Вдали пропел петух. Звери разошлись.

А крестьянин с дерева все видел. «Вот бы получить этот сосуд, — подумал он, — тогда можно без печали жить: и еда будет и долг помещику верну». Слез он с сосны, выкопал волшебный сосуд и пошел домой.

Дома он рассказал все жене, поставил волшебный сосуд на стол и постучал по нему, приговаривая:

— Золотой кувшин, золотая ручка, дай полдоу гаоляна!

Не успел крестьянин договорить, как перед ним появилась красная коробка, а в ней полдоу гаоляна. Велел он жене спрятать волшебный сосуд, а сам пошел с гаолянком к помещику.

Помещик, увидев должника с гаолянком, даже позеленел от злости:

— Гаолян не мог дать всходов! Откуда же ты взял зерно?

Крестьянин врать не умел, он рассказал, как вырастил стебелек гаоляна и как достал волшебный сосуд.

На следующий год помещик велел батраку посадить зернышко гаоляна и ухаживать за ним — и поливать и удобрять, — а сам сидел возле и сторожил. Росток вырос крепким, вот-вот созреет. Помещик сидел и ждал беркута. Однажды опустил ся на поле беркут, сорвал метелку гаоляна и улетел. Помещик побежал вслед и к ночи прибежал к горе. Беркут и на этот раз юркнул в пещеру. Помещик осмотрелся, увидел сосну с огромной кроной и решил: «Это, конечно, та самая сосна, на которой крестьянин сидел». Только залез он на дерево, как прибежал волк, а вслед за ним пришли тигр, лев, медведь и обезьяна. Волк потянул носом и сказал человеческим голосом:

— Чую, не нашим духом пахнет. Найдем чужака, живьем с него шкуру сдерем.

Лев подтвердил:

— Чую, чую — пахнет человеческим духом. Найдем чужака, сдерем с него шкуру живьем.

Медведь, как и год назад, возразил:

— Откуда же здесь человеку быть? Наверно, мы с собой принесли этот запах.

Но тигр предложил:

— Все-таки поищем. Вот и год назад — запахло человеческим духом, и украли у нас волшебный сосуд.

Обезьяна залезла на дерево и сразу обнаружила помещика. Схватила она его за нос и потащила с дерева. Подошел волк и тоже потянул за нос. Тигр, медведь и лев подходили по очереди к помещику и

изо всех сил вытягивали ему нос. И стал у помещика нос длиной в три чжана. Но тут пропел петух, и звери разбежались.

Помещик был рад, что хоть жив остался, обмотал нос вокруг себя и побежал домой. На плечах у него лежит нос, и за поясом нос, и под мышкой он держит все тот же нос, а конец носа волочится по земле.

Жена помещика не спала, зажгла лампу и дожидалась мужа. Услышав стук, она поспешила к двери.

— Осторожнее, не наступи на мой нос! — кричал помещик.

— Ты получил волшебный нос? — обрадовалась жена.

— Отойди-ка в сторону! Дай пройти, потом расскажу!

Помещик боялся, как бы батрак не увидел его с таким носом, и торопливо побежал в свою комнату. Но, пробегая мимо чана с водой, помещик зацепился ногой за нос, упал в чан и утонул.

ВОЛШЕБНЫЙ КОНЬ

Один помещик был злым и гордым. Он считал себя превыше всех, передвигался только в паланкине, который носили восемь слуг. Носильщики обливались потом, а он погонял их. Жил помещик в высоком, просторном доме. Зимой он сидел на теплом кане и попивал гаоляновую водку. И если в окне, оклеенном бумагой, появлялась дырочка с булавочную головку, он уже кричал: «Дует!» — и приказывал слугам немедленно заткнуть эту дырочку. Вокруг его дома всю ночь в любую погоду должны были ходить дозором батраки, и он не разрешал дозорным греться в помещении.

Однажды ночью в зимнюю стужу помещик послал в дозор батрака Чжао-эра. У Чжао-эра не было теплой одежды. Лютый ветер проникал сквозь его дырявые лохмотья. Чжао-эр обошел всю усадьбу. Всюду уже потушили огни, погас свет и в спальне помещика. Значит, помещик лег в теплую постель.

Ветер усиливался, становилось все холоднее и холоднее. В полночь Чжао-эр совсем ооченел. Взял он охапку хвороста и развел костер у ворот, где ветер дул не так сильно. Затрещал в пламени хворост, и Чжао-эр протянул руки к огню. Едва он успел отогреться, как услышал за спиной чей-то голос. Оглянулся, а рядом с ним стоит старик, одетый в рваное тряпье. В руках у него бамбуковая корзина, покрытая красным платком. Старик дрожал от холода и бесцеремонно сказал:

— Отойди-ка, сынок. Дай погреться.

Хорошо сказано в пословице: «Сытый голодного не разумеет». Лишь бедняку понятны страдания бедняка. Чжао-эр уступил старику место у огня. Тот сел перед костром на корточки и стал отогреваться. Щеки его порозовели, он выпрямился и взял Чжао-эра за руку.

— А ты, сынок, добрый. Чего бы тебе хотелось?

Чжао-эр почувствовал, как через руку старика в его тело входит приятная теплота. Холодный ветер отступил и свирепствовал где-то вдали.

— Спасибо, дедушка, за заботу, — ответил Чжао-эр. — Никто и никогда не спрашивал меня об этом. Я уже давно все смотрю да думаю, что мир несправедливо устроен. Помещик не работает, а ест и пьет сладко, бедняки целыми днями трудятся, изнемогают от усталости, но круглый год они терпят холод и голод. Я, дедушка, работы не боюсь, лишь бы быть сытым и одетым.

— Справедливы твои слова, сынок. Ты обязательно увидишь такую жизнь, о которой мечтаешь.

Старик нагнулся, снял с корзины красный платок и достал оттуда маленького вороного конька. Он поставил конька на ладонь и дунул. Вмиг вороной конек спрыгнул на землю и превратился в рослого коня с лоснящимся крупом и с горящими, как угли, глазами.

«Даже у помещика нет такого коня!» — подумал Чжао-эр.

— Дарю тебе этого волшебного коня, — сказал старик. — Садись и скачи на юго-запад. Там встре-

тишь старушку. Она спросит тебя: «Что выше неба? Что чернее угля?» А ты ответь ей: «Добрый трудолюбивый человек выше неба, сердце помещика чернее угля». Еще она спросит тебя: «Куда путь держишь?» А ты скажи: «Мне нужно туда, где нет теней», — тогда она поможет тебе переправиться через бездонную Черную реку.

Старик передал Чжао-эру узду. Конь поднял голову и заржал. Чжао-эр погладил его и повернулся к старику, чтобы поблагодарить, но тот уже исчез. Все стало по-прежнему: черная, зимняя ночь, холодный, пронизывающий ветер, догорающий костер. И лишь конь рядом с Чжао-эром да узда в руке. Рассветало. Волшебный конь снова заржал. Но Чжао-эр не хотел уезжать, не предупредив помещика.

А помещик услышал ржание и уже вышел во двор. Он поразился красоте коня и позавидовал Чжао-эру.

— Я больше не буду работать у тебя, — сказал Чжао-эр.

Помещик хитро усмехнулся:

— Можешь уходить, но коня оставь!

Чжао-эр опешил от неожиданности:

— Это мой конь!

— Нет, этот конь мой! Зачем ты ночью вывел его из конюшни? — закричал помещик.

Чжао-эр хотел было спорить, но помещик не давал ему и рта открыть:

— Нищий! Батрак! А еще коня захотел!

Позвал помещик слуг и приказал отобрать у Чжао-эра коня и вытолкать батрака со двора.

Чжао-эр возмутился, но ничего не мог поделать. Вышел он из деревни и зашагал на юго-запад. Много дней он шел, много препятствий преодолел. Одних мостов перешел он больше, чем иной съест зернышек риса за всю свою жизнь. И вот подошел он наконец к лесу. На его опушке росло финиковое дерево, сплошь усыпанное спелыми плодами. Под деревом сидела старушка и прядла. Чжао-эр обратился к ней:

— Бабушка! Я издалека иду и очень проголодался. Разреши мне взять с этого дерева несколько фиников.

Старушка посмотрела на него в упор и спросила:

— Что выше неба? Что чернее угля?

— Добрый трудолюбивый человек выше неба, сердце помещика чернее угля, — ответил Чжао-эр.

— Куда, паренек, путь держишь?

— Мне нужно туда, где нет теней.

— Правильно, паренек, — сказала старушка ласково, — ты хорошо ответил. Выбирай финики по вкусу и ешь на здоровье.

Чжао-эр поднял голову, и сразу ему бросились в глаза два особенно крупных и спелых финика. Но он подумал: «Нельзя же съесть самые лучшие финики, надо оставить и другим». Сорвал он финики помельче. Они оказались вкусными и сладкими, как мед. Наелся Чжао-эр и собирался уже поблагодарить старушку, но та снова посмотрела на него в упор и сказала:

— Много путников проходило мимо меня, и все они срывали самые крупные финики. Редко встретишь таких скромных, как ты. Не хочешь ли ты, чтобы я помогла тебе в чем-нибудь?

Чжао-эр обрадовался, хотел было попросить, как учил старик, переправить его через Черную реку и вдруг почувствовал, что у него сильно зачесался лоб. Он пощупал голову рукой и испугался: на лбу выросли острые рога. От неожиданности он даже вскрикнул.

— Не бойся, — засмеялась старушка. — Это от фиников. Большие съешь — вырастут большие рога, маленькие съешь — вырастут маленькие. Но они пропадут, стоит лишь окропить их водой из Черной реки.

Тут же она повела Чжао-эра через лес к широкой реке, зачерпнула ладонью черную-пречерную воду и окропила ему голову. Рога у Чжао-эра тотчас исчезли.

Ощупывая рукой голову, Чжао-эр взглянул на другой берег реки и вскрикнул от удивления: он увидел свою мечту. Среди рядов высоких, зеленых деревьев золотистыми волнами колыхались спелые хлеба, пестрели цветы, сверкали под солнцем, как драгоценные камни, плоды фруктовых деревьев,

езде были видны нарядно одетые люди, работавшие на полях, и доносились оттуда радостные песни.

— Бабушка! — воскликнул Чжао-эр. — Помоги мне перейти на ту сторону!

Но старушка печально вздохнула:

— Не хочу тебя обманывать, паренек. Туда перенести может только волшебный конь и то лишь после того, как поест моих фиников. А конь тот принадлежит Старцу зверей.

Чжао-эр подробно рассказал старушке, как он получил коня в подарок и как помещик отнял у него коня.

— Да, это тот самый конь, о котором я говорила, — подтвердила старушка. — Но ты не горюй! Вернем коня. Я научу, как это сделать!

Выслушал Чжао-эр все, что ему сказала старушка, и запомнил. Взял у нее финики и двинулся в обратный путь, даже не отдохнув.

А помещик все еще радовался, что ему удалось получить так легко такого прекрасного коня. Много раз он пытался хотя бы погладить его, но тот лягался и не подпускал к себе близко. И все-таки помещик каждый день приходил в конюшню и подолгу любовался конем издали. Однажды в полдень он шел в конюшню и услышал, как кто-то громко кричит на улице:

— Кому финики! Свежие, спелые финики! Сладкие, вкусные финики!

Помещик удивился: ведь сейчас весна, откуда же взялись свежие финики? Послал он на улицу управляющего. Тот купил финики и принес помещику. Среди фиников два были такие крупные, каких никто в тех местах еще и не видывал. Съел помещик самые крупные финики и вдруг почувствовал, что лоб чешется. А управляющий смотрел на него, вытаращив глаза: на голове у хозяина росли и росли рога. Поднял помещик руки, наткнулся на рога и заплакал. Потом приказал он управляющему немедленно привести продавца фиников.

А продавцом-то оказался не кто иной, как Чжао-эр. Понял тут помещик, что попался в ловушку. Хотел он тотчас же убить Чжао-эра, но рога

росли и росли, становились все больше и больше. И притворился помещик ласковым:

— Чжао-эр! Вылечи меня. Избавь меня от этих проклятых рогов! Проси, что хочешь, все отдам!

— Что ж, — ответил Чжао-эр, — могу вылечить. Только ты сперва отдай мне моего коня.

Помещик велел привести коня. Волшебный конь узнал Чжао-эра и, ласкаясь, потянулся к нему. Чжао-эр дал ему несколько фиников. Конь съел их, заржал, и у него на загривке вырос рог. Ухватился Чжао-эр за этот рог, вскочил на коня, дернул узду, и конь перескочил через стену; хвост его задевал за верхушки деревьев, копыта едва касались крыш. Как ветер, он полетел на юго-запад.

А рога у помещика продолжали расти и через несколько дней стали упираться в потолок. Помещик день и ночь кричал от боли. Его перенесли в самый большой зал дома. Но вскоре рога не уместались и в зале. Помещик велел нанять мастеров и строить новый большой, высокий дом. Но когда дом отстроили, рога помещика не вмещались и в нем. Пришлось ему жить на улице. Наступила зима, задули холодные ветры, пошел снег, и рогатый помещик замерз.

САХАРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Жили-были два брата. Старший брат, жадный и хитрый Лао-да, прибрал после смерти отца все имущество к своим рукам. Он притеснял бедняков, выжимал из них соки и скоро стал богачом. Младшему брату Лао-эру не досталось после смерти отца ничего. Но он не печалился — сегодня поможет людям сеять, завтра — еще что-нибудь сделает по хозяйству. Чем отблагодарят — тому и рад, так и жил понемногу.

Нанялся Лао-эр носильщиком к торговцу сахаром и таскал мешки с сахарным песком с одной стороны горы на другую. Однажды поднялся он с полными мешками на коромысле до половины горы, как

вдруг полил сильный дождь. Дорога стала мокрой, поскользнулся Лао-эр, упал и покатился вместе с мешками под гору. Не успел он подняться на ноги, как его окружили черти. Лао-эр извалялся весь в сахарном песке, и черти приняли его за сахарного человека. Пчелиным роем окружили они Лао-эра и принялись соскабливать с него сахар. Один из чертей предложил:

— Этот сахарный человек слишком велик. За один раз нам его не съесть. Отнесем-ка лучше его в пещеру, тогда можно будет полакомиться в любое время.

Черти дружно подхватили Лао-эра, перенесли в пещеру и положили на каменный стол. Но им уже надоел сахар.

— Эй, чертенята! Чья там очередь! — крикнул самый старый черт. — Тащи сюда барабанчик! Попируем, братцы, да отправимся на гору. Там у нашего народа сегодня праздник.

Маленький чертенок вытащил откуда-то барабанчик, старый черт ударил по нему несколько раз, и на каменном столе вокруг Лао-эра появилось множество ароматных кушаний. Лао-эр не шевелился — боялся, что черти его убьют. Но он подглядел, куда чертенок спрятал барабанчик. Насытившись, черти вприпрыжку побежали на свои игрища.

Лао-эр слез со стола, разыскал барабанчик, спрятал его за пазуху, выбрался из пещеры и быстро побежал домой. С тех пор у Лао-эра не было недостатка в еде.

Старший брат Лао-да услышал, что у Лао-эра появился волшебный барабанчик, узнал и то, как барабанчик попал к нему. Охватила зависть Лао-да, и потерял он покой. Долго мучился от зависти и наконец решился. Купил два мешка сахарного песка, поднял их на коромысле и по примеру Лао-эра отправился на гору. Хотя дорога и не была скользкой, Лао-да, не дойдя и до половины горы, нарочно упал и покатился вместе с мешками вниз. Весь он извалялся в сахаре, так и лежал. Ждать ему пришлось недолго. Прибежали черти и, увидев Лао-да, закричали:

- Смотри-ка! Это он!
- Вот куда он убежал!
- А мы-то его разыскивали!
- Тащи его обратно в пещеру!

Лао-да ужасно обрадовался: что-нибудь да украдет он у чертей! Он не шевелился и покорно дал себя тащить. Когда его положили на каменный стол, самый старый черт сказал:

— В прошлый раз сахарный человек сумел убежать, да еще унес наш барабанчик. На этот раз он не убежит. Мы из него сварим сироп!

И вот черти бросили Лао-да в котел, налили воды, накрыли крышкой и развели под котлом огонь. Вода в котле становилась все горячее и горячее. Наконец Лао-да не выдержал, собрался с силой и выпрыгнул наружу. Чертеночек, присматривавший за огнем, с перепугу перевернулся через голову и пронзительно закричал:

— Сахарный человек убежал! Сахарный человек убежал! Лови его! Держи его!

Черти бросились в погоню, догнали, схватили Лао-да и водворили обратно в пещеру.

— Надо как следует проучить этого обманщика! — сказал старый черт. — Убить его — мало. Он заслужил большего наказания! Давайте вытянем ему нос!

Старый черт ухватил Лао-да за нос и дернул. Нос сразу удлинился на семь цуней¹. Семь старших чертей поочередно дернули Лао-да за нос, и стал нос длиною в половину чжана. Тут черти вышвырнули Лао-да из пещеры.

Придерживая руками нос, пошатываясь и прихрамывая, побрел Лао-да домой. Когда он постучался в дверь, его жена была уверена, что муж вернулся с какой-нибудь волшебной вещью. Она бросилась открывать, толкнула дверь, с размаху переступила через порог, и вдруг раздался пронзительный крик:

— Ай! Ай! Ты наступила мне на нос!

— Ой! А почему же нос твой валяется на земле? — Жена схватила Лао-да за руку, втащила его

¹ Цунь — мера длины, равная примерно 3,3 сантиметра.

в комнату и увидела, что нос его вытянулся до самых подошв.

— Ой! Что это такое?! — закричала она. — Кто тебя так изуродовал?!

Лао-да рассказал все жене. Она долго сокрушалась:

— Нельзя же жить с таким носом! Надо что-то сделать. Может быть, попросить Лао-эра? Пусть сходит к чертям. Пусть узнает, как твой нос вылечить. — И она побежала к Лао-эру.

А Лао-эр жил хорошо. Барабанчик доставлял ему не только еду, но и все, что бы он ни пожелал. Но Лао-эр не обленился, он любил и умел работать. Лао-эр попросил у барабанчика немного денег, купил небольшой участок земли, хорошую мотыгу да серп и каждый день работал на поле. Он был доволен судьбой, а барабанчик спрятал в старый сундук.

Лао-эр собирался в поле, когда к нему в дом вбежала запыхавшаяся невестка.

— Лао-эр! Лао-эр! — заговорила она, захлебываясь. — Черти вытянули нос твоему брату! Вытянули до самой земли. Ему очень больно. Ступай скорей! Узнай у чертей, как вылечить нос! Ступай скорей! Твой брат умирает от боли!

Лао-эр был человеком добрым, незлопамятным. Узнав, что брат попал в беду, он без долгих разговоров отправился в горы.

Незаметно пробрался он в пещеру, а черти как раз были в отлучке. Лао-эр спрятался за створкой двери. Вскоре черти вернулись и сразу залопотали:

— Пахнет человеком!

— Где здесь человек?!

— Надо обыскать все, не забрался ли кто в пещеру!

— Ведь так могут у нас и гонг украсть!

Они бросились искать под кроватями, под столом, под шкафами, облазили все углы. Лао-эр стоял за дверью, не смея дышать. Ничего не найдя, черти успокоились и сели вокруг каменного стола. Чертенок вытащил откуда-то маленький гонг, старый черт ударил в него три раза, и на столе появилось множество кушаний.

— Наш барабанчик исчез, — сказал старый черт. — Только этот гонг у нас и остался. Нельзя бросать его в пещере. Куда ни пойдём, будем брать его с собой. — И старый черт повесил гонг себе на шею.

Пожирая кушанья, черти вели разговор о Лаода:

— Тот, кто был у нас вчера, — сказал один из чертей, — наверняка приходил за гонгом. Ну и пусть живет теперь с вытянутым носом! Пусть знает, что с нами шутки плохи!

— Хотя мы и вытянули ему нос, — сказал другой черт, — но, если бы у него был барабанчик, он легко бы мог вылечиться. Ведь стоит ударить по барабанчику и сказать: «Укоротись», — и нос станет меньше.

Но старый черт прекратил эту болтовню:

— Молчать! Нужно быть осторожным. Так и подслушать могут.

Черти затихли и прислушались. Лао-эр не двигался и не дышал. Черти покончили с едой и убежали из пещеры на игрища. Лао-эр переждал немало, осторожно выбрался из пещеры и побежал домой.

Он рассказал невестке о том, что слышал в пещере. Та обрадовалась и заторопила его:

— Скорей! Скорей! Бери барабан! Лечи брату нос!

Лао-эр пришел к брату, поставил перед ним барабанчик, ударил и сказал:

— Укоротись!

Нос и вправду уменьшился. Лао-эр еще раз ударил и сказал:

— Укоротись!

И нос еще уменьшился.

Но тут вмешалась невестка. Лечение ей показалось медленным, она рассердилась и закричала:

— Да что же ты копаешься! Так и до завтра нос не станет прежним! Дай-ка я постучу в барабан!

Выхватила она барабанчик, быстро застучала по нему, выкрикивая:

— Укоротись! Укоротись! Укоротись!

Нос ее мужа быстро уменьшался, вдруг он ввалился внутрь лица и... барабанчик сломался. С тех пор хитрый и алчный Лао-да ходит безносый.

ТРИ ЖЕНЫ

(Тибетская сказка)

Жил-был молодой рыбак.

Каждый день он удил рыбу. Однажды утром он, как всегда, отправился к реке. Солнце только что показалось из-за вершины восточной горы. Вода отливала золотом. Все было таким же, как и вчера, как и месяц назад. Но на знакомом тихом берегу что-то изменилось. На большой каменной глыбе сидели рядышком три молодые красавицы. Улыбаясь, они пели песню. Пришли они сюда не за водой и на путников-прохожих не походили. Это место было знакомо рыбаку. Кругом — безлюдье, ни деревень, ни дорог поблизости нет. Откуда же они явились?

А девушки пели, и не слышал рыбак отроду такой прекрасной песни! Певицы были так красивы, что скорее походили не на девушек, а на фей. Пели они, глядя на реку, и лишь изредка бросали быстрый взгляд на рыбака, наклонялись друг к другу и тихо пересмеивались. А молодой рыбак стоял, не двигаясь, не сводил с них взора и совсем забыл о рыбной ловле.

Наконец девушки перестали петь, лишь эхо еще носилось в прибрежном ущелье. Одна из девушек спросила рыбака:

— Почему ты так пристально смотришь на нас? — И девушки дружно засмеялись.

— Слишком хорошо! В самом деле, слишком хорошо!

Он и сам не знал, что «хорошо» и почему он так ответил.

— Наша песня тебе понравилась? Да? — спросила другая девушка.

Молодой рыбак покраснел и не нашелся, что ответить. А девушки перешептывались и смеялись. Это еще больше смутило рыбака.

— Эй, парень! Иди ловить рыбу! — крикнула третья девушка. — Если поймаешь большую рыбу, одна из нас выйдет за тебя замуж. — И снова раздался общий смех.

Рыбак обрадовался и тотчас побежал к рыболовным снастям, всегда лежавшим у него на берегу. Вскоре он действительно выловил огромную рыбку и приподнес ее одной из девушек. Она поднялась с камня, притянула к себе рыбака и начала с ним танцевать. Рыбак подумал: «Если я поймаю еще одну большую рыбу, то и другая девушка станет моей». Он отошел от той, которая уже назвала себя его женой, и снова побежал удить. На этот раз дело шло не так гладко: все время ему мешали мелкие рыбешки. Но в конце концов он поймал и крупную рыбу. С ним теперь танцевали две девушки. Он был опьянен своим счастьем.

«Нужно еще раз выудить рыбку, — подумал рыбак. — Тогда все три девушки станут моими». И снова он пошел удить. Но на этот раз даже мелкая рыбешка не попадалась. От нетерпения пот у него по лицу катился градом. «Девушки, наверно, заждались. Они будут смеяться надо мной», — подумал он и повернулся, чтобы взглянуть на них. Но все три девушки исчезли. Безлюдный берег был таким же тихим, как и прежде. Игриво струилась вода в реке, словно дразнила его.

Сердце молодого рыбака с тех пор не знало покоя.

ЗОЛОТЫЕ КРУПИНКИ

(Сказка народности и)

Было у стариков два сына. Старший женился, а вскоре после этого родители умерли. Стал главой семьи старший брат и взял младшего к себе в дом. Работал младший брат у старшего прилежно и усердно.

Старший брат был хитрым, жадным, он умел пользоваться несчастьями других людей и на этом разбогател. Но чем богаче становился старший брат, тем хуже он относился к младшему, ругал его бранными словами и грозил выгнать из дома. Невозможно стало младшему брату, и решил он уйти. Захватил топор, веревку и переселился в другое место.

Каждый день, едва занималась заря, младший брат отправлялся в горы рубить хворост. Нарубит вязанку, чтобы только унести, и идет на базар. Продаст — купит еду, так и жил.

Возвращаясь с хворостом домой, он каждый раз останавливался передохнуть у большого камня. Вязанку хвороста он обычно клал на камень, а сам садился рядом на землю. И вот однажды, когда он присел отдохнуть, камень заговорил:

— Эх, юноша! Зачем ты каждый день давишь меня своим хворостом?

Младший брат рассказал камню все по порядку: как он жил с родителями, как они умерли, как возненавидел его брат и как он ушел от него.

— Вот так я и живу. Рублю хворост, продаю его, — закончил он свой печальный рассказ.

— Ну, если так, — ответил камень, — возьми изо рта у меня золотые крупинки.

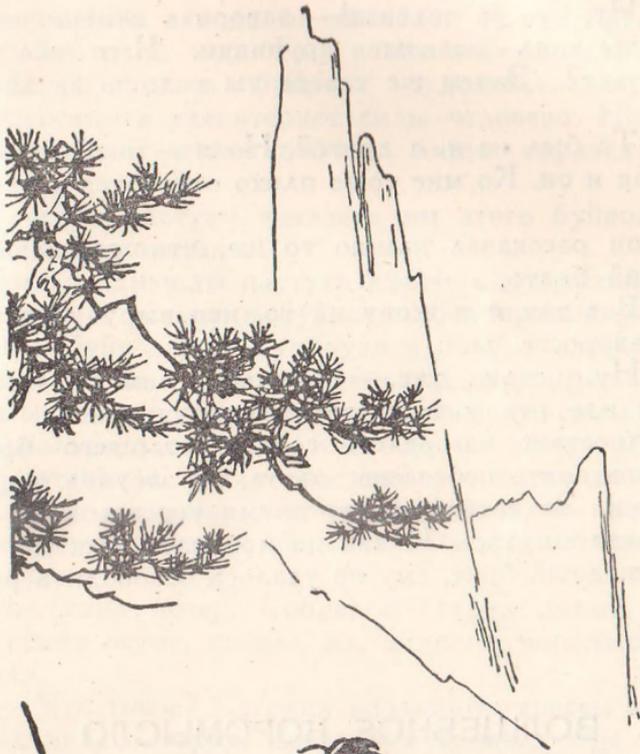
В камне тут же образовалась трещина, похожая на рот, и юноша увидел там золотые крупинки. Он взял несколько крупинок, поблагодарил камень и радостный вернулся домой.

Купил он кое-какую утварь, буйвола и добротную одежду. Узнал об этом старший брат и позавидовал. Пришел он как-то к юноше:

— Откуда у тебя деньги? Как ты разбогател?

Младший брат рассказал старшему обо всем: и как за хворостом ходил, как золотые крупинки добыл и как он теперь живет.

Старший брат поспешил домой, отыскал топор, веревку и пошел за хворостом. Нарубил вязанку, взвалил на плечи и отправился по той же тропинке, по которой ходил в свое время младший брат. Увидел камень, положил на него вязанку, да и сам сел впридачу.

— Ну, что за человек! — заворчал камень. — Недавно ты взял золотые крупинки. Чего же тебе не хватает? Зачем же теперь ты ходишь за хворостом?

— То был не я, а другой. Но я — такой же бедняк, как и он. Ко мне тоже плохо относится старший брат.

И он рассказал камню то же, что рассказывал младший брат:

— Вот так я и живу на то, что выручу от продажи хвороста.

— Ну, если так, — ответил камень, — тогда возьми изо рта у меня золотые крупинки.

Жадностью загорелось сердце старшего брата. Стараясь взять побольше золота, он засунул в щель обе руки. Захватил золото двумя горстями, но тут щель захлопнулась. И как ни ловчился, как ни старался жадный брат, ему не удалось освободить руки.

ВОЛШЕБНОЕ КОРОМЫСЛО

(Сказка народности и)

Около озера у подножия горы Гуаньиншань и раньше было хорошее пастбище. Каждое утро пастухи пригоняли сюда девяносто девять буйволов, но к обеду всегда появлялся в стаде и сотый буйвол, а среди пастухов — красивая девушка. Когда солнце садилось за вершину горы, пастухи возвращались домой, и опять в их стаде было девяносто девять буйволов, а красавица куда-то исчезала. Пастухи удивлялись: только вот сейчас она была с ними, но солнце коснулось краешком вершины горы — и девушки нет.

Пастухи эту девушку любили: она знала очень многое и умела рассказывать удивительные истории. Однажды она рассказала им:

— Среди этих буйволов есть один чудесный. Войдет он в озеро и, если захочет, проложит дорогу,

да такую, что и вода не заливает. А захочет — может пойти и по воде. Ему и океан переплыть ничем. Шерсть этого буйвола чудодейственна, каждая шерстинка удесят�еряет силы человека. Но шерстинку такую может добыть лишь справедливый человек.

Просили пастухи показать им этого буйвола, да девушка не показала.

Пошли однажды пастухи вместе с девушкой в лес по ягоды и оставили буйволов без присмотра. Забрались буйволы на кукурузное поле, а сторож-старик выгнал их с поля тем, что под руку пришлось, — коромыслом. А было тому коромыслу столько же лет, сколько и сторожу, и дождь его мочил, и солнце высушивало, стало оно корявым и все потрескалось. Когда старик выгонял буйволов, в трещинки на коромысле попали шерстинки со спины чудесного буйвола.

Наступил вечер. Собрался старик домой, нарубил сухих веток, связал их, зацепил коромыслом и поднял.

— Что такое? Сегодня вязанка-то совсем легкая!

Удивился старик, добавил в вязанку еще хворосту. Попробовал поднять, как будто и не стало тяжелей. Еще добавил старик — по-прежнему так легко, будто там две хворостинки. Подцепил старик вязанку и весело зашагал домой.

И стал он каждый день носить хворост в город и продавать на базаре. Денег теперь хватало ему и на еду и на одежду, зажил спокойно старик.

Однажды старик, как обычно, шел на базар с хворостом и повстречал богатея. Удивился богатый: как может старик нести на плечах такую большую вязанку?

— Это — коромысло такое волшебное, — объяснил ему старик, — сколько ни взвали, все легко.

Не поверил богач, сам попробовал. Правда, совсем не тяжело.

— Уступи мне это коромысло, — сказал богач. — Я дам тебе за него пятьсот лянов серебра.

Сначала старик не соглашался, но потом подумал: ведь пятьсот лянов серебра хватит ему на всю

жизнь. Отдал он волшебное коромысло и получил деньги.

Пришел богач домой и начал любоваться коромыслом, уж очень оно ему понравилось. Только вот старовато — трещин много. И на другой день он отнес коромысло самому искусному в городе столяру. Столяр строгал, а богач стоял рядом и все указывал, как сделать, чтобы оно было красивым и гладким. Вот все и готово, коромысло стало как новое. Вместе со стружкой упали с коромысла и чудесные шерстинки волшебного буйвола. Веселым вернулся домой богач, даже жена удивилась.

— В прошлом году ты получил от крестьян много зерна за аренду земли, но и то так не радовался. Почему же ты сегодня такой веселый?

Богач только самодовольно засмеялся. А потом дал ей коромысло и велел поднять что-нибудь. Повесила жена на коромысло небольшой мешок и подняла.

— Ну и что? — спросила она. — Коромысло как коромысло.

— Эх ты, женщина! Ничего ты не понимаешь. Ведь оно волшебное! — крикнул богач. — Слепая ты, что ли?

Зацепил богач коромыслом большой, тяжелый мешок, хотел поднять, а силенок-то и не хватило. Стало коромысло обыкновенным.

ЛАНЬФУ НАШЕЛ ЗОЛОТО

(Сказка народности шэ)

Пришлось как-то мяснику Ланьфу оказаться в горах в ночь под пятнадцатое августа. Забросив небольшую корзинку за спину, спешил он на другую сторону горы, чтобы заколоть свинью. Только что пробили четвертую стражу¹. На западе ярко светила луна.

¹ Четвертая стража — время с часа до трех часов ночи.

Едва дошел Ланьфу до горы, как заметил вблизи тропинки что-то блестящее. Нагнулся он и видит — на земле лежат слитки золота!

— Вот это да! — воскликнул он. — Чье же это?

Вдруг около слитков появилась серебристая старушка. Она поглядела на луну и вежливо сказала Ланьфу:

— Мясник, сегодня пятнадцатое августа. В эту ночь мы, горные духи, сушим под луной свое золото. Тебе удалось увидеть это, значит — тебе повезло. Прими от меня подарок.

Она подняла с земли три блестящих слитка и отдала Ланьфу. Он поблагодарил Горную Бабушку, положил тяжелые слитки в корзинку и весело пошел дальше. Но не прошел и десяти шагов, захотелось ему оглянуться. Снова увидел он золото, лежащее на земле. Желтое! Блестящее! «Почему бы не попросить еще?» — подумал он. Вернулся к Горной Бабушке и молящим голосом сказал:

— Бабушка, у меня в семье много едоков, тяжело жить! Дай мне еще несколько слитков!

Горная Бабушка подняла с земли три слитка и сказала:

— Вот тебе еще три! Возьми! Не будешь ленишься да транжирить — хватит твоей семье на всю жизнь.

Ланьфу бережно положил золото в корзинку, поблагодарил Горную Бабушку и весело пошел дальше.

Добрался Ланьфу до вершины горы, оглянулся и посмотрел вниз — а горный склон весь сверкает. Золото! Ой-ой-ой! Золото! Блеск его слепил глаза. Долго стоял Ланьфу, открыв рот и тараща глаза на золото, потом заглянул в корзинку, поморщился и сказал:

— Фу! Шесть маленьких слитков! А там его столько валяется на дороге! Почему бы не набрать мне полную корзинку?..

Ланьфу потуже затянул пояс и побежал назад к середине склона. Торопливо, но украдкой, чтобы не заметила Горная Бабушка, начал он совать золото в корзинку. Когда она наполнилась, Ланьфу

взвалил ее на спину, спустился с горы и поспешил домой. От тяжести пот с его лица стекал ручьями. Подошел Ланьфу к каменному мостику через речку и сел отдохнуть.

— Эх! Вот посчастливилось мне раз в жизни найти столько золота, а взял так мало, — бормотал себе под нос Ланьфу. — Надо торопиться домой, захвачу большие корзины и коромысло... Ха-ха! Тогда... построю высокий дом, буду ходить в шелках, вкусно есть, сладко пить! Найму работников, слуг! Куплю землю! И стану ростовщиком... Ха-ха! На всю жизнь хватит... Да ну ее, эту корзинку! Только мешает. В двух больших корзинах поместится раз в десять больше. Когда разбогатею, эта корзинка мне все равно не понадобится. А ну, лети к царю-дракону!.. — И он толкнул корзинку с моста.

Взглянул Ланьфу еще раз на сверкающий склон горы и побежал домой. Разыскал две большие корзины, коромысло и бросился назад. Но на полдороге вспомнил.

— Эх, я дурак! Что ж я не позвал жену? Больше бы набрали. Золото никогда не бывает лишним!

Он помчался домой, разбудил жену, они захватили еще две большие корзины и побежали к горе. На каменном мостике через речку жена Ланьфу начала ворчать:

— Эх ты, дурень, дурень! Что ж ты не позвал отца и мать!.. Ведь тоже могли бы хоть немного, да принести... Было бы золото, а потратить сумеем!

— Тогда вернемся за ними.

Ланьфу и его жена, запыхавшись, прибежали домой и принялись будить всех домочадцев: отца с матерью, сына с дочерью, свинью и желтого пса, козленка и петушка. И вся семья — кто с корзиной, кто с лукошком, кто с мешком, кто с сумкой — побежала к горе. Изю всех сил бежали они, но, когда добрались до горы, начало светать.

Ай-ай-ай! Круглая луна закатилась за горы на западе. Ай-ай-ай! Золотые слитки внезапно исчезли! Ай-ай-ай! С востока поднялся красный шар солнца. Зашумел на горе высокий желтый тростник. От

ветра по нему прокатывались волны, переливались под солнечными лучами золотым блеском.

Все домочадцы Ланьфу глядели на гору, за которую спряталась луна, на красное солнце, друг на друга. Все смотрели на Ланьфу, а он стоял, вытаращив глаза, разинув рот и опустив руки. Отец шевельнул усами и упрекнул:

— Гм! Вы бы сначала вдвоем принесли хоть четыре корзины золота!

— Ох! — вздохнул Ланьфу.

Мать тоже была сердита:

— Гм! Ты хоть бы один сначала принес две корзины!

— Ох, ох! — печально вздохнул Ланьфу.

Прикусив губу, жена прошипела:

— Эх, ты! И надо было меня будить? Принес бы ты хоть ту корзинку с золотом!

— Ох-ох-ох! — вздыхал Ланьфу и чесал затылок.

Сынок Ланьфу соорудил гримасу, высунул язык и пропищал:

— Эх, ты! Хоть те шесть слитков принес бы, которые она дала тебе!

— Ох-ох-ох-ох! — опустив голову, глубоко вздыхал Ланьфу.

А дочь, скривив рот, съязвила:

— Эх, ты! Дала тебе старушка три слитка, вот их и надо было принести!

— Ох-ох-ох-ох-ох! — Ланьфу бил себя по голове, топал ногами, стонал.

Высоко поднялось солнце, когда семья Ланьфу пошла домой. На каменном мостике желтый пес покачал головой и упрекнул:

— Эх, ты! Хоть бы корзинку не выбрасывал. Она тебе еще ох как понадобится! Эх, ты!..

Семья Ланьфу стояла на мостике. Все смотрели на воду и тяжело вздыхали. А у Ланьфу по щекам текли слезы.

Так ему и надо!

ПОХЛЕБКА ЛАБАЧЖОУ

Жили-были старик со старухой. Круглый год они работали с утра до ночи. С первыми петухами старик отправлялся в поле, а старуха разводила огонь, чтобы приготовить пищу. К завтраку старуха успевала настряпать, убраться в доме, подмести во дворе. Каждый год они наполняли закрома спелым зерном. Ели хорошо и одевались неплохо, жили припеваючи. Соседи хвалили их и учились у них жить.

И был у старика со старухой сын. Отец хотел, чтобы сын научился обрабатывать землю, звал его в поле, но тот не шел. Мать хотела, чтобы сын научился управляться с хозяйством, но он не слушал ее. Жил на всем готовом, только и знал, что играть да веселиться. «Он еще молод, подрастет — остепенится», — думали родители. Но когда сын вырос, то стал настоящим лентяем. Слова родителей пролетали мимо его ушей. Когда же соседи совестили его за лень, он делал вид, что ничего не слышит. «Отец с матерью работают! Зачем же мне еще трудиться? — думал он. — Спасибо судьбе за хороших родителей!» А родители старели.

Заболел отец, лечили его, да не вылечили. Перед смертью позвал он к себе сына.

— Запомни, сынок: кто работает без устали, у того закрома всегда полны. Будешь жить, как прежде, — рано или поздно попадешь в беду.

После смерти отца сын-лентяй стал хозяином в доме и продолжал он жить так же, как и раньше: целыми днями гулял, сладко пил да вкусно ел. Ведь отец оставил ему дом, землю, полные закрома зерна. Потом он женился, жена была под стать ему, — соседи называли их обоих бездельниками. Старуха с горя заболела и, почувствовав, что умирает, позвала к себе невестку.

— Доченька, запомни: кто раньше всех встает по утрам, у того раньше и хлеба колоситься начинают. Будешь такой, как муж, — рано или поздно попадешь в беду.

После смерти матери стали жить молодые супруги еще беспутней. Вставали, когда солнце было уже

высоко над головой. Поля их заросли сорняками, а они и не думали полоть. Зная себе веселились. Опустели закрома, но супруги не печалились, продали землю.

Наступила студеная зима. Завыл ветер. Снег белым покрывалом покрыл землю. Птицы от холода попрятались в гнезда. Крыша над ленивыми супругами прохудилась. Из щелей дуло.

Пришел лаюэ — последний месяц года, самое холодное время. Супруги-бездельники, прижавшись друг к другу, сидели в углу, от голода из глаз у них текли слезы. Пошли они в свой амбар, постучали по стенкам, подмели углы и наскребли горсточку зерен. Сварили жиденькую похлебку — лабачжоу. Согревшись, вспомнили они наказания отца и матери. Но было поздно. Похlebка не спасла — умерли они от холода и голода.

ДЫНИ СОЛНЕЧНОЙ ГОРЫ

Жил в деревне Фуну помещик, по прозвищу Чжан-миллионер. Сто батраков работало на него. Среди них были два брата. Они пасли отары овец

помещика на берегах реки Яньлэйхэ. Однажды с южной горы спустился волк и утащил ягненка. Но Чжан-миллионер не поверил братьям — решил, что они съели ягненка. И велел Чжан-миллионер наказать их: раздели их догола, избили плетью до крови и выгнали из дому.

Сели братья на берегу реки Яньлэйхэ и зарыдали, так сильно рыдали, что вода чуть не вышла из берегов. А с верховьев плыла лодочка. На ее носу сидел седобородый старец. Причалил он к берегу и стал расспрашивать:

— Почему вы так горько плачете?

Братья рассказали ему о своей беде. Вдохнул старик и молвил:

— Не надо грустить. Идите по этой реке на юг! Не бойтесь ни голода, ни холода, ни солнцепека, ни проливного дождя. На сорок девятый день увидите Солнечную гору. На той горе живет Солнечный старец, он самый справедливый человек на свете. Четыреста девяносто семь лет назад он посадил на Солнечной горе куст солнечной дыни. На пятисотый год созреют на кусте плоды. Тогда-то и высохнут слезы в реке Яньлэйхэ¹, ни один бедняк не будет больше голодать. А те, кто ухаживает сейчас за этим кустом, и вовсе будут жить хорошо. Ни в чем у них не будет недостатка. Если у вас сильная воля, если вы хотите счастья беднякам, скорее идите туда! Только запомните — ухаживать за кустом солнечной дыни нелегко. Надо ежедневно сорок девять раз обойти вокруг Солнечной горы, принести воду из реки Яньлэйхэ и полить тот куст. В каждое ведро воды нужно капнуть каплю крови из среднего пальца.

Старик отчалил от берега и исчез в низовьях. Братья послушались его, и на сорок девятый день подошли к Солнечной горе. На ней цвели самые красивые в Поднебесной цветы, росли самые прекрасные деревья. Солнечный старец сидел на камне и снимал червей с листьев дынного куста. Он повернулся к братьям, улыбнулся им и сказал:

¹ Яньлэйхэ — Река слез (кит.).

— Вот и хорошо, что пришли! Устали, наверное, от дальней дороги? Ну что ж — передохните, перекусите, а потом погуляйте по горе да поглядите, как здесь работают!

На Солнечной горе люди трудились, как муравьи. Старший брат прежде всего подсчитал: на кусте растут ровно сорок девять дынь, а работало около куста сорок семь человек. «Значит, вместе со мной и братом каждому достанется по дыне», — подумал он. А младший брат следовал за усатым человеком и наблюдал, как тот обошел вокруг горы, как принес воду, как прокусил средний палец и смахнул каплю крови в ведро. Он спросил усатого:

— Дядя, сколько лет ты проработал на Солнечной горе?

— Около тридцати лет, — ответил усатый.

Младший брат подумал: «Дыни скоро поспеют. Другие трудились много лет, а я проработаю всего три года и тоже получу дыню! Ну что ж! Надо заслужить эту дыню хорошей работой». Он тут же взял на плечо коромысло с ведрами и пошел за водой. Работал он за двоих. Другие принесут воду по разу, а он уже сбегает два раза; другие сделают шаг, а он — два; другие капнут каплю крови, а он — две.

Впрочем, на Солнечной горе все трудились добросовестно. Только старший брат успевал за день всего лишь раз сходить за водой. Когда на него смотрели, он торопливо шагал, а когда поблизости никого не было, он еле брел. Нашел он на дороге кусочек красной глины, помочил его в воде и помазал средний палец. То и дело он подбегал к кусту, вдыхал аромат созревающих дынь или ошупывал их. Себе он выбрал самую большую дыню. Часто он подбегал к старцу и хвастался:

— Солнечный дедушка, я тружусь изо всех сил! Сколько крови из пальца выдавил! Когда созреют дыни, отдайте, пожалуйста, мне вот эту, — и он показал на самую большую.

Солнечный старец отвечал:

— Сейчас время работать, сынок. Иди трудись! Кто прольет пот и кровь, тот и получит прекрасный плод.

Наступил пятисотый год. День созревания солнечных дынь выпал на седьмое июля. В этот день все сорок девять человек, работавших на горе, встали вокруг дынного куста, а Солнечный старец сел на камень и не торопясь заговорил:

— Дети мои, ровно в полдень созреют солнечные дыни. Эти сорок девять дынь вырастили вы кровью и потом. Сегодня вы получите их. Дети мои, пусть не беспокоит вас, какую из солнечных дынь выбрать. Каждая дыня сама найдет своего хозяина.

Наступил полдень. Старец тряхнул куст и сказал:

— Дыни, идите к своим хозяевам!

Дыни вдруг засверкали и покатались в разные стороны. Широко раскрыв глаза, старший брат следил за ними: самая большая покатилась прямо к младшему брату. А перед ним очутилась еще зеленая, маленькая.

Дыни были поистине удивительные. Они давали то, чего хотел хозяин. Все оделись в новые одежды, все получили вкусную еду. Только старшему брату досталась плохая дыня, она давала рваную одежду и протухшую пищу. Старший брат обиделся и закричал:

— Эй, старик! Все говорят, что ты справедливый, а ты — обманщик! Я три года работал, а ты мне дал вместо дыни какого-то уродца!

Солнечный старец выдернул дынный куст, встряхнул его, и все листья на нем превратились в бумагу. Бумажные листья зашуршали и сложились книгой. Старец перевернул страницу за страницей, дошел до сорок восьмой, прочитал ее и засмеялся:

— Посмотри, сынок! Тут все ясно отмечено. Ты поливал дыню водой, подкрашенной красной глиной, ты ходил к реке слишком медленно, ты только любовался дынями, а не работал.

Старший брат понял: не обмануть ему старца. Он опустил голову и стал через силу есть гнилые овощи.

КАШТАН

Жили два брата. Когда отец у них умер, старший брат сказал младшему:

— Дерево вырастает — дает плоды, человек становится взрослым — заводит свой дом. Тебе уже не два года, давай разделим имущество, заведем каждый свое хозяйство.

И вот братья разделились: старший взял себе землю, все ценные вещи, а младшему дал только мотыгу да корзину гороха. Взял младший брат мотыгу, взвалил на плечи корзину и пошел в горы. Нашел у ручейка большое дерево и построил под ним хижину. Каждое утро, когда на небе еще мерцали звезды, а куры спали на насесте, младший брат брал отцовскую мотыгу и шел работать на склон горы.

Трудился он так, что на руках появились мозоли, а рубашка не просыхала от пота. Устанет — сядет под деревом, захочет пить — напьется из ручья, проголодается — сварит горох. Наконец он расчистил никем не паханный участок и посадил горох. Целые дни пропадал он на своем поле: поливал его, вылавливал червячков, отгонял птиц. И вот, когда прошли дожди, запестрели на поле маленькие цветочки: красные, белые, фиолетовые, желтые. Потом появились стручки и каждый был похож на маленькую луну на ущербе.

Наступило жаркое лето, горох созрел, стручки открылись, и на землю выпали маленькие горошины. Стал собирать младший брат горошины и удивился: горошины-то блестят. Рассмотрел внимательно, а они все серебряные. Принес домой младший брат целую корзину серебряных горошин. Решил он измерить, сколько же гороха собрал, пошел к старшему брату за мерой. А старшему брату хотелось узнать, что будет мерять младший, вот он и помазал меру маслом. Измерил младший свой урожай, вернул брату меру, а на стенке-то ее прилипли две серебряные горошины.

На следующий день пришел старший брат к младшему и сказал:

— А ведь ты засеял мое поле. Когда ты еще не родился, отец отдал его мне. Придется тебе вернуть мне это поле.

Не стал возражать младший брат, уступил поле старшему. А сам, захватив мотыгу, пошел в горы собирать лекарственные травы. Прошел он дремучий лес, переплыл реку, карабкался по крутым скалам, три дня ходил и ни одного лекарственного корешка не нашел. Посидел он, подумал и все же решил не возвращаться домой, а продолжать поиски.

На другой день набрел он на большое дерево. Столетний каштан стоял совсем голый, листья с него опали, кора потрескалась, ветки высохли. Вблизи этого дерева построил младший брат под скалистым утесом хижину. Замазал глиной трещины на коре каштана, начал ежедневно носить издалека воду и поливать землю у корней засохшего дерева. И труды его не пропали даром. Каштан зазеленел, зашумели листья в его кроне, появились на нем цветы, а затем и плоды. Когда плоды каштана созрели и упали на землю, младший брат удивился: они оказались золотыми.

А старший брат кое-как засеял горохом отобранное у младшего поле, с утра до вечера сидел под деревом и прохлаждался. Побегги гороха высохли, листочки на них пожелтели: ведь лентяй даже ни разу не полил горох. Не получил старший брат с поля ни одной горошины. Узнал младший брат о несчастье, постигшем старшего, и дал ему несколько каштанов.

— Везучий ты! — позавидовал старший брат младшему. — А мне вот нет счастья. Когда ты посадил свой каштан?

Младший брат рассказал, как дело было. Старший брат и тут решил поживиться:

— Так ведь этот каштан посадил я! Где ты говоришь?.. Правильно, около большого утеса. Толстый?.. Да, да. Высокий?.. Верно. Я посадил его, когда ты был еще совсем маленьким и не умел говорить. А поле на склоне горы я дарю тебе, пусть не думают люди, что я тебя обижаю, не забочусь о тебе. Ведь я для тебя как отец...

Ничего не сказал младший брат, уступил каштан старшему, а сам взял мотыгу, вернулся на свое поле и посадил горох. Снова созрел горох, снова на землю посыпались серебряные горошины. И зажил младший брат хорошо.

А старший брат приготовил несколько больших мешков и целыми днями сидел под каштаном, попивая в холодке вино: он готовился собирать золотые каштаны.

Зацвел каштан, созрели его плоды, согрело их солнце и начали они падать на старшего брата, сидевшего под деревом. Но это были не золотые каштаны, а каменные. Они больно ударяли старшего брата по голове, спине и плечам. Разозлился старший брат, схватил топор и давай рубить каштан. Ударил раз — и нос его превратился в клюв ворона, ударил второй раз — вместо рук выросли крылья, ударил третий раз — превратился старший брат в черного ворона. И теперь этот ворон летает днем и ночью и каркает: «Карр, карр, карр».

СТАРЫЙ ВАН

Жил со своей старухой в горном селе старик Ван. Детей у них не было. Ходил старый Ван в горы, рубил дрова и продавал их в городе, тем они вдвоем и жили. Холодный ветер насквозь продувал их ветхую лачугу. Старики мерзли. Как-то раз старушка сказала:

— Давай построим теплый дом!

— Давай! — согласился старик.

И решил он каждый день рубить дров побольше, а в городе тратить на еду поменьше. Так, думал он, накопятся деньги на постройку дома. Но в лесу его одолевала лень. Рубил он только тонкие деревца.

— Зачем тратить силы, да и топор можно испортить, придется покупать новый.

Рубил старик на склонах поблизости от города и в горы не удалялся.

— Зачем зря силы тратить? К тому же в горах можно сорваться и разбиться. Какой в этом прок!

Нарубит он две маленькие вязанки и успокаивает себя:

— Хватит! Сегодня мало нарубил, но зато на базаре съем только одну лепешку. Вот и выйдет так на так.

Но на базаре как увидит он румяные, душистые лепешки, так сразу и купит пару. Съест две лепешки и еще покупает. А потом говорит себе:

— Эх, давай наемся досыта! Наемся до отвала — больше дров нарублю. Вот и будет ладно.

Так Ван и остался со своей старухой в ветхой лачуге.

ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА

У Цзянь Цю-ло умерла мать. Потом появилась мачеха, а у той родилась дочь — Ма Фын-ци. Свою родную дочь мачеха берегла и любила, не позволяла ей ничего делать и всю работу по хозяйству поручала Цзянь Цю-ло. Ма Фын-ци пользовалась этим и часто обижала сироту. Цзянь Цю-ло чувствовала себя очень одинокой. Ей приходилось молча сносить обиды и работать с утра до ночи, а вместо еды ей доставалась брань. Каждый день еще затемно Цзянь Цю-ло гнала свиней на пастбище в горы и не смела возвращаться домой, пока свиньи не насытятся.

Однажды вместе со стадом она зашла далеко и оказалась в ущелье Дуншань. Цзянь Цю-ло и не пошла бы в это безлюдное глухое место, но там была такая сочная трава! О, сколько там огромных причудливых камней и скал, сколько высоких густых деревьев! А порою слышалось рычание диких зверей.

Цзянь Цю-ло робко присела возле старого кедра. Вдруг она услышала чей-то голос:

— Здравствуй, Цзянь Цю-ло!

Девочка оглянулась по сторонам — никого нет. «Наверное, послышалось. Откуда здесь быть людям!» — подумала она и перестала прислушиваться.

— Здравствуй, Цзянь Цю-ло! — снова позвал кто-то.

Девочка опять посмотрела вокруг и снова никого не увидела. «Может быть, ведьма какая-нибудь окликает меня?» — испугалась девочка. Она поднялась с земли и приготовилась гнать стадо из ущелья.

— Здравствуй, Цзянь Цю-ло! — услышала она в третий раз.

— Эй, кто ты? — рассердилась сиротка и топнула ногой.

— Ай-ай! Ты ударила меня по ноге!

Цзянь Цю-ло нагнулась: откуда взяться здесь человеческим ногам? По земле тянулись лишь корни старого кедра!

— Так это ты со мной разговаривал, уважаемый кедр? — изумилась Цзянь Цю-ло.

— Да, это я говорю, — старый кедр покачал своими густыми, могучими ветвями.

— Что же тебе от меня нужно?

— Я хочу попросить тебя, — ответил кедр, — сбей с моей макушки пчелиное гнездо, уж очень мне эти пчелы надоели! Они и сами понимают, что им не место здесь, и все же слепили гнездо у меня на макушке. Из-за их гудения и жужжания я не высыпаюсь!

— Хорошо, — согласилась Цзянь Цю-ло и длинным бамбуковым шестом начала сбивать гнездо, приговаривая:

— Уважайте дедушку кедра. Ему уже много-много лет. От вашего гудения он устает. Лепите гнездо в другом месте!

Вместе с пчелиной маткой улетел прочь весь жужжащий рой.

— За это я тебе щедро отплачу! — ласково сказал кедр. — Что тебе хочется?

— Мне ничего не нужно. Если меня не будут бить и ругать, я и этим буду довольна.

— Это дело нетрудное! Построй сама для себя дом, и никто тебя не посмеет обидеть!

— У меня даже медной монетки нет. Как же построить дом?

— Построить дом нетрудно! Нужно достать волшебную лампу, и у тебя будет все, что ни пожелаешь.

— Где же взять эту лампу?

— Волшебная лампа лежит под горой Эмэйшань. Ступай туда. Как увидишь каменного человека — сверни налево, а увидишь каменную лошадь — поверни направо. Поднимись на утес Шэ-шэньян. Под ним увидишь свет. Но ты сразу не спускайся, а сначала поищи медный столб. Под ним спрятан ключ. Этим ключом ты откроешь ворота, запирающие реку, и вплавь доберешься до отвесной скалы. Золото и серебро под скалой не трогай, возьми только лист красного дерева и возвращайся обратно.

— А что мне делать с листом красного дерева?

— Это и есть волшебная лампа! Когда тебе что-нибудь понадобится, возьми лист и слегка подуй на него — он превратится в красивую лампу. Ты скажешь ей свое желание — и оно немедленно исполнится.

Цзянь Цю-ло все сделала так, как велел старый кедр: поднялась на гору Эмэйшань, на высоком утесе нашла медный столб, откопала ключ, открыла ворота, переплыла реку и добралась до отвесной скалы. Вдруг ей в глаза ударили яркие ослепительные лучи, переливавшиеся всеми цветами радуги. Это сверкали жемчуга и драгоценные камни, золото и серебро! Но Цзянь Цю-ло взяла только листочек красного дерева. Девочка подула на лист, и он превратился в удивительную лампу. При ее свете все драгоценные камни, золото и серебро сразу поблекли и превратились в груды человеческих костей. Девочка подняла лампу и сказала:

— О волшебная лампа, поскорей отправь меня обратно!

Не успела она это сказать, как уже оказалась дома. И вот у Цзянь Цю-ло появился свой дом, никто больше не ругал и не бил ее.

Мачеха и ее дочка зубами скрипели от злости — счастье Цзянь Цю-ло их бесило. Они разузнали, как старый кедр научил сироту добыть волшебную лампу, и захотелось им получить такую же. В полночь мачеха пошла в ущелье Дуншань и повесила доску, обмазанную медом, на старый кедр.

На другой день прилетели к кедру тучи пчел и принялись устраивать гнездо. А через день Ма Фын-ци пригнала свиней в ущелье и села под кедром. Скоро услышала она голос кедра:

— Здравствуй, Ма Фын-ци!

Ма Фын-ци поспешно вскочила на ноги.

— Это ты меня звал? Тебе, наверное, надоели пчелы? Но я тебе помогу, я разорю их гнездо!

Длинным шестом она стала бить направо и налево. Пчелы зажужжали, загудели, окружили обидчицу и начали жалить ее. Ма Фын-ци корчилась от боли и каталась по земле.

— Вижу, ты мне помогла! — расхохотался старый кедр. — Как же мне отблагодарить тебя?

— Мне нужна волшебная лампа! — крикнула Ма Фын-ци, потирая ужаленные места. — Дай мне волшебную лампу!

Старый кедр рассказал и ей, как достать эту лампу.

На другое утро мачеха и ее дочь отправились в путь. С собою взяли они большую корзину: ведь кедр сказал, что там будет не только листок красного дерева, но и золото. Они добрались до горы Эмэйшань, нашли ключ под медным столбом и переплыли реку. При виде жемчуга, драгоценных камней, золота и серебра глаза у них загорелись и руки затряслись от жадности. Они наполнили золотом корзину до краев, а поверх положили лист красного дерева. И вдруг золото в корзине превратилось в чертей. Они набросились на мачеху и Ма Фын-ци и загрызли их.

ДЕРЕВО ХУАНЦЗЮЭШУ

Жили три названных брата: Хуан, Цзун и Цзюань. Не было у них ни дома, ни земли. Спали они в разрушенной кумирне неподалеку от деревни, а на жизнь зарабатывали поденщиной. Старший брат — Хуан что ни зарабатывал, тратил на еду для всех троих. А средний — Цзун и младший — Цзюань старались утаить часть заработка — мечтали купить себе землю, быка и жениться. Когда они накопили денег достаточно для аренды участка земли, оба ушли от старшего брата.

И вдруг случилась засуха. Земля потрескалась, посевы погибли, никто не собрал урожая. Люди питались дикими травами и древесной корой, старики и дети умирали от голода. Население покидало голодные места.

Цзун и Цзюань пришли к старшему брату посоветоваться, как быть? Хуан сказал;

— Неужели оставаться в родном краю и ждать, когда умрешь от голода? Лучше уйти.

Хорошо еще, что все трое были холостяками — не нужно заботиться ни о женах, ни о детях. Пошли братья на север, а там — наводнение, повернули на юг, — а там все сожрала саранча. Проходили они деревню за деревней, и везде голод, везде — горе и плач. Цзун и Цзюань начали ворчать: напрасно, мол, они ушли из родного края. Однажды на привале сказал им Хуан:

— Слышал я, что в Сычуани прекрасные места. Там и не холодно, и не жарко, земля плодородная, и любые злаки растут. Не пойти ли нам, братья, в Сычуань?

Цзун и Цзюань обрадовались.

— А далеко ли туда идти? — в один голос спросили они.

Хуан посчитал на пальцах, подумал и сказал:

— Сычуань отсюда очень далеко. Надо пройти по горной дороге несколько тысяч ли, переправиться через несколько десятков рек.

— Ну что ж, — сказал Цзун. — Нам путь не страшен.

— Не умирать же здесь! — подтвердил Цзюань.

— Дальний путь — не забава, — сказал Хуан. — Решиться идти — этого еще мало. Если будем поровну делить и радость и горе, тогда все будет хорошо. Недаром пословица говорит: «Когда три сердца едины, и лёс превращается в золото».

— Не беспокойся, Хуан — ответил Цзун. — Ведь мы же братья. И радость и беду будем делить поровну.

— Неужели кто-нибудь из нас может покинуть братьев в беде? — воскликнул Цзюань.

Старший брат обрадовался такому единодушию, и они отправились в Сычуань. Перевалили десятки тысяч горных хребтов, переправились через малые и большие реки и только через три месяца достигли Сычуани. Там, хотя и была зима, всюду зеленели всходы пшеницы и гороха, а бобы уже цвели.

— Какой замечательный край! — радовался Цзун.

— Не напрасно сюда пришли, — вторил ему Цзюань.

Пошли они в глубь провинции. Цзун и Цзюань жадно смотрели по сторонам. Каждому из них хотелось найти большой участок с жирной землей и завладеть им. Подошли они к подножию скалы и сели передохнуть. «Если так все идти и идти, — подумал Цзюань, — ни к чему не придешь. Так и вся жизнь пройдет в поисках».

А Цзун сказал:

— Мне кажется, нам нужно разделиться. Каждый будет искать отдельно. Так легче найти хороший участок.

— Правильно! — поддержал его Цзюань. — Порознь мы увидим втрое больше, чем вместе.

Хуан покачал головой. Он был не согласен, но переспорить братьев не мог.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Пойдем в разные стороны. Каждый будет искать хороший участок. Но ровно через год мы все трое соберемся вот у этого камня. Только чур не обманывать. Кто придет сюда раньше, должен ждать остальных.

Цзун и Цзюань согласились, они были довольны, что добились своего. И только у Хуана текли по щекам слезы.

Хуан пошел на север. Через месяц он нашел горную долину с плодородной землей. В долине было несколько небольших озер, и всю ее пересекали ручейки. А на горах, окружавших долину, росли большие деревья и зеленели бамбуковые рощи. «Лучшего места и не найти! — подумал Хуан. — Земля жирная, орошать ее легко. Есть дрова на горных склонах и рыба в озерах». И сразу приступил Хуан к работе: вскопал землю, засеял, провел оросительные канавки, прополот поле. И каждый день мечтал, что вот через год приведет он сюда братьев, и станут все они трое жить хорошо и дружно.

Цзун пошел на юг. Трудно было выбрать ему поле: все места ему нравились — один участок лучше другого. Наконец через месяц он выбрал участок на склоне горы. Земли много, почва плодородная, внизу — долина, по долине течет большая река, а

на ее берегах густо растет камыш. «Лучшего места и не найдешь, — подумал Цзун, — здесь ни засуха не страшна, ни наводнение».

Цзюань пошел на запад. Он тоже искал целый месяц, и все ему не нравилось: и там плохо и здесь не хорошо. Наконец он набрел на холмистый участок. Земли много, почва плодородная, поля расположены террасами. Он решил, что лучшего места не найдет, и остался здесь.

Приближался день встречи трех братьев. Цзун размышлял: «С таким трудом я выбрал этот участок! Если привести сюда братьев, надо уступить им большую часть земли. А вель я когда-нибудь женюсь. Появятся у меня дети. Хватит ли тогда земли? Нет, я не пойду. А им меня не найти, я далеко забрался».

Цзюань тоже решил не идти на встречу у камня: «Участки, которые они нашли, вряд ли лучше моего. А приведу их сюда, надо отдать две трети земли. Нет, не пойду!»

Хуан пришел к камню в назначенный срок. Прождал целый день — никто не пришел. «Возможно, путь у них далекий, — подумал он, — все еще идут. Завтра обязательно придут». И он заночевал у камня. На второй день опять никто не пришел. Не пришли братья и на третий день. Хуан забеспокоился: «Быть может, они заболели в дороге?» Прошло много дней, а братья все не шли. И каждый день Хуан говорил себе: «Если я уйду, а они придут, то обидятся на меня. Подожду еще день. Должны же они в конце концов прийти!» Чтобы утолить голод, Хуан стал собирать дикие травы, не удаляясь далеко от камня. Потом он построил на скале, у подножья которой лежал камень, камышовую фанзу и продолжал ждать братьев.

Так он и ждал до конца своей жизни. А после его смерти выросло на скале большое дерево — хуанцзюэшу¹. Хуан превратился в это дерево и даже после смерти продолжает держать свое слово, данное братьям: он ждет, когда они придут.

¹ Хуанцзюэшу — дерево Хуана (кит.).

ДВА ДРУГА

Отправились однажды два друга торговать в страну И*. Один из них был честный, другой — с черной совестью. Честный друг погнал восемь сильных, хорошо откормленных мулов, а коварный — только двух тощих и изнуренных. Приглянулись коварному хорошие мулы друга, и он стал искать удобного случая, как бы присвоить их.

Шли они днем и ночью, торопились поскорее дойти до места. Но вот путь преградила им река. Они отыскивали мост и погнали через него мулов.

— Друг! — окликнул честного коварный. — Видал ты когда-нибудь двухглавую рыбу?

— Нет!

Взглянул коварный через перила и закричал:

— Смотри, смотри! Двухглавая рыба подплыла! Смотри же скорее! Нырнула... опять выплыла!

Перегнулся честный через перила, чтобы посмотреть на диковинку, а коварный схватил его за ноги и сбросил в реку. Теперь коварный погнал в страну И восемь мулов друга и двух своих.

А честный умел плавать. Течение его понесло, но все же к ночи он выбрался из реки. И пошел в темноте, куда ноги повели. Брел, брел и дошел наконец до Храма горного духа.

— Горный дух, — обратился он к изваянию в храме. — На мосту со мной случилась беда. Моих мулов угнал коварный человек. Теперь у меня нет ни гроша, я голоден. Мне негде переночевать. Как быть?

И вдруг изваяние горного духа ответило ему:

— Лезь на дерево и жди полуночи. В полночь слушай внимательно. Что услышишь, запомни.

Залез честный на большое дерево, что стояло перед храмом, и стал прислушиваться. Вдруг подул сильный ветер, и словно что-то с неба упало. Перед храмом появился шакал.

— Ты откуда, шакал? — заговорил из храма горный дух.

— Я со склона горы, что напротив храма, — ответил шакал.

— Есть там что-нибудь удивительное?

— Есть, конечно, есть! Живут там мать с дочкой. Живут в нужде и не ведают, что во дворе у них под гранатовым деревом запрятаны чан с золотом и чан с серебром.

— Хорошо бы подсказать им это, — сказал горный дух.

— Ведь я — шакал и в человека превращаться не умею, а то обернулся бы юношей, да и пошел бы

к ним в зятя. Говорят, что мать подыскивает мужа для своей дочери.

— Не болтай попусту. Как бы кто не подслушал нас. Ложись-ка спать.

Шакал свернулся в клубок и захрапел.

Зашуршали ветки, и вышел к храму из кустов тигр. Горный дух спросил:

— Ты откуда, тигр?

— Был я на большой горе, что на западе!

— Что удивительного на горе?

— Есть и удивительное. Над обрывом той горы лежит огромный удав, а во рту у него светящаяся жемчужина!

— Да, это редкая драгоценность, только как возьмешь ее у удава?

— Не так уж трудно это сделать. Если бы я мог превратиться в человека, то сломал бы ветку гранатового дерева, что растет на склоне напротив храма. Ведь удав не переносит запаха гранатового дерева. Как только понюхает эту ветку, так и выплюнет жемчужину.

— Ладно, уже поздно, отдыхай.

Тигр лег и сразу захрапел.

Вскоре снова послышался шум, из кустов выбежал леопард.

— Откуда ты, леопард? — спросил из храма горный дух.

— Я побывал в столице, — ответил леопард.

— А есть что-нибудь удивительное в императорском дворце?

— Есть, как не быть! У императрицы заболела грудь. Сколько врачей ни приглашали, сколько лекарств ни наготовили, но до сих пор не вылечили. В столице расклеен императорский указ: «Кто вылечит императрицу, тот станет большим чиновником или получит много денег».

— Жаль императрицу — трудно ее вылечить.

— Ничего трудного в этом нет. Если бы я мог обернуться человеком, то сорвал бы с крыши нашего храма траву линчжи и вылечил бы ею императрицу.

— Ладно, уже поздно. Ложись спать.

Леопард лег и тут же захрапел.

Когда начало рассветать, шакал, тигр и леопард проснулись и разбежались в разные стороны. Честный слез с дерева. Горный дух спросил его:

— Ты все запомнил?

— Все.

— Вот и делай то, о чем они говорили.

Честный вошел в храм и поклонился изваянию горного духа. Потом он взобрался на крышу храма, нарвал травы линчжи, завернул ее в чистый платок, положил в карман и отправился на горный склон напротив храма. Там он встретил старушку, разговорился с ней и рассказал, что ночью упал с моста, еле выбрался на берег и до сих пор плутает в незнакомом месте. Старушка пригласила его в хижину, там он увидел ее дочь, и девушка ему очень понравилась.

Понравился и он девушке. Старушка этому обрадовалась:

— Видно, само небо предназначило вас друг другу!

И честный женился на девушке. Вечером он попросил тещу:

— Я долго был в пути, и ноги у меня очень болят. Хорошо бы их погреть. Вскипятите, пожалуйста, воду.

Старушка вскипятила воду, честный согрел ноги, но продолжал жаловаться на боль:

— В нашей деревне обычно лечат ноги отваром корней гранатового дерева. Нельзя ли где-нибудь у вас достать такие корни?

— А у нас во дворе есть гранатовое дерево!

Вышли они втроем во двор и начали откапывать корни. Наткнулись в земле на два чана, а в чанах сокровища: в одном — серебро, в другом — золото. Очень обрадовались и мать и дочь, а зять притворился, что находка для него неожиданна.

Через несколько дней зять совсем поправился и стал собираться в столицу лечить императрицу. Жена уговаривала его не ходить туда. Да и теще хотелось удержать его дома.

— В столице, — говорили они, — столько лекарей, сколько на буйволе шерстинок. Ты же простой погонщик мулов, никогда не занимался врачеванием. Как же ты вылечишь императрицу? Уж лучше не ходи!

— Не беспокойтесь! Императрицу я обязательно вылечу! Как только она выздоровеет, сразу же вернусь.

Теща советовала ему взять побольше денег:

— Возьми, в дороге пригодятся. Ведь говорится же в пословице: «Дома можно жить и бедняком, а в пути нужно быть богачом».

Но он отказался:

— Никаких денег мне не надо. Возьму только ветку гранатового дерева.

И отправился он на западную гору. Там в пещере над обрывом нашел он огромного удава, помахал перед его головой веткой гранатового дерева, и тут

же изо рта удава выпала светящаяся жемчужина.

Честный взял жемчужину и пошел в столицу.

В столице перед воротами дворца стояла большая толпа: люди оживленно обсуждали указ императора. Честный подошел к воротам и сорвал указ *. Начальник дворцовой стражи закричал на него:

— Откуда взялся ты, оборванец! Как ты смеешь срывать указ? Отруби мне голову, но никогда не поверю, что такой бродяга умеет врачевать!

Честный ответил:

— А ты сначала проверь, а потом и ругайся! Если бы не было у меня чудесного средства, не стал бы я срывать и указ.

Начальник стражи доложил императору. Тот приказал немедленно привести лекаря во дворец. Увидев перед собой деревенского парня, император усомнился:

— А ты на самом деле лекарь? Сможешь вылечить императрицу?

— Смогу!

— Ладно, даю тебе сроку три дня. Если вылечишь императрицу, награжу тебя щедро, а если нет — накажу!

Честный подал императору траву линчжи и сказал:

— Прикажи вымыть эту траву чистой водой, растолочь ее и приложить к больному месту. Через три дня императрица будет здорова.

Действительно, через три дня императрица выздоровела. Император был очень рад, приказал привести к нему лекаря и спросил его:

— Хочешь быть чиновником?

— Я неграмотный, куда мне в чиновники!

Тогда император наградил лекаря золотом, серебром и драгоценностями. Вернулся честный в родную деревню, построил новый дом, перевез в него жену и тещу и счастливо зажил.

Однажды честный услышал, что на улице нищий просит подаяние. Выглянул честный за ворота и узнал в нищем коварного друга, который бросил его в реку. Честному стало жаль его, и он позабыл зло, которое тот ему причинил.

— Друг! — воскликнул он.

Но нищий печально возразил:

— Какой же я тебе друг? Ты ошибся. Разве бывает нищий другом богача?

— Не помнишь ли ты про двуглавую рыбу? — спросил его честный.

Нищий поднял голову, посмотрел на него и задрожал.

— Не бойся, старый друг, — успокоил его честный, — я не буду напоминать тебе о прошлом. Входи в дом, отдохни!

Набравшись смелости, нищий вошел в дом. Просторный, новый дом, красивая жена бывшего друга — все поразило коварного. Ему стало завидно, и он спросил честного, как тот добился удачи. Честный подробно рассказал о том, что случилось с ним в ту памятную ночь, и предложил коварному остаться погостить.

Когда коварный собрался уходить, честный подарил ему лошадь и два вьюка с золотом и серебром. Но коварному этого показалось мало. Он поспешил к Храму горного духа. Ночью, оставив лошадь в ближайшей деревне, он пришел в храм и пожаловался изваянию горного духа на свою печальную судьбу. Горный дух сказал ему:

— Залезай на дерево, слушай и запоминай.

В полночь завыл ветер, с шумом подбежал какой-то зверь и закричал в дверь храма:

— Ой, как я голоден! Господин горный дух, дай мне поесть!

— Не спеши, шакал, потерпи. Там видно будет! — ответил горный дух из храма.

Опять послышался шум, выбежал из кустов тигр и зарычал:

— Целый день я ничего не ел! Господин горный дух, дай мне поесть!

— Не торопись, тигр, потерпи немного. Там видно будет!

Потом подошел к храму бурый медведь и тоже взмолился:

— У меня живот к спине прилип! Господин горный дух, дай мне поесть.

— Ладно! — ответил горный дух. — Перед храмом на дереве висит кусок вонючего мяса, снимите его оттуда, разделите и съешьте.

Медведь залез на дерево, стащил коварного друга на землю. Звери набросились на него и враз кончили с потерявшим совесть человеком.

ОЛИВКОВОЕ ОЗЕРО

Давным-давно меж Оливковыми горами на берегу Оливкового озера жили мать и сын. Мать была уже стара, а сын арендовал у помещика землю и не разгибая спины работал на поле. Жили они бедно — и ели не досыта и одевались не тепло.

Частенько приходили юноше в голову грустные мысли: «Почему волны озера непрерывно плещут, а вода в нем мутна и темна? Почему я работаю круглый год, а жизнь моя трудна и горька?» Кто-то ему сказал, что далеко-далеко на западе живет мудрый Западный старец, который может ответить на любой вопрос. И юноша решил сходить к этому старцу.

Подсчитал он в доме съестные припасы, увидел, что матери на некоторое время хватит, попрощался с нею и пошел на запад искать Западного старца. Шел он сорок восемь дней, на сорок девятый решил передохнуть. Его мучила страшная жажда: язык горел, губы потрескались. Присел он около одного дома и попросил воды. Старушка-хозяйка ввела его в комнату, напоила, накормила и принялась расспрашивать:

— Я вижу, милый юноша, ты давно в дороге. Куда путь держишь? По какому делу?

— Иду я на запад. Хочу спросить у Западного старца, почему волны Оливкового озера непрерывно плещут, а вода мутна и темна, почему я работаю круглый год, а жизнь моя трудна и горька?

Услышав эти слова, женщина обрадовалась:

— О добрый юноша, исполни мою просьбу, спроси у Западного старца и о моем деле. Моей дочери восемнадцать лет, она красива и умна. Но ни разу

в жизни она не сказала ни слова. Спроси у Западного старца, что надо сделать, чтобы она заговорила.

— Хорошо, сделаю, как ты просишь.

Переночевал юноша в доме у старушки и снова пошел на запад.

Шел сорок восемь дней, на сорок девятый остановился отдохнуть у одного дома. Хозяин — старый садовод — пригласил юношу в дом, угостил его и начал расспрашивать:

— О юноша, я вижу, ты очень устал. Давно идешь? Куда путь держишь?

— Иду я на запад. Хочу спросить у Западного старца, почему волны Оливкового озера непрерывно плещут, а вода в озере мутна и темна, почему я работаю круглый год, а жизнь моя трудна и горька?

— Вот хорошо! Спроси и о моем деле! Почему мандариновые деревья в моем саду не приносят плодов? Листва на них сочная, зеленая, но никогда они не цветут, и плодов на них не бывает.

— Хорошо! Выполню твой наказ.

Переночевал юноша в доме старика и снова пошел на запад. В полдень подошел он к огромной реке. По ней гуляли бурные волны, а поблизости не было никакой переправы. Присел юноша на прибрежной скале и стал думать, как быть? Вдруг поднялся ураган, черные тучи затянули небо, волны яростно заревели. И вот в небе вспыхнула яркая радуга. Юноша увидел на поверхности реки Водяного дракона, извивавшегося в дикой пляске.

— Эй, юноша! — протрубил Дракон. — Зачем ты сидишь на прибрежной скале?

— Я жду переправы, — ответил юноша.

— Куда же ты стремишься? Куда путь держишь?

— Иду я на запад. Хочу спросить у Западного старца, почему волны Оливкового озера непрерывно плещут, а вода в озере мутна и темна, почему я работаю круглый год, а жизнь моя трудна и горька?

— Это чудесно! Прошу тебя, спроси у старца и о моем деле! Я не обижаю ни людей, ни животных, но вот уже тысячу лет мокну в реке. Почему не могу я подняться в небо, к облакам?

— Хорошо! Выполню твою просьбу.

Водяной дракон посадил юношу себе на спину и перенес его на другой берег. Снова юноша пошел на запад. Через день он пришел к воротам древнего богатого города. Вошел в город и видит: возвышается в центре города красивый дворец. Подошел юноша к дворцу и спросил у привратника, не здесь ли живет Западный старец. Привратник повел его в великолепный приемный зал. В зале сидел седой как лунь, дряхлый-предряхлый старик. Лицо его озаряла добрая улыбка. «Это он — Западный старец», — подумал юноша и только хотел заговорить, как Старец лукаво усмехнулся и спросил:

— С каким делом пришел ты, юноша?

— Я прошу вас, о старец, ответить мне на четыре вопроса.

— Ладно, спрашивай! — лицо Старца стало суровым. — Но помни: я могу ответить только на три вопроса. Ты приготовил четыре? Так прежде, чем спрашивать, подумай, от какого вопроса ты отказываешься.

Юноша задумался. «Мое дело важное, — рассуждал он про себя. — Но старушке, старику и дракону, возможно, нужнее получить ответ, чем мне. Прежде всего надо думать о других, а потом уже о себе!» Юноша решил отказаться от своего вопроса. Западный старец быстро ответил на вопросы старушки, старика и дракона, и юноша пошел в обратный путь. У берега большой реки его уже поджидал Водяной дракон.

— Исполнил ты мою просьбу? — протрубил он.

— Да, я спрашивал о тебе. Ты поднимешься в небо только после двух добрых дел. Так сказал Западный старец.

— Какие два дела? Говори скорей!

— Первое — переправь теперь меня на тот берег, а там я тебе скажу, что делать дальше.

Дракон посадил юношу к себе на спину и перенес его на другой берег.

— Ну, говори же скорей: что делать, чтобы подняться к облакам?

— Западный старец сказал, что нужно сбить

с твоего лба шарик-светлячок, тогда ты поднимешься в небо.

— Как же мне сбить его?

— А я тебе помогу.

Юноша поднял с берега острый кремень и сбил с драконьего лба шарик-светлячок, и сразу на лбу дракона вырос большой рог. Дракон тут же взвился вверх, покружился над юношей и протрубил:

— Благодарю тебя, о юноша! Возьми себе в подарок мой шарик-светлячок! — и понесся в облака.

К вечеру юноша подошел к дому старого садовода.

— Выполнил ты мою просьбу? — встретил его вопросом старик.

— Да, я спрашивал. Западный старец сказал, что в твоём саду есть высохший пруд, а под его дном закопаны девять корчаг золота и девять корчаг серебра. Эти корчаги преградили путь воде, вот пруд и высох. Золото и серебро надо выкопать, тогда пруд наполнится водой, ею надо полить деревья, и твой сад принесет богатый урожай.

Старик позвал сына, и они тут же побежали в сад. Юноша пошел за ними. Втроем они принялись перекапывать дно пруда. Работали всю ночь, но только к утру наткнулись на большой глубине на корчаги. Как только серебро и золото подняли из ямы, на самом ее дне забил фонтан прозрачной воды, и вскоре она наполнила пруд до краев.

Старый садовод попробовал окропить этой водой мандариновое дерево. И вдруг всегда бесплодная ветка зацвела. Как ни устали они за ночь, все трое схватили ведра и принялись поливать деревья. Вскоре весь сад покрылся белыми душистыми цветами. Старик садовод бурно проявлял свою радость — смеялся, хохотал и пел. Он заставил юношу погостить у него несколько дней, а на прощание подарил ему столько золота и серебра из найденных корчаг, сколько тот мог унести.

На сорок девятый день юноша подошел к дому старушки. Еще издали увидев его, она поспешила ему навстречу.

— Сделал ты для меня, что я просила?

— Да, да, конечно! Западный старец ответил на твой вопрос. Он сказал, что твоя дочь начнет говорить, как только увидит юношу, который ей понравится.

И только он это сказал, как из дома вышла девушка. Увидев гостя, она покраснела, ласково улыбнулась и с трудом произнесла:

— Кто этот человек, мама?

Услышав ее голос, старушка чуть не упала от радости, она обняла дочь, залилась счастливыми слезами и запричитала:

— Дитя мое!.. Ты заговорила... Ты заговорила!.. Это самый счастливый день в моей жизни!..

Потом она обернулась к юноше и ахнула, увидев, с каким восхищением тот смотрит на ее красавицу дочь.

— Сегодня же будет ваша свадьба! — воскликнула она. — Сегодня же!

И юноша и девушка страшно обрадовались. Трудно было бы найти более счастливую пару!

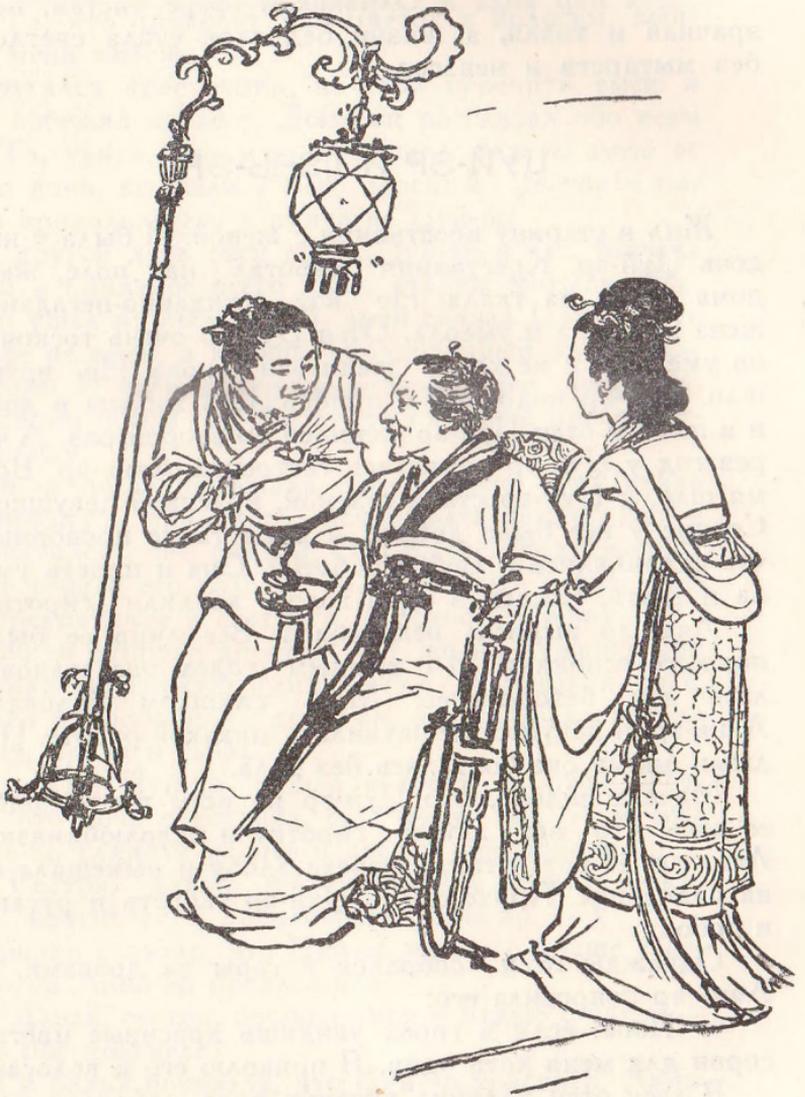
Вскоре юноша отправился с молодой женой и с подарками к себе домой. Но дома его встретило горе. Старушка мать выплакала глаза, поджидая его, и потеряла зрение. Она обрадовалась возвращению сына, но могла только ощупать пальцами лицо невестки. Сын хотел показать ей золото и серебро, которое принес, но мать только слышала звон металла. Сын поднес к лицу матери шарик-светлячок, но и его ослепительные лучи не могли прогнать черной ночи с ее глаз.

Сын пришел в отчаяние.

— Как бы я был счастлив, — воскликнул он, — если бы к ней вернулось зрение!

И вдруг... глаза матери засветились живым светом! Она прозрела. Удивился юноша. Он еще раз взмахнул рукой, в которой был шарик-светлячок, и подумал про себя: «Как было бы хорошо, если бы в деревне не стало богачей — тогда бы никто не обижал бедняков!»

И — о чудо! — не успел он так подумать, как все деревенские богачи сразу умерли.

Понял тогда юноша, что в руках у него не простой шарик-светлячок: он не только светил ночью, но и мог исполнять любые желания.

С тех пор вода в Оливковом озере чистая, прозрачная и тихая, а жизнь бедняков стала светлой, без мытарств и невзгод.

ЦУЙ-ЭР И ЛЯНЬ-ЭР

Жил в старину крестьянин с женой. И была у них дочь Цуй-эр. Крестьянин работал на поле, жена дома пряла да ткала. Но вот неожиданно-негаданно жена заболела и умерла. Отец Цуй-эр очень тосковал по умершей и не хотел жениться снова. Но время шло. Цуй-эр подрастала, прибавилось заботы и дома и в поле, и отец Цуй-эр женился во второй раз. А через год у Цуй-эр появилась сестренка Лянь-эр. Время шло, и Цуй-эр стала статной, красивой девушкой. Сердце у нее было доброе, а руки такие проворные, что справлялись с любой работой. Она и прясть умела и ткать. Соседи в один голос хвалили сиротку.

Лянь-эр выросла некрасивой. Все лицо ее было покрыто оспинами. И с каждым годом она становилась все безобразнее. Мать слишком баловала Лянь-эр, и девушка не научилась никакой работе. Целыми днями она болталась без дела.

Мачеха видела, что Цуй-эр во всем превосходит ее дочь, что все любят сиротку и недолюбливают Лянь-эр. И вот затаила мачеха злобу и вымещала ее на падчерице. Приходилось Цуй-эр терпеть и ругань и побои.

Однажды отец собрался в горы за дровами, и Лянь-эр попросила его:

— Папа, если в горах увидишь красивые цветы, сорви для меня хоть один. Я приколю его к волосам.

В лесу отец нарубил вязанку дров, собрался уже идти домой и вдруг увидел чудесный красный цветок. Он нагнулся, но едва сорвал его, как услышал из зарослей травы голос:

— Та, что приколет мой цветок к волосам, выйдет за меня замуж!

Крестьянин всмотрелся в траву и увидел большого зеленого змея. Змеиная голова зашевелила губами и повторила:

— Та, что приколет мой цветок к волосам, выйдет за меня замуж.

Испугался крестьянин, не стал перечить змею и скорее побежал из лесу. Дома он рассказал обо всем жене. Та, узнав, что муж пообещал отдать змею ее родную дочь, вырвала у него красный цветок и насильно приколотла его к прическе Цуй-эр.

На другой день отец отвез Цуй-эр в лес. Мачеха дала ей в приданое всего лишь старую мотыгу. Когда отец ушел из лесу домой, змей сказал Цуй-эр, что он вовсе не змей, а юноша, околдованный злым волшебником. И если девушка, которая его полюбит, омоет своим потом его голову, то он снова превратится в юношу.

Цуй-эр посочувствовала юноше-змею. Она взяла свою мотыгу и принялась вскапывать землю. Вот и пот покатился с нее градом. Она быстро подбежала к змею и омыла его голову своим потом. Тотчас же змей превратился в статного, красивого юношу.

Зажили супруги хорошо. Тут же на лужайке они построили маленькую фанзу. Муж работал в поле, охотился и промышлял дровами, а Цуй-эр хлопотала по дому, пряла и ткала.

Однажды Цуй-эр зашла в гости к отцу. Тот, узнав, что дочь счастлива, был очень рад. А мачеха и Лянь-эр глядели на нее искоса и завидовали.

— Сестра, давай посмотримся в зеркало — кто из нас красивее? — предложила Лянь-эр.

Зеркало сказала, что Цуй-эр намного краше сестры. Тогда Лянь-эр предложила.

— Давай, сестра, посмотримся в бадью с водой — кто из нас красивее?

Но и бадья показала, что Цуй-эр красивей. Лянь-эр не унималась:

— Пойдем, сестра, к колодцу, посмотрим — кто из нас красивее?

В колодце отражение лица Цуй-эр было еще прекраснее, чем в бадье с водой и в зеркале.

Лянь-эр разозлилась.

— Знаешь что, давай поменяемся платьями и снова посмотримся в колодец.

Поменялись платьями, и как только Цуй-эр подошла к колодцу, Лянь-эр столкнула ее вниз.

А на следующий вечер Лянь-эр пришла в платье сестры в дом ее мужа. Она не позволила ему зажечь лампу и сразу легла спать. Наутро муж Цуй-эр увидел, что перед ним женщина, совсем не похожая на его жену.

— Почему у тебя такой большой рот? — спросил он.

— Большим ртом удобно есть лепешки.

— Почему у тебя такие большие руки?

— Большими руками удобно таскать лепешки из огня.

— Почему у тебя такие свирепые глаза?

— Такими глазами я лучше вижу.

— А почему у тебя такие большие ноги?

— На больших ногах удобнее ходить.

— А почему у тебя лицо покрыто оспинами?

— Это не оспины. Я вчера спала на горохе, вот и намяла лицо.

Муж Цуй-эр не поверил ей. Он пошел в деревню, зашел в дом жены и узнал, что Цуй-эр упала в колодец и утонула. Охваченный горем, он подошел к колодцу и вдруг оттуда вылетел прекрасный зимородок.

— Если ты моя жена, — сказал он птичке, — то лети в мой рукав.

Зимородок и в самом деле влетел в его рукав. Осторожно принес он птичку домой, сделал красивую клетку из тонких ветвей, повесил клетку у изголовья кровати и посадил в нее пташку. Каждый день он подсыпал ей корма, менял воду и ухаживал за птичкой, как за ребенком. Забота мужа о птичке бесила Лянь-эр. Как-то раз Лянь-эр расчесывала волосы перед зеркалом, а птичка запела человеческим голосом:

Гребень украла
Дура рябая,
Волосы чешет косматые,

В зеркало смотрит
Бесстыдница злая,
Видит лицо конопатое¹.

Лянь-эр подняла голову. Как? Эта надоедливая пищалка смеет ругаться?! Открыла она клетку, схватила птичку и разбила ей оземь головку.

Вернулся муж, увидел, что птичка мертва, и начал горько плакать. Он похоронил ее под большим финиковым деревом около фанзы.

Наступила осень, ветви дерева покрылись сочными сладкими плодами. Ни один прохожий не мог удержаться, чтобы не отведать этих фиников. Но, когда к дереву подходила Лянь-эр, с ветвей падали огромные гусеницы, они кусали ее и жалили. Лянь-эр разозлилась и топором срубила дерево.

Вернулся муж, увидел, что дерево срублено, и опечалился. Из ствола дерева он сделал порог в фанзе. Но каждый раз, когда Лянь-эр входила в фанзу, она спотыкалась и падала. Разозлилась как-то Лянь-эр и топором изрубила порог. Тогда муж сделал из остатков дерева прялку. И такая ладная получилась прялка, что девушки и молодые женщины из соседней деревни наперебой прибегали в лесную фанзу попросить эту прялку на день, на два. Но когда за прялку садилась Лянь-эр, нить шла неровной, часто рвалась и до крови натирала пряхе руки. Разозлилась на прялку Лянь-эр, изломала ее в щепки и сожгла. Бросила в печку и клубки пряжи, наработанные на этой прялке. А тут как раз пришла за прялкой тетушка Ван с дальнего конца деревни.

— Я уже сожгла эту противную прялку! — сказала Лянь-эр и отвернулась к окну.

Тетушка Ван огорчилась, что такая хорошая прялка погибла. Но что ж делать! Достала тетушка Ван трубочку из кармана, хотела прикурить, присела перед печкой, чтобы найти уголек, и вдруг увидела в печке целый моток пряжи. «Вот лентяйка,— подумала тетушка Ван.— Совсем не умеет жить, бросает в печку такую хорошую пряжу». Достала она моток из печки, сунула его в рукав и унесла домой.

¹ Здесь и далее перевод стихов М. Ложечко.

Тетушка Ван была вдовой и жила совсем одна. То в поле работала, то дома пряла и ткала. С тех пор как она принесла домой чуть обгоревший моток пряжи, в ее фанзе творилось что-то странное. Тетушка Ван уходила в поле рано утром и всегда запирала за собою дверь. Но когда она возвращалась с поля, то фанза оказывалась чисто прибранной. А на ткацком станке лежало гораздо больше готового полотна, чем она успела наткать накануне. Все это очень удивляло вдову, и решила она подсмотреть, кто хозяйничает в ее фанзе. Как-то утром она ушла из фанзы, но в поле не пошла, а притаилась под окном и стала ждать. Вскоре из фанзы послышались шум станка и девичья песня:

Тетушка Ван работает в поле,
Осталась я в фанзе одна,—
Успею прибраться, успею настрять,
Успею наткать полотна.
Успею настрять, успею прибраться,
Успею наткать полотна!

Посмотрела тетушка Ван в окно, а в фанзе-то красивая девушка — сидит за станком и работает! Вбежала вдова в фанзу и схватила девушку за руку:

— Кто ты такая?!

Девушка сказала, что ее зовут Цуй-эр, поведала о своих злоключениях, о своем муже, все-все о себе рассказала.

— Ну, вот что,— решила тетушка Ван.— У меня нет ни сына, ни дочери. Ты — тоже бедная сирота. Так будь мне дочкой!

На другой день тетушка Ван разыскала мужа Цуй-эр, и молодая пара снова соединилась. Лянь-эр, узнав об этом, удивилась и испугалась. Она убежала в дом своей матери, но и там не нашла покоя. Ей все казалось, что соседи показывают на нее пальцами и смеются. Она не смела взглянуть в глаза людям и в конце концов бросилась в колодезь, в который когда-то столкнула Цуй-эр.

Лянь-эр превратилась в жабу. Прислушавшись к ее кваканью, доносящемуся из колодца, можно разобратъ:

Чужому горю
Я только рада.
Я злая жаба —
Так мне и надо.

ПЕТУШКИ

(Сказка народности шэ)

Много-много лет тому назад жила в горах одинокая старуха. Не было у нее ни сына, ни дочери. Обрабатывала старуха кусочек земли на пустующем склоне горы, выращивала батат и ананасы. Тем и кормилась. Жизнь ее была скучная, да и горькая.

Единственной подружкой старухи была курочка. Старуха ее любила и заботливо кормила. За добро курочка платила добром, каждый день сносила по два яичка; старуха меняла их на отруби, как-никак — подмога в хозяйстве.

Но вот однажды яички исчезли. Старуха долго искала, но найти не могла. «Наверное, курочка перестала нестись»,— подумала она и закручинилась: «Как жить дальше?»

Прошло десять дней, а курица по-прежнему не неслась. И кудахтали курочка теперь как-то по-особенному, это удивляло старуху.

Однажды, вернувшись с поля домой, старуха не нашла курочку. Где только ни искала: и дома, и на улице, и в горах — нигде найти не могла. Вот уж сумерки спустились, а курочки нет и нет. Затосковала старуха, проплакала всю ночь до рассвета и с рассвета до ночи. Жизнь ее стала еще бесприютней и госкливей.

День шел за днем; луна и солнце чередовались на небе. А старуха все скучала по курочке. Однажды старухе приснился сон. Во сне дух гор, улыбаясь, сказал ей:

— Не плачь, старая! Курочка вернется. У тебя теперь будет много кур, они снесут много яиц! Будут у тебя и сыновья. Поздравляю тебя с ними!

Проснулась старуха, и не успела она открыть глаза, как услышала кудахтанье и писк: около кровати на полу квохтала курочка, а вокруг бегали цыплята. Старуха от радости прослезилась, схватила курочку, прижала к груди. А сама все думает, откуда привалило такое счастье?

Цыплята росли. Через месяц молодые курочки стали нестись. Среди них разгуливали два петушка с белоснежными перьями, яркими гребешками, желтыми сапожками и длинными-предлинными хвостами, которые поблескивали серебром. Они были крупнее курочек, расхаживали по двору и громко кудахтали (говорят, в то время петухи умели только кудахтать). Хищные ястребы — и те боялись их и держались от них подальше.

Подросли петушки, выросли у них на ногах острые шпоры. Теперь, завидев друг друга, они начинали сердиться и то и дело дрались. То перья пощипают друг другу, то гребешки разорвут. Однажды в пылу боя они перебили у старухи всю посуду, раскололи

котел, устроили настоящий тарарам. Ночью они тоже шумели, не давали старухе спать.

И вот однажды утром, едва забрезжил рассвет и на крыше застрекотали сороки, из курятника вышли двое юношей, здоровые, плечистые. Побежали они в дом, угощая по пути друг друга тумаками. В один голос они звали: «Мать! Мать!» Юноши пришлось по душе старухе. Она была так рада, что то и дело смеялась. Юношам она дала имена: одного назвала Хаююнь, что значит Счастливая судьба, а другого — Хаодао, что значит Счастливая находка.

Едва отвернулась старуха, чтобы приготовить сыновьям поесть, как они тут же затеяли драку. Рассердилась старуха:

— Вы же братья! Зачем деретесь?

А юноши наперебой закричали:

— Я хочу быть старшим братом!

— Нет, старшим братом буду я!

Только теперь старуха поняла, что они хотят, и предложила:

— Ну, хорошо, хорошо! Замолчите! Идите копать батат. Как догорит курительная свеча, возвращайтесь. Кто больше выкопает, тот и будет старшим.

Юноши согласились. Старушка зажгла курительную свечу, и они бросились в поле.

Хаююнь работал старательно, он быстро накопал полную корзину. А Хаодао все поглядывал в сторону Хаююня, копнет разок, поднимет голову, копнет другой раз — опять поглядит. Видит Хаодао, что отстал от брата, стал чесать затылок. И вдруг бросил в брата пригоршню земли и засорил ему глаза. Пока Хаююнь протирал глаза, Хаодао взял его полную корзинку и пошел домой. Протер глаза Хаююнь, а на поле ни его корзины с бататом, ни Хаодао. Хаююнь рассердился, но ссориться не побежал. Срок еще не вышел, и решил он копать снова.

Все это видела сорока, сидевшая на тунговом дереве. Она посочувствовала Хаююню и стрелой полетела на гору, рассказала об этом двум броненосцам. Известно, что броненосцы — мастера рыть подземные ходы. Взялись они за дело и поле, где рос батат, перерыли вдоль и поперек. Корни батата очутились

наверху. Хаоюнь собрал две корзины, взвалил их на плечи и бросился домой, поднимая за собой столб пыли. Домой он прибежал раньше Хаодао.

Старуха мать ждала у ворот со свечкой в руке. Увидев Хаоюня с двумя полными корзинами, она радостно улыбнулась. Так Хаоюнь стал старшим братом.

Время шло, день сменялся днем. Хаодао не забыл своей обиды. Как только мать отлучалась из дома, он набрасывался на брата и бил его, да с каждым разом все сильнее и сильнее.

Как-то раз пошли братья в горы за хворостом. Взобрались они на крутую скалу, а под ней в реке был омут. Хаодао толкнул ничего не подозревавшего брата со скалы. Но сам Хаодао поскользнулся и очутился вместе с братом в омуте. Начали они тонуть, но на помощь им пришел дух гор. По его велению поднялась со дна узкая каменная лесенка. Дух гор крикнул:

— Хаодао! Хочешь сохранить жизнь, возьми брата за руку и поднимайся вверх. И больше не дерись.

Хаодао пообещал духу гор исправиться, взял старшего брата за руку, и они вышли на берег. А дух гор сказал:

— Если братья работают дружно, они могут превратить камень в яшму. Если народ трудится сообща, земля становится золотом. Никогда не забывайте этого.— Сказал и исчез.

Избавившись от опасности, Хаодао тотчас забыл о духе гор. У него уже созрел новый план, как погубить брата.

— Здесь опасно. Пойдем за хворостом в другое место! — предложил он Хаоюню.

Отправились они далеко, в дремучий лес. Долго шли — устали, проголодались, но Хаодао все шел вперед. Солнце уже склонилось к западу. Хаоюнь обессилел, присел на землю отдохнуть и задремал. Когда же ночью он открыл глаза, брата около него не было.

Голодный Хаоюнь бродил по лесу. Он уже не мог определить, где восток, где запад, где юг, где север.

Стемнело. Заблудился Хаюнь в лесу и умер в одной из пещер. После смерти он превратился в эхо.

Хаодао же, заманив брата в дремучий лес и бросив его там, поспешил домой. Он старался идти по нехоженым тропам, чтобы брат не догнал его, и вдруг упал в глубокую яму. Вылезти оттуда он не мог, громко кричал, но на помощь никто не приходил. От страха и отчаяния он весь дрожал. И вдруг раздался насмешливый голос:

— Хаодао, почему же ты не идешь домой?

Хаодао поднял голову и увидел наверху духа гор. Поглаживая длинную бороду, дух гор сказал:

— У тебя злое сердце! Ведь я же тебе сказал: «Если братья работают дружно, они могут превратить камень в яшму. Если народ трудится сообща, земля становится золотом». Кто людям вредит — уже не человек. Придется тебе снова стать петухом. Каждый день с рассвета ты будешь искать брата. Так день за днем, год за годом, пока не найдешь его...

Слезы раскаяния потекли из глаз Хаодао, но было поздно. Ничего не мог он поделать. Дух гор одел его в перья, нацепил красный гребешок. Вылетел из ямы Хаодао-петух, вытянул шею, закричал: «Ку-ка-ре-ку!» — и начал искать брата. А ему повсюду отвечало эхо, которое когда-то было его братом. До сих пор петух брата не нашел.

ДВЕ СЕСТРЫ

(Сказка народности лису)

На склоне горы Билошань жила старушка с тремя дочерьми. Однажды пошли они вчетвером за хворостом. Нарубили, связали в вязанки, собрались в обратный путь. Дочери пошли вперед, а мать никак не может взвалить хворост на плечи. Развязала вязанку, отложила часть хвороста, но и то, что осталось, осилить не могла.

— Вот незадача! Такая малость не под силу. Камень, что ли, внутри?

Снова развязала она веревку, раскидала хворост и вдруг увидела в нем большого змея, он медленно сворачивался кольцами. Испугалась мать, отскочила в сторону, а змей раскрыл пасть, высунул язык и сказал:

— Из трех своих дочерей отдай мне одну в жены!

Мать так и обмерла, а змей торопит:

— Соглашайся скорей! Иначе не вернешься домой — живьем проглочу!

Что же делать? На что решиться? Закричала мать ушедшим вперед девушкам:

— Дочки! Вернитесь! Помогите!

Прибежали они, видят: стоит мать перед змеем и дрожит.

— Милые мои девочки! Ничего я не могу поделать! Требуется змеем одна из вас в жены. Кто из вас любит меня, жалеет — та пусть пойдет с ним.

Ни одна из дочерей не могла решиться. А змей уже сердится, шипит. Бросилась мать к старшей.

— Доченька! Ну, что ж поделаешь. Иди ты за него.

— Мама, я ведь человек! Как же я могу стать женой змея?

Пришлось матери просить среднюю дочь, но и та отказалась. А змей извивается, бьет по земле хвостом, сверкает глазами.

— Мама, иди домой, — сквозь слезы проговорила младшая дочь. — Если мне повезет, может быть, когда-нибудь и свидимся.

Смахнула она слезы, простилась с матерью и сестрами и подошла к змею:

— Куда идти?

— Не бойся, девушка. Иди за мной.

Побрела младшая дочь за змеем. Карбкались они по отвесным кручам, переплывали бурные реки, обходили громадные деревья, пробирались через горы и наконец пришли в дремучий лес, а посреди него девушка увидела сверкавший блестящими лучами золотой дворец.

— Вот и наш дом, — сказал змей, вполз в дверь и тут же обернулся молодым красивым юношей.

И с этого момента стали они мужем и женой. Через год младшая сестра родила сына. И вот однажды захотелось ей навестить мать. Надела она самую красивую одежду, украсила волосы, руки и шею агатом и жемчугом и пошла в дальний путь, в материнский дом.

Увидела старшая сестра на младшей шелк и парчу, драгоценные камни и жемчуг, разглядела счастливые искорки в глазах, узнала о счастливой жизни сестры — и зависть закралась в ее сердце. И задумала старшая сестра погубить младшую, вместо нее вернуться к змею.

Когда младшая сестра собралась домой, старшая попросила ее:

— Ты, я вижу, живешь припеваючи, разреши мне погостить у тебя?

— Хорошо, собирайся.

И отправились сестры в путь-дорогу. Младшая с ребенком за спиной пошли впереди. Шли они долго, перевалили горы, переплыли бурные реки. Старшая все время расспрашивала про дорогу. Прошли они половину пути, и старшая сказала:

— Такая жара! Ты, наверное, намаялась с ребенком. Дай-ка я понесу его.

Передала мать ребенка сестре и опять пошла впереди. Прошли половину ли, старшая сестра незаметно ущипнула мальчика. Тот заплакал.

— Чего это он плачет? — спросила мать.

— Он сказал, что хочет повязку с твоей головы.

Сняла мать повязку с головы и повязала сына. Прошли половину ли, старшая сестра ущипнула мальчика, мальчик снова заплакал.

— Что же такое с ним, почему он опять заплакал? — спросила мать.

— Он хочет, чтобы его укутали твоей накидкой.

Мать сняла накидку и укутала сына. Вскоре мальчик опять заплакал.

— Снова плачет! — удивилась мать.

— Мальчик просит, чтобы ты отдала ему драгоценности: серьги, броши, жемчуг.

Сняла мать все свои драгоценности, отдала сыну. А старшая сестра все расспрашивает о дороге. Подо-

шли сестры к водопаду. Ревет вода, рассыпается мелкими брызгами. Старшая сестра увидела у самого края водопада красный цветок и тут же ущипнула мальчика. Мальчик закричал от боли.

— Целый день плачет! Видно, что-то случилось с ним, — сказала мать.

— Ничего не случилось. Он говорит, что ему ничего не нужно, кроме вон того красного цветочка. Ну, что же ты стоишь? Достань скорее цветок! Пожалей сына!

Только младшая сестра подошла к водопаду и нагнулась над цветком, старшая подскочила к ней и толкнула в спину. Упала младшая сестра в воду, проглотила ее причина.

Отобрала тетка у мальчика все, что дала ему мать, надела на себя, посадила мальчика за спину и пошла по той дороге, о которой ей рассказала сестра. Не долго шла она, и вырос вскоре перед нею золотой дворец.

— Ты что-то не похожа на мою жену, — сказал муж, когда старшая сестра переступила через порог.

— Как так не похожа?

— Моя жена не была рябой. У нее было белое круглое личико.

— Вот те на! Уж и не похожа! Да ты посмотри, во что я одета, какие на мне украшения. Мое лицо изменилось? А как же ему не измениться! Раньше-то я никогда так далеко не ходила, никогда не пеклась на таком солнце. Была я дома, а знаешь, какая там жизнь? Нехватки да недостатки, питалась, чем придется, вот лицо и почернело. Кроватей там и в помине нет, спала на соломе, наколола лицо, вот рябинки и появились.

Поверил муж, показались ему эти слова правдивыми.

Когда мальчику исполнилось девять лет, он начал работать, пасти скот.

Однажды подошел мальчик со стадом к водопаду. Ему захотелось пить, нагнулся он, глотнул студеной воды и вдруг увидел: вылетела из воды маленькая красивая птичка, села на дерево и запела:

Сирота, сирота,
Скот до вечера пасешь,
Хворост из лесу несешь.
Сирота, сирота!
И давно уж это так:
Есть у мачехи батрак.
Сирота, сирота,
Есть и мама, да не та!..

Слушал мальчик и удивлялся. Не мог он глаз оторвать от птички и все слушал. А птичка пела все ту же песенку. Буйволы его тем временем разбрелись, залезли на чужое поле и стали поедать посевы. На другой день крестьяне пожаловались отцу на пастушонка. Когда мальчик вернулся вечером домой, отец спросил его:

— Почему ты пускаешь буйволов на крестьянские поля?

— Нет у меня повязки на голове, а в поле жара. Спрятался я в тень, а буйволы и забрели на чужое поле.

Купил отец мальчику повязку. На следующий день подошел мальчик к водопаду, а оттуда снова вылетела птичка и запела все ту же песню:

Сирота, сирота,
Скот до вечера пасешь,
Хворост из лесу несешь.
Сирота, сирота!
И давно уж это так:
Есть у мачехи батрак.
Сирота, сирота,
Есть и мама, да не та!..

Снова буйволы забрели на чужое поле, начали поедать посевы. Опять соседи пожаловались отцу.

— Что же ты опять не досмотрел за буйволами? Зачем губишь посевы? — спросил отец вечером мальчика.

— Вчера ночью мама дала мне только одно одеяло, я продрог, никак не мог заснуть. А сегодня под солнцем и задремал.

Ночью отец покрыл сына двумя одеялами. Через

день мальчик снова пригнал буйволов к водопаду. Снова из воды вылетела птичка. На этот раз она кружилась над ним и пела:

Сирота, сирота,
Скот до вечера пасешь,
Хворост из лесу несешь.
Сирота, сирота!
И давно уж это так:
Есть у мачехи батрак.
Сирота, сирота!
Мальчик матери не знает,
Да и как ему узнать?
Сирота, сирота!
Он давно уж принимает
Злую мачеху за мать.
Сирота, сирота, —
Хоть и мама, да не та!..

Чем дальше слушал мальчик, тем больше удивлялся. И уже начало закрадываться в его сердечко сомнение. А буйволы опять забрались на посевы. И опять соседи пожаловались отцу. Рассердился отец и хотел уже побить сына, но мальчик сказал:

— Послушай, отец, что я тебе расскажу. Вот уже три дня я пасу буйволов на склоне горы у водопада, и каждый раз из воды вылетает красивая птичка и начинает петь человеческим голосом. Она поет о том, что я сирота, что мачеху считаю родной матерью. Каждый день птичка твердит одно и то же. Вот я и забываю про буйволов, а они забираются на посевы.

— А ты правду мне говоришь?

— Ну, конечно, отец, правду. Если не веришь, пойдем завтра со мной, сам увидишь.

На следующий день отец захватил лук, стрелы и пошел с сыном к берегу реки. И вправду, из воды вылетела красивая птичка, села на дерево и запела человеческим голосом. Взяло сомнение и отца. Не сходя с места, он крикнул:

— Эй, пташка! Если ты моя жена, сядь мне на левую ладонь, если нет — пушу в тебя стрелу!

Птичка вспорхнула с дерева и опустилась на левую ладонь отца. Спрятал отец птичку за пазуху

и вернулся домой. Сделал он клетку, посадил туда птичку, дал ей зерна, повесил клетку на дерево, стоявшее перед домом. С тех пор все проходившие мимо слушали песню птички:

Мальчик матери не знает,
Да и как ему узнать!
Сирота, сирота!
Он давно уж принимает
Злую мачеху за мать!..

Однажды осталась старшая сестра дома одна и услышала через окно песенку птички:

Сердце у жадной
Гадкое, злое!
Делает жадная
Людям плохое!..

Разозлилась старшая сестра, сняла клетку с дерева, внесла в комнату, выхватила птичку из клетки и ударила об пол. Потом подбежала к окну проверить: не подсмотрел ли кто? Обернулась, а на полу вместо птички лежит маленькая косточка. Вышла она в другую комнату посмотреть, не видел ли кто, как она убила птичку. Вернулась, а на том месте, где была косточка, лежат новые ножницы. Обрадовалась жадная старшая сестра: старые ножницы сломались, а новых она еще не купила. Вечером она спрятала ножницы в шкаф, а клетку повесила с открытой дверкой на дерево. Когда вернулись отец с сыном и спросили, где птичка, она ответила:

— Я не выходила из дома и куда пропала птичка — не знаю.

На утро открыла старшая сестра шкаф и удивилась: вся одежда изрезана на мелкие кусочки. Разозлилась старшая сестра и выбросила ножницы на дорогу, идущую по склону горы.

А на склоне том жила одинокая старушка. В тот день старушка шла по дороге, несла воду и вдруг увидела ножницы. Подняла их и положила за пазуху. Вернулась старушка домой, полюбовалась на находку: ножницы были совсем новые. Утром старушка пошла в поле, а когда вернулась, понадобились ей

ножницы. Искала, искала, нигде не могла найти! Но зато во дворе ходила красивая курочка и склевывала зернышки. Жалко было старушке ножниц, но появление курочки ее утешило. Обрадовалась она курочке, как родной дочери. Чтобы ее не могла похитить дикая кошка, старушка сделала клетку, посадила туда курочку, дала воды, риса. На следующий вечер, вернувшись с поля, она первым делом посмотрела, цела ли курочка. Курочка была цела. Она спокойно сидела с закрытыми глазами в углу клетки. Вошла старушка в дом, хотела приготовить ужин, а котел-то теплый и полон вкусных кушаний. На следующее утро старушка закрыла клетку и отправилась в поле, а когда солнце село, вернулась домой. Курочка, как и накануне, сидела в клетке, а котел был полон еды. На третий день старушка ушла в поле, но вернулась домой пораньше и заглянула в дом через щелочку: там хозяйничала красивая девушка. Открыла старушка дверь и только успела крикнуть: «Девушка!», — а в доме уже никого и нет. Пошла старушка к клетке, — курочка спокойно спит. Заглянула старушка в котел, а там опять полным-полно.

На четвертый день старушка закрыла клетку, пошла в поле, но с полпути вернулась. Потихоньку подошла к двери, заглянула в щелочку. В доме была красивая девушка. Старушка распахнула дверь и тихо сказала:

— Не бойся, девушка!

На этот раз молодая гостя не успела превратиться в курочку, она поведала старушке о своих злоключениях и попросилась в приемные дочери. Старушка с радостью на это согласилась. Зажили они вдвоем счастливо, работали в поле, уважали и любили друг друга.

Однажды девушка целый вечер о чем-то советовалась с приемной матерью, а на утро подошла к воротам дома, в котором жил отец мальчика. Долго он смотрел на красивую девушку, и она ему очень понравилась. Через день к нему пришла приемная мать девушки и сказала:

— Если вы хотите, моя дочь согласна выйти за вас замуж, стать вашей второй женой.

Отец мальчика сразу согласился. Когда наступил день свадьбы, он приготовил богатые подарки и пригласил много гостей. Отец, сын и старшая сестра шли впереди, за ними шли гости с подарками и музыканты. Свадебная процессия направлялась к дому невесты. А девушка спряталась в темный угол комнаты и там обернулась старшей сестрой. Когда гости вошли в дом, старушка хлопотала за свадебным столом. А девушка вышла из темного угла и встала рядом с сестрой перед мальчиком и его отцом. Никто из них не мог отличить, кто же — жена, а кто — молодая невеста: и лицо, и одежда, и украшения совершенно одинаковы. Долго смотрел мальчик на двух женщин. Но вот он указал рукой на младшую сестру и тихо произнес:

— Это — моя настоящая мама. Родная мама.

— Кто твоя родная мать? — спросила старшая сестра и ударила мальчика по руке.

— Я его мать! — сказала младшая сестра.

— Нет, я!

Каждая из женщин уверяла, что она — родная мать мальчика. Отец никак не мог понять, кто из них говорит правду, а кто лжет. Не могли разобраться и гости. Тогда вспомнил отец мальчика, что его жена — мать мальчика — умела ходить босиком по бамбуковым гвоздям. Гости быстро нашли такие гвозди, воткнули их в землю и стали ждать. Первой пошла младшая сестра. Она двигалась легко, как обезьянка, и не повредила ног. Настала очередь старшей сестры. Сердце у нее сжалось при виде торчавших из земли гвоздей, но сотни глаз, смотревших на нее, заставили пойти. Не успела она пройти и трех шагов, как гвозди вонзились в ноги, брызнула кровь. Старшая сестра упала, и девяносто девять сотен бамбуковых гвоздей вонзились в ее сердце. Она умерла.

А младшая сестра приняла свой прежний вид, стала такой же, какой выходила замуж за змея. Мальчик, его отец и мать взяли за руки старушку и пошли впереди. За ними шли гости и музыканты. Все пели свадебные песни, веселились, а потом вошли в дом.

ОРЛИНОЕ ЯЙЦО

Трудно стало жить крошке Фу-ва после смерти отца и матери. Старший брат и его жена только и помышляли, как бы погубить Фу-ва и самим завладеть всем хозяйством. Мальчику приходилось терпеть и побои и ругань. Даже соседи мучились, глядя на его мытарства.

Однажды невестка послала Фу-ва в горы за дровами и дала ему на обед лепешку. А в лепешку ту она запекла ядовитую траву маохэн. Нароботался Фу-ва, проголодался, достал лепешку и только приготовился есть, как вдруг налетел белый горный орел, вырвал лепешку и улетел.

— Эх, орел, орел! — вздохнул мальчик, глядя на удаляющуюся птицу. — Тебе бы только насытиться, а что же я сегодня буду есть?

Увидев Фу-ва живым, брат и невестка удивились и спросили, съел ли он лепешку. Мальчик рассказал, как у него отнял ее горный орел. Брат и невестка переглянулись, но ничего не сказали. В этот вечер Фу-ва лег спать голодным.

На другой день невестка запекла в лепешку мышьяк и послала мальчика пахать поле. Фу-ва не подозревал, что в лепешку положен яд. Он долго пахал, проголодался, достал лепешку и только приготовился есть, как вдруг налетел орел, вырвал лепешку и улетел.

— Эх, орел, орел! — крикнул Фу-ва вслед удаляющейся птице. — Тебе бы только насытиться, а что же я сегодня буду есть?

Увидев Фу-ва живым, брат и невестка еще больше удивились и спросили, съел ли он лепешку. Мальчик рассказал, как ее отнял у него горный орел. И в эту ночь Фу-ва лег спать голодным.

На третий день невестка запекла в бобовую лепешку ядовитую траву шэсинь и велела мальчику съесть ее во дворе, а потом уже идти на работу. Фу-ва вышел во двор и приготовился есть, как вдруг снова прилетел горный орел и чуть не вырвал еду из рук мальчика. Фу-ва на этот раз успел схватить орла за крыло.

— Скажи мне, белый орел, почему ты каждый день отнимаешь у меня еду?

— О Фу-ва, — ответил орел, — ты и не знаешь, что в каждой лепешке был яд, смертельный для человека!

— Как же мне быть? Два дня я ничего не ел, так я могу умереть с голоду.

— Не печалься. Я тебя научу, как не чувствовать голода.

Фу-ва запомнил все, что сказал ему орел. В ту же ночь потихоньку он покинул дом, прошел десять ли на восток и увидел огромное дерево, такое огромное, что десять человек, взявшись за руки, не смогли бы обхватить его ствол. На верхушке его было

большое орлиное гнездо. Фу-ва подошел к дереву и громко сказал:

Орлица, орлица,
Яйцо мне снеси,
Чтоб, съев его, тотчас
Набрался я сил,
Чтоб целых три года
Я есть не просил.

Только он это сказал, как с дерева прямо ему в руки упало большое белое яйцо. Фу-ва съел орлиное яйцо и сразу перестал чувствовать голод.

Дома он не притрагивался к еде, которую готовила невестка. Брат и невестка очень удивились этому и наконец спросили:

— Ты почему ничего не ешь?

— Я не голоден.

— Как можешь ты не быть голодным?

Фу-ва был простодушным мальчиком и рассказал об орлином яйце. Когда брат и невестка услышали, что орлиное яйцо заменяет человеку еду на несколько лет, у них загорелись глаза от жадности. В ту же ночь они побежали к большому дереву и начали громко кричать:

Орлица, орлица,
Яйцо нам снеси,
Чтоб, съев его, тотчас
Набрались мы сил...

Не успели они досказать заклинание, как с дерева каждому в руки упало по лепешке. Они быстро проглотили лепешки, приняв их за орлиные яйца. И тут же почувствовали страшную боль в животе и в судорогах стали кататься по земле.

— Это лепешки, которые вы готовили для Фу-ва. Это яйца, которые вы сами снесли, вот и ешьте их! — сказал им с дерева белый горный орел.

КАМЕННЫЙ ЛЕВ

Было А-эру всего три года, когда у него умер отец. Матери пришлось одной работать, чтобы и себя прокормить и сына вырастить. А подросток А-эр —

стал помогать матери. Они арендовали у помещика три му земли и выращивали арбузы. А-эр не жалел на поле ни сил, ни времени, а потому арбузы у него вырастали большие и сладкие. На всю округу славились эти арбузы. А мальчика так и прозвали: «А-эр — арбузник».

Стал А-эр из мальчика юношей. В тот год арбузы особенно удались — и красивые и крупные. Мать и сын собрали их в большие кучи. А-эр хотел было разрезать арбуз, чтобы жажду утолить, а заодно и попробовать: хороши ли в эту осень арбузы на вкус. Но мать запретила:

— Нет, нет, не делай этого! Первым должен попробовать кто-нибудь из дома помещика. Ведь земля-то помещичья. Иди-ка отнеси, которые получше. Таков уж старый обычай.

Положил А-эр в корзину арбузы и понес к помещику. А помещик тот был самым богатым в округе, было у него шесть домов — и все новые, большие и красивые. Постучал А-эр в ворота, вышел сам помещик. Хотел А-эр, как и прежде, вывалить перед ним арбузы на землю, но тут прибежала служанка:

— Не торопись, парень! Наша барышня как раз хочет арбуза. Отнеси-ка ей.

Пошел А-эр за служанкой. Долго шли они из комнаты в комнату, прошли сад и наконец подошли к дому, где жила дочь помещика.

Поставил А-эр корзину на землю и начал выкладывать арбузы. Вдруг он услышал нежный голос, зовущий служанку:

— Сяо-цуй, дай-ка мне арбуз!

А-эр обернулся: стоит рядом с ним девушка неопикуемой красоты! От изумления застыл А-эр на месте, арбуз выпал из его рук и раскололся на восемь частей.

— Вот неуклюжий! — сказала служанка. — Ничего-то не умеешь. Только напугал нашу барышню!

А барышня уже успела нагнуться, подняла дольку арбуза и откусила.

— Не ругай его, — сказала она с улыбкой. — Ведь арбуз-то хороший — вкусный да сладкий. Спроси его лучше, сколько ему за них?

— Ничего не надо... ничего... — замахал руками А-эр.

— Ничего не надо? А жить на что будешь? — девушка засмеялась и дала ему слиток серебра.

Обрадовался юноша — ведь каждый год он приносил в этот дом арбузы, но помещик только бранил его, а денег не давал.

Вернулся А-эр домой и места себе не может найти. Закроет глаза, а перед ним помещичья дочка, как живая. Видит он и ее походку, и каждое движение, и ласковую улыбку. Вот бы ему такую в жены! Но разве помещик отдаст свою дочь за бедняка?! Долго мучился А-эр — и есть ему не елось, и пить не пилось, и ночью ворочался он с боку на бок, тяжело вздыхая. Поняла мать, что с сыном творится что-то неладное:

— Сынок, о чем ты тревожишься? Скажи мне — обсудим вместе. Я же твоя мать! Не таи печаль на сердце.

Рассказал А-эр матери, как носил арбузы к помещику, и взмолился:

— Мама! Попроси соседку Сань-шэнь: пусть сходит к помещику, посватает его дочку. Все я сделаю, что ни запросит. Нет мне жизни без нее!

— Что ты, сынок! — испугалась мать. — В своем ли ты уме? Он же богач! Не отдаст он дочку за бедняка. Выкинь это из головы!

И месяца не прошло — заболел А-эр, слег и с постели не встает. Ничего не поделаешь — позвала мать соседку Сань-шэнь. А та, как услышала, зачем ее позвали, ужаснулась:

— Не пойду! Не пойду! У меня еще голова на плечах. Идти с этим к помещику — все равно, что на плаху. Да ты сам подумай, А-эр, посмотри на себя! Разве такая богатая девушка захочет выйти замуж за тебя?

— Сходи, пожалуйста, Сань-шэнь! Я щедро отблагодарю тебя! — просил ее юноша.

Долго уговаривал он соседку, пока та, наконец, не согласилась:

— Ладно уж, схожу! Попытаю счастья.

Когда помещик услышал, что бедняк, презренный

арбузник осмелился посвататься к его дочери, он в гневе затряс бородой и закричал:

— Да как смел этот оборванец мечтать о лебеди! Он и мизинца ее не стоит! Как может нищий стать моим зятем?! — Помещик вдруг расхохотался и язвительно закончил: — Ну, хорошо. Я отдам за него дочь, если он добудет гори-жемчуг и золотого воробья. Ха-ха-ха!

Сань-шэнь передала А-эру слова помещика. Юноша обрадовался, и болезнь его как рукой сняло. Съел он три чашки риса и начал готовиться в путь. Увидела это мать и зарыдала:

— Куда ты пойдешь, сынок? Где ты найдешь такое? Одумайся! Не сошелся свет клином на дочке помещика. Найдем тебе другую!

— Мама, не уговаривай! Если есть на свете гори-жемчуг и золотой воробей, я достану их. А другой жены мне не нужно. Только ее люблю.

Распрощался А-эр с матерью и вышел за ворота. Шел он, шел по пыльной и длинной дороге и думал: «Где же раздобыть гори-жемчуг?» И вдруг он вспомнил, что старые люди рассказывали: есть гори-жемчуг у морского дракона. Пошел он к берегу моря и начал вычерпывать пиалой морскую воду. Черпал он так целый год и шесть месяцев. Смотрели, смотрели на него со дна кровати-солдаты и крабы-генералы, выплыли и спрашивают:

— Что это ты делаешь?

— Хочу я море осушить и отобрать у морского дракона гори-жемчуг.

— Ты, видать, сумасшедший! Да разве ж можно вычерпать море, такое широкое и глубокое, маленькой пиалой?

— Почему же нельзя? Я черпаю воду беспрерывно, каждый день, и когда-нибудь да вычерпаю! Днем раньше, днем позже, а все-таки вычерпаю!

Испугались креветки-солдаты и крабы-генералы, бросились докладывать о напасти морскому дракону. А дракон, как услышал, тоже испугался:

— А вдруг он и в самом деле осушит море? Что же я тогда буду делать? Где буду жить?

Сказал тогда первый министр осьминог:

— Ваше величество дракон! Этому юноше не море нужно и не хочет он выселить ваше величество из моря. Нахалу нужен только гори-жемчуг. Так отдайте ему этот гори-жемчуг, и оставит он нас в покое. Будем по-прежнему жить без тревог.

Подумал, подумал дракон и решил: правильно говорит первый министр. Послал он креветок-солдат и крабов-генералов передать гори-жемчуг А-эру. Спрятал А-эр гори-жемчуг за пазуху и ушел с морского берега. Идет и думает: «Где же мне теперь найти золотого воробья?» Вспомнил тут А-эр: люди говорили, что воробей тот один на целом свете и встретить его можно на высоких соснах, что растут на вершинах гор. И пошел А-эр в горы.

Целый год и шесть месяцев ходил по горам А-эр, взбирался на горные кручи, спускался по каменистым склонам, но даже и тени золотого воробья не увидел. Советовали ему встречные люди вернуться домой, но он стоял на своем:

— Если надо, буду искать десять лет и еще шесть месяцев, а домой без золотого воробья не вернусь. Найду или умру на вершине какой-нибудь горы!

Однажды вечером присел А-эр отдохнуть на склоне горы. Задремал А-эр. Вдруг сквозь сон слышит, будто кто-то говорит:

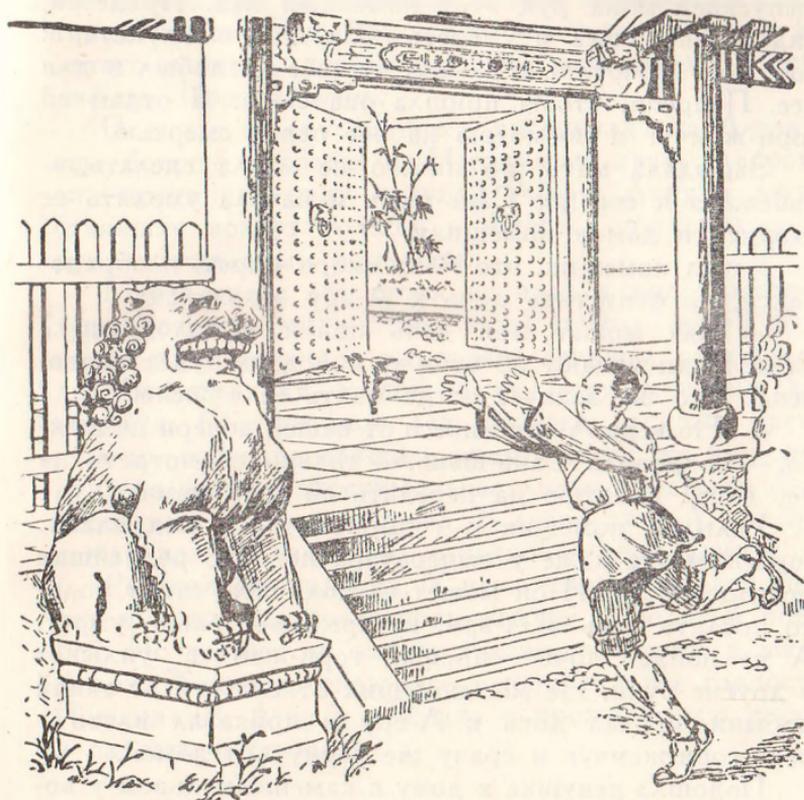
— Братец мой, золотой воробушек, здравствуй! Давно тебя не видел!

Раскрыл А-эр глаза и видит: напротив него на сосне сидят две птички — серебристый попугай и золотой воробей. Воробей взмахнул крылышками, взъерошил перышки, встряхнулся и запел красивую песню.

Подбежал А-эр к сосне, хотел схватить золотого воробья, а тот вспорхнул и полетел. Бросился А-эр за золотым воробьем — куда воробей, туда и А-эр.

Сорок девять дней бегал А-эр по горам за воробьем, никак не мог поймать. Устал воробей летать без отдыха, еще больше устал А-эр, но воробья из виду не выпускает. Слетел воробей с гор — А-эр за ним. Подлетел воробей к какому-то селению — А-эр

за ним. Метнулся воробей к воротам какого-то дома — А-эр уже догоняет его, вот-вот схватит. Испугался воробей, вспорхнул направо, вспорхнул налево и юркнул в пасть каменного льва, что стоял у ворот дома.

Обрадовался А-эр — вот тут-то он его и поймает! Запустил руки в пасть льва и схватил притаившегося там воробья. Но не тут-то было — сжал челюсти лев, прикусил руки А-эру и не выпускает. Воробей-то оказался волшебным: чего ни коснется он своими крылышками, то сразу и оживает. Вот и каменный лев ожил и прикусил А-эру руки.

Изо всех сил старался А-эр вытащить руки, ничего не выходило. Прошел день, прошла ночь, понял А-эр, что не уйти ему отсюда живым. Осмотрелся

А-эр, а он в родной деревне! Громко крикнул А-эр, из дома вышли люди, узнали его. Попросил он их позвать к нему мать.

— Мама! — сказал он ей. — Я добыл гори-жемчуг, поймал и золотого воробья. Но вот беда — не выпускает моих рук этот каменный лев. Придется, видно, мне здесь и умереть. Сходи, пожалуйста, к той, кого я люблю, и скажи, что все раздобыл я для нее. Попроси, чтобы пришла она сюда. Я отдам ей гори-жемчуг и посмотрю на нее перед смертью.

Зарыдала мать, но ничего не могла сделать, — побегала к соседке Сань-шэнь и начала умолять ее сходить в дом к помещику.

Узнал помещик, что А-эр скоро умрет, и обрадовался, но отпустить дочь к А-эру отказался:

— Как может моя дочь пойти к голодранцу? Если люди узнают об этом — моя дочь будет опозорена! Кто же захочет тогда взять ее в жены?!

— Но ведь А-эру ничего от вашей дочери не нужно, — возразила Сань-шэнь, — только посмотреть на нее перед смертью да передать ей гори-жемчуг.

Услыхал помещик о гори-жемчуге и задумался: гори-жемчуга даже у императора нет, это редчайшая драгоценность! И он может ее получить, стоит только послать дочь к А-эру, который все равно умрет. А не пойдет дочь — прощай гори-жемчуг: уплывет в другие руки. Не мог помещик отказаться от такой добычи, послал дочь к А-эру и приказал взять у него гори-жемчуг и сразу же вернуться домой.

Подошла девушка к дому с каменным львом у ворот, увидела А-эра, и слезы потекли из ее глаз. Она полюбила юношу еще в тот день, когда он принес ей арбузы, но только теперь она узнала, какие мучения перенес ради нее А-эр. Сквозь слезы она прошептала:

— Это я тебя погубила, А-эр!

— Барышня! — обратился к ней А-эр. — У меня за пазухой гори-жемчуг, возьми его на память обо мне... Видишь, я уже не смогу стать твоим мужем. Так дай мне хоть ручку твою поцеловать. Только это и принесет мне перед смертью радость и утешение.

Вспыхнули щеки у нее от стыда: разве может девушка позволить мужчине целовать ей руку на улице, на виду у всего народа? Увидел А-эр, что девушка опустила голову и покраснела, понял так, что не хочет она исполнить его просьбу, и глубоко вздохнул.

— Вижу, барышня, что я тебе не мил. Прости за то, что три года мечтал о тебе и надеялся стать твоим мужем. Три года я добывал гори-жемчуг и золотого воробья, чтобы доказать, как сильно я тебя люблю. Прости меня...

Подняла голову девушка, взглянула на А-эра и еще больше покраснела. Негодуя на свою слабость, она протянула руку к губам А-эра. Ахнули люди, стоявшие вокруг толпой, а юноша прильнул к ее руке прощальным поцелуем.

Много-много лет стоял на этой улице каменный лев, несчетное множество людей прошло мимо него, но ни разу не видел он, чтобы девушка среди бела дня, окруженная толпой, дала руку мужчине для поцелуя. Расхохотался лев, широко раскрыл пасть, а А-эр, воспользовавшись этим, тотчас же вытащил руки из пасти. Радостные, счастливые побежали А-эр и девушка в дом помещика. В левой руке А-эра был зажат золотой воробей, в правой — гори-жемчуг.

Растерялся помещик. У него теперь было то, чего нет и у императора — гори-жемчуг и золотой воробей. Но должен он за это отдать свою дочь в жены А-эру. Жадность оказалась у него сильнее гордости. Поженились А-эр и девушка и прожили всю жизнь в радости и согласии.

МАЧЕХА

(Сказка народности мяо)

Едва Чэнвану минуло пять лет, как умерла его мать. А вскоре у него появилась мачеха. Нет на свете сердца злее сердца мачехи! Чуть что сделает Чэнван не так, мачеха бьет его кулаками, пинает ногами.

Отец Чэнвана был человек смиренный и никогда не перечил жене. Чэнван даже пожаловаться на судьбу никому не мог, оставалось ему только плакать.

И вот исполнилось Чэнвану шестнадцать лет, но все равно он боялся мачехи. Она заставляла его каждый день нарубать двадцать вязанок хвороста. А принесет он домой девятнадцать вязанок — мачеха бьет его смертным боем.

Шел он однажды утром по горной тропинке за хворостом и наткнулся на старичка, — сидит седовласый дед на тропинке и стонет.

— Что с тобой, дедушка?

— Ох! Ногу вывихнул!

— А далеко ли твой дом?

— Далеко, сынок, далеко — за двадцать ли отсюда.

Жалко стало Чэнвану старика. Нельзя же его оставлять в лесу! Отнести бы его домой, да далеко ведь это. Пожалуй, полдня пройдет, пока вернешься. Не успеть уж тогда нарубить двадцать вязанок, значит, вечером будет от мачехи взбучка. А оставить здесь старика — загрызут его ночью дикие звери. Ну, ладно, взбучка, так взбучка! Ввалил Чэнван на спину старика и пошел за двадцать ли. В лес вернулся, когда солнце уже начало клониться к западу. А хвороста он еще и одной вязанки не нарубил! Сел Чэнван на камень и заплакал. Вдруг услышал он голос:

— Эй, парень! Помоги мне!

Прислушался, а голос идет из щели в камне.

— Кто там?

— Это я — сын царя драконов!

— Чего ж ты туда забрался?

— Я здесь уже много лет сижу. Дурные люди заперли меня в этот камень. Сделай доброе дело — расширь щель, освободи меня. Я тебе пригожусь.

Расширил Чэнван щель. Вышел из камня сын царя драконов.

— Спасибо, что освободил. А теперь закрой глаза, я тебя отнесу к своему отцу.

Закрыв Чэнван глаза, а когда открыл, увидел себя во дворце царя драконов. Царь драконов обра-

довался сыну и в награду за его спасение решил отдать свою любимую дочь замуж за Чэнвана. Он выбрал счастливый день* и устроил пышную свадьбу.

Пожил Чэнван с молодой женой в гостях у тестя, но захотелось ему домой. Царь драконов отпустил их обоих и дал в дорогу всякого добра. Шли они много дней и много ночей, но наконец добрались и до дому.

Как увидела мачеха пасынка с красавицей женой, расвирепела. «Такая красивая девушка, — подумала она, — должна бы достаться в жены моему собственному сыну, а не этому бездельнику». Пуще прежнего возненавидела мачеха Чэнвана и решила его во что бы то ни стало погубить.

Как-то она сказала ему:

— Ты где-то шлялся целый месяц, а поле осталось невспаханным. За месяц ты как раз успел бы его обработать. Вот теперь и вспаши его. Да время не терпит, чтобы завтра же работа была закончена. А не закончишь — прощайся с жизнью!

Загрустил Чэнван, а жена увидела это и спрашивает:

— Отчего ты невесел?

Рассказал ей Чэнван о приказе мачехи, а жена только улыбнулась:

— Не печалься, я научу тебя. Завтра копни мотыгой три раз и скажи: «Земля, земля, пашишь сама», — и все будет, как надо.

На утро пошел Чэнван на склон горы, копнул мотыгой три раза и сказал:

— Земля, земля, пашишь сама!

И тотчас земля на всем поле зашевелилась и начала сама пахать. Не успел Чэнван и трубку выкурить, как все поле было вспахано. Вечером привел Чэнван мачеху на поле — показать работу. Посмотрела мачеха, да и говорит:

— Эге! Поле-то ты вспахал, а о колодце забыл? Чтоб завтра же посреди поля был вырыт колодец глубиной в три чжана, три чи и три цуня — ни мельче, ни глубже.

Снова загрустил Чэнван, а жена увидела это и спрашивает:

— Отчего ты невесел?

Рассказал ей Чэнван о приказе мачехи, а жена только улыбнулась:

— Завтра копни мотыгой три раз и скажи: «Ройся, ройся колодец в три чжана, три чи и три цуня», — и все будет, как надо.

Наутро пришел Чэнван на склон горы, копнул посреди поля три раза мотыгой и сказал:

— Ройся, ройся колодец в три чжана, три чи и три цуня!

И мигнуть не успел Чэнван, как колодец уже вырылся — ни на один цунь глулже, ни на один фынь¹ мельче. Но воды в колодце нет. Как же быть? Ведь мачеха ругаться станет. Побежал Чэнван домой, рассказал жене о незадаче, а она улыбнулась и говорит:

— Вылей в колодец два ведра воды и скажи: «Вода, вода, наполняй колодец», — и все будет, как надо.

Вечером Чэнван показал мачехе колодец, полный студеной воды. Посмотрела мачеха на пасынка зло-презло и говорит:

— Сумел-таки вырыть колодец? Вскипяти завтра в этом колодце воду! Чтобы ключом кипела. А не будет кипеть — не жить тебе!

Пуще прежнего опечалился Чэнван, а жена увидела это и спрашивает:

— Отчего ты невесел?

Рассказал ей Чэнван о приказе мачехи, а жена только улыбнулась:

— Не горюй. Зажги завтра факел, брось его в колодец и скажи: «Кипи, кипи, вода колодезная», — и все будет, как надо.

Сделал Чэнван так, как учила жена. Из колодца повалили клубы пара. Показал он мачехе кипящий ключом колодец, а та усмехнулась и говорит:

— Колодец ты сумел вскипятить, только что ж ему зря-то кипеть? Выкупайся завтра в нем, а откажешься — не жить тебе!

Пришел Чэнван домой прощаться с женою:

¹ Фынь — одна сотая чи.

— На этот раз не избежать мне смерти! Подумай только: в колодце кипяток, а она заставляет меня выкупаться в нем.

— Стоит ли об этом горевать? Завтра в колодце будет мой отец. Он поможет тебе.

На другой день мачеха пришла к колодцу вместе с Чэнваном. Стоит перед колодцем и радуется: «Теперь-то уж наверняка умрет ненавистный! И достанется красавица жена моему родному сыну!» А Чэнван как ни в чем не бывало разделся и нырнул в колодець. Нырнул, а через минуту вынырнул. Вылез из колодца и держит: в одной ладони — серебро, а в другой — золото. Как увидела мачеха золото с серебром, от зависти даже покраснела.

— Там еще есть?

— Да, много! Разве все возьмешь!

Мачеха в чем была, в том и прыгнула в колодець. Только золота она не сумела добыть. Сначала из колодца доносились крики, а потом все стихло. Сварилась злая мачеха в кипятке.

ШАЛЬ ПРИНЦЕССЫ

(Уйгурская сказка)

Была у хана дочь, любимая дочь, — умная прекрасная принцесса Бергиз. Она умела ткать такие узорчатые шали, каких никто другой не умел. С восьми лет принцесса начала ткать шаль для себя. Для шали этой приготовили шелк с пяти тысяч коконов шелковичных червей и челнок, сделанный пятью тысячами столяров.

Когда принцессе исполнилось шестнадцать лет, шаль была готова. Хан решил, что пришел срок искать для дочери жениха. Перебрали всех визирей и баев, но принцессе не понравился ни один из них. Хан забеспокоился:

— О любимая моя дочь, какого же ты хочешь жениха?

— Выйду замуж за того, кто поймет рисунок на шали и разгадает мое желание.

Тогда хан издал приказ: «Любой человек, кто поймет рисунок на шали и разгадает желание принцессы, получит ее в жены».

Приказ вывесили у дворцовых ворот, а рядом с ним повесили и шаль. Заволновались люди, днем и ночью у ворот стояла толпа. Но никто не мог понять, что изображено на шали.

Прошло полгода. Хан терпел, терпел — не вытерпел. Позвал дочь и говорит:

— Любимая моя дочь! Твои условия невыполнимы. Даже я, твой родной отец, и то не могу ничего понять на шали. А ведь меня учили лучшие мудрецы в стране.

— Дорогой отец! — почтительно ответила принцесса. — Люди видят только шаль, но на ней есть рисунок, а в рисунке — мое желание. Пусть думают и разгадывают.

Прошло еще десять дней. И вот в город пришел юноша с восточных гор. Он прочитал приказ, взглянул на шаль и снял ее со стены.

Его сразу же привели к хану.

— Ты понял, что выткано на шали? — спросил его хан. — Отгадал ты, что хочет принцесса? Если ты сорвал шаль понапрасну — заточу в темницу!

Юноша поклонился хану:

— Мой великий хан! Я все понял!

Хан тотчас же послал за дочерью.

— Говори, что ты увидел на моей шали? — спросила юношу принцесса Бергиз.

— Я видел на шали высокую гору, в горе — пещеру, а в пещере — жар-птицу! Пещеру сторожит чудище. Вы, принцесса, желаете выйти замуж за того, кто достанет вам жар-птицу.

— Верно! Ты правильно разгадал. А можешь ли ты достать эту жар-птицу? — спросила Бергиз.

— Если бы у меня не было смелости, я не сорвал бы шаль.

— Юноша! — сказал хан. — Ты готов идти за жар-птицей? Что для этого тебе нужно? Проси — я дам.

— Мне ничего не надо, о великий хан, кроме рубина, который принцесса носит в волосах у левого виска!

Бергиз сняла рубин и отдала его юноше. Тот поклонился хану, затем принцессе и ушел.

Шел юноша три дня и три ночи и наконец подошел к высокой горе. Достал он рубин, поднес его ко рту и прошептал:

— Рубин, рубин! Все зависит от тебя! Если ты настоящий — засветись!

Юноша зажал рубин в кулак и начал подниматься на гору. Еще издали увидел он дремавшее у пещеры чудище. Юноша подошел к нему и высоко поднял рубин в руке. Чудище, разбуженное шагами, вскочило и бросилось на смельчака. Но рубин засветился красным огнем и ослепил чудище. Юноша вошел в пещеру, схватил желанную жар-птицу и побежал с горы. Из глаз ослепленного чудища текли слезы, оно спряталось в пещеру.

Юноша пришел во дворец, поклонился хану и отдал ему жар-птицу:

— О великий хан! Я принес для принцессы Бергиз жар-птицу. Прошу вас, о великий хан, разрешить мне и вашей дочери сыграть свадьбу.

Но хан не хотел брать этого юношу в зятя, никто его не знает в столице, пришел откуда-то с гор и одет бедно.

— Ты способный юноша! — ответил хан. — Но эта жар-птица досталась тебе слишком легко. Выполни-ка еще одну задачу! Выполнишь — так и быть, разрешу тебе жениться на моей дочери.

— Я слушаю, о великий хан! — сказал юноша.

— У меня во дворце пятьдесят бассейнов, но вода в них стала мутной. Так вот, завтра до утренней молитвы очисти во всех бассейнах воду.

— Я понял ваше приказание, о великий хан, — сказал юноша и удалился.

Пришел он в дворцовый сад, осмотрел бассейны: вода везде мутная. Сел юноша у бассейна и задумался. Вдруг перед ним появилась Бергиз.

— Не беспокойся! — сказала она и вынула из волос изумруд. — Опusti этот камень в воду. Пять де-

сят раз опустишь — и в каждом бассейне будет чистая вода!

Юноша взял изумруд и сделал так, как велела Бергиз.

Перед рассветом приближенные доложили хану: во всех бассейнах вода стала чистой! Хан рассердился. А после молитвы юноша пришел к хану.

— О великий хан! Я исполнил ваше приказание. Когда же вы назначите день свадьбы?

Думал хан, думал и наконец сказал:

— У меня в саду виноград еще не созрел, а к свадьбе нужен виноград. У меня много шелков, к свадьбе нужно сшить из них одежды, но без ниток. У меня во дворце сто девушек-служанок, зачем они мне, если Бергиз выйдет замуж? Преврати их всех в мужчин. Я уже стар, но хочу стать таким же молодым, как ты! Даю три дня на выполнение всех моих желаний! Не выполнишь — отрублю голову!

Ничего юноша не ответил, поклонился и ушел от хана. Принцесса Бергиз, встретив его, сказала:

— Теперь пора!

Она накинула на себя шаль, он взял под мышку жар-птицу, выбрали они в конюшне хана лучших коней и ускакали. Не проехали они и ста ли, как хан с большим войском нагнал их.

— Дочь моя любимая! — кричал хан. — Как ты осмелилась бросить отца? Вернись! Я найду тебе богатого и знатного жениха!

Но Бергиз остановила солдат и сказала отцу:

— Самое большое бесчестье не то, что я выхожу замуж за бедного и незнатного, а твой нечестный поступок — ты не сдержал своего слова!

Бергиз и юноша сели на жар-птицу и поднялись в небо. Хан приказал солдатам поразить их стрелами, но Бергиз раскрыла свою шаль, и солдаты перестали их видеть.

Говорят, юноша и Бергиз прожили жизнь счастливо и радостно.

ТРИ ВОЛОСКА ДЖИНА

(Казахская сказка)

Жил да был один бедняк. Всю жизнь он на работе спину гнул, а на черный день ничего не скопил. Зато у него родился смышленный сынишка, такой умница, что весь аул полюбил его. Об уме малыша Ады ходило много разговоров. Одни предсказывали, что в восемнадцать лет Ада женится на дочери хана, другие говорили: вырастет Ада и станет мужем дочери эмира.

Проезжал мимо аула под видом купца сам хан. Спросил он крестьян, нет ли каких новостей. Вот ему и сказали:

— Родился у нас тут мальчик. Говорят, когда ему будет восемнадцать лет, женится он на дочери хана.

Не понравилась такая новость хану. Поразмыслил он и решил купить ребенка у родителей. Но отец не хотел продавать Аду, и лишь угрозами принудил его хан отдать сына. Хан велел своим телохранителям заколотить ребенка в деревянный ящик и привязать на круп коня.

Проехали они степь, перешли пустыню, прискакали к большой реке. Хан приказал столкнуть ящик в воду, и, когда река поглотила ящик с мальчиком, хан засмеялся: «Посмотрю теперь, как ты женишься на моей дочери!»

Но ящик не утонул. Долго его несли волны и прибили к берегу у мельницы. Увидел его мельник, позвал свою старуху, и они вытащили ящик на берег. Вскрыли, а там — красивый мальчик. Он улыбался. Не было у мельника детей, и решил он, что это аллах подарил ему ребенка.

Сыпались дни за днями, как дождевые капли, мчались месяцы за месяцами, как кони на скачках, катились годы за годами, как волны на реке. Жил Ада в семье мельника уже восемнадцатый год. Стал он стройным и сильным, как дуб.

Однажды хан объезжал свои владения и забрел к мельнице. Тут он увидел Аду и удивился: «Неужели этот красивый юноша — сын тех стариков?»

Расспросил он мельника, а тот ему рассказал всю правду и похвалил Аду:

— Юноша все умеет, он очень умен.

— Да, юноша действительно хорош! — сказал хан. — Хочу, чтобы он отвез мое письмо в ханский дворец.

— Как вам будет угодно, о великий хан, — почтительно поклонился старик.

Понял хан, что Ада — тот самый мальчик, которого много лет назад он приказал бросить в реку. В письме он написал своей жене. «Гонца, доставившего письмо, казнить до моего возвращения во дворец».

Взял Ада письмо и отправился в путь. Шел он, шел, начало смеркаться, а до дворца еще далеко. Встретилась ему одинокая юрта, вошел он в нее, а там лишь одна старушка.

— Зачем пришел? Куда путь держишь? — спросила она.

— Я гонец, несу во дворец письмо. Уже поздно. Разрешите, бабушка, переночевать. Буду очень благодарен.

— Нельзя здесь ночевать. Тут притон разбойников. Придут они, увидят — не сдобровать тебе!

Ада устал, ему было все равно.

— У меня ничего ценного нет, я не боюсь разбойников. Разрешите переночевать.

Сказал он так, присел и заснул. А письмо хана у него в руке зажато.

В полночь пришли разбойники. Ада крепко спал и ничего не слышал. Атаман увидел в юрте спящего Аду и спросил старушку:

— Кто это?

Старушка рассказала. Атаман заметил в руке у спящего письмо, раскрыл его и прочитал. Понял он, что хочет хан казнить невинного. Рассердился атаман, порвал письмо на клочки и написал другое:

«Приказываю женить этого гонца на моей дочери до моего возвращения во дворец».

Проснулся Ада утром — в юрте одна старуха, а письмо лежит на столе. Взял он письмо и отправился во дворец.

Жена хана прочитала письмо, посмотрела на стройного, красивого Аду и обрадовалась, что хан выбрал такого хорошего жениха. Она тотчас позвала любимую дочь, пригласила муллу, и торжественный обряд бракосочетания совершился.

Через две недели вернулся хан, узнал он, что Ада женился на его дочери, и страшно разозлился. Позвал он Аду и сказал ему:

— Ты женился на моей дочери. Но я давно поклялся аллаху, что только тот будет ее мужем, кто достанет три золотых волоска с головы повелителя джинов!

— Я достану их! — воскликнул Ада.

Попрощался он с женой и отправился в путь. Прошел через степь, пересек пустыню и подошел к городу. Солдат, охранявший городские ворота, преградил ему путь и сказал:

— Ты пройдешь в город, если ответишь на мой вопрос!

— Хорошо, отвечу. Спрашивай.

— Если ответишь, то ты — самый желанный гость в нашем городе. Есть у нас парк, в парке был источник. Серебряными бусами струилась из него вода. А теперь источник высох. Вот и скажи, почему источник иссяк?

— Я отвечу на этот вопрос, но только на обратном пути.

Солдат пропустил его, и он пошел дальше. Перевалил через высокую гору, переплыл широкую реку и подошел к большому городу. Солдат, охранявший ворота, преградил ему путь. Расспросил его, кто он, куда идет и по какому делу. Ада рассказал.

Тогда солдат спросил, не может ли путник ответить на вопрос, интересующий всех горожан.

— Спрашивай, — сказал Ада.

— Если ответишь, то будешь самым желанным гостем в нашем городе. Росла у нас яблоня, и зрели на ней золотые плоды. Пышно цвела она и каждый год приносила неисчислимое множество яблок. Но теперь она засохла, нет на ней ни одного яблочка, и даже листьев на ней нет. Вот и скажи: почему же яблоня засохла?

— Я отвечу на этот вопрос, но только на обратном пути.

Солдат пропустил его через город.

Шел Ада и шел, пересек семьдесят семь степей, преодолел семьдесят семь пустынь, перевалил через семьдесят семь высоких гор, переплыл семьдесят семь рек, прошел семьдесят семь городов и наконец добрался до озера Баграч-куль. Путь к дому повелителя джинов лежал через озеро. У переправы Аду встретил лодочник и расспросил, кто он, куда идет и по какому делу. Ада рассказал лодочнику про свои дела.

— А можешь ли ты ответить на один вопрос? — сказал лодочник.

— Спрашивай.

— Если ответишь, — ты для меня самый желанный человек. На этой переправе я работаю десятки лет. Я уже стар, голову покрыла седина, пора на отдых. Но скажи, почему никто не идет мне на смену? Разве я должен работать здесь вечно?

— Я тебе отвечу, но только на обратном пути.

Лодочник переправил Аду через озеро Баграч-куль. Ада пересек поле, заросшее колючим кустарником, и увидел дом повелителя джинов.

Сам повелитель был в отлучке, а дома сидела в кресле его бабушка. Старушка обрадовалась стройному и красивому гостю.

— По какому делу пришел? — ласково спросила она.

Ада поклонился:

— Я проделал далекий путь, бабушка, износил много обуви. И все для того, чтобы добыть три волоска с головы повелителя джинов.

Посмотрела старушка на запыленного, усталого гостя и пожалела его.

— Ты перенес много лишений! Так уж и быть — достану тебе волоски, когда он вернется домой.

— Спасибо, бабушка. Но мне еще нужно получить ответ на три вопроса.

— Спрашивай.

— Почему источник иссяк? Почему яблоня завяла? Почему никто не сменяет старого лодочника?

— Хорошо. Когда джин придет, я его расспрошу, а ты внимательно слушай.

Превратила старуха Аду в муравья и спрятала в рукав.

Село солнце. Внезапно поднялся ураган: это летел повелитель джинов. Войдя в дом, он закричал:

— Что такое?! Почему здесь человеческим духом пахнет? — И давай искать пришельца.

Бабушка прикрикнула на него.

— Ты с ума спятил! Я все время сижу дома, как может пробраться сюда человек? Смотри-ка! Я навела в доме порядок, а ты все перевернул вверх дном!

Повелитель джинов перестал искать. Завалился он на кровать, подложил руку под голову и сразу же уснул. Бабушка прикорнула у его изголовья, притворилась спящей. Прошла секунда, минута, вот и час прошел. Бабушка схватила золотой волосок на голове джина и выдернула.

— Ой, бабушка! Что ты делаешь? — Джин проснулся.

— Ох, мне приснился чудной сон, вот я нечаянно и схватила тебя за волосы. Мне снилось, будто я попала в какой-то город. В том городе был источник. Вода серебряными бусами вытекала из него. А теперь источник иссяк. Почему бы это?

— О, если бы они знали почему — они умерли бы от радости! Под источником поселилась жаба. Надо убить ее, тогда источник снова будет струиться серебряными бусами, — сказал повелитель джинов и опять уснул.

Прошла секунда, минута, вот и час прошел. Бабушка снова схватила золотой волосок на голове джина и выдернула.

— Ой, бабушка! Что ты меня дергаешь за волосы?

— Ох, опять мне приснился чудной сон, вот я нечаянно и схватилась за твою голову. Мне приснилось, будто я попала в неизвестный город. Там росла яблоня. Прежде она пышно цвела и каждый год приносила золотые яблоки, но теперь завяла. Почему бы это?

— О, если бы они узнали почему — умерли бы от радости! Под яблоней поселилась мышь, она грызет корни. Если убить мышь, яблоня снова даст золотые плоды, — сказал повелитель джинов и опять крепко уснул.

Прошла секунда, минута, вот и час прошел. Бабушка снова выдернула у джина золотой волосок.

— Ой!

Повелитель джинов подпрыгнул от боли. Но бабушка сразу же заговорила:

— Какой чудной сон! Приснился мне лодочник. Он перевозит путников через озеро Баграч-куль уже несколько десятков лет. Голова его покрылась сединами, а никто не идет ему на смену.

— Если старик передаст руль человеку, одетому в красный халат, и без оглядки уйдет, то получит долгожданный отдых!

Ночь прошла. Утром поднялся ураганный ветер — улетел из дома повелитель джинов. Старушка выпустила Аду из рукава, превратила в человека и отдала ему три золотых волоска.

Целый год шел Ада обратно. Он проходил через те же места и отвечал людям на их вопросы.

Когда Ада переплыл озеро Баграч-куль и сошел на берег, он рассказал лодочнику, что тот должен дожидаться человека в красном халате и передать ему руль. Лодочник сердечно поблагодарил Аду.

В городе, где засохла яблоня, Ада сказал солдату, что нужно убить мышь под деревом. Солдат нашел мышь, убил ее, и тотчас на яблоне появились листочки, а через час она зацвела. Горожане преподнесли Аде много ценных подарков и торжественно проводили из города.

В городе с высохшим источником Ада сказал, что надо убить жабу. И источник снова ожил, заблестели на солнце серебряные бусинки. Горожане подарили Аде золотую коляску и проводили далеко за город.

Вернулся Ада во дворец, обрадовалась ему жена. Золотые волоски Ада отдал хану и рассказал ему, что на дальнем берегу озера Баграч-куль лежат бесценные сокровища. Но взять их может только хан, если на нем красный халат. Хан обрадовался,

надел красный халат и отправился на озеро Баграчкуль.

Старый лодочник еще издали приметил человека в красном. Как только тот подошел к переправе, лодочник сразу же передал ему руль. И руки хана словно приросли к рулю. Остался хан на озере Баграчкуль и до самой смерти перевозил людей с берега на берег.

ФЕЯ ЛОТОСА

Не будем допытываться, когда и где это случилось. Может быть — на краю света, а может быть — рядом с нами.

Жил-был красивый юноша. Он часто ходил к реке рыбачить и всегда встречал там старика, который удил рыбу и при этом нашептывал:

— Тихо сижу, больших рыб ужу!

И юноша видел, что к старику подплывают на самом деле крупные рыбы. В конце концов юноша не стерпел и обратился к старику:

— Дед, научи меня удить.

— Зачем тебе, сынок, учиться у меня? — подняв голову, ответил старик. — Сдается мне, ты и так хороший парень. Послушай-ка: иди вдоль берега — и встретишь свое счастье.

Говоря так, старик сматывал удочку. По воде пошли большие круги. И вдруг старик исчез. Удивился юноша и подумал: «Не иначе, как дух какой-нибудь со мной разговаривал. Пойду-ка вдоль реки, как он велел, посмотрю, что получится».

Долго шел юноша по берегу — с полудня до вечера; вот и ночь пришла, звезды высыпали на небо. Перед юношей расстился речной залив, заросший лотосами. Над заливом ярко светила луна, и казалось юноше, что то не луна отражается в воде, а цветы лотоса светятся. Вдруг откуда-то налетели светлячки, подул легкий ветерок, листья лотоса и цветы зашумели, заколыхались. Оступился юноша, упал, а

когда поднялся на ноги, вокруг все изменилось. Перед ним стояла тутовая роща. Светлячки звездочками поблескивали в ветвях деревьев. В роще виднелся домик, а в его окне мерцал огонек. Через приоткрытую дверь было видно, что в доме девушка ткет шелк при свете лампы. На ней длинная зеленая, как молодая поросль лотоса, юбка, а в волосах свежий бутон лотоса. Не входя в домик, юноша спросил:

— Что это за место?

Девушка отложила работу и подняла голову. Она была так красива, как бывает красив цветок лотоса в лунном сиянии.

— Это место — деревня Лотоса, а меня зовут Хэуанюй¹. Если ты устал с дороги, заходи, отдохнешь здесь, — ответила девушка.

Юноша с радостью вошел в дом, но Хэуанюй не была болтливой. Она снова склонилась над ткацким станком. Работала она так быстро, что не было видно, как бегают челнок. Юноша замечал лишь серебряный наперсток на ее пальце, мелькающий в воздухе. Хэуанюй молчала, и юноша решил уйти. Девушка не задерживала его, только проводила до порога.

Прошел юноша несколько шагов и оглянулся — на месте домика он увидел широкий речной залив. «Эта Хэуанюй, — подумал он, — вероятно, фея лотоса. Вот бы мне найти такую чудесную жену».

Вернулся юноша домой и покой потерял. Еще вечер не наступил, а он снова пришел к лotosовому заливу. Лучи заката, отражаясь в заливе, блестили на крылышках бесчисленных золотых пчелок, хлопотавших над водой. Цветы лотоса казались еще ярче и прекраснее. Вот, наконец, стемнело. Юноша снова увидел Хэуанюй, она встретила его, как старого знакомого, велела ему снять рваную куртку и починила ее. Надевая куртку, юноша сказал:

— Я совсем одинок!

Хэуанюй не ответила, будто ничего и не слышала, и лишь проводила его до порога.

¹ Хэуанюй — Дева лотоса (кит.).

Только в полночь юноша добрался до дома, но не мог он усидеть в своей фанзе и снова побежал к реке.

Поднялся туман, от росы промокли ноги, но он ни на что не обращал внимания, все бежал и бежал вперед. Когда он добежал до лотосового залива, на ивах уже запели птички. Поднялось солнце и рассеяло туман, вода в заливе стала еще прозрачнее, а листья деревьев еще ярче. Устренная роса жемчужинами скатывалась по лепесткам цветов лотоса, их благоухание опьяняло юношу. Он заметил на середине залива самый крупный и самый красивый цветок.

— Может быть, Хэуанюй и есть этот цветок.

Только он подумал, как тот цветок закачался, перед юношей на воде появилась Хэуанюй и направилась к берегу.

Юноша обрадовался, от радости он даже забыл, что Хэуанюй — фея. Боясь, что она утонет, юноша протянул к ней руки, но Хэуанюй уже вышла на берег. Ее лицо было приветливым, но печальным.

— Отец мой не хочет, — сказала она, — чтобы я водила знакомство с простым смертным. Я должна проститься с тобой и больше не встречаться.

Ее слова, как гром, поразили юношу, он не мог вымолвить ни слова, только слезы покатались из его глаз.

Увидев это, Хэуанюй сказала:

— Впрочем, если будешь верным, я согласна бежать с тобой на край света.

Не успели высохнуть слезы на его лице, а он уже улыбался.

— Лишь бы быть с тобой вместе! Я готов жить где угодно — на высоких горах и в дремучих лесах!

Хэуанюй вынула из волос бутон лотоса и подула на него. В мгновение ока бутон расцвел. Она подняла цветок над головой, а другой рукой обхватила юношу, и они полетели. Мимо них проплывали облака, под ними парили орлы. Словами и не расскажешь, как высоко и как быстро летели они.

Вскоре они опустились в ущелье. Юноша посмотрел вокруг. Под ногами — камни, обросшие тра-

вой, а окрест — горы, их было столько, что не перечесть. И он загрустил.

Но Хэуанюй, улыбаясь, сказала:

— Я буду ткать шелк, ты — охотиться. У нас будет и пища и одежда.

— Ведь здесь даже негде жить!

— Не беспокойся, все сделаем, — успокаивала его Хэуанюй. — Я буду носить простые одежды. Я умею превращать сосновые ветки в тутовые деревья.

Она сняла свою зеленую длинную юбку и бросила перед собой. Юбка покружилась в воздухе и упала вдали. И там, где упала юбка, образовалось небольшое озеро, а посередине него стоял на сваях маленький домик, от домика к берегу вел узкий мост. Внутри домик оказался просторным. В нем было все, что нужно для жизни. А около стены стоял ткацкий станок.

На следующий день юноша собрался на охоту. Хэуанюй догнала его у двери и вынула из волос бутон лотоса:

— Возьми с собой вот это. Если встретишь хищного зверя, махни на него бутоном, и зверь не осмелится даже приблизиться к тебе. Но только никому не отдавай этот бутон.

Юноша взял бутон лотоса и ушел. Он поднялся на восточную гору. Там было много непуганой дичи. И зайцы не убежали, и фазаны не улетали. Много фазанов и зайцев поймал он. Возвращаясь домой, он еще издали увидел, что на склоне горы выросла зеленая тутовая роща. Хэуанюй работала не покладая рук. Она втыкала сосновые ветки в щели меж камнями, и ветки сразу же превращались в большие тутовые деревья. Сосновые иглы кололи ей руки, щеки покраснели от солнца. Юноше стало жалко ее:

— Хэуанюй, пойдем домой, отдохни.

Она улыбнулась:

— Нам же здесь жить! И я хочу превратить это безлюдное ущелье в большое озеро, а голые горные склоны покрыть тутовыми деревьями.

На третий день юноша поднялся на западную гору и увидел там табуны диких лошадей. А горные козлы сами бежали ему навстречу. Он сел на дикую

лошадь, взял на руки козленка и вернулся домой. А дома уже лежали на кане зеленые шелковые ткани. Хэуанюй разложила их на траве, и они сразу же превратились в изумрудную воду.

Наступил вечер, а Хэуанюй все ткала. От усталости у нее ныли руки, болела спина. Юноша сказал ей:

— Уже поздно, отдохни.

Хэуанюй улыбнулась:

— Нам же здесь жить! Я хочу превратить безлюдное ущелье в большое озеро, а голые горные склоны покрыть тутовыми деревьями.

Проходили день за днем, месяц за месяцем. Хэуанюй в глазах юноши уже не была так прелестна, как прежде. Ее черные волосы стали менее шелковисты, румяное лицо — менее лучезарно. Однажды он спросил ее:

— Не работа ли состарила тебя?

Но Хэуанюй только покачала головой.

Шел как-то раз юноша на охоту, перевалил несколько гор, перешел много оврагов и наконец подошел к впадине на тенистой стороне одной из гор. Тут не зеленела трава, не благоухали цветы, а на середине склона зияла черная пещера. В руках у юноши был бутон лотоса, поэтому он смело вошел в пещеру. Чем дальше он шел, тем темнее и мрачнее становилось в ней. Порой он чувствовал запах крови. Вдруг навстречу выскочил тигр с горящими, как фонари, глазами и, широко раскрыв пасть, кинулся на него. Юноша махнул бутонем лотоса, тигр сразу же повернулся и убежал. Юноша пошел вперед. Вдруг навстречу выбежала волчья стая. Волки наострили уши, опустили хвосты, окружили его. Юноша снова махнул бутонем лотоса. Волки повернулись и убежали. Вскоре юноша увидел впереди светлую полосу, подошел к большим дверям, распахнул их, и в глаза ему ударил яркий свет. Навстречу ему встала с кана красавица с белоснежным лицом и яркими губами. И показалось юноше, что Хэуанюй по красоте и сравнить нельзя с этой девушкой. Он сел рядом с нею на кан. Та и разговаривала, и шутила, и угощала вином из золотых бокалов, кушаньями на

серебряных блюдах. Голос ее был, как журчанье ручейка, медовые речи красавицы совсем вскружили ему голову, и он решил остаться с ней. Прожил он в пещере только три дня, но совсем изменился: забыл он про любовь Хэуанюй. Он заботился лишь о собственном веселье, забыл о том, что Хэуанюй беспокоится и тоскует. На четвертый день красавица сказала ему, что ей нужно навестить родственников, но она боится хищных зверей. Юноша не раздумывая отдал ей бутон лотоса. Как только красавица вышла, двери тут же захлопнулись, свет погас, в пещере стало темно, хоть глаза выколи. И куда бы юноша ни шагнул, всюду натыкался на камни. Снаружи до него доносился рев тигров и вой волков. Юноша закричал, он звал на помощь, но никто не отзывался. От страха он сжался в комок у громадного камня.

А Хэуанюй сидела дома у ткацкого станка и усердно работала. Когда время зашло за полдень, она заволновалась: почему муж до сих пор не возвращается? Погадала она на пальцах и все поняла. Она знала, что два часа земных равны суткам в пещере. Юноша уже трое суток прожил в пещере с красавицей-оборотнем. И обидно было Хэуанюй и мужа жалко. Сначала она подумала, что незачем спасать его, но потом решила — надо спасти, какой он ни есть.

Перевалила она множество гор, перешла множество оврагов и подошла к пещере на тернистой стороне горы. Вход в пещеру был закрыт каменной глыбой. Тогда она поднялась на вершину горы. Там Хэуанюй сняла с пальца серебряный наперсток и положила его на камни. И тут же около наперстка в горе образовалось круглое отверстие.

Юноша в пещере заметил вдруг сверху свет, и через миг перед ним предстала Хэуанюй. Она взяла его за руку, и не успел он моргнуть глазом, как очутился на вершине горы.

Хэуанюй нагнулась, подняла с камня серебряный наперсток, надела на палец, и отверстие в горе исчезло.

Юноша был очень смущен, он стоял перед женой

с опущенной головой. Но Хэуанюй не сердилась, она лишь сказала ему со слезами на глазах:

— И во сне мне не могло присниться, что ты такой непостоянный. Жаль, что ты бутон лотоса потерял. Всего-то у меня и было лишь два волшебных предмета: один из них — вот этот наперсток — им можно, как ключом, открыть любую гору — да тот бутон лотоса. С ним я могла летать по небу; когда он при мне, я не старею...

Не успела Хэуанюй договорить, как поднялся из ущелья вихрь. Она поняла, что вернулась красавица-оборотень. С бутоном лотоса Хэуанюй легко бы победила ее. Но теперь бутон в руках врага. Хэуанюй рассчитывала заманить оборотня в свою долину и там с ним справиться.

Она потянула за собой мужа и устремилась домой, как парусная лодка с попутным ветром. Юноша бежал за ней. Вскоре красавица-оборотень настигла их, но не посмела подойти близко к Хэуанюй, только издали она уговаривала юношу вернуться. А Хэуанюй сказала ему:

— Смотри не оборачивайся, оглянешься — умрешь.

— Эй, парень! — кричала красавица-оборотень. — Вспомни-ка, как мы хорошо провели трое суток в пещере! Вспомни-ка, какая я красивая!

Слушал, слушал юноша оборотня, и сердце его не выдержало. Повернулся он, а красавица-оборотень махнула на него платком, и невольно побежал он к ней. Позвала красавица-оборотень змею, села с юношей на нее и вихрем помчалась в пещеру.

Горестно вздохнула Хэуанюй:

— А я-то хотела спасти тебя. Теперь уж ничто не спасет!

Через несколько дней у входа в пещеру лежали кости и одежда юноши. Добрая Хэуанюй собрала их и похоронила рядом со своим домиком.

Хэуанюй днем продолжала сажать тутовые деревья и выкармливать шелкопрядов, а вечером ткала шелк. Через несколько лет все окрестные горы покрылись тузовыми рощами. Зеленые шелка расстелила она в долине, и долина превратилась в озеро.

Белые бабочки летали между зелеными тутовыми деревьями, яркие лотосы цвели на озере. Однажды Хэуанюй подошла к могиле мужа. На ней вырос зелененький кустик. Когда она коснулась его пальцем, листья на кустике стыдливо свернулись, а ветки поникли.

Прошло много дней. Пришел к озеру в долине старик рыболов рыбу поудить. Хэуанюй рассказала ему обо всем. Старик рыболов пошел к красавице-оборотню, отнял у нее бутон лотоса и вернул его Хэуанюй. Хэуанюй стала носить его на голове, и волосы у нее снова заблестели, лицо снова засияло. Уходя из долины, старик собрал семена с кустика, выросшего на могиле юноши, и покинул горы. А на следующий год у леса вблизи гор и на дюнах у моря выросли такие же зеленые кустики. Уже потом они появились в садах. Люди называют их «ханьсюцао» — стыдливой травкой¹. И, если кто-нибудь дотронется до кустика, листья свертываются, и ветки опускаются книзу.

И до сих пор встречаются еще люди, такие же, как юноша в этой сказке, они часто меняют сердечные увлечения и не стыдятся этого.

СТАРЫЙ РЫБАК

У Восточного моря жил старый рыбак. Не было у него ни сына, ни дочери, да и старуха его давно уже умерла. Так и жил он бобылем в маленькой землянке и кормился рыбной ловлей.

Однажды в ясную погоду, когда на море играла лишь легкая зыбь, старый рыбак, как обычно, сел в лодку и отправился за рыбой. Но рыба в этот день словно попряталась. Много раз закидывал сеть старик и не поймал ни одной.

— Ничего, — успокаивал себя рыбак, — в старину говорили: девять раз пустая сеть, а на десятый — удача.

¹ Ханьсюцао — мимоза, буквально «травя стыдливости» (кит.).

Но вот и в десятый раз закинул, и в пятнадцатый — ни одной рыбешки! В полдень решил старик в последний раз попытать счастья: «Ничего не попадется, вернусь домой». Но и на этот раз сеть была пустой. Трепыхался в ней только один золотистый лещенок. Вздохнул рыбак, вытряхнул лещенка в лодку, на дне которой плескалось немного воды, и поехал домой.

На берегу старик положил лещенка в пустую корзину. А дома посмотрел на него и пожалел рыбку: она жадно глотала воздух, жабры ее то раскрывались, то закрывались. Бросил он лещенка в чан с водой и сказал:

— Плавай! Все равно с тебя ни толку, ни проку. И горстки риса не дадут за тебя.

Много дней прошло с тех пор, старик уже и забыл про рыбку. Вернулся он однажды с моря, вошел в землянку и почуял: пахнет чем-то вкусным. Открыл крышку горшка, а там готовый ужин.

— Кто это такой добрый? — воскликнул старик. — Кто пожалел одинокого старика? Ну что ж, раз ужин готов, надо подкрепиться. — Сел старик за стол и плотно поужинал.

На следующий день случилось то же самое: вернулся вечером старик и нашел готовый ужин. Поел старик, поблагодарил неизвестного человека. И на третий день кто-то тайно приготовил старику вкусный ужин.

На четвертый день рыбак пораньше вернулся домой, чтобы подсмотреть, кто же все-таки готовит еду. Подошел он в полдень к землянке, заглянул в щелочку и увидел хлопотавшую у печи девушку. Толкнул он дверь, вошел в землянку.

— Так это ты у меня хозяйничаешь?

Девушка очень смутилась.

— Ну зачем ты, дедушка, так рано вернулся? Я еще ничего не успела...

— Дочка! — воскликнул старик, и на глазах у него появились слезы. — Ты пожалела одинокого старика. Не знаю, как тебя и благодарить!

— Не надо благодарить! Я буду каждый день готовить... Согласен?

— Согласен, согласен! Но я ведь не знаю, кто ты, как же мне утруждать тебя?

— Это ничего, что ты меня не знаешь. Считаю приемной дочерью, а для меня ты будешь отцом.

И вот появилась у старого рыбака красивая дочка. Она готовила ему пищу, убирала землянку, стирала.

Много ли, мало ли прошло времени, но однажды проносили носильщики вдоль берега роскошный паланкин, а дочь рыбака как раз стирала белье перед землянкой. В паланкине сидел начальник уезда, и девушка приглянулась ему — уж очень она была красива.

Через несколько дней начальник уезда вызвал к себе рыбака.

— У тебя дочь — красавица... А я твой господин. Хочу взять ее в наложницы. Ты рад?

Упал рыбак на колени, взмолился:

— Господин начальник, будьте милостивы. Я не могу решить это без согласия дочери, надо спросить ее.

— Не болтай вздора! — Начальник уезда стукнул кулаком по столу. — Замуж идут по воле родителей. Почему же ты не можешь решить судьбу дочери? Ладно, даю тебе два дня сроку. Послезавтра приведи дочь ко мне.

С тяжелым сердцем вернулся старик домой. Рассказал обо всем дочке, а та и говорит:

— Лучше быть бездомной птицей, чем наложницей чиновника. Умру, а к нему не пойду!

Старику и самому не хотелось отдавать дочку начальнику уезда. Больше он об этом не вспоминал, а к начальнику не пошел.

Через несколько дней снова пришли за ним из ямыня. Напугался старик, опустив голову побрел в ямынь, но начальник уезда даже не напомнил ему о дочери, он только приказал:

— Слушай, старый. Послезавтра мне исполнится пятьдесят лет. Для гостей у меня в доме будут накрыты двадцать четыре стола. Мне нужны двадцать четыре совершенно одинаковых окуня. Чтобы и цвет и величина были у них одинаковы. Доставь мне этих

окуней. Принесешь — получишь награду, нет — пеняй на себя, накажу по закону!

Рыбак не посмел отказаться от такого невыполнимого поручения. Дома дочь сразу заметила, что старик печален.

— Батюшка, почему ты такой грустный? Что сказал тебе начальник уезда?

Старик глубоко вздохнул:

— Этот злобный пес приказал мне достать для пиршества двадцать четыре рыбины.

— Ну и что ж? Дадим ему этих рыб. Не будем два дня продавать и наберем, сколько нужно!

— Да ведь ему нужны не просто окуни, а двадцать четыре окуня совершенно одинаковых и цветом и величиной. Откуда же я их достану? Не только за два дня, за два года не наловишь таких.

— Ничего, отец! Я помогу. Верь мне — помогу. Ты сходи на базар, купи пальмовых листьев. После завтра утром я тебе достану двадцать четыре одинаковых окуня.

На третий день встала дочь раным-ранехонько. Вырезала она из пальмовых листьев двадцать четыре одинаковых рыбки, положила их в кадучку, помешала рукой воду, и листочки превратились в одинаковых окуней.

— Смотри, отец! — позвала она старика. — Вот и окуни. Завтракай, а потом отнеси их псу-начальнику.

Старик поспешно подошел к кадучке: а там и в самом деле плавают и резвятся двадцать четыре одинаковых окуня. Так сразу на сердце и полегчало. Позавтракал старик, положил рыб в ведро с водой и понес в город.

А начальник уезда надеялся, что рыбак, не выполнив поручения, будет молить о милосердии, тогда-то и придется старику отдать дочь. Но прошло два дня, а от рыбака ни слуху ни духу. Начальник уезда хотел послать за стариком, но тот явился сам.

— Господин начальник, я принес рыбу для вашего дня рождения. — Старик поставил перед начальником уезда ведро. — Посмотрите.

Начальник усмехнулся, взглянул в ведро, а там, и в самом деле двадцать четыре совершенно одинако-

вых окуня. Перебрал он всех окуней в ведре, ни в чем они друг от друга не отличаются. Наказать старика за обман начальства не удалось.

— Господин начальник, — снова заговорил рыбак, — смотрите, столько рыб и все одинаковые! Прямо чудо!

— Чудо говоришь? — закричал в бессильной злобе начальник уезда. — Так вот! Даю тебе три дня сроку — достань-ка мне это самое «чудо». Не достанешь — не сносить тебе головы.

Пошел домой старик. Идет и думает: «Как же я добуду это «чудо»?» Рассказал дома дочери обо всем, но та только улыбнулась.

— Не горюй! Ему хочется получить «чудо»? Достанем и «чудо»!

Старик нахмурил брови:

— Не говори зря! Никто никогда не видывал «чуда», никто не знает, что оно такое и где его раздобыть.

— Вот потому-то мы и найдем его. Успокойся, батюшка, через два дня я дам тебе «чудо».

На следующий день девушка взяла несколько оловянных сосудов, разыскала в городе мастера, попросила его переплавить сосуды и сделать из них зверя, который не был бы похож ни на лягушку, ни на черепаху, ни на какое-либо другое существо. Потом она купила в лавке, где продавали хлопушки, два цзиня пороха. Когда медник изготовил «чудо», она всыпала в оловянного зверя порох, а пасть заткнула ваткой. Пришла она и позвала старика:

— Батюшка, иди скорее сюда! Посмотри, я принесла тебе «чудо»!

Подошел старик и усмехнулся: в самом деле, никогда он не видел такого странного зверя. Рассматривал, рассматривал его и спросил:

— Это и есть «чудо»?

— Ну да! Не веришь? Позови его, оно ответит.

— Чудо, а чудо, — робко позвал старик.

Из пасти послышался дребезжащий голос:

— Я-а-а!

— Сейчас же пойду и отдам начальнику уезда, — обрадовался старик.

Завернул «чудо» в тряпочку и выбежал из землянки. Девушка догнала его и наказала:

— Если начальник спросит, чем «чудо» питается, скажи, что оно ест раскаленные угли.

Пришел рыбак в ямынь. Начальник уезда разбирал какие-то дела. Рыбак положил узелок на стол.

— Господин начальник, я принес «чудо». — И старик развернул тряпочку.

— Болван! Ты смеешься надо мной! Это же оловянная игрушка, а не «чудо»!

— Осмелюсь доложить, господин начальник, это и есть настоящее «чудо». Позовите его, оно ответит.

— А как же его звать?

— Да так и зовите: чудо.

Начальник уезда позвал и услышал:

— Я-а-а!

Заинтересовался начальник уезда и спросил старика:

— Чем же оно питается?

— Раскаленными углями.

— Ну-ка, принеси углей, — приказал начальник уезда слуге.

Быстро принесли ему угли. Он сам взял щипцами уголек и поднес к пасти «чуда». Вата в пасти начала тлеть, огонь проникал все дальше и дальше, а начальник с любопытством смотрел на «чудо».

Вдруг раздался оглушительный грохот: «чудо» взорвалось. Комната наполнилась дымом. Стало темно, как ночью. Пока слуги суетились, приводили начальника в чувство, старый рыбак повернулся и пошел спокойно домой.

Говорят, что начальник уезда так и не пришел в себя.

НАЛОЖНИЦА ИМПЕРАТОРА

Полюбил Ван Сяо-эр девушку и женился на ней. Она была очень ловкой, искусной и прекрасно рисовала. Жили они счастливо.

Ван Сяо-эр не отходил от молодой жены, целыми днями сидел дома.

Как-то жена спросила его:
— Почему ты не ходишь в поле работать?
Ван Сяо-эр покраснел:
— По правде говоря, никак не могу с тобой рас-
статься!
Жена прыснула со смеху:

— Так вот в чем дело! Тогда я нарисую тебе свой портрет. Как подумаешь обо мне, посмотри на него.

Она взяла зеркало, кисть, бумагу и нарисовала. Начал Ван Сяо-эр каждый день ходить в поле. Придет, развернет портрет, прижмет его к земле камешками. Ударит мотыгой раз, два и полюбуется — какая у него жена красавица.

Однажды пришел он на поле и только развернул портрет, как налетел страшный ветер, вырвал из рук бумагу и унес далеко, далеко! Не найти! Как сокрушался Ван Сяо-эр!

А по стране в то время разъезжали императорские сановники и отбирали наложниц своему повелителю. Когда ветер стих, портрет упал как раз перед

конем императорского сановника. Сановник приказал подать ему бумагу и поразился красотой женщины, изображенной на рисунке. Он погнался коня в столицу и доложил обо всем императору. Император посмотрел на рисунок, изумился красоте женщины и тут же приказал:

— Быстрее разыщи красавицу! Срок — полмесяца. Не привезешь — останешься без головы!

Сановник отправился на поиски.

Безуспешно искал он четырнадцать дней. Не снести головы сановнику, если завтра не найдет красавицу. Вот и пятнадцатый день кончается, солнце клонится к закату, а прекрасная женщина еще не найдена. «Все кончено, — думал сановник, — остается вернуться в столицу и ждать смерти!» Захотелось ему покурить. Он подскочил к соломенной хижине, спрыгнул с коня и пошел попросить огня. Толкнул дверь — и вдруг увидел женщину, как две капли воды похожую на тот портрет! Боясь ошибки, сановник быстро вышел из хижины и вытащил из кармана портрет. Нет, он не ошибся. Казалось, с портрета смотрело живое лицо этой женщины. «Ну, можно ли было предположить, что такая красавица живет в соломенной хижине!» — подумал сановник. Сановник подъехал к своей свите и приказал взять красавицу. Когда слуги сановника схватили жену Ван Сяо-эра, она начала громко кричать:

— Спасите! Разбойники!

— Не кричи! — сказал сановник. — Тебе улыбнулось счастье! Ты понравилась нашему императору и будешь наслаждаться жизнью рядом с ним. — И он приказал слугам: — Скорей в столицу!

Но женщина еще громче закричала:

— Это невозможно! У меня есть муж!

— Какой еще муж! Ты будешь наложницей императора! Другие только мечтают об этом. А ты и не мечтала, да тебе повезло! Только не забывай меня, не забывай, что я для тебя сделал. — И снова он крикнул слугам: — Едем! Едем! Едем!

А Ван Сяо-эр уже бежал с поля. Он увидел, что слуги сановника схватили его жену, и бросился на

выручку. Но что он мог сделать один против четверых? На него посыпались удары, и он упал. Жена билась в руках двух здоровенных солдат. «Нет, не вырваться, — подумала она, — даже если бы выросли у меня крылья». Она перестала вырываться и крикнула сановнику:

— Хорошо, я пойду! Только разреши мне поговорить с мужем на прощание!

Сановник разрешил. Она помогла мужу подняться с земли и ввела его в хижину. Жене Ван Сяо-эра пришел в голову хитрый план. Оставшись с мужем наедине, она договорилась с ним обо всех подробностях.

Когда жену увезли, Ван Сяо-эру все стало не мило. Он плохо ел, работа валилась из рук. Его подерживал лишь хитрый план жены.

Прошло полгода. На славу уродилась сурепица на поле Ван Сяо-эра. Он собрал ее и высушил на солнце. К условленному дню он надел широкополую шляпу, плащ из куриных перьев, поднял на коромысле сушеную сурепицу и пошел в столицу.

Жена Ван Сяо-эра и дни и ночи напролет тосковала в императорском дворце. Ничто ее не радовало. Император пытался развеселить ее, но она оставалась ко всему безучастной.

В назначенный день, после полудня, она вдруг оживилась и уговорила императора выйти вместе с ней на одну из дворцовых башен полюбоваться на город. Ей было так весело, что она даже рассмеялась. Император был рад этому.

— Красавица! Ты никогда не была такой веселой с тех пор, как живешь во дворце. Ты очень красива, а веселье удесятерит твою красоту!

Жена Ван Сяо-эра рассмеялась еще громче.

— Отчего же ты смеешься, красавица? — спросил император.

— Видишь там человека в плаще из куриных перьев? — она показала вниз. — Он очень смешно одет!

— В этом нет ничего интересного. Но если ты и вправду считаешь это смешным, то для тебя, красавица, и я наряжусь!

— Ты можешь нарядиться? Пожалуй, у тебя так не получится.

Ее слова раззадорили императора, он крикнул вниз:

— Эй, человек! Поднимись сюда! — и приказал слугам привести торговца.

Когда Ван Сяо-эра доставили на башню, император велел слугам удалиться, приказал торговцу раздеться и надел на себя его широкополую шляпу и плащ из куриных перьев. Потом он поднял коромысло и, подражая торговцу, начал выкрикивать:

— Продаю сурепицу! Продаю сурепицу!

Ван Сяо-эр быстро накинул на себя парчовый халат императора, а его жена истошным голосом закричала вниз:

— Люди! Сюда! Скорее сюда!

Внизу у башни было много сановников, евнухов, наложниц императора. Все они сбежались на башню. А жена Ван Сяо-эра продолжала кричать.

— Рубите голову! Скорее рубите голову человеку в плаще из перьев! Он оскорбил императора!

Смешная одежда торговца так изменила облик императора, что люди не узнали его. Императора схватили и отрубили ему голову.

После смерти императора Ван Сяо-эр отпустил на свободу всех наложниц и рабынь, а дворец — сжег.

ЦВЕТOK

(Сказка народности цян)

Жил у реки Миньцзян молодой рыбак Ван Сяо-эр со старушкой матерью. Ни пашни, ни луга у них не было. Каждый день Ван Сяо-эр удил рыбу, тем они и жили. Однажды Сяо-эр закинул удочку и стал ждать, когда клюнет. Задремал он и вдруг слышит — кто-то зовет:

— Ван Сяо-эр! Ван Сяо-эр! Там угорь с карпом дерутся! Скорее лови!

Ван Сяо-эр очнулся и видит: по реке ходят громадные волны, а с волны на волну прыгает громадный угорь с разинутой пастью и старается проглотить золотистого карпа. Сяо-эр прыгнул в воду, прогнал угря и поймал маленького карпа. Принес домой и пустил в чан с водой.

На следующий день Сяо-эр снова отправился удить, а мать осталась дома. Она решила сварить уху, подошла с ножом к чану, а карп вильнул хвостом и заговорил человеческим голосом:

— Не убивай меня! Придет твой сын — я ему добуду большое богатство.

Старуха удивилась, что рыба говорит. «А может быть, — подумала она, — это дух какой-нибудь, принявший образ рыбы?» Решила она пока карпа не трогать.

Вернулся Сяо-эр затемно, пришел хмурый с одной лишь удочкой в руках. Старуха увидела сына с пустыми руками и начала причитать:

— Ох, сынок! Если так и дальше пойдет, помрем мы с тобой с голоду!

А рыбка заговорила из чана:

— Не волнуйся, старая. Вели сыну отнести меня в реку, а там он получит награду.

Услышав, что рыба говорит, Сяо-эр и про голод позабыл. Взял он рыбку, пришел к реке и отпустил ее на все четыре стороны. Вдруг из реки появилась старушка.

— Пойдем со мной во дворец царя-дракона, — сказала она Сяо-эру. — Но советую тебе: ничего не бери, когда царь-дракон захочет сделать тебе подарок. Возьми только самый маленький цветок из тех, что стоят на алтаре.

Вошли они в реку и по дну пришли к роскошному дворцу царя-дракона. Оглянулся Сяо-эр, а старушки уж нет. Рядом вьется тот самый карп, — оказался он младшим сыном царя-дракона. Царь-дракон вышел из дворца и радостно улыбнулся младшему сыну. Карп рассказал ему о своих злоключениях.

В честь Сяо-эра царь-дракон устроил пир. Когда Сяо-эр наелся досыта, он вспомнил о голодной матери и стал торопливо прощаться. Царь-дракон пред-

ложил ему взять в подарок золото, серебро, шелка. Но Сяо-эр отказался от всего.

— Дай мне лучше, — попросил он, — тот маленький цветок, что стоит на алтаре.

Царя-дракона такая просьба озадачила, жаль ему было цветок отдавать, но вспомнил он, что Сяо-эр спас сына, и отдал.

Уже рассвело, когда Сяо-эр вернулся домой. Мать увидела у него в руках один лишь цветочек и очень рассердилась. Сяо-эр положил цветок на алтарь.

— Не сердись, пойду наловлю тебе рыбы.

До самого полудня Сяо-эру ничего не удалось поймать. Но он об этом и не думал, все вспоминал о цветке царя-дракона. Не давал ему цветок покоя. Смотрел он удочку и зашагал домой.

Приходит, а дома-то и нет. Стоит вместо старой, покосившейся лачуги роскошный дворец, лучше императорского. Вошел он во дворец и видит: накрыт стол, на нем разные кушанья, за столом сидит мать,

а на алтаре лежит тот же цветок. Сяо-эр попросил мать объяснить ему, что произошло.

— А я и сама не знаю, что случилось. Как ты ушел, у меня закружилась голова, в глазах потемнело. Когда я очнулась, все уже изменилось.

«Во что бы то ни стало я должен выяснить, что это за цветок», — решил Сяо-эр. На следующий день он спрятался за дверью комнаты, где стоял алтарь, и стал не моргая смотреть в щелку на цветок. Вдруг тот скатился с алтаря на пол и превратился в прекрасную девушку. Сяо-эр обрадовался, подбежал к ней, схватил за руку и не хотел отпускать, он просил девушку стать его женой. Она согласилась. И зажили они счастливо.

Однажды императорские слуги охотились на горлинок. Они увидели дворец Сяо-эра, который был прекраснее императорского, потом увидели жену Сяо-эра, которая была красивее императрицы. Целый день они, как замороженные, крутились вокруг дворца Сяо-эра. Уже стемнело, а слуги так и не наловили горлинок. Император очень любил горлинок, и возвратиться слугам во дворец с пустыми руками было нельзя. Слуги знали жестокость императора. Они стояли около дворца Сяо-эра и обсуждали, как быть?

Жена Сяо-эра услышала их разговор, вылепила из кукурузного теста пятьдесят горлинок и выпустила их из дворца, те и начали кружить над головами слуг. Подстрелили слуги всех до единой. Император их похвалил, получив горлинок.

На следующий день императорские слуги отправились прямо к дворцу Сяо-эра, чтобы взглянуть на его жену. Они опять целый день крутились вокруг да около и ничего не поймали. Жена Сяо-эра снова вылепила из теста сто горлинок и выпустила их на улицу. И опять слуги настреляли их и принесли императору. И на третий день слуги пришли ко дворцу Сяо-эра. На этот раз они вернулись в императорский дворец со ста пятьюдесятью горлинками.

Удивился император, позвал слуг и велел рассказать:

— Почему прежде вы приносили самое большое десять горлинок, а теперь приносите так много?

Почему эти горлинки так вкусны — без косточек и ароматные?

Не хотели слуги открыть тайну, боялись, что жена Сяо-эра обидится на них и уже не даст им столько горлинок. Но император начал гневаться. Пришлось рассказать все.

Тогда император приказал Ван Сяо-эру явиться с женой во дворец. Удивился он красоте жены Ван Сяо-эра, решил взять ее в гарем, где у него уже было несколько сот жен. Но под каким предлогом это сделать, он не знал.

По совету одного из приближенных сановников Сяо-эру приказано было принести в императорский дворец петуха для участия в петушином бою.

— Если твой петух потерпит поражение, твоя жена будет моей, — сказал император. — А если не хочешь состязаться петухами, велю отрубить тебе голову.

Ван Сяо-эр испугался, не смел возражать. А его жена ответила:

— Хорошо, отпустите нас домой за петухом!

Дома жена вырезала петуха из бумаги, и он в миг превратился в настоящего. Сяо-эр пошел с этим петухом к императору. Петух императора потерпел поражение. Тогда император захотел сразиться с Сяо-эром кабанами.

Сяо-эр вернулся домой и рассказал об этом жене. Она вырезала из бумаги кабана и превратила его в настоящего. Сяо-эр пошел с ним на бой кабанов и снова победил. Тогда император захотел сразиться с Сяо-эром мулами.

Сяо-эр рассказал об этом жене. Она сделала бумажного мула, и тот превратился в настоящего сильного мула, который мог даже летать среди облаков. Конечно, мул Сяо-эра победил.

Император разгневался, он захотел сражаться с Сяо-эром настоящими воинами и пригрозил ему, если он откажется от боя, казнить не только его самого, но и всех его родных до девятого колена.

Сяо-эр пришел в ужас от такого требования. Со слезами он вернулся домой.

— Не бойся, я схожу во дворец дракона, по-

прошу там помощи, — сказала жена и внезапно исчезла.

Настало время боя. Император верхом на белом коне вывел свое стотысячное войско. А жена Сяо-эра все не возвращалась. Сяо-эр сидел у реки и горько плакал. Настал его последний час! Вдруг потемнело, засверкали молнии, загрохотал гром, поднялся ураганный ветер, пошел проливной дождь. Река вышла из берегов. И видит Сяо-эр: появилась из реки его жена с морским войском. Оно обрушилось на армию императора и окружило ее. Императорские солдаты разбежались кто куда и сам император хотел было ускакать, но жена Сяо-эра настигла его мечом. И сразу кругом посветлело, река вошла в берега, на земле все успокоилось.

Жена перевезла Сяо-эра и свекровь в императорский дворец. Она достала яшмовую печать — символ власти императора, собрала всех генералов и чиновников и объявила Сяо-эра императором. Никто не противился этому.

Когда Сяо-эр стал императором, он уменьшил налоги, наказал жадных начальников и взяточников. И воцарились на земле мир и спокойствие. Народ зажил счастливо.

СКУПОЙ ДЬЯВОЛ

Тучные поля помещика Ван Да-фу были так обширны, что птица не могла перелететь их, не опустившись на землю. Принадлежали ему и бесчисленные стада мулов и коней. Но он был скуп, и деньги для него были милее жизни. Из-за скупости он никогда не клал в пищу соли, жалел деньги на лекарство для себя. Батраки его всегда были голодны, да и сам он, его жена и дети никогда не наедались досыта. Богач, а жил впроголодь. Поэтому односельчане дали ему прозвище Скупой Дьявол. Прозвище пристало к нему, и вскоре уже никто не знал, кто такой Ван Да-

фу. Зато о Скупом Дьяволе передавали из уст в уста множество историй.

Однажды заболела у Скупого Дьявола жена. Она потеряла охоту к еде. Желтая пампушка из грубой кукурузной муки застревала в горле, а кроме грубой пищи, Скупой Дьявол ей ничего не давал. Долго сидела она за столом, заставляя себя съесть пампушку. И вдруг заметила из окна в огороде горящие огнем красные стручки спелого перца. Сразу ей захотелось есть, сбегала она украдкой на огород, сорвала три небольших стручка перца, истолкла в пиале и добавила воды. Макавая в эту воду пампушку, она с удовольствием ела и громко втягивала воздух, чтобы охладить горевший от перца рот. В комнату вошел Скупой Дьявол. Жена не успела спрятать пиалу.

— Что это ты такое вкусное ешь? — спросил муж.

Пришлось ей рассказать. Она предложила ему попробовать. Скупой Дьявол глотал кусок за куском, от перца он весь вспотел и не мог сказать ни слова. Молча съел он четыре пампушки. Увидев, как жадно ест муж, жена понадеялась, что он поблагодарит ее или похвалит. Но после еды Скупой Дьявол вытер пот со лба, засучил рукава и принялся бить жену. Она взмолилась:

— В чем же я виновата?.. За что бьешь?.. Бессовестный ты!..

— Ах ты, воровка! Я десять лет копил по грошу и до сих пор не накопил ста тысяч лянов. А все из-за тебя: ты жрала хлеб с перцем. Не тебя, так кого же мне бить? Чтобы впредь тебе не повадно было!..

Скупой Дьявол рассвирепел и бил жену, пока руки не заболели.

Родственников у Скупого Дьявола было немного. С одними он перестал знаться, боясь, что те попросят у него взаймы, а другие ненавидели его и сами не хотели с ним знаться. Только племянник — сын сестры, — повинувшись воле матери, приходил раз в год поздравить Скупого Дьявола с Новым годом.

Как-никак, а племянник все-таки гость, да и новогодний праздник бывает только раз в году, поэтому приходилось готовить угощение получше. К но-

вогоднему обеду подавали для племянника вареные ломтики редьки, один блин и пампушки с голубиное яйцо.

Племянник, морщась, смотрел на угощение: редьку шинковали тоньше волоса, а блин был твердым и наполовину сырым, его и в рот нельзя было взять. И так каждый год.

И вот однажды взяло племянника сомнение: почему каждый год у дяди на обед подают такой жесткий блин? Может быть, этот скряга десять лет каждый раз кладет на стол один и тот же блин? Племянник украдкой сделал на блине четыре дырочки.

Солнце катилось по небу, а луна — за ним. Прошел год, и опять наступил новогодний праздник. Племянник пришел к Скупому Дьяволу с поздравлениями. Как и прежде, подали на стол ломтики редьки и твердый блин. Прежде чем начать есть, племянник внимательно осмотрел блин, а на нем — четыре дырочки. Решил он покончить на этот раз с блином. Как ни противен был блин, он съел его и посмотрел на дядю. Тот побледнел, но ничего не сказал.

Скупой Дьявол не переставал горевать о съеденном блине. Но кому поведаешь о таком горе? Получилось как в той пословице, где немой съел горький огурец, а пожаловаться никому не может.

Печаль эта загрызла Скупого Дьявола, заболел он. Много раз предлагала жена пригласить лекаря, но Скупой Дьявол запрещал ей:

— Недаром говорится: болезнь вылечишь, а судьбу нет. Если бы врачи могли лечить и болезни и судьбу, никто бы не умирал... Если мне суждено умереть, какой толк принимать лекарство? А если не суждено умереть, то зачем тратить на него деньги?..

Жена продолжала его уговаривать:

— Ты так похудел! У тебя же остались кожа да кости. Пожалей себя, поешь чего-нибудь повкуснее, глядишь — и поправишься без лекарства...

Но Скупой Дьявол отказывался:

— Вкусное, невкусное — все пройдет через рот и исчезнет в животе. Для живота одинаково и вкусное и невкусное... Эх, ты! Любишь сладко поесть, вот

и подговариваешь меня транжирить. Сама, небось, хочешь заодно полакомиться!

Рассердилась жена, перестала заботиться о нем.

Скупому Дьяволу становилось все хуже и хуже: глаза ввалились, сам весь высох. Уже никакой надежды не было на выздоровление. Он и сам понимал, что дни его сочтены, и испугался: что станет с его богатством после того, как он умрет. Он позвал всех домашних и ослабевшим голосом сказал им:

— Каждый чох¹ — деньги. Десять чохов можно обменять на медяк. Надо копить изо дня в день, постепенно соберется много денег... Всю жизнь я поступал так... Это было нелегко... Если вы уважаете меня, любите, то после моей смерти, чтобы я со спокойной душой...

Жена подумала: «Он хочет, чтобы похороны были пышными и боится, что сын не сумеет как следует их справить». Ей стало жаль мужа, и она поспешно перебила его:

— Да-фу, я знаю, ты хочешь сказать, что всю жизнь трудился для детей, сам никогда досыта не ел, красиво не одевался. Когда умрешь, сошьем тебе саван из синего атласа, гроб сделаем из кипарисового дерева, пригласим буддийских или даосских монахов, устроим похороны как следует...

Но Скупой Дьявол так рассердился, что глаза у него вылезли из орбит и рот раскрылся. Дрожащей рукой он грозил жене. Сын понял, что отец считает это расточительством, и начал его успокаивать:

— Не сердись, отец. Я понял: ты хочешь оставить побольше мне. Тогда мы возьмем старую циновку, завернем тебя...

Скупой Дьявол продолжал сердиться:

— И ты не умеешь вести хозяйство, экономно жить...

Старик посмотрел на невестку. Та уже давно ненавидела его за скупость и тут в сердцах сказала:

— Отец, когда ты умрешь, мы разрубим тебя на куски и продадим как говядину. Так не только деньги сэкономим, но даже можем заработать...

¹ Чох — самая мелкая монета в старом Китае.

Скупой Дьявол похвалил невестку:

— Знает, как надо жить... Она лучше вас, мотов, намного...

Потом он обратился к сыну:

— Когда будешь продавать мясо, ни в коем случае не продавай в долг Ван Лао-да, что живет напротив. Он никогда долгов не отдает. Без меня вы с ним не справитесь. Да... А кости не бросайте. Собаки утащут. Утильщик обменяет кости на пиалу, а она в хозяйстве не лишняя...

Но Скупой Дьявол не успокоился, все ему казалось, что невестка после его смерти не сумеет убедить жену и сына; волновался он и о том, что Ван Лао-да все-таки возьмет мясо в долг. От этих горестных дум ему стало еще хуже.

И вот ночью Скупому Дьяволу стало так плохо, что он не мог уже говорить и дышал с хрипом. Сын, невестка и жена окружили его и ждали кончины.

И вдруг Скупой Дьявол почему-то нахмурил брови, он пристально глядел на маленькую лампаду. Лицо его выражало крайнее недовольство. Домашние спрашивали его, в чем дело:

— Может быть, лампадка поставлена слишком далеко?

— Может быть — слишком близко?

— Высоко?

— Или — низко?

Но Скупой Дьявол отрицательно качал головой, и никто не мог угадать, в чем дело. Наконец невестка поняла. Она подошла к лампадке и уменьшила свет. В комнате стало еще темнее. А Скупой Дьявол улыбнулся и закрыл глаза.

ПЕСОК И ОБЕЗЬЯНЫ

(Тибетская сказка)

Жили два друга — Первый и Второй. Должен был Первый уехать на много дней и попросил он Второго сохранить кувшин с золотом. Уехал Первый,

а Второй высыпал золото из кувшина и стал им любоваться. Блеск золота замутил его совесть — вместо золота насыпал он в кувшин песка.

Когда первый друг вернулся, он пришел ко Второму.

— Спасибо, друг, — сказал он, — что ты сохранил золото. Дай-ка мне кувшин.

А Второй печально ответил:

— Ох, дорогой! Случилось несчастье! После твоего отъезда золото в кувшине превратилось в песок!

Получив кувшин с песком, Первый подумал: «Странно! Никогда не слышал я, чтобы золото превращалось в песок! Наверное, он подменил». Но сказал как ни в чем не бывало:

— Правда? Какое несчастье, видно, мне не везет!

— Да, да, — поддержал его Второй. — Вероятно, тебе не везет. Иначе и не объяснишь, почему так получилось.

Вскоре понадобилось уехать ненадолго второму другу. Он привел к Первому трех своих сынишек и попросил позаботиться о них во время его отсутствия.

Уехал Второй. Первый купил на рынке трех обезьян и дал им имена детей Второго: Джаси, Росан и Донжу. Каждый день он дрессировал их и научил выполнять различные приказания: принести чай, подмести пол, танцевать. Когда пришел срок возвращения Второго, Первый отвез его детей в соседнюю деревню.

Приехал Второй и сразу же пошел к Первому за детьми. Только он вошел в ворота, как Первый выбежал ему навстречу и с дрожью в голосе сказал:

— Друг мой! Какое ужасное несчастье! Как только ты уехал, твои мальчики один за другим превратились в обезьян!

— Не может быть! — воскликнул Второй.

— Правда! Правда! Если не веришь, можешь позвать их сюда.

Второй крикнул:

— Джаси!

Вбежала маленькая обезьянка. Первый приказал ей:

— Принеси чаю!

Обезьянка убежала и тотчас вернулась с чашкой чая. Второй не верил своим глазам и крикнул:

— Росан!

Прибежала вторая обезьянка.

— Подмети пол! — сказал ей Первый.

Обезьянка схватила веник и начала подметать. У Второго показались на глазах слезы. Он позвал третьего сына:

— Донжу!

Вошла третья обезьянка, и Первый попросил ее:

— Станцуй для папы.

Обезьянка начала усердно плясать, а Второй зарыдал. Потом, очнувшись, он воскликнул:

— Как же это случилось?! Друг мой, ну разве может человек превратиться в обезьяну?!

— Всякое бывает, — ответил Первый. — Ведь и золото превращается в песок!

И тут Второй понял: «Вот в чем дело! Это он мне мстит!» Ничего ему не оставалось, как признаться:

— По правде сказать, твое золото не превращалось в песок!

А Первый, улыбаясь, ответил:

— По правде сказать, и твои дети не превращались в обезьян!

На следующий день Второй принес Первому золото, а Первый привел ко Второму его детей.

ДУРАК

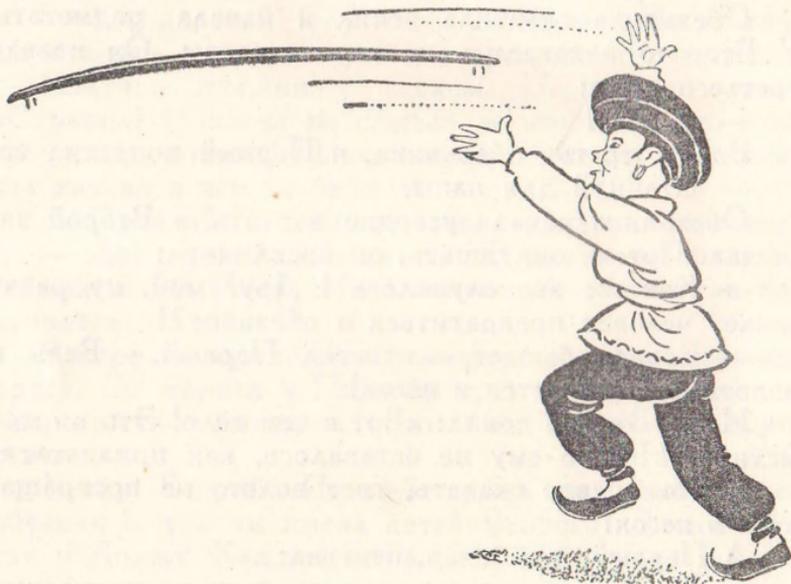
(Сказка народности мяо)

Жил-был дурак.

Однажды послала его жена за хворостом. Взял он нож, положил на плечи коромысло и направился к выходу. Но в ворота пройти не мог: коромысло не пускало. Не догадался он повернуть его концом вперед, держит коромысло поперек и кричит:

— Эй, ворота! Пустите-ка поскорее! Не задерживайте меня, а то жена заругает!

Пошла в полдень жена за водой, а муж все еще спорит с воротами. Рассердилась она, взяла с его плеч коромысло и выбросила за ворота. Вышел на улицу дурак, подобрал коромысло и, подражая жене,

бросил его вперед. Потом подошел, поднял его и снова бросил. Так и шел. Вот, случайно бросив коромысло, попал дурак в фазана. С убитым фазаном вернулся он домой.

Жена велела ему отнести фазана ее матери. Теща обрадовалась фазану, сварила птицу и начала потчевать дурака, но тот вежливо отказался:

— Ешьте сами, дорогая теща. У нас дома каждый день подаются фазаны.

Съела теща фазана, и осталось от него на дне горшка немного соуса. Ночью, когда теща уже спала, дурак потихоньку встал, засунул голову в горшок, чтобы вылизать остатки соуса. Засунуть-то засунул легко, а вынуть голову из горшка не может.

Делать нечего. Лег дурак спать с горшком на голове.

Утром увидела его теща и руками всплеснула:

— Эх! Почему же ты такой глупый! Ведь угощала я тебя вчера, а ты отказался. Осталась капля соуса, а ты...

Дурак поспешно возразил:

— Дорогая теща, вчера вечером я побоялся, как бы ваши мыши не выели мне глаза. Я и надел на себя горшок, чтобы спокойно выспаться.

Народная
мудрость

Народное
мастерство

ТКАЧИХА

(Сказка народности чжуан)

Давным-давно на равнине у большой горы стояла лачуга, и жила в ней вдова-ткачиха с тремя сыновьями: Лэмо, Лэдуем и Лэжэ. Руки у ткачихи были искусные. Ткала она так, что все удивлялись. Выткет цветы, траву, птиц, зверей, а они кажутся живыми. Ее накидки, покрывала, одеяла раскупали на базаре нарасхват.

Пошла она однажды на базар, быстро распродала свои изделия, зашла в лавку, и понравилась ей там картина. На ней были нарисованы красивые дома, сады, озера, луга. А на лугах паслись стада буйволов, отары овец, разгуливали куры и утки. Смотрела она на картину, глаз не могла оторвать. Решила ткачиха купить рису поменьше, но зато приобрести эту картину.

Шла домой ткачиха долго: идет, идет — остановится, развернет картину и любуется. А сама все думает: вот бы пожить в таком месте. Дома она показала картину детям, им она тоже понравилась.

— Лэмо, вот бы нам пожить в таком месте!

— Только во сне, — сердито ответил старший сын.

— Лэдуй, не плохо бы нам пожить тут.

— На том свете поживем, — также сердито ответил средний сын.

— Лэжэ, если я не буду жить в таком месте — умру с тоски!

— Ничего, мама, — успокаивал ее младший сын. —

Ты ткешь очень хорошо, у тебя получается всё как живое. Вот ты и вытки такую картину. Будешь смотреть на нее — и будет тебе казаться, что живешь там.

— Правильно, сынок! Я так и сделаю, иначе мне не жить!

Ткала она день, ткала другой. Работала месяц, второй, а конца еще не было видно. Лэмо и Лэдуи стали ворчать:

— Мама, ты ткешь и ткешь, но ничего не делаешь для продажи. А нам приходится каждый день рубить хворост, чтобы купить немного риса. Нам тяжело, мы устали!

— Пусть ткет, — возразил младший сын. — Если она не выткет эту картину — может умереть. Вам тяжело ходить за хворостом? Не ходите, я один буду.

С тех пор Лэжэ один кормил семью, работал с раннего утра до поздней ночи. А мать круглые сутки ткала. Вечером зажигала чадающую лучину, дым лез ей в глаза, но она не отходила от станка. Через год глаза у нее стали слезиться, слезы капали на ткань. Там, куда они падали, мать выткала речку с кристально-чистой водой, озера с золотыми рыбками. Через два года из глаз матери упали на ткань капельки крови, на этих местах она выткала солнце с теплыми лучами и яркие цветы. Только через три года закончила мать работу, зато картина получилась на редкость прекрасная.

— Все как живое! — восхищались сыновья.

Мать разогнула спину. На ее утомленном лице засветилась улыбка. Вдруг поднялся ветер, подхватил с окна вытканную картину, поднял к небу и унес вдаль. Мать выбежала за дверь, простерла к небу руки, горько зарыдала, потом потеряла сознание и свалилась на землю.

Сыновья внесли мать в дом и положили на кровать. Когда сознание вернулось к ней, она еле слышно вымолвила:

— Лэмо! Иди и найди картину, в ней теперь моя жизнь.

Лэмо обул соломенные сандалии и пошел на восток. Через месяц он достиг ущелья между больши-

ми горами. В ущелье стоял каменный домик, а около него — каменный конь с открытой пастью. Казалось, что конь хочет съесть персики, висящие перед ним на дереве. Возле дома сидела седая старушка.

— Куда путь держишь, юноша? — спросила она его.

— Я ищу картину своей матери. Она три года ткала ее, а ветер унес.

— Эту картину похитили феи Солнечной горы. Она узнали о ней и взяли, чтобы самим сделать такую же. Добраться до них нелегко, но я тебя научу, как это сделать. Сначала выдерни у себя два зуба и вставь их в пасть этому каменному коню. Он сразу оживет и начнет есть персики, что перед ним. Как только съест он десять персиков, ты вскочи на него, и понесет он тебя к Солнечной горе. Будет лететь он над огнедышащими вулканами, а ты стисни зубы и не кричи. Крикнешь от боли, хоть один звук издашь, — сгоришь в пламени. Потом конь поплывет по океану-море среди огромных волн и холодных льдин. Ты стисни зубы и терпи, не дрожи от холода. Будешь дрожать, — утонешь. Переплывешь море — и увидишь Солнечную гору. Там и попроси у фей картину твоей матери.

Лэмо потрогал свои зубы, представил себе языки пламени, лижущие его тело, представил себе море с холодными льдинами — и лицо у него побледнело. Старушка усмехнулась:

— Юноша, ты не выдержишь таких испытаний. Откажись от своего желания. Я подарю тебе шкатулку с золотом. Вернись домой и живи себе на здоровье.

Вынесла старушка шкатулку и отдала ее Лэмо. Шел Лэмо обратно и думал:

— С этим золотом я хорошо проживу. Но возвращаться домой нельзя: вчетвером мы быстро растратим все это богатство.

Не пришел Лэмо домой, стал в городе жить.

А мать от болезни совсем исхудала. Ждала она старшего сына два месяца, не дождалась, попросила среднего сына:

— Лэдуй, теперь твоя очередь искать картину. Ты же знаешь, в ней вся моя жизнь!

Лэдуй обул соломенные сандалии и пошел. Добрался через месяц до ущелья между большими горами. Увидел старушку около каменного дома. Рассказала старушка Лэдую то же, что и Лэмо. Потрогал свои зубы Лэдуй, представил себе вулканы и страшное море — и побледнел. И ему подарила старушка шкатулку с золотом. Подумал, подумал Лэдуй и решил, что лучше это золото трагить одному. Поселился он в городе и домой не вернулся.

Два месяца ждала Лэдуя больная мать, она так похудела, что стала похожа на тростиночку. Она не спускала глаз с двери, все надеялась: вот-вот вернется сын. Плакала она беспрестанно и ослепла от слез.

— Мама,— сказал ей однажды младший сын,— братья до сих пор не вернулись. Наверное, случилась с ними беда. Пойду теперь я. Может быть, мне удастся найти картину.

Подумала, подумала мать и согласилась:

— Хорошо, сын мой! Только будь осторожен. Обо мне не беспокойся — соседи помогут.

Лэжэ обул соломенные сандалии, вздохнул огорченно и пошел. И полмесяца не прошло, как достиг он ущелья между большими горами. И его встретила старушка у каменного дома. Рассказала она, как можно добыть картину, и усмехнулась:

— Знаешь что, юноша, братья твои взяли по шкатулке с золотом и ушли. Бери и ты, возвращайся домой.

— Нет, я пойду за картиной! — воскликнул Лэжэ.

Сломал он у себя два зуба, вставил их в пасть каменному коню,— ожил сразу конь и начал есть персики. Как только съел он десятый персик, Лэжэ вскочил на него, схватился за гриву и ударил пятками в бока. Заржал конь и полетел вперед, словно вихрь.

Ехали они три дня и три ночи, добрались до вулканов, понеслись среди красных языков пламени. Еще крепче вцепился юноша в гриву коня и ни разу не вскрикнул от боли. Пролетели над вулканами и попали в студеное море. Плыли среди больших льдин, ноги сводила от холода судорога, но не задрожал юноша. Переплыл он море-океан и добрался до Сол-

нечной горы. Здесь было тепло, и сразу Лэжэ отогрелся.

На вершине горы сверкал изумрудами дворец, доносились оттуда девичьи голоса. Соскочил Лэжэ с коня, вошел во дворец и увидел фей. Перед ними лежала картина, вытканная матерью Лэжэ. Каждая фея ткала такую же картину. Объяснил юноша, зачем он пришел.

— Хорошо,— сказал одна из фей,— сегодня ночью мы закончим свои картины, и завтра ты можешь взять картину твоей матери. Одну лишь ночь придется тебе подождать.

Лэжэ согласился. Дали феи ему поест, угостили небесными фруктами. А Лэжэ устал с дороги, где ел, там и заснул.

Ночью феи продолжали ткать при лампах. А та фея, что говорила с Лэжэ, была самой искусной, она первой закончила ткать. Сравнила свою работу с картиной ткачихи и огорчилась: и солнце-то у нее получилось нехорошо, и рыбки-то не похожи на живых, и лепестки цветов не такие яркие. Отложила свою картину фея и стала любоваться картиной ткачихи.

«Вот было бы хорошо, если бы я жила в таком месте!» — подумала она.

Взяла фея нитки и вышила свой портрет на картине ткачихи у озера, где плавают золотые рыбки.

Проснулся Лэжэ ночью, все феи уже спали, а работу закончила только одна из них.

«Что же делать? — подумал Лэжэ.— Утром они опять скажут, что еще не закончили. Откладывать я больше не могу: ведь меня там мать ждет. Заберу-ка я картину, пока они все спят».

Свернул Лэжэ картину трубкой, вышел из дворца, вскочил на коня, ударил ногами, взвился конь в небо. Переплыл студеное море, перелетел через вулканы и быстро доскакал до ущелья меж двумя горами.

— Слезай, юноша,— сказала старушка, улыбаясь.

Подошла она к коню, вынула у него два зуба и вставила их в рот Лэжэ, зубы-то и приросли. А конь опять стал каменным. Вынесла старушка из дома тапочки, сшитые из оленьей кожи.

— Возьми, сынок, надень их и быстрее возвращайся домой, мать-то твоя при смерти.

Обул Лэжэ тапочки из оленьей кожи, шагнул два раза и очутился дома, у кровати матери. Она уже еле дышала. Развернул Лэжэ картину перед ее лицом. Она сразу и прозрела. Радостно смотрела она на свой трехлетний труд.

— Сын мой, здесь в лачуге темно. Давай выйдем, полюбуемся на нее при солнышке.

Вышли мать с сыном на свежий воздух и развернули картину. Вдруг подул тихий, ароматный ветерок, и картина начала расти. Раздалась она и вширь и вглубь и заняла собой всю долину.

Лачуга куда-то исчезла, а на ее месте вырос большой дом. Вокруг появились фруктовые сады, поля, луга, табуны буйволов и отары овец — словом, все, что было выткано на картине.

Около озера, где плескались золотые рыбки, Лэжэ увидел девушку. Подошел юноша и спросил ее, кто она? Ответила девушка, что она бывшая фея и появилась здесь потому, что вышила свой портрет на этой картине.

Ввел Лэжэ ее в дом и стали они вместе жить. А потом юноша женился на ней. Мать же пригласила всех бедняков из округи переселиться в долину. Ведь они заботились о ней, когда она болела и была совсем одна.

Проходили однажды через долину двое нищих. Это были Лэмо и Лэдуй. Все свое золото они проели и пропили в городе, а теперь попрошайничали. Увидели они выздоровевшую мать и счастливого брата Лэжэ. Не осмелились они войти в дом и прошли мимо, опираясь на свои посохи.

СЕСТРИЦА ХУА-БЯНЬ

(Сказка народности мяо)

Давным-давно в одной деревне жила красивая девушка. Она умела хорошо ткать узорные кромки. Цветы, трава, птицы и звери были на этих кромках

как живые. Все называли эту девушку сестрицей Хуа-бянь — Узорная Кромка.

И все хотели иметь узорные кромки, вытканые только ею. Их нашивали на полы одежды и на манжеты рукавов. Люди гордились такой одеждой, важно разгуливали в ней и восхищались:

— Ах, вы только посмотрите, как прекрасно мое платье! Кромку на ней выткала сестрица Хуа-бянь!

Поэтому в деревне все девушки мечтали научиться мастерству у сестрицы Хуа-бянь. И она с радостью учила их. Она говорила им:

— Наберитесь терпения, и вы будете ткать, как я.

Но никто не мог научиться ткать так же красиво, как сестрица Хуа-бянь.

Слух о ней распространился повсюду и наконец долетел до ушей императора. Император выругал министра:

— Мне стало известно, что в моей империи есть очень красивая девушка и она умеет хорошо ткать. Почему же ты до сих пор ничего о ней не рассказывал?

Император приказал министру взять конный отряд и привезти сестрицу Хуа-бянь.

Когда министр прибыл туда, где жила Хуа-бянь, она отказалась ехать с ним:

— Я должна учить девушек ткать узорные кромки.

— Император пожелал видеть тебя, как же ты смеешь отказываться?

Девушки окружили сестрицу Хуа-бянь и не отпускали ее. Министр приказал солдатам схватить Хуа-бянь, посадить в паланкин и увезти. Сестрица Хуа-бянь высунула голову из паланкина и крикнула девушкам:

— Я все-таки научу вас ткать! Скорее умру, чем откажусь от этого!

Конный отряд двинулся в обратный путь и доставил паланкин ко дворцу императора. Выпятив живот, император подал руку Хуа-бянь и помог выйти из паланкина. Сестрица Хуа-бянь тут же сказала императору:

— Я хочу вернуться домой! Я должна научить девушек ткать узорные кромки!

Император грубо ответил ей:

— Ты останешься здесь и никогда не вернешься домой!

Сестрица Хуа-бянь вспомнила свою деревню, вспомнила родных, своих подруг и возненавидела императора. Император тем временем схватил ее и притянул к себе. Она укусила его руку и стала вырываться. Император вознегодовал и приказал солдатам посадить Хуа-бянь в темницу.

На следующий день император, выпятив живот, пришел в темницу к девушке.

— В моем дворце тебя ждут бесконечные радости!.. Не будь глупой! Ты будешь есть изысканные кушанья. Ты будешь одеваться в шелка, жить в больших просторных покоях. Твоя прежняя жизнь по сравнению с той, какую я тебе предлагаю, ничто!

Хуа-бянь сердито ответила:

— Я люблю свою прекрасную деревню, люблю наши горы, чистые, прозрачные реки. Я люблю смотреть, как мои старшие и младшие братья возделывают поля, я люблю свои родные места. Там, на горных полях, работают и девушки, а вернувшись домой, они ткут узорные кромки. Наше счастье в труде! Я ненавижу таких бездельников, как ты! Я ненавижу тебя! Я скорее умру, чем буду жить здесь!

Слова девушки, словно сабля, поражали сердце императора. У него закружилась голова. Тогда один из министров подбежал к императору:

— Ваше величество, эта девушка груба. Ее надо убить!

Император злобно взглянул на министра:

— Эта девушка красива! Кроме того, она прекрасно ткёт узорные кромки, да и везли ее сюда тысячи ли. Как ты смеешь предлагать ее убить!? Как ты смеешь советовать что-то мне, императору? — и приказал солдатам: — Взять его! Отрубить ему голову!

Солдаты увели министра. У остальных министров от страха руки и ноги затряслись, словно они просеивали муку через сито. Один из придворных подошел к императору и что-то шепнул ему на ухо. Император кивнул головой, криво улыбнулся и сказал Хуа-бянь:

— А правда ли, что ты умеешь хорошо ткать разноцветные кромки? Докажи, что это так. Ты за семь дней должна выткать на кромке петуха, чтобы он был как живой, умел бы бегать и кукарекать. Выткешь такого петуха — вернешься домой, а не выткешь — останешься у меня навсегда.

Император приказал принести в темницу ткацкий станок и цветные нитки. Семь дней ткала Хуа-бянь в своей темнице и соткала кромку с петухом. Крылья и хвост петуха были окрашены в пять цветов. Но он не мог ни кукарекать, ни бегать. Сестрица Хуа-бянь укусила мизинец, кровь капнула на петушиный гребешок и окрасила его в ярко-красный цвет. Глаза девушки заморгали, и слезы-жемчуг упали на клюв петуха — и вдруг раздался крик, петух вскочил и побежал.

Хуа-бянь полюбовалась на петуха. И от радости даже рассмеялась. Теперь уже недолго осталось ждать. Она вернется в свою родную деревню и увидит своих любимых друзей.

К концу седьмого дня в темницу пришел император. Увидев петуха, он удивился, но тотчас же сказал:

— Этот петух прибежал с улицы. Такого петуха ты не могла соткать. А ну, попробуй выткать куропатку. Если соткешь ее как живую — вернешься домой. Даю срок семь дней.

Император вышел из темницы, а вытканый петух выскочил через окошко во двор и побежал. Он взлетел на голову императора, взъерошился и закричал:

— Бедная, бедная сестрица Хуа-бянь! Я ненавижу императора!

Министры столпились вокруг императора и, размахивая широченными рукавами, стали отгонять петуха. Петух клюнул императора в лоб так, что кровь

брызнула, замахал крыльями, полетел в сад и исчез между ветвями.

Хуа-бянь в своей темнице, глотая слезы, все ткала и ткала. Через семь дней и семь ночей она выткала куропатку, но эта куропатка не кричала и не летала. Хуа-бянь прокусила себе средний палец. Кровь брызнула на узорную кромку и окрасила перья куропатки в пестро-красный цвет. А из глаз сестрицы Хуа-бянь капнули в рот птицы слезы-жемчужины. И вдруг куропатка ожила и закричала.

Сестрица Хуа-бянь гладила блестящие перышки куропатки и улыбалась. Еще немного потерпеть, и она вернется в свою родную деревню, увидит любимых друзей.

Снова в темницу пришел император, выпятив свое пузо. Увидев куропатку, он еще больше удивился и подумал: «Петуха и куропатку она видела часто и потому смогла их выткать. Я прикажу ей выткать такое, что она никогда не видела». Осипшим голосом он сказал сестрице Хуа-бянь:

— Ты ошиблась, девушка! Я просил тебя выткать дракона, а ты выткала куропатку. Но я тебя прощаю и даю тебе еще семь дней. Вытки за эти семь дней дракона так, чтобы он летал и кричал. Хорошо выткешь — отпущу, плохо — останешься со мной навсегда.

Тут вытканная куропатка взлетела на плечо императора и прокричала:

— Бедная, бедная сестрица Хуа-бянь! Ненавижу императора!

Император испугался, а министры стали прогонять куропатку. Она отлетела в сторону, снова ринулась к императору и клюнула его в шею. Брызнула кровь. Куропатка вылетела через окошко во двор и оттуда полетела в лес.

Глотая слезы, сестрица Хуа-бянь снова начала ткать. Через семь дней и семь ночей она выткала дракона. Но он был маленьким, не двигался и не мог кричать. Сестрица Хуа-бянь прокусила на своей руке большой палец. Кровь закапала на изображение дракона и окрасила его в красный цвет.

Даже глаза дракона стали красными. А слезы-жемчужины упали из глаз Хуа-бянь в рот дракона. И вдруг маленький дракон зашевелился и ожил.

Сестрица Хуа-бянь стала гладить его сверкающую красную чешую, приговаривая:

— Маленький, маленький красный дракон! Вот ты и ожил. Но все равно император не отпустит меня. На этот раз он скажет: «Я приказал выткать большую морскую рыбу, кто велел тебе ткать маленького дракона?» Видно, так и погибну я в этой темнице.

Вечером седьмого дня пришел император, выпятив брюхо. Увидев маленького дракона, он сказал:

— Это же змея! Это не дракон!

А маленький красный дракон покачал головой и, вытаращив красные глаза, громко крикнул:

— Император — тухлое яйцо! Император — тухлое яйцо! Сгори император! Превратись в уголь!

Маленький дракон закружился и превратился в большого — длиной в несколько чжанов. Он раскрыл пасть величиной с таз и выдохнул большой огненный шар, который объял пламенем императора, его министров и его дворец. Пожар этот пылал семью семь — сорок девять дней. Император, министры, дворец и тюрьма и все что было в них сгорело и превратилось в пепел.

А сестрица Хуа-бянь тоже сгорела? Конечно, нет. Когда людям удастся видеть летящего по небу большого красного дракона, они различают и девушку, сидящую на его спине. Очевидно, эта девушка и есть сестрица Хуа-бянь.

Когда на небе появляется радуга, девушки говорят:

— Это сестрица Хуа-бянь тклет на небе узорную кромку! Она обещала научить нас ткать кромки. Вот она и повесила на небе для образца вытканную ею разноцветную кромку!

ВАН — УМЕЛЫЕ РУКИ

В праздник поминовения предков пошел Ван — Умелые Руки в село на базар. Там его окружили дети и просили смастерить летающего змея. Ван согласился. Пришел с базара домой, срубил ствол бамбука и настрогал тонких-тонких палочек.

«Что же лучше сделать? — спрашивал он себя, перебирая бамбуковые палочки. — Сделать мотылька? Некрасиво. Может быть, связать из палочек орла? Тоже неинтересно... Ага, придумал!» Ван — Умелые Руки вспомнил о Цянь Цзинь — дочери старого губернатора. «Она действительно прекрасна, но только слишком заносчива, думает, что лучше ее и девушки нет на свете. Гм! А я из бамбука и получше ее могу сделать!» Сплел Ван из бамбука девушку, — и все, что полагается для самой красивой девушки, все дал ей мастер Ван: большие глаза, прямой нос, рот-персик, зубы-жемчуг. Перехватил он ей стан пояском из радуги, отделал платье цветистыми облаками.

— Ну, теперь ты хороша! — сказал Ван девушке, сплетенной из бамбука. — Теперь ты сама шевели рученьками и ноженьками!

А девушка-то и впрямь ожила. Сразу же начала готовить обед, стирать белье и прибираться дома у мастера Вана. Она не умолкая пела сычуаньские песни и широкой улыбкой встречала гостей.

— Меня зовут Бань-чжу¹, — говорила им она.

На другой день Ван — Умелые Руки отправился вместе с Бань-чжу в город Пинъянба. Там он сказал девушке:

— Поднимись в небо, поиграй, позабавься!

Бань-чжу взмыла ввысь и стала плавно танцевать. К ней устремились красивые облака и кружились вокруг нее. Бань-чжу запела — к ней слетелись жаворонки и хором вторили ее песне. И птица феникс прилетела к ней, сверкали в солнечных лучах ее волшебные крылья.

¹ Бань-чжу — Цветной бамбук (кит.).

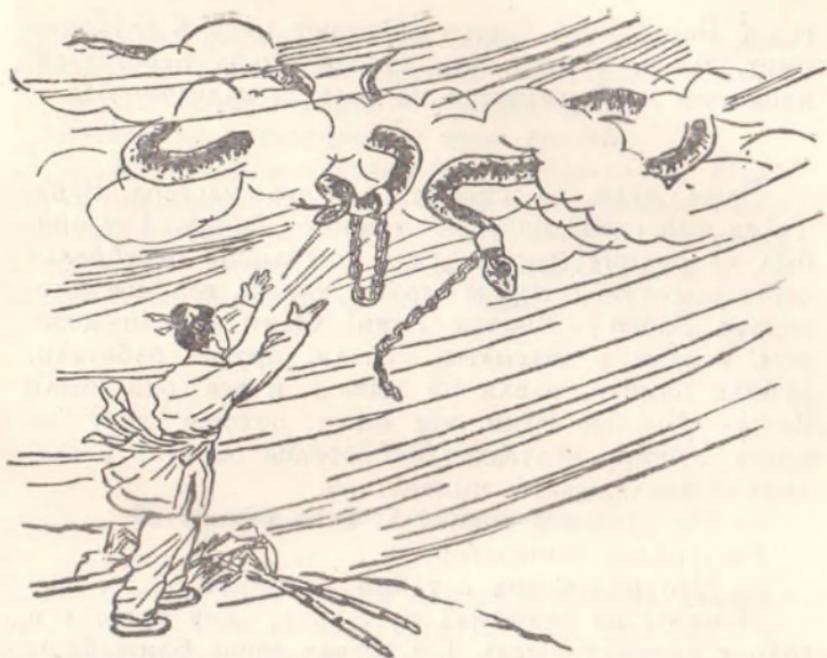
Танец девушки был так прелестен, что даже солнце замедлило свой бег на небе, остановилось в просвете облаков и, улыбаясь, поглаживало свою золотистую бороду. Услыхала ее песню луна и поднялась на небосклон, не дождавшись положенного часа. Забыли обо всем люди, забыли обо всем птицы и звери. Даже каменные изваяния людей и лошадей на древних могилах, даже изображения духов и будд в кумирнях встrepенулись и слушали девушку, и любовались ею.

Наконец, по знаку мастера Вана девушка опустилась на землю. Видел ли кто еще что-нибудь подобное? Люди радовались и хвалили Вана — Умелые Руки. А свита губернатора и челядь едва разума не лишились. Дочь губернатора — красавица Цзянь Цзинь чуть не умерла от зависти. Губернатор возненавидел Вана. Захлебываясь от злости, он приказал:

— Схватить мастера Вана! Схватить Бань-чжу!

Генерал повел солдат выполнять волю губернатора. Но народ был настороже, он встал на защиту Вана — Умелые Руки. Да и сам Ван не дремал. Дни и ночи он мастерил и наделал из бамбука несметное множество «Ванов — Умелые Руки» и «девушек Бань-чжу». И солдаты и генерал с ног сбились: куда ни пойдут — везде есть мастер Ван, в каждой деревушке живет красавица Бань-чжу. Всех не перехватаешь, не перевяжешь. А тем временем бамбуковые Ваны и Бань-чжу начали ловить солдат, поймали и генерала. Губернатор перепугался и послал донесение императору, просил прислать войско, чтобы усмирить «бунт».

Император послал огромную армию и приказал ей: «Искоренить всех Ванов — Умелые Руки и всех девушек Бань-чжу». Мастер Ван задумался: «Дело принимает серьезный оборот. Смертного боя не миновать. Ну что ж, не пожалеем сил, постоим за себя!» Как задумал, так и сделал. За день Ван срубил все бамбуковые леса Сычуани и перенес их на границы провинции. Прежде на этих границах не

было ни высоких гор, ни больших рек, ни отвесных утесов и скал — местность была ровной, как в Хубэе и Хэбэе. Из бамбука Ван соорудил преграду для армии императора: поднялся к небу хребет Циньлинь, уперся в облака горный проход Дашу, разверзлось ущелье Ушань. Храбрые войска императора не смогли перейти горы и реки, препятствия Вана оказались для них непреодолимыми.

Не успокоился жестокий император. Еще сильнее загорелось в нем желание поймать Вана — Умелые Руки. Он призвал злых духов и велел напасть на Вана с неба. А злые духи послали к Вану двух змеев. Они высунули ядовитые жала и, дрожа от ярости, пытались вонзить их в мастера Вана. Но мастер быстро сплел из бамбука две цепи, накинул гадам на шеи и крепко стянул. Одну цепь он укрепил на Барабанной башне, в городе Сюйфу, другую цепь привязал за камень в Драконовом пруду в уезде Цзюньлянь. Говорят, что и поныне каждый

год с Барабанной башни спускают цепь в глубокий омут. Люди боятся, что старая цепь перетрется, ядовитый змей вырвется на волю и наделает бед.

Злые духи не смогли одолеть мастера Вана. Тогда император подослал тайного убийцу. Тот прибыл на родину мастера Вана, неслышно перебрался через высокую стену и вдруг... увидел великое множество Ванов — Умелые Руки! Одни ходили дозором, играли в шахматы, спали, другие работали, рубили бамбук, плели из лыка... и все они были Ваны — Умелые Руки, все были похожи друг на друга. Убийца испугался и бросился обратно в столицу — докладывать императору.

— Их слишком много! С кого начинать?

Растерялся император:

— Что поделаешь с таким мастером!

И вдруг он задрожал от страха: ему пришла в голову ужасная мысль. Он созвал своих ближайших сановников и сказал им:

— Если Ван сделает фальшивого императора, очень похожего на меня, вы должны уметь распознать его. Не ошибитесь, в моем горле есть рубец от старого нарыва.

Это дошло до мастера Вана. «Ну хорошо же, — подумал он, — теперь я над тобой потешусь!» Ван изготовил из бамбука десять императоров, каждому оставил в горле рубец. Императоры эти прибыли в столицу и толпой ввалились во дворец. Они чинно расселись, и тут поднялся ужасный гвалт.

— Они не настоящие! — кричал император.

— Это он не настоящий! — орали в ответ фальшивые.

— Вас сплел из бамбука мастер Ван!

— Нет, это тебя сплел из бамбука мастер Ван!

— Сановники! Смотрите — ни у одного из этих мерзавцев нет рубца в горле!

— Сановники, проверьте и его горло, есть ли там рубец?

Рубцы оказались у всех. Сановники не знали, что делать.

Императоры так перемешались, что стало невозможным отличить настоящего от присланных Ваном.

— Вы не настоящие! — кричал один.

— Вы не настоящие! — орал другой.

Долго спорили одиннадцать императоров. Никого из них сановники настоящим не признали. Наконец все одиннадцать разом отреклись от престола. Настоящий император очень горевал. Но кто заставлял его обижать мастера Вана!

КАМЕНОТЕС

(Сказка народности чжуан)

Жил когда-то в нашем народе искусный каменотес. Славился он на всю округу. Однажды дал ему какую-то работу богач. Увидел каменотес хоромы богача, увидел его родственников, одетых в шелка, увидел слуг. Зародилась в сердце каменотеса зависть. Забросил он работу — все думал, как стать таким же богатым.

И вот проснулся однажды каменотес и не узнал своего дома. Кругом роскошь, тысячи слуг бегают, ждут от него приказаний. Понял каменотес, что стал богачом. Быстро привык он к своему богатству. Вышел однажды на улицу и увидел паланкин, а в паланкине во всем своем величии восседает какой-то крупный чиновник. Гремят барабаны, толпа телохранителей и слуг сопровождает чиновника. Все низко кланяются ему и уступают дорогу.

«Ну и что же? — подумал каменотес. — Пусть у него много телохранителей, зато у меня много золота. Кланяться ему я не буду». И, когда чиновник проезжал мимо, каменотес не поклонился. Увидел чиновник такую непочтительность, кликнул телохранителей, приказал связать богача, всыпать ему триста палок и оштрафовать на триста лянов серебра.

Уехал чиновник, а каменотес поднялся с земли и тяжело вздохнул:

— Теперь я понял, что лучше быть чиновником, чем богачом!

И начал он думать и днем и ночью, как стать большим чиновником.

Проснулся однажды каменотес, глядь, а он — большой чиновник! Ох, как обрадовался каменотес! Стал он вести себя так, как и тот чиновник. Он раздавал направо и налево палочные удары и безобразничал всюду. Возненавидел народ каменотеса-чиновника.

Проезжал однажды он мимо селения народа чжуан, увидел красивых девушек и бросился за ними. Но на крик девушек прибежали люди с топорами и мотыгами. Поймали они чиновника, избili его, чтобы не повадно было бегать за девушками.

— Значит, — сказал себе каменотес, — чжуанцы сильнее чиновника.

И начал он мечтать о том, чтобы стать простым чжуанцем. Проснулся каменотес однажды утром и увидел, что он простой чжуанец. До слез смеялся каменотес от радости. Теперь он обрабатывал поле на склонах гор и был занят с раннего утра до позднего вечера.

Было жаркое лето, солнце нещадно палило. Птицы попрятались далеко в горах, буйволы целыми днями не вылезали из воды. Только зеленые ростки риса, как и чжуанцы, стойко переносили зной. У каменотеса кружилась голова и рябило в глазах. И решил он, что сильнее солнца нет на свете никого. Стал он мечтать о том, чтобы превратиться в солнце.

Сделался каменотес солнцем, повис на небе. Теперь он во все стороны посылал на страх людям палящие лучи. Но вот с запада нашла черная туча, заволокла небо, закрыла солнце.

— Ага! — раздраженно воскликнул каменотес. — Солнце-то хоть и сильное, но черная туча сильнее его!

Долго думал каменотес, как превратиться в черную тучу. И вот он стал черной тучей, плавающей в синем небе. Вдруг поднялся сильный ветер, с воем налетел на тучу, разорвал ее на мелкие клочья.

Больно стало каменотесу. Он подумал: «Сколько силы у ветра! Подул, а мне и спрятаться негде, не хочу быть черной тучей, хочу стать сильным ветром». Не успел подумать так каменотес, как превратился в ветер.

Начал каменотес неистовствовать, ломал деревья, срывал крыши с домов. И вот устремился каменотес-ветер на каменную глыбу, а камень-то и остановил его. Как ни дул ветер, не сумел сдвинуть глыбу.

— Не так уж силен ветер, как я думал. Оказывается, камень-то не боится ветра. Если бы я превратился в большой камень, ничего бы я не стал бояться, — сказал каменотес и тут же превратился в камень на вершине горы.

Радовался каменотес: никто не может причинить ему вреда! Он самый сильный!

Однажды перед камнем появились какие-то люди. Достали они инструменты и начали долбить камень. Испугался камень и взмолился:

— Хочу быть, как и прежде, каменотесом!

Сказал это и стал опять обыкновенным человеком, каменотесом. Теперь он с утра до вечера обрабатывал камни, делал много хорошего для людей. И стал он среди народа чжуан самым уважаемым человеком.

ШЕСТЬ БРАТЬЕВ

(Корейская сказка)

Жила-была в одном селе работающая девушка. В работе она обгоняла молнию, а на молнии успевала поджарить бобы, да не одну сковородку, а три.

Много у девушек дел по хозяйству, а эта успевала за утро и льну натеребить, и холст из него выткать, тонкий-претонкий, как шелк, и завтрак приготовить, и отнести его работающим в поле. Слава о ней разнеслась далеко. Свахи обивали порог ее дома, отбоя от них не было: уйдет, бывало, одна, придет другая. Девушка никому не давала согласия,

да это и понятно: такая девушка должна найти себе достойного жениха. Но кто же мог стать достойным ее?

Однажды в село пришел юноша и попросил девушку стать его женой. Он сказал, что может за одно утро засадить рисовой рассадой десять му земли. Это девушке понравилось, и она предложила ему показать свое искусство.

На следующий день, едва рассвело, юноша принялся за работу. Работал он так быстро, что, казалось, руки у него летают. Не успела высохнуть роса, а парень уже закончил посадку риса на десяти му земли. Но он забыл засадить то место, где лежала его соломенная шляпа.

— Ты ловкий, — сказала девушка, — но все же недостоин меня.

Пришлось юноше с обидой вернуться домой.

Через день пришел другой юноша. Он тоже сказал, что может за утро засадить рассадой десять му земли. Девушка предложила испытание и ему.

Работал юноша споро. Но когда он, закончив посадку, вышел с заливного поля, один пучок не удержался в земле и всплыл на поверхность воды. Девушка отказала и ему.

После этого и женихи и сваты перестали ходить к ней. Но нельзя же девушке вечно сидеть дома и ждать жениха. И пошла она сама искать свое счастье.

Шла она как-то раз тропинкой, вившейся по краю высоченной скалы над отвесной пропастью. Вдруг навстречу ей попался юноша, от которого она когда-то отказалась. Он не забыл про обиду, решил отомстить и столкнул ее со скалы.

А у подножия отвесной скалы стояла кузница, и молодой кузнец ковал в ней косу. Увидел он, что человек падает со скалы. Что делать? Как быть? Хотел броситься на помощь, да под рукой ничего нет. Быстро доковал он косу, сбегал на гору Цзинганшань, нарезал большую охапку прутьев, сплел огромную корзину. С этой корзиной подбежал он к скале и как раз вовремя подоспел: упал человек в корзину.

Падая, девушка потеряла сознание. Когда она пришла в себя, кузнец рассказал ей, как было дело.

— Ты тот, который достоин меня, — сказала она.

Поженились они, стали трудиться вместе. Вскоре родился у них мальчик. А так как они были неграмотными, то назвали его просто — Лао Да, первый сын. Едва Лао Да минуло пять лет, а он уже успел побывать везде и знал он обо всем на свете. Никто не мог потягаться с ним умом. Посоветовались родители и решили: надо дать сыну настоящее имя — и назвали его Сай Бань Сянем — Мудрым, как бог.

Родился вслед за старшим и второй сын. Таланты его были еще более необыкновенны. Как-то раз родители ушли в поле. Вернулись домой — и обнаружили, что замок на амбаре открыт. Это их удивило. Мать позвала старшего сына, давай лупить его и допрашивать: кто открыл замок? Старший сын ответил, что это сделал брат. Мать не поверила. Она заперла замок, позвала второго сына и велела ему открыть. Дотронулся сын рукой до замка, и тот открылся. Родители подивились и назвали второго сына Яо Ши Туном — Открывателем замков.

Затем родились у них один за другим еще четыре сына. И у каждого были свои способности, свои таланты. Третьему сыну родители дали имя Кань Бу Цзюэ — Неиссякаемый, потому что вместо отрубленной головы у него выростала новая; четвертого сына называли Тан Бу Па — Несгораемый; пятого — Янь Бу Сы — Нетонущий, а шестого — Я Бу Бянь — Несгибаемый, так как он мог выдержать на себе любую тяжесть.

Время летело, как стрела из лука. Братья выросли. И раньше семья жила неплохо, а теперь зажила еще богаче.

Приехал в уезд новый начальник. Он казался хорошим человеком: умел сочинять стихи, стрелять из лука и в хозяйстве толк знал и в военных делах. Но оказался он жадным и несправедливым. Вскоре после вступления на должность он призвал к себе всех главных торговцев и кузнеца, так как тот считался зажиточным. Что-то не так сказал ему кузнец, и заковал он его в кандалы, посадил в тюрьму.

Узнав об этом, старший брат Сай Бань Сянь понял, что уездный начальник хочет получить выкуп. Посоветовались братья и решили ради спасения отца подчиниться. Собрали они немного денег, принесли начальству. Но тому этого показалось слишком мало. Он не принял денег, да еще при сыновьях побил отца.

Вернулись братья домой, снова посоветовались и на этот раз решили воспользоваться своими способностями. Сай Бань Сянь рассчитал, в какое время ночи тюремщики уйдут пьянствовать, и послал второго брата Яо Ши Туна и младшего брата Я Бу Бяня в тюрьму за отцом. Я Бу Бянь взвалил Яо Ши Туна на спину и быстро добежал до тюрьмы. Стражников действительно не было. Яо Ши Тун дотронулся до замка, и замок открылся. Я Бу Бянь принес домой отца и Яо Ши Туна на своей спине.

Только успели они войти в дом, на улице слышался цокот: тюремная стража гналась за ними. Схватили стражники старого кузнеца, связали и снова бросили в тюрьму. Начальник уезда приговорил кузнеца за побег к смертной казни, на следующее утро должны были ему отрубить голову.

Сай Бань Сянь узнал об этом и послал ночью в тюрьму Я Бу Бяня, Яо Ши Туна и Кань Бу Цзюэ. Яо Ши Тун открыл замок, Я Бу Бянь взвалил отца и Яо Ши Туна на спину и вернулся домой. А Кань Бу Цзюэ остался вместо отца в тюрьме.

Наутро вывели приговоренного из тюрьмы и удивились: то был не кузнец, а его сын. Начальник уезда разгневался и приказал сначала отрубить голову сыну, а потом разыскать старика — отрубить голову и ему. А сам начальник уезда ждал доклада об исполнении приговора. Вскоре прибежал испуганный палач и доложил, что вместо отрубленной головы у приговоренного выросла новая, когда отрубили вторую голову, выросла еще одна. Начальник уезда пришел на площадь и убедился, что палач говорит правду.

— Отвести в тюрьму! — закричал уездный начальник. — Сожжем его.

Сложили большую печь, приготовили дров. Сай

Бань Сянь узнал об этом, послал вместо Кань Бу Цзюэ четвертого брата Тан Бу Па, который не боялся огня.

Развели в печи огонь так, что кирпичи раскалились докрасна. Бросили Тан Бу Па в печь. Подождал немного начальник уезда и велел открыть печь. А Тан Бу Па сидит там и дрожит от холода! Страх охватил начальника уезда. Решил он утопить парня в реке.

Узнал об этом Сай Бань Сянь, послал туда пятого брата Янь Бу Сы, который не боялся воды. Наутро начальник уезда сам пришел на казнь и сам скомандовал:

— Бросай! Ну, на этот раз не выжить ему!

Связанного Янь Бу Сы бросили в глубокую реку, но вода дошла ему только до колена. От гнева начальник уезда позеленел. Тут же он отдал приказ:

— Немедленно арестовать всю семью кузнеца!

Он велел привязать их всех под скалой и столкнуть на них со скалы каменную глыбу. Но Я Бу Бянь принял тяжесть глыбы на себя и отбросил ее к городским воротам. Вся семья вернулась в деревню целехонькой.

Правду говорят в народе: реки текут на восток, их не заставишь течь на запад. Так и начальник уезда: сколько способов ни выдумывал — не сумел погубить братьев. Увидев каменную глыбу, он обрадовался: глыба загородила дорогу к деревне, где жила ненавистная ему семья. За этой глыбой деревня не была видна, и начальник уезда сказал:

— Они, конечно, погибли, раз их не видно...

КАМЕНЬ ЛУ БАНЯ

Есть в уезде Цзянцзинь старинный каменный мост через реку. Рассказывают, что, когда только приступали к его постройке, однажды в полдень подошел к реке старый, худой человек. Одежда на нем была ветхая, за поясом торчали бурав и молоток. Он присел отдохнуть, покурил и начал измерять камень,

на котором сидел. А вокруг кипела работа: одни разбивали камни, другие носили глину, никто не обращал внимания на старика.

Наступил вечер. Мастеровые прекратили работу и, вытирая пот, стали собирать инструменты. А старик все сидел, курил, о чем-то размышлял и смотрел на камень. Старшина артели собрался уходить, увидел старика и ласково спросил:

— Что ты сидишь здесь, мастер? Кого ждешь?

— Я жду старшину артели.

— Я и есть старшина. Зачем я тебе нужен?

— А! Так значит ты старшина? — Старик встал. — Я прохожий. Пришел сюда издалека. В дороге издержался и хотел бы у вас немного заработать. Может быть, вам нужны люди?

Старшина поглядел на него и подумал: «Староват, хватит ли у него сил разбивать камни?»

— Разрешите остаться? — продолжал просить старик. — Может быть, я принесу пользу. Старого человека, конечно, не сравнить с молодым — у молодого сил больше, но зато у старого больше опыта.

— Хорошо. Оставайся, — согласился старшина. — Как тебя зовут?

— Юй Жи, — ответил старик и начал расспрашивать старшину о строительстве моста.

На следующий день старшина представил его артели:

— Старый мастер Юй пришел издалека. Он хочет несколько дней поработать у нас. Вот вы и решите, какую работу ему можно дать.

Мастеровые посмотрели на старика, и никто не был обрадован. Забивщики свай сказали:

— Для нашей работы нужны сильные руки.

— Для нашей работы нужны хорошие глаза, — сказали те, кто делал перила.

— Для нашей работы нужна крепкая спина, — сказали каменщики.

Одним словом, никто не хотел брать в свою бригаду такого старого человека. Тогда старшина предложил ему:

— Ну что ж. В бригадах люди не нужны. Делай, что сам считаешь нужным.

Старый мастер опустил голову и молча пошел к камню, на котором вчера отдыхал. Он начал медленно обтесывать его, изо дня в день все обтесывал и обтесывал. Камень принял странную форму. Он был и не квадратным и не круглым: со всех сторон торчали углы. Рабочие посмеивались над стариком.

Несколько мастеров считали себя самыми искусными и презирали старика. Однажды вечером, когда гонг возвестил о конце рабочего дня, они проходили мимо и, увидев, что он продолжает работать, начали над ним зло шутить. Остальные весело смеялись. Старый мастер как будто ничего и не слышал, продолжал свое дело. А строители продолжали насмехаться над ним. Старый мастер не стерпел:

— Я делаю свое дело, вы — свое. Ведь речная вода и колодезная не мешают друг другу. Нехорошо издеваться над человеком, который старше вас. А кроме того, вы и в мастерстве-то мало разумеете.

Мастера рассердились, стали его бранить и угрозили, что выгонят отсюда. Подошел старшина артели, но не встал на его защиту. Понял старый мастер, что больше здесь нельзя оставаться.

— Хорошо! Я сам уйду, — сказал он. — Здесь я не получал ни чоха и потому возьму с собой этот камень.

Старик заткнул за пояс бурав и молоток, взвалил камень на спину и, не оглядываясь, ушел. Отойдя на три ли, он остановился у дверей лавки, опустил камень на землю и сел отдохнуть.

Хозяйка лавки, одинокая старушка, была доброй и ласковой. Заметив у дверей лавки старика, она пригласила его войти.

— Откуда, мастер, идешь? — спросила она.

— Со стройки моста.

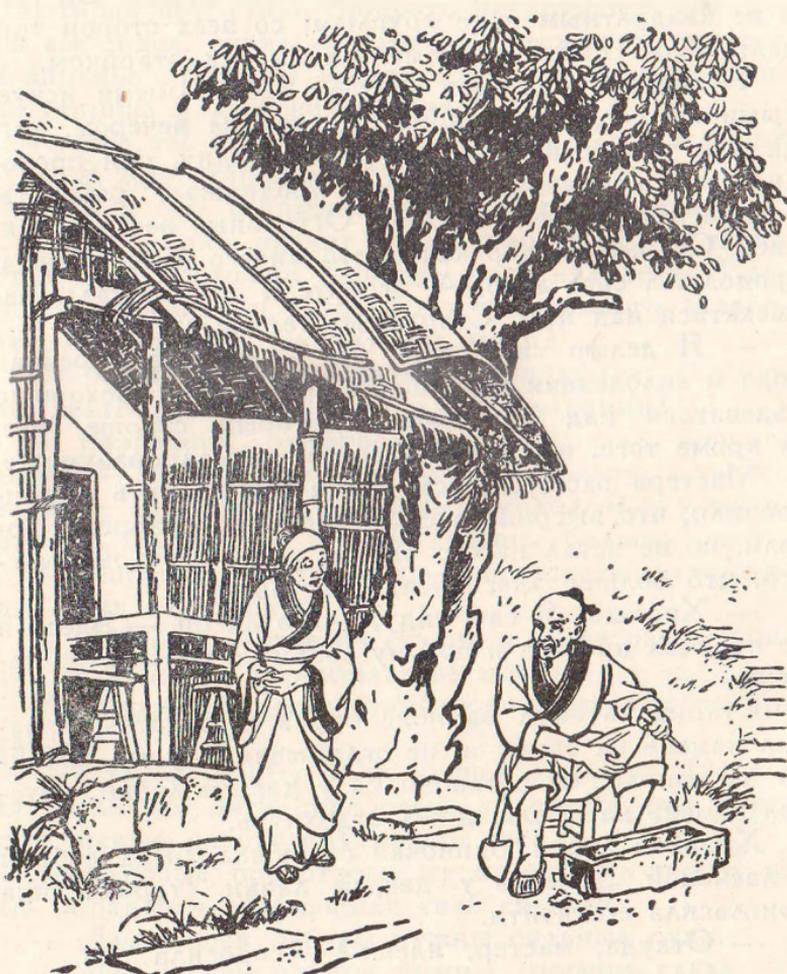
— Куда же ты пойдешь дальше? Уже темно.

— Я еще не решил куда.

Старый мастер подробно рассказал ей о своей работе на стройке, об обиде, нанесенной ему мастерами. Старушка посочувствовала и предложила:

— Оставайся у меня ночевать. Уже ночь. Поблизости селений нет. А завтра решишь, куда идти.

Она принесла ужин, налила чашку вина и пригласила

сила старика за стол. Старик не стал церемониться, поел и лег спать.

На следующий день на рассвете старушка услышала за дверью стук. Вышла она во двор и увидела, что старик сидит у входа и старательно обтесывает принесенный вчера камень.

— Что ты делаешь, мастер? — спросила она.

— У меня нет денег заплатить тебе за еду. Этот камень мне не нужен. Я сделаю из него корытце и оставлю тебе в оплату за услугу.

— Стоит ли вести разговор из-за одного ужина. Мне ничего не нужно, — ответила старушка.

Но мастер все-таки сделал корытце и, уходя, сказал:

— Береги это корытце. Придет время, найдутся покупатели. Дешевле, чем за тысячу лянов серебра, не продавай. Но смотри не отбей у корытца какой-нибудь из углов.

Старушка была удивлена и не очень-то поверила его словам. Внутри корытце было гладким, а снаружи выглядело довольно уродливо: во все стороны торчали углы. «Глупый старик! — подумала старушка. — Кто купит этот камень за тысячу лянов серебра?!»

Прошло три года. Старушка совсем забыла о старом мастере, а корытце все стояло у дверей лавки.

Мост за три года почти закончили: возвели арку, замостили, поставили перила. Осталось недоделанным только одно место в середине моста. Не хватало камня особой формы, с пятью углами.

Когда начинали строить мост, думали, что обтесать такой камень будет нетрудно. Но теперь оказалось, что это не так-то легко. Камень-замок должен был вплотную закрыть отверстие. Он должен быть не большим и не маленьким, не толстым и не тонким. Строители обтесывали камень за камнем, но ни один не подходил. У самых искусных мастеров ничего не получалось. Ничего не вышло и у старшины артели.

Как-то раз строители вместе со старшиной зашли в лавку старушки выпить вина. Старшина увидел у входа корытце. И формой и размерами оно напомнило ему камень, который был нужен, чтобы закрыть

отверстие в мосту. Старшина присел на корточки и рассмотрел корытце. У камня было пять углов. Он был не толстый и не тонкий, не большой и не маленький, каждая сторона его была хорошо отполирована — видно, обтесывал его искусный мастер.

— Бабушка! Кто сделал вам это корытце? — спросил старшина у старушки.

— Три года назад проходил мимо старый мастер. Он и сделал.

— Отдай это корытце нам. Мы принесем тебе другое, лучше этого. Ну, как?

Вдруг старушка вспомнила, что сказал старый мастер.

— Я могу продать корытце. Меняться не буду.

— А сколько ты хочешь за него?

— Тысячу лянов серебра.

— Почему так дорого за простое корытце?

— Мастер, который делал его, велел продать за эту цену.

Старушка рассказала о старом мастере: каков он собой и как говорил. Строители вспомнили, как три года назад приходил к ним наниматься старый мастер.

— Тысяча лянов серебра — пустяки, — сказал старшина. — Но нужно сначала проверить, подойдет нам камень или нет. Если подойдет, деньги сразу же отдадим.

Старушка согласилась. Строители взяли камень, отнесли на мост и вставили в отверстие. И удивительно! Камень вошел так плотно, что, сколько его ни раскачивали, не поддавался. Хотели вытащить из отверстия и не смогли — как будто врос.

Старшина артели вспомнил имя старого мастера и взволнованно воскликнул:

— Старый Юй Жи *! Ведь к нам приходил наниматься не кто иной, как сам мастер Лу Бань. Да! Конечно это был он!

А те мастера, которые дразнили и издевались над старым Юй Жи, услышав, что настоящее его имя Лу Бань, покраснели и опустили головы.

Строители называли камень-замок «камнем Лу Баня». Этот камень и сейчас можно увидеть на мосту.

СОВЕТ ЛУ БАНЯ

Много лет назад задумали в одном уездном городе построить храм Конфуция*. Решили, что здание должно быть высоким и большим, а главная балка должна быть из самшита. За храмом хотели построить беседку «Весны и осени» с крышей из цельного красного камня. Но где найти такое огромное дерево и такой большой камень? Посоветовались и решили послать людей по деревням искать самшит и красный камень. Искали три месяца, но не нашли такого большого дерева, не разыскали и глыбу красного камня. Тогда объявили о награде тому, кто найдет нужное дерево и красный камень. Через месяц пришел в город старик дровосек.

— На западе, — сказал он, — на вершине девятого холма растет самшит. Его и два человека не обхватят. Заросло дерево травой и лианами. Я собирал хворост и подобрал сучья этого дерева. Вот потому и узнал о нем.

Послали с ним людей проверить. Дровосек не ошибся, и его наградили. Целый день рубили дерево пять человек. Несколько топоров затупили. Перевозили дерево тридцать человек и лишь через месяц доставили в город.

Потом пришел старик крестьянин и рассказал:

— За восточными горами лежит красный камень величиной с фанзу. Он зарос цветами и мхом, потому его и не могли найти другие. Я косил траву и точил косу об этот камень.

Послали людей проверить. Старик сказал правду, его наградили. Чтобы обвязать камень, понадобилось восемьсот цзиней веревки, а перевозили камень в город целый месяц сто человек.

И самшит и красный камень нашли. Но кому поручить строить храм? В городе было только два хороших мастера: Чжан и Ван. Оба были одинаково искусны, у каждого были помощники и ученики. Какого же мастера избрать? Выбрали мастера Чжана: он и возрастом старше, добросовестный и осторожный. Мастеру Вану это, конечно, не понравилось, но он ничего не сказал.

Мастеру Чжану не приходилось строить такие большие здания. И он мечтал показать здесь все свое мастерство и применить весь свой опыт. Поэтому с самого начала он лично все рассчитывал и проверял. Часто советовался он с мастером Ваном. Но тот втихомолку строил козни: придирался к мелочам и не одобрял правильные решения Чжана.

Работали на постройке триста сорок человек: и столяры, и каменщики, и штукатуры. Были и удачи и неполадки. Но больших неудач в первые полгода на стройке не было. Заложили фундамент, возвели стены, установили колонны.

Укладка главной самшитовой балки на храме и укрепление цельной каменной крыши на беседке должны были сопровождаться торжественной церемонией. Ее назначили на полдень пятнадцатого августа.

Десять дней мастер Чжан высчитывал размеры балки. Он трижды измерил стены. Вышло, что длина балки должна быть семь чжанов, семь чи, семь цуней и семь фыней. Трижды отмерил мастер Чжан эту длину на дереве и наконец отпилил. «Теперь, — думал он, — осталось только установить балку. Ошибки не должно быть».

Каменная крыша для беседки тоже была готова. Но, как втащить тяжелую каменную крышу на колонны, мастер Чжан не мог придумать. Он посоветовался с другими мастерами, но и те ничего не могли сказать. Чжан пошел к мастеру Вану, а тот только усмехнулся:

— Ты главный мастер — и то не знаешь, как же я могу знать?

До пятнадцатого августа осталось четыре дня. А как установить крышу на беседку, мастер Чжан еще не знал. Подошел он к балке и решил еще раз проверить ее длину. А когда измерил, чуть не лишился сознания. Балка укоротилась: вместо семи чжанов, семи чи, семи цуней и семи фыней стало семь чжанов и шесть чи. Не хватало одного чи, семи цуней и семи фыней. Мастер не верил глазам, он все мерил и мерил, и каждый раз получалось семь чжанов и шесть чи. От волнения выступил у него на лбу холодный пот.

— Конец... Конец... — шептал он. — Всему кон-
нец...

Утром мастер Чжан спросил у подмастерья:

— Когда я отпиливал балку, ты был со мной. Помнишь, какую длину я отмерил?

— Как же не помнить! Было семь чжанов, семь чи, семь цуней и семь фыней!

— Удивительно! Удивительно! — забормотал мастер Чжан.

— Учитель! В чем дело?

— Вчера я снова измерил длину балки. Не хватает одного чи, семи цуней и семи фыней.

— Вот тебе и раз! — удивился подмастерье. — Определенно, это он! Это сделать мог только он!

— Кто он? О ком ты говоришь?

— О мастере Ване. Я уверен, что это сделал он!

Мастер Чжан строго возразил:

— Ты не должен подозревать мастера Вана, он на это не способен.

— Погодите, мастер! Послушайте лучше. Третьего дня ночью я вышел во двор и увидел, что мастер Ван бежит от храма, а в руках у него пила. Вчера я проходил мимо него, а он шепчет: «Теперь посмотрим!»

Мастер Чжан был поражен, но сдержался и спокойно возразил:

— Ван, как и я, старый мастер. Я ему верю. Хороший подмастерье не должен сомневаться в нем. Никому об этом не рассказывай.

Два дня мастер Чжан не ел и не спал, все думал. Вспомнил, как всю свою жизнь учился мастерству, вспомнил старых мастеров-учителей. Но не мог придумать, как спасти дело. За эти два дня и две ночи мастер Чжан постарел, лицо его побледнело и осунулось

И вот наступило 14 августа. Завтра должна быть торжественная церемония. Что же делать? Когда солнце стало клониться к западу, мастер Чжан почувствовал себя совсем плохо. Ведь ему еще нужно время подумать, и он досадовал, что не может остановить солнце. Но тут открылась дверь, и в дом вошел высокий худой старик в старой и рваной одежде.

За поясом у него торчали топор и долото. Он сказал, что разыскивает здешнего старшего мастера.

— А зачем он тебе нужен? — спросил мастер Чжан.

— Я хочу заработать немного.

— Я здешний мастер... Но завтра я должен буду распустить свою артель... Так что я не могу взять тебя на работу!

Но старик продолжал просить:

— Дружище! Я согласен на любые условия! Уже несколько месяцев я ни чоха не заработал.

Мастер Чжан терпеливо возражал:

— Я уважаю таких, как ты, старых мастеров. Но ничем не могу тебе помочь, я не знаю... Эх! Словом, я не хочу задерживать тебя. У меня нет работы!

— Как? Храм ведь еще недостроен. Разве здесь случилось что-нибудь?

— Нет, нет! — ответил Чжан и нахмурил брови.

Он не хотел рассказывать: ведь это не принесет никакой пользы и лишь вызовет у старика жалость.

— Скоро наступит ночь. Может быть, разрешишь мне у тебя переночевать? — попросил старик.

— Ну что ж. Если хочешь — оставайся.

Чжан пригласил старика сесть и спросил:

— Как тебя зовут, дедушка?

— Мое имя Юй Жи.

— Ты еще не ужинал?

— Сегодня я даже не завтракал.

Мастер Чжан сходил в лавку, купил двух карпов и велел жене приготовить ужин. Потом подсел к гостю, и они начали беседовать. Старик расспрашивал его о постройке храма: глубоко ли заложен фундамент, достаточно ли высоки стены храма, какой толщины колонны в беседке. Мастер Чжан, слушая его, проникался все большим уважением к старику и как будто повеселел. Но, вспомнив о своем горе, он снова загрустил. Старик будто угадал, что творится у Чжана на сердце.

— Дружище! — сказал он. — Когда появляются неудачи, какой толк вздыхать! Нам, мастерам, нужно лишь хорошенько подумать, а выход всегда найдется.

Запали в душу Чжана эти слова, но он все же ничего о своих неудачах не сказал. Вскоре ужин был готов, и мастер Чжан пригласил гостя к столу.

— Я шел сегодня целый день, — сказал старик. — Ломит поясницу и ноги. Хорошо бы было, если бы ты сходил за вином.

Чжан взял кувшин и снова пошел в лавку. Он шел и все думал о завтрашнем дне. Когда же он вернулся с вином, старик уже ушел. На столе все было в полном беспорядке: обе рыбы лежали на отдельных чашках брюхом вниз, головами друг к другу. В их рты были всунуты концы палочек для еды. На углу стола лежала куча вареного риса, покрытая большой красной чашкой. Сняв чашку, мастер Чжан увидел, что в кучу риса воткнуты четыре палочки. Мастер Чжан сначала удивился, но, поразмыслив, воскликнул:

— Я тебя понял! — и выскочил на улицу.

Он прибежал к самшитовой балке, из оставшихся кусков самшита вырубил двух рыб с большими головами и концы балки вставил в разинутые рты этих рыб. Когда затем он измерил расстояние от середины брюха одной рыбы до середины брюха

другой, у него получилось семь чжанов, семь чи, семь цуней и семь фыней. Как раз то, что было нужно.

Уже светало. Он созвал всех землекопов и приказал засыпать землей беседку «Весны и осени». Из-под земли остались видными только верхушки четырех столбов.

В полдень раздались взрывы хлопушек, и люди волоком по насыпанной земле втащили крышу из цельного камня на столбы беседки. У мастера Чжана лились по щекам слезы радости. Он беспрестанно повторял слова старика: «Нам, мастерам, нужно лишь хорошенько подумать, а выход всегда найдется».

Среди ликующей толпы стоял, опустив глаза, и мастер Ван. Ему было стыдно, и он ушел, не дождавшись конца церемонии.

Только потом догадался мастер Чжан, что старик, назвавший себя Юй Жи, — это старый мастер Лу Бань.

ДЕРЕВЯННЫЕ КЛИНЯ

Строили как-то большой дом. За дело принялись уже плотники. И вот появился у стройки сгорбленный старик лет семидесяти. На спине у него висел мешок, а в мешке инструменты: пила без зубьев, топор с отломанным лезвием да две старые тушечницы с кисточками.

— Братцы! — сказал старик строителям. — Дайте мне какое-нибудь дело. Я тоже хочу заработать на хлеб.

Но старшина артели посмотрел на него и усмехнулся:

— У нас, дедушка, тут настоящая работа. А что ты можешь делать? Пожалуй, ты нам тут и не нужен.

— Да! — вздохнул старик. — Вы сегодня, небось, уже завтракали. А сытый голодного не разумеет.

— Ну что ж, подбери сам себе работу, — сказал старшина. — Найди, что тебе по силам.

Старик разыскал ровный и гладкий кусок дерева и на его поверхности начал чертить какие-то линии.

— Что это ты тут чертишь? — спросил старшина, застав его за непонятым делом. — Займись лучше чем-нибудь другим.

— Это пригодится! — ответил старик. — Потом сам убедишься.

И вдруг на стройке стало не хватать деревянных клиньев. Их нужно очень много, а делать некому — все своей работой заняты. Расстроился старшина — как быть? И вдруг вспомнил о старике. Пошел, посмотрел, а тот все чертит и чертит, третий день чертит, живого места на куске дерева не оставил.

— Когда же пойдет в дело это бревно? — спросил старшина.

— А вот сейчас, — ответил старик.

Он взял топор с отломанным лезвием и ударил им по бревну. Оно разлетелось на тысячи частей по тем линиям, что рисовал старик. Вместо бревна на земле лежала груда деревянных клиньев. Обрадовался старшина, повернулся к старику, чтобы поблагодарить его, а того уж и след простыл. «Это, конечно, был великий Лу Бань», — догадался старшина.

ДВЕРИ

Раньше в домах не было дверей. А без них неудобно — и ветер продувает, и дикие звери забиваются в жилище. От ветра приходилось загораживать вход досками, от диких зверей — заставлять его чем придется.

Однажды крестьянин-горец подсчитал своих овец и обнаружил, что трех не хватает. Не иначе, как их утащил прошлой ночью волк! Вся семья опечалилась — как уберечься от волков?

В фанзу вошел седой старик. Присел и спросил:

— Отчего у всех брови нахмурены? Что случилось?

Хозяйка рассказала ему, что волки забираются по ночам в фанзу и таскают овец.

— От волков уберечься нетрудно, — усмехнулся старик. — Надо поставить дверь и запереть ее на ночь.

— Пробовали и дверь, да она не помогает. Стоит на нее навалиться посильней, она и падает.

Старик еще посидел в фанзе, отдохнул. Поговорили о том о сем.

— Постарел я, — сказал старик в разговоре. — Совсем ослаб, падаю, как ваша дверь, даже от ветра. Но вот с тех пор, как у меня этот посох, я чувствую себя на ногах прочно. Если толкнет меня кто-нибудь, я верчусь вокруг посоха и не падаю.

Старик встал, уперся в землю посохом и показал, как он вертится вокруг него. Затем старик собрался уходить и на прощание назвал деревню, откуда он родом, — Юйжицунь. Крестьянин с женой проводили старика. А когда они вернулись, их встретил внучек:

— Бабушка, бабушка! Как интересно, как потешно вертелся тот старичок!

Мальчик вставил палку в оставшуюся от посоха лунку и начал крутиться, как старик. И вдруг крестьянин захлопал в ладоши и закричал:

— Смотри, смотри! Как это мудро! Ведь мы же можем сделать подвижную дверь! — и принялся объяснять жене: — Вот гляди. На этой стороне двери укрепим палку. Потом сделаем две лунки, сверху и внизу. Палка будет вращаться, а вместе с нею и дверь. Хочешь — закрывай, хочешь — открывай. Прекрасно! Она будет крутиться, как тот старичок.

На другой день сделали такую дверь. Действительно — лучше не придумаешь. Потом сделали крепкую задвижку — ни волк не пройдет, ни ветер не проникнет! Из соседней деревни многие приходили смотреть на новую дверь и хвалили крестьянина за смекалку.

— Да разве я это придумал? — отвечал крестьянин. — Мне эту дверь дал прохожий старик. Он из деревни Юйжицунь.

— Юйжицунь? Но это то же самое, что Лу-
цунь! * А ведь этот старик — не кто иной, как Лу
Бань! Наверняка Лу Бань!

— Конечно, конечно! — согласился крестья-
нин. — Никто другой не сумел бы так хорошо при-
думать.

КРЮК И ВЕРСТАК

Когда Лу Бань был еще молодым, ему помогали в работе мать и жена. Если ему нужно было про-
вести на деревянном бруске ровную линию, он про-
сил мать придержать один конец шнура и, взявшись
за другой, натягивал шнур, как струну. Но у мате-
ри были свои дела, и, чтобы не отрываться от них,
она придумала приспособление: к одному концу шну-
ра привязала деревянный крюк, который мог зацеп-
ляться за край бруса. С тех пор плотники пользуют-
ся таким деревянным крюком и называют его «ма-
терью Лу Баня».

Работая рубанком, Лу Бань частенько просил
жену прижать брус руками к деревянной скамье. Но
это ей надоело, и она придумала приспособление:
прибила к скамье деревянный клин. Теперь брус
упирался в клин, а ее руки освободились для других
дел. Так был создан плотничий верстак. Плотники
помнят о жене великого мастера и называют верстак
«женой Лу Баня».

ОТВЕТ ГОРНОГО ДУХА

(Тибетская сказка)

Однажды дядюшка Дэнба нашел большой изум-
руд. Узнал об этом помещик и сказал Дэнбе:

— Все, что найдено на моей земле, должно при-
надлежать мне. Давай изумруд.

— Нет, изумруд нашел я, значит, он мой! —
ответил Дэнба.

Долго они спорили, и наконец Дэнба предложил:
— Давай спросим горного духа, пусть он нас рассудит.

Помещик согласился, и пошли они в горы. Обратившись к большой горе, Дэнба закричал:

— Кому должен принадлежать изумруд!? Помещику или Дэнбе!

Слово «помещику» Дэнба произнес тихо, а «Дэнбе» — громко. Поэтому горное эхо ответило:

— Дэнбе.

— Вот видишь, господин помещик, я тебя не обманываю. Горный дух говорит, что изумруд мой, а это самый справедливый судья на земле.

Нечего было ответить помещику. Понуро опустив голову, он поплелся домой.

ЛЫСЫЙ ПОМЕЩИК

(Тибетская сказка)

Жил некогда помещик. Он любил все красивое, и если встречал на рынке хорошую одежду, украшения, безделушки, то сразу же покупал, как бы дорого они ни стоили. Дома он надевал новую одежду и любовался собой. Но вот беда: голова у помещика была голый, как кость, на ней не росло ни одного волоска. Каждый день помещик вспоминал о своей лысой голове, и у него портилось настроение. Он испробовал все способы, приглашал самых известных лекарей, пил всякие лекарства, но ни один волос на его голове не вырос.

Однажды у дядюшки Дэнбы желудок был пустой, и вспомнил он об этом помещике. Вышел он на улицу и начал кричать:

— Ращу волосы, ращу волосы!

Услыхал это помещик и обрадовался. Он позвал к себе дядюшку Дэнбу, усадил за стол, стал потчевать бараниной, угощать вином, а потом попросил сделать так, чтобы на его голове выросли волосы.

Дэнба согласился помочь помещику. Он достал из кармана шило и пучок волос.

— Больно будет? — спросил помещик, увидев шило.

— Конечно, больно. Очень больно!

— А нельзя ли, чтобы не было боли?

— Нельзя!

— А как же быть?

— Если лысый боится боли, то обычно он дает мне немного топленого масла, и я не вырашиваю волос.

— Хорошо. Я тоже дам топленого масла, только не трогай мою голову, — сказал помещик.

Забрав масло, дядюшка Дэнба ушел домой довольный.

НАМЕСТНИК ЛАЕТ

(Тибетская сказка)

Как-то вечером окружили юноши дядюшку Дэнбу и начали просить:

— Дядюшка Дэнба, ты у нас самый мудрый. Заставь нашего хитрого наместника лаять по-собачьи. Мы тебя за это вином угостим.

Дэнба кивнул головой и, посмеиваясь, ушел.

На следующий день Дэнба подошел к наместнику, когда тот был среди народа, и предложил:

— Вчера я поймал охотничью собаку, не купишь ли ты ее у меня?

Боясь подвоха, староста спросил:

— Что за собака?

— Ну как же! Что ж ты не знаешь, какие собаки бывают? Собака как собака и лает по-собачьи. Вот так: му-му-му!

— Разве это собака! Собаки лают по-другому: гав-гав-гав! — начал лаять наместник.

— Если тебе моя собака не нужна, тогда я пошел, — сказал Дэнба и отправился пить вино.

КАМЕНЬ

(Тибетская сказка)

Проходил Дэнба мимо плотины и увидел толпу крестьян, которые пытались сдвинуть с места большой камень. А рядом с ними стоял помещик с большим, как барабан, животом. Он кричал на крестьян, ругал их за то, что не могут сдвинуть камень. Дэнба подошел к крестьянам и спросил:

— Зачем двигаете камень?

К нему подскочил помещик:

— Он лежит на поле, занимает место. Меньше собираем зерна.

— Ты прав, — ответил Дэнба, — но у них не хватает силенок. Так много людей, а камень сдвинуть не могут! Я бы и один убрал его.

— Тогда сделай это, пожалуйста! — попросил помещик.

— Хорошо, но я еще не ел. Пойду поужинаю и приду, — ответил Дэнба беспечным тоном.

Помещик боялся, что после ужина Дэнба не придет.

— Пойдем ко мне, — пригласил он его. — Я тебя накормлю.

Дома помещик велел жене поставить на стол баранину и вино. Наелся Дэнба и вернулся с помещиком на поле. Дэнба обвязал камень веревкой, повернулся к нему спиной, нагнулся и сказал:

— Уважаемый помещик, клади камень мне на спину, — а потом закричал: — Что стоишь? Клади камень! Долго я буду ждать?

Обхватил помещик камень, но, как ни тужился, поднять не мог.

— У меня-то силы есть отнести камень, а ты, жирный обжора, даже поднять его не можешь, — сказал Дэнба и, разогнув спину, пошел домой.

АИДАЙ И НАМЕСТНИК

(Сказка народности наси)

О мудрости Аидая знали все. Один рассказывал об этом десяти, а десять передавали сотне. Дошла молва об Аидае и до наместника Мутяна. Но Мутян не поверил: «Как бы умен он ни был, — подумал Мутян, — ему не сравниться со мной!» Решил Мутян померяться умом с Аидаем.

Однажды Мутяна несли в паланкине по улице, а навстречу идет Аидай. Мутян остановил носильщиков и подозвал его.

— Аидай, — самодовольно сказал он, — слышал я, что ты большой мастер говорить. Вот я и хочу это проверить. Сможешь ли ты сказать такую неправду, которой бы я поверил?

Аидай нахмурился и торопливо ответил:

— Некогда мне забавлять тебя болтовней! Все горожане побежали к озеру Ласы. Оно пересохло, и кто хочет рыбы, должен торопиться. Болтай с кем-нибудь другим, а я пошел! — И Аидай быстро зашагал к озеру, которое находилось в двадцати ли от города.

Мутян был страстным любителем рыбы. Узнав, что озеро Ласы высохло, он встрепнулся. И вдруг вспомнил, что ведь леса и реки, горы и озера — все принадлежит ему, наместнику. Как же чернь может собирать его рыбу! Он велел носильщикам бегом нести его домой. Потом вызвал тридцать конных солдат и галопом помчался к озеру. Уже смеркалось, когда наместник подскакал к озеру. Но что это? У озера никого нет, и оно полным-полно воды.

Мутян стоял у берега и ничего не мог понять. Он устал, проголодался, он сердился и негодовал.

На другой день наместник призвал к себе Аидая, и, сверкая глазами, сказал:

— Что же ты болтал про озеро Ласы, будто оно высохло!

— Великий наместник! Я сделал так, как ты хотел. Ведь ты приказал мне одурачить тебя неправдой, — спокойно ответил Аидай.

Не мог смириться наместник Мутян с тем, что Аидай умнее и хитрее его. Однажды он сказал Аидаю:

— В прошлый раз ты не дал мне времени подумать над твоими словами. Если бы ты сразу не убежал, я бы догадался, что это неправда. А теперь, если ты такой умный, заставь меня подняться по этой лестнице. Сделаешь так, и я признаю, что ты умней меня.

— Наместник Мутян, — ответил Аидай, — заставить тебя подняться по лестнице вверх я не могу. А вот сделать так, чтобы ты спустился с лестницы вниз, сумею. И часа не пройдет, как слезешь.

— Десять дней буду сидеть наверху и не слезу. Слуги накормят и напоят меня. Посмотрим, что ты будешь делать!

Слез Мутян с паланкина и, тяжело отдуваясь, взбрался по лестнице. Но едва он встал на последнюю ступеньку, как снизу донесся смех.

— Мутян! Ты хотел, чтобы я заставил тебя взобраться по лестнице? Ты уже наверху! Теперь-то признаешь, что ты глуп?

Аидай ушел, а Мутян от досады не мог возразить ему ни слова.

Шел однажды Аидай мимо дома наместника и услышал: тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук-тук-тук. Это слуги наместника толкли во дворе рис. Аидай нахмурил брови, изобразил на лице скорбь, вбежал в дом Мутяна и испуганно закричал:

— Наместник Мутян! Наместник Мутян! Дело плохо! Это не к добру!

— В чем дело? — спросил наместник.

— Ты послушай! Ты только послушай, что выстукивает ступка!

Со двора доносилось: тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук-тук-тук. Наместник прислушался, но, кроме стука, ничего не услышал.

— А тебе что слышится? — с тревогой спросил наместник.

— Я не могу сказать, боюсь — ты накажешь меня.

— Не бойся, говори!

А со двора продолжало доноситься: тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук-тук-тук. Аидай начал в такт ударам напевать:

— Мутян, Мутян разорится вдруг, Мутян, Мутян разорится вдруг.

Потом Аидай помолчал минутку. Со двора доносилось: тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук-тук-тук. Аидай снова начал напевать:

— Ты слушай, слушай! Мутян, Мутян разорится вдруг, Мутян, Мутян разорится вдруг.

Чем дальше слушал наместник, тем явственней ему чудилось: «Мутян, Мутян разорится вдруг».

— Неужели я могу разориться? — пробормотал он. — Неужели это — предзнаменование!

А во дворе слуга продолжал толочь рис: тук-тук, тук-тук... Теперь Мутян не сомневался, — ведь действительно слышится: «Мутян, Мутян разорится вдруг, Мутян, Мутян разорится вдруг».

Разозлился Мутян. Злоба чуть не задушила его. Он закричал на Аидаю:

— Убирайся отсюда вон!

Побежал Мутян во двор и приказал немедленно выбросить на улицу и ступку и пестик. Ругаясь на чем свет стоит, вбежал он в спальню и свалился на кровать. От негодования Мутян задыхался.

Аидай давно пообещал беднякам добыть ступку и пестик. Вернулся он домой и сказал соседу:

— На дороге лежат новая ступа и пестик, иди и принеси.

Когда сосед вернулся, Аидай созвал бедняков и рассказал им, как он заставил наместника отказаться от ступы и пестика. Бедняки долго смеялись.

ВОЛШЕБНЫЙ КОТЕЛ

На южном берегу реки Баймахэ есть деревня Чжанцзячжуан. Жил в ней когда-то злой помещик Чжан-Живодер. У помещика было три сына. Из-за корысти все четверо могли совершить любую под-

лость. Они немилосердно обирали крестьян-арендаторов, зарились на каждую мелочь. Люди умирали от голода или вешались.

Брал участок в аренду у Чжана-Живодера и бедняк Хуан Сяо-пин. Много обид перенес Сяо-пин и задумал он отплатить Живодеру. Однажды осенью прошел слух, что помещик собирается женить сына. Хуан Сяо-пин договорился с женой, как проучить Живодера. Они решили пригласить его на угощение. Сяо-пин принес с рынка разной снеди, вина и мяса. Жена Сяо-пина Цуй-ин приготовила все кушанья заранее, а большой кусок сырого мяса повесила на крюк возле двери.

Когда Хуан Сяо-пин пришел к помещику, тот дремал. Но, услышав о приглашении на обед, Чжан-Живодер поспешно выбрался из кресла, нахлобучил шляпу и пошел за Сяо-пином. Войдя в дом арендатора, помещик увидел висевшее у двери сырое мясо, не слышно было ни стука кастрюль на плите, ни шипения сковород. Цуй-ин, жена арендатора, сидела у порога и чинила туфли, будто и не приглашала никого в гости. Живодеру это не понравилось, он обозлился и с угрозой крикнул:

— Ты что же, мелкота?! Вздумал дурачить меня? Понапрасну разбудил? Насмехаешься над господином!

Сяо-пин виновато улыбнулся и стал ругать жену:

— Лентяйка! Что же ты ничего не делаешь! Господин уже пришел, а угощение не готово!

Не удостоив их ответом, Цуй-ин неторопливо поднялась, взяла свинину, лук, пряности, масло, соль и удалилась на кухню.

Не успели гость и хозяин выкурить по трубке, как на столе появились дымящиеся ароматные блюда. Чжан-Живодер удивился и быстро принялся уплетать обед за обе щеки. А когда все было съедено, он спросил:

— Сяо-пин, как это сумела твоя жена так быстро приготовить замечательный обед?

— Гм, не хотел я говорить, ну, да уж придется, — улыбаясь, ответил Сяо-пин. — Есть у меня волшебный котел. Достаточно положить туда любые съест-

ные припасы и помешать — тут же все будет готово. И дрова жечь не надо и быстро!

— Неужели существует такое сокровище? — удивился Живодер.

— Конечно, существует, — подтвердила Цуй-ин. — Ах, господин! Жаль, что нас только двое, часто нечего и класть-то в котел. Если бы он был у большой семьи, сколько бы дров за год сберегли!

У Живодера быстро мелькнула мысль: «Через десять дней в моем доме свадьба. Волшебный котел окажется очень кстати!» Чжан-Живодер напустил на лицо умильную улыбку и сказал:

— Сяо-пин, продай мне этот котел. Ведь я — твой господин. Я не пожалею за него нескольких десятков лянов серебра.

— Господин, это невозможно! — ответил Сяо-пин. — Котел достался мне от отца, от деда, от прадеда. Его нельзя продать и за сто лянов серебра! И, хотя я вам должен...

Живодер широко ухмыльнулся:

— Это мы уладим, я уступлю! В нынешнем году зачту разницу при уплате аренды.

Сяо-пин вздохнул:

— Уж если господин решил купить, ничего не поделаешь. Ладно, пусть будет так. Но вы, господин, сдержите слово.

— Разумеется, разумеется! — согласился помещик, хлопая себя по ляжкам.

Самодовольно ухмыляясь, отнес помещик волшебный котел домой и спрятал его в сундук.

Приближалась свадьба сына. В день перевозки приданого* повара сказали Живодеру:

— Господин, не пора ли готовить угощение? Ведь вы говорили, что будет шестьсот человек гостей?

— Не торопитесь, — спокойно ответил Живодер, — когда я скажу, тогда и приготовите. Не опоздаем.

Только после третьей стражи¹ помещик достал котел из сундука, отнес его на кухню и разбудил поваров:

— Нарезьте мясо, сложите в котел и помешайте, то же сделайте и с остальными припасами. Больше ничего от вас и не нужно. Этот котел волшебный, не разбейте его, будьте осторожны.

Распорядился Живодер и ушел спать. Повара не поверили ему, но сделали все, как хозяин приказал: положили мясо в котел, помешали — и раз, и два, и три, и четыре. Мясо по-прежнему было сырым.

Утром повара доложили об этом помещику. От такой новости Живодер даже позеленел. Мигом натянул штаны, побежал на кухню, схватил скалку и начал мешать ею в котле. Но, конечно, все было напрасно. Живодера от злости затрясло сильнее, чем муравья на горячей сковороде. Он неистово начал выкрикивать:

— Сяо-пин! Обманул меня! Не миновать тебе моих рук! Шкуру с тебя спущу!

Живодер ударил по котлу кочергой и пробил его насквозь.

Возненавидел Живодер Сяо-пина и договорился со своими сыновьями Би-цза и Лун-цза погубить его. Они приготовили веревку, мешок и после второй

¹ Третья стража — время с одиннадцати вечера до часу ночи.

стражи¹ подкралась к дому Сяо-пина, напали на спящего арендатора, сунули его в мешок, крепко завязали. И потащили Сяо-пина к реке Баймахэ топить.

Помещику и его сыновьям никогда не приходилось носить на руках даже курицы, а теперь они тащили по очереди человека. На полпути они совсем выбились из сил, поминутно опускали ношу на землю и отдыхали. Но чем больше отдыхаешь, тем труднее нести. Долго они тащили, даже проголодались, а в чистом поле еды не найдешь. Лун-цза предложил:

— Подвесим его на дерево, так он не убежит, а мы сходим домой перекусим.

— Пожалуй, верно! — согласился Живодер.

Подвесили они мешок с Сяо-пином на дерево и ушли.

Сяо-пин лежал в мешке, скрючившись в три погибели. Пытался он освободиться, но мешок был крепкий и завязан туго, пытался кричать, но никого поблизости не было. И вдруг он услышал голос:

— Эй! Кто там на дереве?!

Сяо-пин узнал по голосу старшего сына Чжана-Живодера, которого в деревне прозвали Воспаленные Глаза.

Помещичий сын возвращался из Хэбэя с купленным им стадом коров. Еще издали он услышал какие-то странные звуки. Подойдя к дереву, он увидел на суку мешок, болтавшийся из стороны в сторону. Сначала Воспаленные Глаза испугался, а потом набрался храбрости и крикнул.

Узнал Сяо-пин голос помещичьего сына и подумал: «Хорошо же, Чжан-Живодер! Ты хотел меня утопить, так не жди от меня пощады!» Он быстро сложил присказку и запел:

Пришла беда: и дни и ночи
Болят мои бедные очи.
Но добрый старик вчера рассказал,
Как вылечить мне глаза.

¹ Вторая стража — время с девяти до одиннадцати часов вечера.

Сожми, мешок, ослабь, сожми!
И боль на себя возьми!
Я ночь просидеть в мешке готов,
Только бы был наутро здоров.

— Что с тобой? — спросил помещичий сын, услышав песню из мешка. — Что ты там поешь?

— Не тронь меня! Не тронь! Я лечу глаза! — ответил Сяо-пин.

Услышав, что кто-то лечит глаза таким волшебным способом, помещичий сын вспомнил о своих, всегда воспаленных и гноящихся глазах.

— А скоро ты их вылечишь? — спросил он. — Дай и мне полечить. У меня тоже глаза больные.

— Не торопись! Мои глаза гноились десять лет. А теперь вот не болят. Только в уголке правого глаза осталось чуточку боли. Ты подожди немного. Долечусь и тебе дам. — И Сяо-пин снова запел свою присказку.

Помещичий сын присел у дерева и начал ощупывать свои грязные, больные глаза. Потом ему это надоело, и он стал торопить человека в мешке:

— Хватит тебе там сидеть! Давай-ка поскорее! Небось, уже вылечился.

— Хорошо! — крикнул ему Сяо-пин. — Живей развязывай мешок!

Воспаленные Глаза снял с сука мешок, развязал — и перед ним встал человек с чистыми и ясными глазами. Сразу было видно, что этот человек окончательно вылечился. Помещичий сын залез в мешок, а Сяо-пин тут же крепко завязал его и повесил на дерево. Потом он взял хворостину и кружным путем погнал помещичье стадо коров к себе домой.

Помещик с сыновьями торопливо поели, прибежали обратно, сняли мешок с дерева и понесли. Дошли до реки и, раскачав мешок, бросили его в воду.

— Вот и отправился Сяо-пин на тот свет! — воскликнул Чжан-Живодер.

Наутро Сяо-пин нарочно погнал стадо коров мимо помещичьего дома. Чжан-Живодер, увидев его,

страшно испугался. Он выскочил за ворота и крикнул:

— Эй, Сяо-пин! Как, это ты?..

— Мой господин! Мне повезло благодаря твоей милости, — с улыбкой ответил арендатор. — Когда ты бросил меня в реку, кто-то в воде развязал мешок!..

— Неужто это был дух реки? — удивился Живодер.

— Да кто ж его знает? Выбрался я из мешка и увидел на дне, под водой, этих коров. Взобрался я одной из них на спину, остальное стадо двинулось за нами! Да ты взгляни, господин, на этих коров, до чего же они крепкие и сильные!

Живодер смотрел вслед удалявшемуся Сяо-пину и, казалось, готов был проглотить арендатора вместе со всем стадом. Дома он рассказал сыновьям:

— Этому оборванцу Сяо-пину повезло. Мы его бросили, оказывается, прямо в коровник духа реки! Да разве этот дурак умеет пользоваться случаем? Взял оттуда десяток коров и доволен.

— Отец, — сказал Би-цза, — мы должны взять остальное стадо. Вернемся на реку и спрыгнем в том же месте.

— Я прыгну первым, а вы следите, — сказал Лун-цза. — Как махну рукой, прыгайте следом. Уж если пригонять, так все стадо!

Все трое отправились на реку Баймахэ и нашли место, где ночью сбросили мешок. Живодер приказал, чтобы Лун-цза прыгал первым. Тот посмотрел на реку, на крутые пенистые волны и сначала оробел. Но жадность придала ему храбрости, и он спрыгнул. А плавать-то Лун-цза не умел, волна сразу захлестнула его. Он успел только взмахнуть над водой руками. Помещик и Би-цза решили, что Лун-цза увидел коров и зовет их на подмогу. И оба они спрыгнули в реку. Все трое утонули, как и старший сын помещика.

Коровы Живодера перешли к Сяо-пину, и он роздал их беднякам.

МУДРЫЙ БЕДНЯК

Это случилось давным-давно. На деревню Ли-цзячжуан обрушилось несчастье: наступила страшная засуха. Поля выгорели, земля потрескалась, пришел голод. Крестьяне начали есть коренья трав, кору деревьев. Собрались крестьяне и стали думать, как жить дальше.

— Мы здесь мрем от голода, — сказал один крестьянин, — а у помещика Скупого Вана закрома ломятся от награбленного у нас риса.

— Не будем ждать смерти! Отберем у него зерно! — подхватил другой.

— Нельзя! Нельзя! — закричал седой старик. — Вы забыли, что тесть Скупого Вана — начальник уезда? Он всех нас сгноит в тюрьме!

Долго крестьяне спорили, пока не подошел к ним бедняк Ли-эр. Этот Ли-эр славился на всю округу своим умом и хитростью. Крестьяне обратились к нему за советом — что делать, как быть? Ли-эр подумал, подумал, потом отозвал в сторону двух молодых парней.

— Идите в лес, — сказал им Ли-эр, — и поймите несколько зайцев. Одного оставьте живым и привяжите к дереву на западной опушке леса.

Сам Ли-эр купил белую утку и разрисовал ее диковинным образом в красный и зеленый цвета. Когда все было готово, взял Ли-эр в руки утку, а товарищи его — убитых зайцев и пошли они мимо дома Скупого Вана.

Услышав шум, Скупой Ван вышел на улицу:

— Эй вы, голодранцы! Чего галдите перед моим домом?

— Ты не кричи на нас, — ответил Ли-эр. — Может быть, я скоро буду богаче тебя!

Помещик рассмеялся:

— Уж не на этих ли зайцах и утке разбогатеешь?

— Это не утка, а чудесный беркут, — возразил Ли-эр. — За один вылет он ловит десять зайцев, а за день — сотню. Теперь посчитай-ка, сколько зайцев он поймает за год.

— Где же ты достал такую птицу?

— О! Этот чудесный беркут жил далеко в горах. Там он сторожил корень жэньшэнь длиной с человека. Питался беркут не только зайцами, доводилось ему ловить шакалов, леопардов, тигров. Однажды вечером беркут задремал и не заметил, как к нему подкрался искатель жэньшэня и схватил его. Этот человек мой друг. Он посадил беркута в клетку и подарил мне.

Помещик и верил и не верил Ли-эру, осмотрел со всех сторон птицу и сказал:

— Что-то не похож твой волшебный беркут на простых беркутов. Наверно, это и не беркут вовсе.

— Хочешь верь, хочешь нет — дело твое, а я пошел, — небрежно ответил Ли-эр и зашагал прочь от помещичьего дома.

Скупому Вану страшно захотелось получить этого беркута. Он бросился вдогонку, схватил Ли-эра за рукав и стал просить испытать птицу при нем. Ли-эр согласился, и пошли они к западной опушке леса. Но вот Ли-эр остановился и сказал Скупому Вану:

— Дальше тебе нельзя. Беркут ловит зайцев только при знакомом человеке, когда поблизости нет чужих.

Ли-эр пошел дальше, а помещик остался. Ли-эр подбросил утку вверх и закричал: «Заяц, заяц!» А сам отвязал от дерева пойманного накануне зайца и принес помещику. Увидев зайца, Скупой Ван уже не раздумывал. Он начал просить Ли-эра продать ему чудесного беркута. Долго пришлось ему уговаривать, наконец Ли-эр согласился:

— Хорошо! Я отдам тебе чудесного беркута за десять даней риса.

Боясь, как бы Ли-эр не передумал, помещик торопил его закончить обмен. Но Ли-эр не спешил, он гладил утку и трогательно с ней прощался. Отдавая ее, он сказал:

— Когда чудесный беркут охотится на зайцев, смотри, чтобы он не летал далеко. Чего доброго, улетит совсем, такой птицы уж нигде не сыщешь.

Полученный у помещика рис Ли-эр разделил

между жителями деревни. Крестьяне хвалили Ли-эра за смекалку.

На следующий день Скупой Ван привязал к ноге утки веревку и пошел ловить зайцев. Вошел он в лес и начал кричать: «Заяц, заяц!» Вдруг откуда ни возьмись выбежал на поляну хромой заяц. Помещик бросил на него утку, но утка испугалась и захлопала крыльями. Заяц бросился от утки. Помещик закричал: «Чудесный беркут, хватай!» — и побежал за зайцем, таща за собой утку на веревке. Не удалось помещику догнать зайца. Он устал, пот ручьями стекал по его лицу. Остановился Скупой Ван и посмотрел на беркута. Но утка была мертва. Слишком быстро бежал помещик за зайцем, даже перьев не осталось на утке — все ободралось.

Понял Скупой Ван, что его обманули. Схватил он мертвую утку и побежал искать Ли-эра, чтобы свести с ним счеты. Соседи предупредили Ли-эра об опасности. Но Ли-эр не испугался. Он предвидел гнев помещика и заранее приготовился его встретить.

— Ставь на стол маленький котел, — сказал он жене, — да принеси вина. Будем встречать помещика.

Скупого Вана не пришлось долго ждать.

— Ли-эр! Какой же это беркут? Он даже хромого зайца не сумел поймать! — закричал помещик еще с порога.

— Напрасно ты спешил. Надо было подождать еще денек, чтобы он привык к тебе.

Но помещик разозлился, он и слушать не желал Ли-эра и требовал вернуть десять даней риса, которые отдал за беркута. Ли-эр успокаивал его:

— Рис?.. Да это же пустяки! Мы быстро это уладим. Входи в дом, потолкуем за чаркой вина и обмозгуем все. Жена, приготовь-ка нам закуску.

Удивился Скупой Ван: не успела жена Ли-эра нарезать мяса и положить в котел, как оно уже готово. Помещик не выдержал и спросил:

— Ли-эр, что это такое? Твоя жена жарит без огня? Не успела опустить мясо в котел, а оно уже поджарено.

— Это наше семейное сокровище. Котел этот передается из поколения в поколение. Что ни положишь в него, сразу и варится и жарится.

Скупой Ван пил вино, закусывал, а про себя думал: «Как это хорошо! Огня не надо, не нужен и повар. Сколько денег можно сэкономить!» Решил помещик купить этот котел.

— Послушай, Ли-эр! Те десять даней рису не возвращай мне. Уступи лучше вместо них этот волшебный котел.

— Это же наша семейная вещь, отдать ее никак не могу, — решительно отказался Ли-эр.

— Ну, продай! Я дам тебе еще десять даней риса, — продолжал настаивать Скупой Ван.

Долго думал Ли-эр, ходил по комнате, советовался с женой и наконец решился. Скупой Ван боялся, что Ли-эр передумает, и торопил его взять рис.

Жена Скупого Вана была тяжело больна и не вставала с постели, но, узнав, что бедняки уносят из амбара рис, она рассвирепела и начала ругаться. А помещик решил похвастаться чудесным котлом перед тестем и тещей. Он послал слугу пригласить их на обед.

Печально закончился этот обед. Скупой Ван навалил всякой всячины в котел, насыпал соли, сдобрил приправами, но ничего не поджарилось. Ждали гости до полудня, рассердились, хлопнули дверью и ушли. Встала больная жена с кровати и закричала на мужа:

— Почему ты выгнал моих родителей?! Чем они провинились!?

— Не выгонял я их вовсе. Котел ничего не сварил, вот они и ушли.

Жена помещика упала в обморок. Рассердился помещик пуще прежнего.

— Убью я этого обманщика! — закричал он и бросился искать Ли-эра.

А Ли-эр предвидел, чем это кончится, и уже заранее приготовился. Прибрался в доме, купил гроб, провертел в нем дырочку, положил рядом на скамейку скалку и лег в гроб.

Жена Ли-эра позвала соседей, чтобы они забили крышку гроба. А тут явился разъяренный помещик. Увидел он плачущую жену Ли-эра и скорбно стоящих крестьян.

— Что тут происходит?! — гневно спросил он.

— Заболел наш уважаемый Ли-эр, да и умер, — ответил один из соседей. — Вот собираемся хоронить.

— Ну-ка! Откройте крышку! Посмотрю я, может, вы меня обманываете?

Открыли крышку. Увидел Скупой Ван Ли-эра, и злоба с новой силой вскипела в нем. Схватил он скалку и ударил Ли-эра. И вдруг Ли-эр открыл глаза, сел, потом вылез из гроба и начал благодарить помещика:

— Благодарю, что воскресил меня этой волшебной скалкой. Стоит ею ударить умершего, он сразу оживет, больного — выздоровеет. Много пришлось мне побродить по белу свету, чтобы раздобыть такую вещь. Когда я заболел, то просил жену ударить меня этой скалкой, но она пожалела, не ударила, вот я и умер. Если бы не ты, зарыли бы меня в землю.

Скупой Ван вспомнил о больной жене, и ему захотелось получить скалку. Он просил Ли-эра продать ему ее, но Ли-эр наотрез отказался и, чтобы не говорить об этом, вышел из дома. Скупой Ван схватил скалку и побежал домой, да так быстро, что даже дух захватывало. От служанки он узнал, что жене стало хуже. Вошел Скупой Ван в комнату, выхватил из-за спины скалку и ударил больную изо всех сил. Но жена не выздоравливала. Тогда схватил помещик жену, посадил в кресло и давай ее бить скалкой. А тут пришел человек от тестя — начальника уезда — узнать, как здоровье помещицы. Увидел посланец, что помещик бьет жену, убежал и рассказал об этом начальнику уезда.

Рассердился начальник уезда, послал он стражников схватить помещика-лиходея и привести к нему. Надели стражники на руки Скупому Вану колодки и привели к начальнику уезда, захватив с собою скалку.

— Нужно ударить этой скалкой вашу дочь, и она оживет, — сказал помещик, указывая на скалку.

Лопнуло терпение у начальника уезда, приказал он забить помещика до смерти. Выполнили стражники приказ начальника уезда. А двадцать даней риса осталось у крестьян.

БАТРАК ЧЖАН ЛАО-ШИ

В южных уездах провинции Хубэй всем известно имя батрака Чжан Лао-ши. Вот что про него рассказывают:

Нанялся как-то Чжан Лао-ши на работу к помещику. Там его кормили только объедками.

Готовился помещик к своему дню рождения и послал Чжан Лао-ши в город за рыбой. Чжан купил большую рыбину и разрубил ее на три части. Среднюю часть Чжан приготовил и съел, а голову и хвост аккуратно завернул и принес хозяину.

— Что случилось? Почему только голова да хвост? Где же остальное? — удивился хозяин.

— Какой толк от остального? Я выбросил!

— Не болтай глупости! Зачем выбросил?

— Неужели надо было оставить? Я живу у тебя уже два года и ни разу не ел рыбе туловище — только голову и хвост. Я и думал, что лишь голова и хвост у рыбы съедобны.

Пришел на поле помещик, когда Чжан Лао-ши пахал, сел на межу, стал следить за работой.

Увидев помещика, Чжан оставил плуг, сел рядом с помещиком и начал говорить о том о сем. Болтал он без конца. Помещик сказал:

— Что болтаешь, паши!

— Не могу, хозяин. Ко мне пришел ты — дорогой гость, как же я оставляю тебя одного? Я должен занимать гостя любезной беседой. Уж я посижу с тобой, посижу!

Помещику ничего не оставалось, как уйти домой.

Когда Чжан Лао-ши нанимался в батраки, договорились, что помещик будет платить ему по одному даню риса в месяц. Но если батрак по неосторожности сломает что-нибудь, то должен в конце года возместить при расчете убыток пятью доу риса.

Как-то раз Чжан нес помещику чашку чая. Чай был горячим, и чашка обжигала руки. Да навстречу выбежала стайка цыплят. Чжан вздрогнул и уронил чашку. Чашка разбилась, а цыпленок был ошпарен чаем.

Помещик записал: «Разбита чашка, ошпарен цыпленок. Вычесть за то и другое по пяти доу зерна, итого — один дань». А дальше больше: штрафы все росли и росли. Чжан возмущался, но не подавал вида.

Однажды Чжан шел по краю глубокого ущелья и вел за собой огромного буйвола. Но вот буйвол заупрямился. Чжан Лао-ши поднял кнут и стеганул его, тот шарахнулся и упал в ущелье.

Чжан даже не взглянул на буйвола, он вернулся домой и заявил хозяину:

— Буйвол не захотел идти как следует, упал в ущелье и разбился.

Помещик чуть не лопнул от злости, потребовал возместить убыток. Но Чжан спокойно ответил:

— Ну что ж, могу. С меня пять доу риса при расчете в конце года.

КАК ДЕЛИЛИ УРОЖАЙ

Помещик Цянь-Тигр целыми днями валялся на лежанке, курил опиум да придумывал, как выжать у людей побольше денег. Крестьян своего села он обобрал дочиста.

Ван Да арендовал у Цянь-Тигра участок земли. В прошлом году, когда Цянь праздновал свое пятидесятилетие, Ван Да не принес подарка, поэтому помещик был недоволен им.

Однажды Цянь-Тигр прикинулся добрым и сказал Вану при всем народе:

— Ван Да, тебе трудно живется, знаю. Поэтому и беспокоюсь о тебе. Впредь будем все делить пополам.

Ван Да согласился, а сам подумал: «Что такое опять придумал Тигр? Похоже на то, как хорек поздравлял цыплят с праздником: всех съел!» А помещик продолжал:

— Ван Да, раз ты согласен делить со мной все пополам, то будем делать так: от всякого посева я буду брать все верхки, а тебе — все корешки.

В этом году Ван Да посадил на своем поле только батат. Пришла осень, поле покрылось густой зеленой ботвой, даже ноге негде ступить. Ван Да отправился за помещиком:

— Господин, урожай созрел. Прошу в поле — следить за уборкой!

Помещик поспешил за ним в поле. Как и договорились, Ван Да сложил клубни в одну кучку, для себя, а ботву — в другую, для помещика.

— Хозяин, какой урожай нынче! Посмотри, какие крупные сочные листья выросли на верхушках батата!

Расстроился Цянь-Тигр, хотел он возразить, но ведь все слышали, как он весной договаривался с Ван Да. Ван Да перенес ботву к помещику, а клубни — к себе.

После сбора урожая Ван Да спросил помещика при свидетелях:

— Что хочет получить хозяин с моего поля на будущий год: верхки или корешки?

— И ты еще спрашиваешь! Конечно, корешки.

Время прошло быстро. Настало лето — пора сбора нового урожая. Помещик пошел с Ван Да в поле. Там на ветру колыхались колосья пшеницы. У помещика от зависти глаза вылезли на лоб. Но слово было дано, да и свидетели были, пришлось ему притвориться великодушным:

— Ладно, Ван Да! Забирай хлеб! У меня все закрома полны.

На следующее утро помещик позвал Ван Да.

— Я всегда поступал с тобой честно, но у тебя нет ни капли совести. Как бы там ни было, но земля моя. А за два сезона я с нее ни зернышка не получил. И тебе не стыдно передо мной, твоим господином?

Ван Да засмеялся:

— Ведь ты же говорил, что твои закрома полны, некуда ссыпать зерно?

— Вчера уже опустели!

— Хозяин, ведь каждый раз ты сам предлагал, как делить урожай!

— Ладно, будем считать, что ты прав. Но в следующий раз отдашь мне и верхки и корешки! Если снова перехитришь меня, я подарю тебе те пять му земли, что ты обрабатываешь.

Время прошло быстро. Наступила осень — пора уборки второго урожая. Помещик пришел к Ван Да.

— Ван Да, у тебя, говорят, не хватает людей. Я велел батракам помочь тебе. Ну как, будем сегодня убирать?

— Будем. А как же!

Ван Да взял серп и отправился с помещиком в поле. Там росла высокая кукуруза с крупными, налитыми початками. Помещик похолодел. Уставился крысиными глазками на кукурузу и молчит.

— Если у тебя нет людей, — сказал Ван Да, — я сам привезу и верхки и корешки!

Батраки Цяня-Тигра смеялись. Цянь молчал, молчал, потом вздохнул и ушел домой. Через несколько дней он умер от огорчения.

ШКУРОДЕР

На правом берегу реки Циншуй жил злой помещик. Все его знали и прозвали Шкуродером. Многих он понапрасну обидел, и никто не хотел идти к нему работать.

Прошли новогодние праздники, и Шкуродер задумался: «Скоро наступит весенний сев, но никто не

идет ко мне в батраки. Как же быть?» Наконец придумал — расклеил в нескольких местах объявления, написанные на красной бумаге: «Кто будет работать у меня, получит за год тридцать лянов серебра».

«Плачу я в два раза больше, чем другие, так что кто-нибудь, да придет, — радовался Шкуродер. — Но, когда наймутся, я им покажу!»

На левом берегу реки Циншуй жили два брата — Да-ху и Эр-ху. Однажды старший брат — Да-ху поехал на правобережье купить рису и прочел объявление Шкуродера. Посоветовался Да-ху с братом и пошел к помещику работать. Проработал Да-ху ровно год и печальным вернулся домой. Эр-ху позвал старшего брата ужинать, а тот сел на кан и молчит. Обиделся Эр-ху:

— Брат, почему молчишь? Заработал тридцать лянов серебра, да еще недоволен?

— Чертов шкуродер! — выругался Да-ху. — Даром я проработал весь год. Медяка от него не получил!

Эр-ху удивился:

— Как так не получил? Почему?

Да-ху глубоко вздохнул:

— Слепые мы котята, сами попались на приманку Шкуродера. Вот слушай, расскажу по порядку. Пришел я к нему, он и говорит: «Если ты не справишься с какой-нибудь работой, то вычту у тебя десять лянов». Я и подумал: ну, какая работа мне не по силам? Я, можно сказать, с рождения пашу землю. Взял да и согласился. Оказывается, этот помещик — старая лиса. Сперва приказал он мне вставить большой кувшин в меньший, я не смог это сделать, он вычел десять лянов. Потом он велел вынести полы из дома на солнце посушить. И это я не смог сделать, он вычел еще десять лянов. А сегодня, когда я пришел за расчетом, он спросил, сколько весит его голова. Я не смог ответить, он вычел последние десять лянов. Вот ничего мне и не досталось. Эх, что там вспоминать!

Возмутился Эр-ху, но сдержался и сказал брату:

— Не горюй, я знаю, что делать. На будущий

год я пойду к нему в батраки, и сам заработаю и твои тридцать лянов верну.

После праздника Нового года Шкуродер снова вывесил объявления. Пришел к нему Эр-ху. И только вошел в ворота — Шкуродер ему навстречу и, прищутив глаза, спрашивает:

— Пришел наниматься?

— Да, господин, — ответил Эр-ху.

— Хорошо, хорошо! Я нанимаю тебя. Плата будет, как сказано в объявлении, — тридцать лянов за год работы, ни на чох меньше. Но мы должны договориться заранее: если ты не справишься с какой-нибудь работой, я вычту десять лянов...

— Согласен, согласен, — ответил Эр-ху, даже не дослушав.

Вот Эр-ху закончил весенний сев. Расцвели персиковые деревья. Шкуродер пил вино, любовался цветами. Решил помещик, что пора дать батраку невыполнимое задание. Позвал он Эр-ху в сад и показал под навесом два винных кувшина:

— Вставь вот этот большой кувшин в тот маленький.

— Ладно, — ответил Эр-ху.

Он поднял большой кувшин и изо всех сил трахнул его о камень. Разлетелся кувшин на мелкие кусочки.

— Ты с ума сошел! — закричал Шкуродер. — Верни мне кувшин!

— Как же иначе выполнить твое приказание? Как поместить большой кувшин в маленький? Покажи! — спокойно ответил Эр-ху и неторопливо сложил черепки в маленький кувшин.

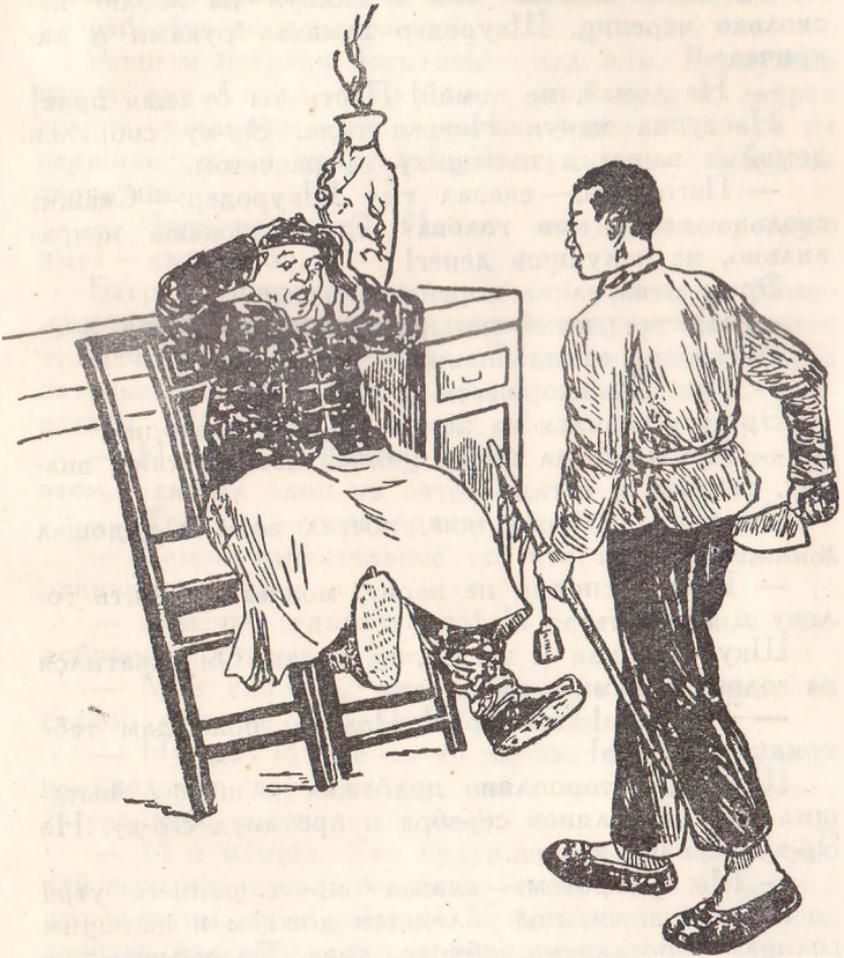
Шкуродер ничего не мог возразить.

Летом пошел дождь. Шел он много дней подряд. В доме Шкуродера всюду выступила плесень. Наконец выглянуло солнце, и Шкуродер решил дать батраку второе невыполнимое задание.

— Эр-ху, вынеси полы из дома на солнце, просуши их.

— Ладно, — опять ответил Эр-ху.

Он поднялся с ломом на крышу и начал раскидывать черепицы. Шкуродер рассердился:

— Глупец! Ты потерял рассудок! Зачем ломаешь дом? Возмести мне убытки!

Эр-ху засмеялся.

— Как же можно высушить полы в доме, не сломав крышу? Покажи мне, как это сделать!

Он снова поднял лом и скинул на землю несколько черепиц. Шкуродер замахал руками и закричал:

— Не ломай, не ломай! Пусть ты будешь прав!

Наступил канун Нового года. Эр-ху собрался домой и зашел к помещику за расчетом.

— Погоди-ка,— сказал ему Шкуродер.— Скажи: сколько весит моя голова? Если скажешь неправильно, не получишь денег!

Эр-ху ответил не моргнув глазом:

— Шесть цзиней четыре ляна!

Шкуродер самодовольно усмехнулся:

— Нет. Только шесть цзиней.

Эр-ху уставился на него и упрямо повторил:

— Раз я сказал шесть цзиней четыре ляна, значит, столько и есть.

Он взял со стола нож, достал весы и подошел к помещику:

— Если господин не верит, можно отрубить голову и взвесить!

Шкуродер так и застыл на месте. Он схватился за голову руками и закричал:

— Ты прав! Ты прав! Положи нож, дам тебе тридцать лянов!

Шкуродер торопливо подбежал к шкафу, вытащил тридцать лянов серебра и протянул Эр-ху. Но Эр-ху не взял деньги.

— Мы с братом,— сказал он,— с раннего утра до поздней ночи, под холодным дождем и палящим солнцем работали на тебя два года. Ты должен нам шестьдесят лянов. Если не отдашь их, я-таки взвешу твою голову!

Пришлось Шкуродеру раскошелиться. Отсчитал он шестьдесят лянов серебра, отдал Эр-ху и сразу же упал от злости в обморок.

ВЕТОЧКА-НЕВИДИМКА

Жил у подножия горы Спящего быка помещикскопидом. Было у него два батрака и лишь одна забота: выискивать дело для батраков и заставлять их работать до изнеможения.

Решили батраки посмеяться над ним. Вернулись как-то раз с поля, зашли на задний двор и, задрав голову, уставились на огромное воронье гнездо на вершине старой цедрелы*. Это удивило помещикаскопидома.

— Чего глазеее? Идите чистить выгребную яму! — сказал он.

Батраки пошептались и пошли работать. Помещик встал на их место, задрал голову, но ничего примечательного не увидел. Тогда он подкрался к батракам, спрятался в сарайчике и стал прислушиваться.

— Нельзя допустить, чтобы скопидом узнал об этом, — сказал один из батраков.

— Конечно, — подтвердил другой.

— Самое удивительное то, что нам приснились одинаковые сны.

— Конечно, удивительно! И тебе приснился белобородый старец, и мне.

— Мне снилось, что он сказал: «В гнезде на старой цедреле есть веточка-невидимка...»

— Ну, да! И мне он то же сказал: «Если человек возьмет эту веточку, то станет невидимым». Я так ясно помню этот сон!

— И я помню. Как будто это было наяву! Давай сегодня вечером возьмем эту веточку. С ней мы что захотим, то и добудем. И больше не надо будет терпеть издевательства этого скопидома!

— Тише ты! Еще подслушает... Но как же найти эту веточку? Ведь гнездо-то большое, мало ли там веток! Как мы узнаем, какая настоящая?

— А давай знаешь что — купим у хозяина все дерево! Тогда снимем гнездо на землю и перепробуем каждую ветку. Если ты ее найдешь — я не увижу тебя. А я найду — ты меня не увидишь. Хорошо?

— Правильно! Правильно! Купим у хозяина дерево!

Скопидом все слышал. От радости у него коленки задрожали. Ушли батраки, а он вернулся в дом, тотчас же позвал жену, детей и велел им сесть под деревом, а сам залез на цедрелу. Батраки увидели, что помещик попался на удочку, и подошли к дереву:

— Эй, хозяин! Там пришел какой-то человек. Хочет купить цедрелу. Хорошую цену дает. Говорит, что не будет торговаться, сколько запросят, столько и даст.

Это еще пуше подзадорило помещика.

— Идите! Идите! — закричал скопидом. — Сколько бы он ни дал, не продам! За десять деревень и то не продам!

Прогнав батраков, он принялся вытаскивать из гнезда ветки — одну за другой. Возьмет ветку и спрашивает жену и детей:

— Видите меня?

— Видим.

— Видите меня?

— Видим.

Солнце уже опустилось за гору, а он все вытаскивал веточки и спрашивал. Темнота закрыла землю. Куры сели на насест. Вороны вернулись в гнездо, но его разорил скопидом. Они кружились над цедрелой и подняли невообразимый гвалт. У сидевших под деревом заболели шеи, да и в животе от голода забурчало. А скопидом, сидя на дереве, все спрашивал:

— Видите меня?

— Видите меня?

Жене надоело все это. Она сердито буркнула:

— Уже не вижу тебя, старого дурня!

Помещик обрадовался, слез с дерева, осторожно держа драгоценную веточку. Всю ночь он не мог уснуть от волнения.

Утром он вышел с веточкой в руках на улицу, а навстречу идет продавец груш. Подошел к нему помещик, взял грушу, повернулся и зашагал прочь. Продавец подумал, что это наверняка сумасшедший,

и не стал поднимать скандала. Увидел помещик, что никто его не останавливает, расхрабрился, вошел в лавку, взял с прилавка лепешку — и вон из лавки. Лавочник тоже счел его сумасшедшим и не стал поднимать шума. Помещик-скопидом обрадовался, что его никто не видит. Съел он лепешку, закусил грушей и пошел в ямынь. Решил он украсть большую печать уездного начальника.

Подняв веточку над головой, он вошел в ямынь и направился прямо в зал, где сидел начальник уезда. Большая печать лежала перед начальником на столе. Помещик-скопидом подошел к столу и взял

печать. Начальник удивился: «Что это за человек? Чего он хочет». Он ничего не сказал и решил посмотреть, что этот человек будет делать дальше. Помещик возликовал: и тут его никто не останавливает! «Вот так веточка! — думал он. — Поистине чудесная!» Повернулся он и хотел было уйти, но начальник уезда схватил его.

Помещик-скопидом не понял, почему веточка-невидимка вдруг потеряла чудодейственную силу. А начальник уже приказал:

— Эй, люди! Дайте этому дурню восемьдесят палок и посадите в тюрьму. Потом допрошу!

— Пять, десять, пятнадцать... — отсчитывали удары служители ямыня. А батраки в это время собрали пожитки и пошли наниматься в другое место.

ТЕНЬ ДЕРЕВА

(Уйгурская сказка)

Жил когда-то в селе богатей. Дом его стоял у дороги, а перед домом росло тутовое дерево с раскидистой кроной. Летом, когда в комнатах стояла духота, помещик усаживался в тени дерева и обмахивался веером.

Шел однажды по дороге бедняк, присел в тени тутового дерева, а потом лег и заснул.

— Эй, ты! — закричал богач. — Кто дал тебе право спать здесь? Ну-ка убирайся!

— Это почему? — спросил бедняк, проснувшись.

— Дерево мое и тень от него тоже моя.

— Ах, так. Тогда продай мне эту тень. Заплачу, не обижу.

Почувяв деньги, богач сразу же согласился:

— Хорошо, давай деньги — и тень твоя.

Пригласил бедняк нескольких свидетелей, и сделка состоялась. Теперь тень от тутового дерева принадлежала бедняку, и каждый день в жару он приходил сюда и отдыхал. Иногда тень дерева падала

на двор богача, тогда бедняк перебирался во двор, когда же тень передвигалась на кухню или падала в зал для гостей, бедняк шел в кухню или зал и ложился там.

— Я купил тень, и она больше богачу не принадлежит,— сказал он друзьям.— Почему бы мне не пригласить своих товарищей насладиться прохладой тени? А ну, пойдёмте отдыхать в тень вместе со мной!

И как ни злился богач, а приходилось ему терпеть.

Однажды принимал богач гостей. Когда тень от дерева упала в зал, пришел бедняк со своими друзьями, и расселись они в тени в зале. Гости удивились и спросили богача, в чем дело. Прикусил богач губу и не хотел отвечать, зато бедняк сказал:

— Так ведь тень-то моя! Ваш приятель продал ее мне. Я могу теперь в любое время отдыхать в тени.

Долго смеялись гости над богачом, а потом ушли. Через несколько дней вся округа смеялась над ним, а дети, встретив его на улице, бежали следом и кричали:

— Жадный, тень продал! Жадный, тень продал!

Не мог больше жить в этом селе богач, бросил все и переехал в другой уезд. Не только тень от тутового дерева, но и само дерево и дом богача перешли в собственность бедняка.

УГОЛЬЩИКИ

(Сказка народности шэ)

Жили-были четыре брата. Торговали они углем. Однажды ранним утром, еще до пения петухов, пошли они в город продавать уголь. Каждый нес на коромысле по две корзины. И солнце еще не взошло, а они уже подошли к городу. Городские ворота

были заперты. Сняли братья корзины и стали ждать, когда откроют ворота.

Долго ждали. Лопнуло у старшего брата терпение, и начал он громко требовать, чтобы открыли ворота. Но никто не отзывался. Тогда второй брат поднял коромысло и давай стучать. Стук разбудил начальника караула. Он сердито спросил:

— Кто там?

— Начальник! Открой, пожалуйста, ворота! Мы пришли издалека, продавать уголь. Пропусти нас в город! — ответил старший брат.

— Подождете! Еще не время.

Долго ждали четверо братьев, ничего не могли поделаться. Младший брат был самым умным, он-то и придумал, как пробраться в город:

— Братья! Я знаю, что делать. Вы будьте наготове, возьмите на плечи корзины и ждите. Как только откроют ворота, сразу же входите за мной...

Он шумно зевнул и громко сказал:

— Эх! Раз начальник не пускает, давайте отдохнем.

Он бросил со стуком коромысло на землю и крикнул:

— Идите сюда! Давайте поспим на коромысле: вы двое ложитесь головами в ту сторону, а мы — в эту. Вы ложитесь к стенке, а мы — снаружи.

Он снова громко зевнул и захрапел. А тем временем братья стояли у самых ворот с коромыслами на плечах.

Разговор братьев услышал начальник караула. Он удивился: «Гм! Странно! Коромысло не длиннее четырех чи и не шире двух цуней. Как можно поместиться на нем четверым? Еще рассуждают, кому ложиться около стенки, кому — снаружи. Сколько лет я стою здесь, у городских ворот, сколько людей прошло через них, но никогда не видывал такого большого коромысла. Вот чудеса, так чудеса!» Начальник караула не мог удержаться от любопытства, откинул запор на воротах, и уже собрался высунуть голову, чтобы поглядеть на чудесное коромысло, как братья ворвались в ворота и в один голос начали благодарить:

— Спасибо, начальник! Спасибо, что открыл ворота! — И братья побежали по городским улицам.

Только теперь начальник караула понял, что попался на удочку. Захлопнул он ворота и выругал себя за легкомыслие. Но все это видел инспектор, проходивший мимо. Он сделал ему выговор да еще приказал всыпать пятьдесят палок. Растирая места, куда пришлись палочные удары, начальник караула думал: «А что, если обо всем узнает начальник уезда?» Решил он послать за братьями погоню, но тех уже и след простыл.

БРАТЬЯ БЕДНЯКИ

(Сказка народности тай)

В одной из деревень жила вдова с двумя детьми. Было у нее всего шесть на¹ земли на горе, и потому жили они бедно и одевались в лохмотья. У детей ее не было имен, и односельчане прозвали их Братьями Бедняками. Братья не обижались на насмешливое прозвище. Они даже друг друга называли Старший Бедняк и Младший Бедняк.

Видели братья, что мать ест лишь остатки кукурузной каши после их обеда. И решили они меньше есть, чтобы матери доставалось больше. Но мать, заметив, что каши остается больше, стала варить меньше кукурузы. Братья попросили мать есть кашу первой. Но какая же мать согласится отнять у своих детей лишний кусок? Тогда они решили идти в Мэнбадун продать там голубей и петуха и не возвращаться домой, пока не заработают целый мешок золота, чтобы мать могла жить безбедно.

За два года они обошли все села и деревни Мэнбадуна, ели грубую пищу, ходили в лохмотьях и все, что зарабатывали, клали в мешок. Мешок становился все тяжелей и тяжелей. Наконец он доверху наполнился золотом.

¹ На — мера площади, равная примерно $\frac{1}{16}$ гектара.

Братья решили возвращаться домой. Они боялись встречи с бандитами, положили поверх золота живых угрей, зашили мешок куском кожи и понесли его на бамбуковой палке. Шли они по горной тропинке. Солнце пекло нещадно. Братья еле брели, хватаясь руками за высохшую траву и кустарники. Младшего брата покидали силы, мучила жажда. Старший Бедняк сбегал в ущелье и принес прохладную воду. К вечеру они с трудом перевалили гору.

Под горой в маленьком бамбуковом домике жил с женою старик крестьянин Босанкан. Был он так беден, что в его доме не было даже глиняного кувшина для воды. Когда братья, еле волоча ноги, перешагнули через порог бамбукового домика, солнце уже закатилось за гору. Братья попросили у стариков разрешения переночевать. Старуха приветливо улыбнулась:

— Ну что ж, переночуйте!.. Устали с дороги.

Но Босанкан перебил ее:

— Дура! Сколько дров они сожгут за ночь!

Братья очень просили. Они сложили ладони и почтительно кланялись хозяину. В конце концов Босанкану пришлось уступить.

Ночью у младшего брата начался жар. Он стонал. Старший Бедняк не отходил от Младшего, поил его студеной водой, молил духа смерти, чтобы тот помиловал брата. Так он не спал всю ночь. Утром Старший Бедняк испугался, что брат умрет прежде, чем увидит мать. И решил он донести на себе младшего брата домой, а золото оставить на хранение у стариков. Он вынул из мешка небольшой кусок золота, положил его в карман и снова зашил мешок.

— Дорогие хозяева! — сказал он старикам. — Вы к нам отнеслись хорошо, как родные отец и мать. Мой брат болен. Я отнесу его домой. У нас есть мешок с угрями, они предназначены в жертву богу дождя. Прошу вас, не трогайте мешок, пусть он полежит у вас. Не позже чем через пять дней я вернусь за ним.

Босанкан согласился. Старший Бедняк поклонился ему, взвалил на спину брата и ушел.

Не прошло и четырех дней, как младший брат выздоровел. Оба они вернулись к Босанкану и в знак уважения преподнесли ему ароматные свечи. Хозяин привел их в комнату, где лежал мешок, усмехнулся и вышел. Братья смахнули с мешка пыль, старший взвалил его на спину и вдруг почувствовал, что он стал намного легче. Он сунул руку в мешок — кроме нескольких высохших угрей, там ничего не было. Братья позвали Босанкана.

— Уважаемый хозяин! Куда ты спрятал наше золото?

— Какое золото? Перед уходом вы сказали, что в мешке угри для бога дождя.

Начался спор. Братья Бедняки потащили Босанкана и его жену к правителю Чжаохэлу. И братья и Босанкан рассказали правителю о причине спора. Даже мудрый Чжаохэла не знал, как рассудить это запутанное дело. Он велел стражнику отвести истцов и ответчиков во дворец, хорошо их накормить и обещал назавтра, когда солнце осветит дворцовые колонны, рассудить их. Услышав такое решение, братья загрустили, кусок не лез им в горло. А Босанкан с женой обрадовались, они кланялись правителю, благодарили и хвалили его мудрость. Они наелись досыта и спокойно легли спать.

Едва забрезжил рассвет, раздались звуки золотых фанфар. Стражник повел братьев и Босанкана с женой к правителю.

— В вашем деле обе стороны виноваты! — сказал им Чжаохэла. — В наказание вы должны обойти вокруг роши и нести при этом на спине большие барабаны.

Стражники тут же принесли из дворца два тяжелых барабана: братьям дали один, а другой достался Босанкану с женой.

Дорога была трудной, барабаны тяжелые. При подъеме на холм жена начала упрекать Босанкана:

— Эх, ты! Видно, москиты съели твое сердце, потому тебе и не жалко других, потому ты и украл золото!

— Дура! Да ведь этого золота нам хватит на всю жизнь!

Жена Босанкана устала. Она бросила барабан на землю и закричала:

— Прятал золото ты один, а барабан тащим мы оба. Нет, не хочу, не понесу дальше!

Босанкан начал успокаивать жену:

— Не шуми, мы уже двадцать лет живем вместе. Когда я обманывал тебя? Золото я закопал под чайным кустом, у которого от ствола идут три ветви. Вот донесем барабан, придем домой и отдам я тебе, если хочешь, половину.

Жена подняла барабан, и они снова пошли. Но, сойдя с холма, они завернули в рощу и остановились передохнуть.

Вдруг Босанкан услышал голоса. Он закрыл рот жене и шепнул ей:

— Осторожно, тут люди. Это те Братья Бедняки. Давай спрячемся, пусть пройдут!

А братья меж собой переговаривались:

— Видно, нет нам счастья, братишка! Как говорится, поднесли ко рту пирожок, а попробовать — так и не попробовали.

— Брат, прости меня! Если бы я не заболел, ты не оставил бы золото у этих воров.

— Все говорят, что наш государь мудрый, как орел; а по-моему, он просто бескрылая курица! Мало того, что золото наше не нашел, еще и наказал нас. Тащи вот теперь этот барабан! Просто смешно!

Солнце осветило большую колонну, на которой вырезано изображение павлина. Чжаохэла приказал стражникам привести истцов и ответчиков.

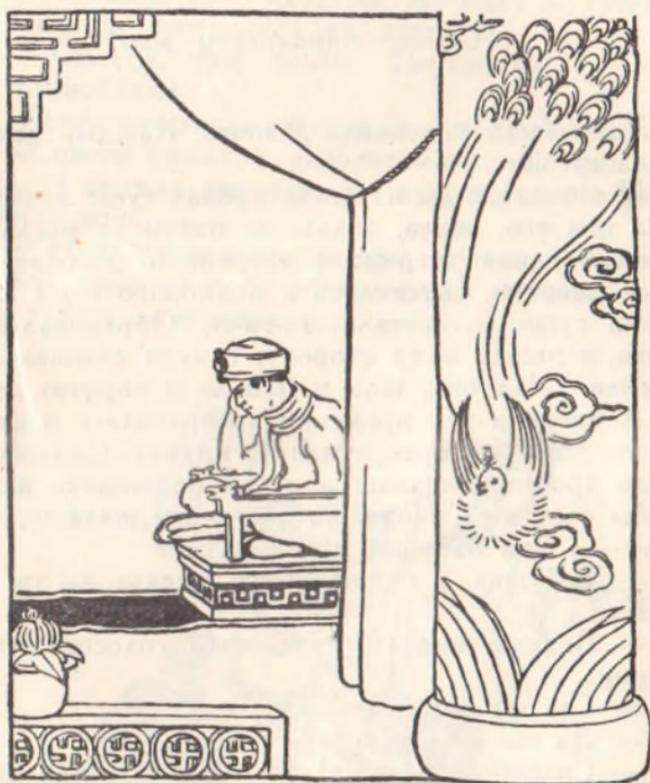
— Даю вам последнюю возможность быть честными! — сказал он им. — Кто обманет, тому отрублю пять пальцев! — и обратился к братьям: — В вашем мешке на самом деле было золото?

— Да, государь, в нем действительно было золото.

— А вы не крали у них золото? — спросил он Босанкана и его жену.

— Государь! Мы на самом деле не видели никакого золота! Если дознаетесь, что его украли мы, отрубите у нас десять пальцев.

Тогда правитель Чжаохэла сказал:

— Ну что ж, давайте проверим!

Он приказал стражникам вскрыть барабаны, и из каждого барабана вышел писарь с кистью и бумагой. Они подали правителю запись того, что услышали, сидя в барабанах. Босанкан и его жена, как увидели писарей, так и упали в обморок.

Правитель послал людей к чайному кусту, те выкопали и принесли золото. Правитель отдал его братьям. А затем велел стражникам отрубить пять пальцев на руке Босанкана.

ПАСТУШКА

(Сказка народности мяо)

Жила-была маленькая девочка. Каждый день она пасла гусей.

И вот однажды из стада пропал гусь; искала, искала она его, звала, звала, но найти не могла. А в горах бродила тигрица с тигренком. Услыхала она голос девочки, спустилась к подножию горы и, подражая гусю, загоготала: га-га-га. Обрадовалась девочка и пошла в ту сторону, откуда слышалось гоготанье. Шла она, шла и попала в горную долину.

А тигрица тем временем превратилась в старушку, тигренка же превратила во внучку. Сложили они около тропинки шалаш и стали поджидать девочку, чтобы съесть ее. Подошла девочка к шалашу, заглянула — а там бабушка сучит нитки.

— Бабушка, а бабушка! Не видала ли ты моего гуся?

— Видела, видела,— ласковым голосом ответила тигрица.

— Где же он, бабушка?

— Да он в моем озере рыбок ловит.

— Спасибо, бабушка! Я пойду выгоню его отсюда,— обрадовалась девочка.

— Не спеши, доченька. Заходи к нам, отдохни, а потом пойдешь. В озере рыбок много, пусть наестся твой гусек.

Вошла девочка в шалаш, посидела, а потом и говорит:

— Спасибо тебе, бабушка. Я пойду за гусем.

Тигрица схватила девочку за руку:

— Нет, нет! Ты же проголодалась. Я сварю тебе рису.

А девочка действительно хотела есть. Дождалась она, когда сварится рис, и начала его есть. Ест и поглядывает на добрую бабушку. И вот показалось ей, что бабушка и внучка не едят, а только чавкают, да и палочки для еды не умеют держать, только щелкают ими. Удивилась девочка.

Поела она, глядь, а уже темно, и заторопилась:

— Спасибо тебе, бабушка. Я пойду за гусем.

Тигрица загородила ей выход:

— Смотри, уже темно. Переночуй у меня, а завтра пойдешь.

«Какая хорошая бабушка,— подумала пастушка.— Совсем чужая, а заботится обо мне, как о родной». И решила девочка остаться: действительно наступила ночь.

— Иди, внученька, ложись с нашей маленькой гостьей, ведь ей надо завтра рано встать,— сказала тигрица тигренку.

Повел тигренок девочку спать, а тигрица осталась у костра сучить нитки.

Лег тигренок и сразу уснул. Обняла девочка внучку и испугалась: все тело внучки покрыто шерстью. Поняла девочка, что попала в логово тигрицы. Чуть не закричала от страха, но вовремя спохватилась. И вот начала она, еле дыша, придумывать, как убежать.

Сняла девочка свой халат, накинула на тигренка, а на его лапу надела свой серебряный браслет, порвала свою ватную куртку, вывернула наизнанку, надела на себя и притворилась спящей.

В полночь подошла к постели тигрица и прислушалась. Все спят, посапывают. Обрадовалась она, потушила костер и опять превратилась в большую тигрицу. Тихо-тихо подкралась она к постели и начала ощупывать. Дотронулась до ватной куртки, подумала, что это шерсть. Дотронулась до халата, нащупала серебряный браслет и решила, что это девочка. Набросилась тигрица на халат, запустила острые клыки в тело тигренка, тот сразу и умер, не успев даже пискнуть. Оттащила тигрица тигренка от постели и начала жадно поедать его, только косточки хрустят. А девочка, будто сквозь сон, пробормотала:

— Мама, ты чего ешь?

— Блох ем!

— Дай мне.

— Они невкусные, дети их не едят.

Притворилась девочка, что уснула, а потом опять спрашивает:

— Мама, чем так вкусно пахнет?

— Это я жареные бобы ем, — ответила тигрица.

— Дай мне немножко.

— У маленьких от них животик болит.

— Нет, дай! Нет, дай! — как будто закапризничала девочка.

— Тебе обязательно нужно есть то, что другие едят! Вот лакомка! — И тигрица, чтобы отвязаться, дала ей лапу тигренка.

Взяла девочка, притворилась, что ест, а сама думает:

«Надо скорее убежать. Вот-вот она догадается, что съела тигренка».

Девочка капризно закричала.

— Мама! У меня живот болит! Я хочу на двор!

— Туда нельзя — там медведь тебя задерет!

— Нет, не задерет! Вот этой веревкой я привяжу себя, а ты возьми другой конец. Если медведь появится, я крикну, ты меня тогда и притянешь веревкой.

— Ладно, иди, — согласилась тигрица.

Выбежала девочка, привязала конец веревки за камень и сказала ему:

— Камень, а камень, спаси меня! Тигрица будет спрашивать, а ты, пожалуйста, отвечай за меня.

— Беги скорее, уж выручу тебя,— ответил камень.

И девочка побежала.

Тигрица ждала, ждала и крикнула:

— Скоро ты там?

— Сейчас,— ответил камень голосом девочки.

Пождала тигрица, опять спросила:

— Скоро ты там?

— Сейчас,— снова ответил камень.

Рассердилась тигрица:

— Чего ты так долго?

А камень-то не ответил. Еще больше разозлилась тигрица:

— Вот я тебе сейчас задам!

Вышла тигрица и удивилась: вокруг — никого, только камень лежит, а на нем веревка намотана. Зажгла тигрица лампу и начала искать тигренка. Искала, искала и вдруг нашла его мертвого и наполовину съеденного. Закричала тигрица:

— Я ошиблась! Я ошиблась!

Рассвирепела она и бросилась за девочкой в погоню. Уже утром добежала тигрица до речки и увидела: на середине реки лодка, а в лодке девочка.

— Девочка! Подожди меня! Подожди меня! — закричала издали тигрица.

— Скорей бабушка, скорей иди сюда! — ответила девочка.

— Да как я перейду речку-то?

— А ты найди веревку! Закрути вокруг себя, а к концам привяжи два камня и бросайся в воду!

Так и сделала тигрица: нашла толстую веревку, обвязалась сама, к концам привязала по камню, бросилась в воду, да и утонула. А девочка была уже на другом берегу.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 9.

Нюй-ва — согласно китайским легендам, первая женщина в мире, родоначальница людей на земле, сестра мифического императора *Фу-си*.

Стр. 10.

Поднебесная — древнее название Китая.

Яо — мифический император, согласно традиционной китайской хронологии правивший с 2357 по 2258 г. до н. э.

Си Хэ — жена легендарного императора *Ди-цзюня*.

Стр. 13.

Сиванму — по преданиям, царица фей, владеющая чарами бессмертия.

Стр. 19.

Праздник середины осени — 15 августа по лунному календарю. Все даты в легендах и сказках даются по китайскому лунному календарю.

Стр. 20.

Праздник закрытых дверей — религиозный праздник народности тай. Ежегодно на юге провинции Юньнань, где проживают тай, с 16 июня по 15 сентября по лунному китайскому календарю наступает трехмесячный период дождей. В этот период запрещаются свадьбы, игры, а мужчины уходят в храм, где в течение 90 дней

читают буддийские каноны и дают обет не совершать убийств, грабежей, не быть распущенными, не обманывать, не пить вино и не курить. Все это время они не имеют права выходить за ворота храма, отсюда и название праздника.

Стр. 22.

Паньгу — по древним китайским мифам, создатель неба и земли.

Стр. 33.

Серебряная река — китайское название Млечного Пути.

Стр. 38.

Небесная река — см. предыдущее.

Стр. 44.

Великий Юй — мифический император, правивший якобы с 2205 по 2197 г. до н. э.

Стр. 45.

Драконовы ворота — ущелье в горах на границе провинций Шаньси и Шэньси.

Стр. 57.

Тайшачь — гора в провинции Шаньдун.

Чанбайшаньские горы — горный хребет, проходящий вблизи границы Китая с Кореей.

Стр. 58.

..посмотрел на объявление и сорвал его.— Это означало, что крестьянин брался исполнить желание дракона.

Стр. 62.

Кан — печь, труба которой выкладывается на полу. Служит лежанкой.

Стр. 66.

Драконово дерево — дерево, которому поклоняется народ нун, он считает его воплощением духа, приносящего счастье или беду.

Стр. 68

...шел он... несколько лун — то есть шел несколько лунных месяцев.

Стр. 86.

...высыпят тебе на голову золу.— В Тибете золу сыпят на голову тем, кого хотят унижить или опозорить.

Стр. 91.

Лама — буддийский монах в Тибете.

Стр. 101.

Поминальные таблички предков — таблички с именами умерших. Устанавливались в храмах или на домашних алтарях предков. Около них зажигались благовонные курительные свечи, иногда ставилась жертвенная пища. Обычай, ведущий начало от родового строя.

Стр. 105.

Цисские ли, сяоские ли, островные ли — мелкие этнические группы, входящие в народность ли.

Эдигуда — мифическое существо, жившее на небе и обладавшее божественной властью.

Стр. 113.

Три покорности и Четыре добродетели — принцип конфуцианской морали, требовавшей от женщины покорности: в детстве — отцу, в замужестве — мужу, после смерти мужа — старшему сыну; добродетели женщины должны были заключаться в следующем: быть доброй, уметь поддерживать беседу, следить за своим внешним видом, владеть искусством рукоделия.

Стр. 115.

Фынхуаншань — «Гора феникса», находится в провинции Чжэцзян, южнее города Ханчжоу.

Стр. 131.

Юйди, или Яшмовый император, — верховное божество в даосской религии.

Стр. 135.

Цинь Ши-хуанди (246—209 г. до н. э.) — основатель династии Цинь (246—207 гг. до н. э.), создатель первого на территории Китая сильного централизованного государства. При нем началось строительство Великой китайской стены.

Стр. 136.

Танская династия — династия, правившая Китаем в 618—906 гг.

Стр. 137.

Чанъань — древнее название города Сиань.

Сронцзангамбо (ок. 569—650) — первый известный правитель Тибета, объединивший разрозненные тибетские племена в царство Туфань. При нем произошло сближение Тибета с Китаем. В 634 году Сронцзангамбо послал посольство к китайскому императору, а в 641 году женился на его дочери.

Стр. 142.

Лхасса — культурный, торговый и духовный центр Тибета.

Шакья-Муни — одно из имен Будды; считается основателем буддизма.

Дашаосы — буддийский храм в Лхассе.

Стр. 145.

Холмы Даньшань — буквально «горы Коромысло», находятся в уезде Шаосин провинции Чжэцзян.

Стр. 150.

Таохуадао — один из Чжоушаньских островов, находится у восточного побережья провинции Чжэцзян.

Стр. 178.

Минские императоры — императоры Минской династии, правившей Китаем в 1368—1644 гг.

Стр. 190.

Бодисатва — божество в буддийской религии.

Стр. 198.

Ямынь — присутственное место и резиденция местного начальника в старом Китае.

Стр. 252.

Страна И — район проживания некитайских народностей на границе Китая с Бирмой, «И» буквально: «чужеземец».

Стр. 256.

...подошел к воротам и сорвал указ.— См. примечание к стр. 58.

Стр. 293.

...он выбрал счастливый день...— обычай выбирать по лунному календарю определенный день, который якобы благоприятствует какому-нибудь делу.

Стр. 366.

Юй Жи — так называл себя Лу Бань, когда хотел, чтобы его не узнали.

Стр. 367.

Конфуций (551—479 г. до н. э.) — древнекитайский философ.

Стр. 375.

Юйжицунь и *Луцунь* — игра слов, и в том и в другом случае означает «деревня Лу Баня».

Стр. 384.

День перевозки приданого — по старым обычаям, приданое невесты перевозилось в дом жениха за день до свадьбы.

Стр. 401.

Цедрела — дерево, растущее в тропиках и субтропиках, с ценной древесиной, называется обычно «Красным деревом».

КРАТКАЯ СПРАВКА О НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВАХ

МОНГОЛЫ

В Китае насчитывается более полутора миллионов монголов. Большая часть их (около 1 миллиона) живет на территории автономной области Внутренняя Монголия, остальные — в Синьцзяне, в провинциях Цзилинь (Гирин), Хэйлунцзян, Цинхай, Ганьсу и др.

ТИБЕТЦЫ

В Китае насчитывается 2700 тысяч тибетцев. Живут тибетцы в основном в Тибете, в провинции Цинхай, в тибетских автономных округах провинций Сычуань, Ганьсу, Юньнань.

УЙГУРЫ

В Китае проживает более 3600 тысяч уйгуров. Основная их часть расселена в Синьцзянской Уйгурской автономной области на северо-западе Китая и небольшая группа — в уезде Таоюань провинции Хунань.

МЯО

На территории Китая проживает примерно 2,5 миллиона человек народности мяо. Места их расселения: провинция Гуйчжоу, западная окраина провинции Хунань. Небольшая часть мяо живет в провинциях Юньнань, Гуанси, Сычуань и на острове Хайнань.

И

В стране насчитывается более 3 миллионов человек народности и. И проживают главным образом в провинциях Сычуань, Юньнань, частично в провинциях Гуйчжоу и Гуанси.

ЧЖУАН

Одна из наиболее многочисленных народностей Китая, насчитывает более 6,6 миллиона человек. Живут чжуанцы в основном в провинции Гуанси, в провинциях Юньнань, Гуандун и в других местах на юге Китая.

БУИ

Народность буй насчитывает более 1240 тысяч человек. Большая часть ее живет в Южно-Гуйчжоуском автономном округе национальностей буй и мяо.

ТАЙ

Численность народности тай составляет примерно 480 тысяч человек. Большая часть этой народности проживает на юго-западе провинции Юньнань.

ЛИ

Народность ли насчитывает 360 тысяч человек. Населяет центральные и южные районы острова Хайнань, а также юг материкового Китая.

КОРЕЙЦЫ

В Китае проживает свыше 1 миллиона 100 тысяч корейцев. Они расселены главным образом в Яньбяньском корейском автономном округе провинции Цзилинь. Проживают они и в других районах провинции Цзилинь, а также в провинции Хэйлуцзян, Ляонин и во Внутренней Монголии.

ТУН

Народность тун в Китае насчитывает более 700 тысяч человек. Тун живут на стыке трех провинций: Гуйчжоу, Хунань и Гуанси. На территории этих провинций созданы автономные округа и уезды народности тун.

БАЙ

В Китае живет более 560 тысяч человек народности бай. Расселены в провинции Юньнань.

КАВА

Народность кава в Китае насчитывает более 200 тысяч человек. Основные районы расселения — уезды Ланьцян, Симэн, Цаньюань, Шуанцзян и Гэнма в провинции Юньнань.

ХАНИ

В Китае насчитывается более 480 тысяч человек народности хани. Районы расселения — провинция Юньнань.

ЦЯН

В Китае проживает более 35 тысяч человек народности цян. Расселены в провинции Сычуань.

НАСИ

Народность наси насчитывает около 143 тысяч человек, причем 105 тысяч проживает в северо-западной части провинции Юньнань, а остальные — в провинции Сычуань.

ШУЙЦЗЯ

В Китае проживает свыше 130 тысяч человек народа шуйцзя; большая часть — в юго-восточной части провинции Гуйчжоу, остальные — в северо-западной части провинции Гуанси.

ЦЗИНПО

Народность цзинпо проживает в основном в западной части провинции Юньнань и насчитывает около 100 тысяч человек.

ЛИСУ

Лису насчитывают свыше 310 тысяч человек. Проживают в провинциях Юньнань, Сычуань, где образован автономный округ народности лису.

ШЭ

Народность шэ проживает в провинциях Фуцзянь, Чжэцзян и Цзянси, насчитывает около 220 тысяч человек

ЯО

Народность яо проживает в провинциях Гуанси, Хунань и Гуандун, насчитывает около 666 тысяч человек.

НУН

Народ нун — одна из ветвей народности чжуан, проживает главным образом в юго-восточной части провинции Юньнань, насчитывает около 190 тысяч человек.

САНИ

Народ сани — одно из ответвлений народности и, проживает в провинции Юньнань, насчитывает 44 тысячи человек.

*Лин Лин,
П. Устин*

СОДЕРЖАНИЕ

От Издательства.

МИФЫ, ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ

Как Нью-ва починила небо.	9
Сказание о Хоу И.	10
Костер на солнце. Миф народности чжуан.	15
Почему солнце восходит после пения петухов. Миф народности хани.	17
Тайян и Юэлян. Миф народа шуйцзя	19
Янды и Янсан. Предание народности тай.	20
Почему холодно, когда ветер дует с северо-запада.	22
Зубы дракона. Миф народности мяо.	22
Пастух и Ткачиха.	33
Апин и Сала. Предание народности кава.	39
Погоня за солнцем.	41
Сказание о Син Тяне.	41
Великий Юй победил наводнение	43
Волшебный меч Дадая. Предание народности тай.	45
Белый дракон. Предание народности бай.	49
Чанбайшаньские горы.	55
Горы Тайшань, Мыншань и Ишань.	58
Храм уважаемых предков.	59
Изумрудная Капля. Предание народа нун.	61
Сказание о Хоу Цзи.	69
Храбрый Чжан и Маленькая Хуа.	73
Советы птички-невелички.	78
Целебные листочки. Легенда народности лису.	81
Лягушонок-наездник. Тибетское предание.	84
Как вождь племени ли превратился в лягушку. Легенда народности ли.	95
Первый дом. Легенда народа шуйцзя	97
Предки людей. Миф народа сани.	99
Как появились люди. Миф народности ли.	102
Предок Уву. Предание народности и.	105
Цинцин и Хунхун. Предание народности ли.	112
Сын феникса и дочь дракона. Предание народности шэ.	115

Тростник, которого черти боятся. Предание народности тай	123
Унэн — молодой охотник. Монгольская легенда.	126
Бог очага — Цзао-ван.	128
Дух рисования Доланга. Миф народности тай.	132
Плач у Великой стены.	135
Пять задач императора. Тибетское предание.	136
Кто построил город Куньмин. Предание народа сани.	142
Холмы Даньшань.	144

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЯХ

Птичка цзинвэй.	149
«Миюйян» — Рыбное море.	150
Почему собака ненавидит кошку.	152
Как птицы научились вить гнезда.	155
Как петух лишился рогов.	157
Буйвол и бык.	158
Учитель тигра.	160
Почему у лошади рогов нет.	161
Кот и мыши. Монгольская сказка.	165
Орел и петух. Тибетская сказка.	166
Кукушка и голубь. Тибетская сказка.	167
Барабанчик змеи. Сказка народности мяо.	169
Мсть выдры. Сказка народности мяо.	170
Тигр и лягушонок. Сказка народности буи.	170
Обезьяна и кузнечик. Сказка народности буи.	172
Почему тигры полосатые. Сказка народности кава.	173
Летучая мышь. Сказка народности цзинпо.	175
Слон и воробей. Сказка народности цзинпо.	176
Хурма и сосна. Сказка народности мяо.	177
Цветы гунянхуа.	178
Волк и ягненок. Монгольская сказка.	181
Муравей и сорока. Сказка народности мяо.	183
Мсть цыпленка. Сказка народности тун.	183
Глупый лев. Сказка народности цзинпо.	185
Тигр и броненосец. Сказка народности яо.	186

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ СКАЗКИ

Кумирня рыбака	189
Учение.	190
Земля — золото.	192

Валун.	193
Глаза дракона.	195
Почему море соленое.	198
Искатель драгоценных камней.	202
Волшебный фитиль.	204
Источник браги	206
Зернышко гаоляна.	211
Волшебный конь.	215
Сахарный человек.	221
Три жены. Тибетская сказка.	226
Золотые крупинки. Сказка народности и.	227
Волшебное коромысло. Сказка народности и.	230
Ланфу нашел золото. Сказка народности шэ.	232
Похлебка лабачжоу	236
Дыни Солнечной горы.	237
Каштан.	241
Старый Ван.	243
Волшебная лампа.	245
Дерево хуанцзюэшу.	248
Два друга.	252
Оливковое озеро.	258
Цуй-эр и Лянь-эр.	264
Петушки. Сказка народности шэ.	269
Две сестры. Сказка народности лису.	273
Орлиное яйцо.	282
Каменный лев.	284
Мачеха. Сказка народности мяо.	291
Шаль принцессы. Уйгурская сказка.	295
Три волоска джина. Казахская сказка.	299
Фея логоса.	305
Старый рыбак.	313
Наложница императора.	318
Цветок. Сказка народности цян.	322
Скупой Дьявол.	327
Песок и обезьяны. Тибетская сказка.	331
Дурак. Сказка народности мяо.	333

НАРОДНОЕ МАСТЕРСТВО, НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ

Ткачиха. Сказка народности чжуан.	339
Сестрица Хуа-бянь. Сказка народности мяо.	344
Ван — Умелые Руки.	351

Каменотес. Сказка народности чжуан.	355
Шесть братьев. Корейская сказка.	357
Камень Лу Баня.	361
Совет Лу Баня.	367
Деревянные клинья.	372
Двери.	373
Крюк и верстак.	375
Ответ горного духа. Тибетская сказка.	375
Лысый помещик. Тибетская сказка.	376
Наместник лаец. Тибетская сказка.	377
Камень. Тибетская сказка.	378
Аидай и наместник. Сказка народности наси.	379
Волшебный котел.	381
Мудрый бедняк.	388
Батрак Чжан Лао-ши.	393
Как делили урожай.	394
Шкуродер.	396
Веточка-невидимка.	401
Тень дерева. Уйгурская сказка.	404
Угольщики. Сказка народности шэ.	405
Братья Бедняки. Сказка народности тай.	407
Пастушка. Сказка народности мяо.	412
Примечания.	416
Краткая справка о национальных меньшинствах.	421

ГЛАЗА ДРАКОНА

Легенды и сказки народов Китая

Редактор *В. Ф. Феоктистов*. Оформление художника *В. Н. Вакидина*

Художественный редактор *В. Я. Бькова*

Технический редактор *С. В. Клименко*

Сдано в производство 5/VI—1959 г. Подписано к печати 8/IX—1959 г.

Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32} = 6,7$ бум. л. 21,9 печ. л.

Уч.-изд. л. 19,8. Изд. № 12/4483. Цена 11 р. 90 к. Зак. 533

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, Ново-Алексеевская, 52

Московская типография № 8

Управления полиграфической промышленности Мосгорсовнархоза

Москва, Ново-Алексеевская, 52

